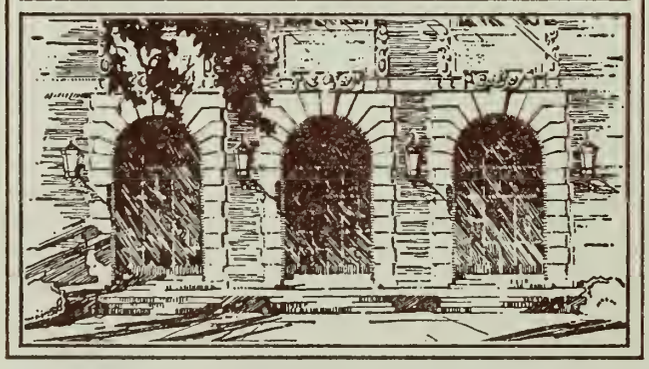
Русская
Быль.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

947.07
Al2Wv



CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of $75.00 for each lost book.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 19 1996

Aug 31

DEC 16 1996

When renewing by phone, write new due date below previous due date. L162

Лѣсной
Старцъ
Ѳедоръ Кузьмичъ.
Благословенна
И. Афанасьев.

Г. Василичъ.

Императоръ Александръ I

и

Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ.

Со многими рисунками и портретами.

Изданіе Московскаго Книгоиздательскаго Т-ва
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

Легенда о старцѣ Кузьмичѣ и Александрѣ I

„Русская Быль“

947.07
Al2Wv

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ въ прошломъ году книгу, гдѣ развѣнчивалась одна изъ богатѣйшихъ фантазій русскаго прошлаго, мы писали, что достовѣрные факты безсильны тамъ, гдѣ выступаютъ легенда и фантастика... и мы не ошибались: прочитавъ изслѣдованіе профессора Лунинскаго о княжнѣ Таракановой, многіе не могли отрѣшиться отъ прежнихъ представленій объ этой особѣ, несмотря на всю убѣдительность, ясность и доказанность фактовъ.

Теперь мы хотимъ говорить о другой легендѣ изъ русской исторіи, болѣе близкой по времени и болѣе удивительной по своей фантастикѣ. Теперь мы хотимъ говорить о легендѣ о Старцѣ Кузьмичѣ и Александрѣ Первомъ. Говорить съ предубѣжденнымъ читателемъ — задача не изъ благодарныхъ, поэтому мы не стараемся въ чемъ-нибудь разубѣждать, а желаемъ только выяснить, возможенъ ли фактъ, разсказываемый въ легендѣ, и если невозможенъ, то почему возникла сама легенда. Такимъ образомъ, наша задача сводилась къ тому, чтобы показать сходство и различіе между двумя историческими личностями, которыя людская фантазія желаетъ отождествить. Въ этомъ случаѣ наше вниманіе прежде всего обратилось къ императору Александру и Старцу Кузьмичу—какъ психическимъ типамъ, такъ какъ психологическіе факторы возникновенія легенды превосходятъ здѣсь всѣ другіе. Мы не будемъ повторять здѣсь того, что читатель найдетъ въ самой книгѣ, а предупредимъ его, что авторъ изслѣдованія, г. Василичъ, нарочно старался дать возможно больше *фактическаго* и *документальнаго* матеріала и воздерживался отъ какихъ-либо голословныхъ заключеній, такъ какъ онъ постоянно помнилъ, что имѣетъ дѣло съ *легендой* и *предубѣжденіемъ*, въ борьбѣ съ которыми важнѣе всего *фактъ*.

Г. Балицкій.

Послѣдніе годы царствованія Александра.

Едва ли кто другой изъ русскихъ царей, кромѣ Петра I, превзошелъ Александра I въ страсти къ передвиженіямъ и путешествіямъ и даже не только по своему государству, но и за границей. Почти непрерывное странствованіе вело за собою то, что оба они рѣдко видѣли своихъ близкихъ и бывали въ столицѣ лишь наѣздами.

22 мая 1818 года Александръ при объѣздѣ юга Россіи посѣтилъ въ первый разъ г. Таганрогъ, которому во второе его посѣщеніе суждено было сыграть такую роковую роль въ судьбѣ императора. Дневки, ночевки, встрѣчи, балы, обѣды—все это должно было неблагопріятно дѣйствовать на здоровье путешественника, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Россіи не было ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ. Мѣстами и теперь еще сохранились остатки дорогъ, которыя прокладывались услужливыми администраторами для царственныхъ путешественниковъ, напримѣръ Екатерининская дорога между с. Царицыномъ и с. Дубровицами Подольскаго уѣзда. Но это можно было сдѣлать на короткомъ разстояніи, а всю Россію такими дорогами не покроешь.

Не всегда и не вездѣ бывали балы и обѣды, иногда приходилось питаться однимъ картофелемъ; иногда неудобства пути доходили до такого предѣла, когда самая жизнь путниковъ подвергалась опасности, напримѣръ, при переправѣ въ шлюпкѣ черезъ озеро Улео въ Финляндіи; или, напримѣръ, какъ на томъ же обратномъ пути императору пришлось итти пѣшкомъ, вести свою лошадь и чистить ее, когда она при переправѣ вбродъ выпачкалась въ грязи. Но какъ ни идиллично было это путешествіе, жизнь не ждала, а совѣтчикамъ государя было не до сантиментальностей, имъ было въ пору лишь успѣвать творить расправы, душею которыхъ былъ Аракчеевъ.

Несмотря на всѣ его старанія смягчить впечатлѣніе, ему все же приходилось нерѣдко огорчать своего повелителя, и вотъ, какъ разъ во время путешествія по Финляндіи, случилось событіе, которое могло бы, казалось, менѣе предубѣжденнаго человѣка заставить призадуматься: въ военномъ поселеніи, въ Чугуевѣ, вспыхнулъ бунтъ. Жестокость его усмиренія должна быть какъ-нибудь скрашена, и вотъ здѣсь временщикъ открылъ новую струну въ душѣ Александра, на которой ему было выгодно играть — это было мистическое и религіозное настроеніе государя.

Вотъ какъ писалъ графъ въ своемъ донесеніи: «по разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ, съ призываніемъ на помощь всемогущаго Бога, я видѣлъ съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорое дѣйствіе, а съ другой, слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь. Вотъ, государь, самое затруднительное положеніе человѣка, помнящаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцатипятилѣтняя привязанность къ лицу императора Александра I рѣшили меня, составя комитетъ, разсуждать въ ономъ по дѣламъ, до возмущенія касающимся, дѣйствовать же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника... Послѣ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, въ исполненіе приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ, и представленъ ко мнѣ на конфирмацію, по коему приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ, я далъ предписаніе дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

Лисаневичу, что утверждаю его мнѣніе о наказаніи ихъ шпицъ-рутенами каждаго черезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ, съ тѣмъ, чтобъ наказаніе сіе было учинено въ первый день только сорока человѣкамъ, изъ главнѣйшихъ преступниковъ... Опредѣленное наказаніе было произведено въ Чугуевѣ 18-го августа и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ прощены, а прочіе 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали. Впрочемъ, при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію каждаго преступника.

«По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицъ-рутенами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ. Въ то же самое время наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывшіе подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ... Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ, въ середину самаго города, призвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что приму на себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошлю къ вамъ, государь, просить за нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, если исполнятъ слѣдующее: дадутъ мнѣ списокъ главнымъ зачинщикамъ безпорядка, отыщутъ бумаги, при началѣ сего возмущенія ими писанныя, и найдутъ, или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убѣжища трехъ преступниковъ, бѣжавшихъ въ первые дни безпокойства.

«Съ помощію Божіею, сіе имѣло желанный успѣхъ... Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка вы-

ступили въ Чугуевъ въ военномъ порядкѣ; я лично объявилъ имъ благоволеніе вашего величества, и они прошли мимо церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ повзводно и рысью пополуэскадронно. Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ и, отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобы кающіеся въ своемъ преступленіи пали на колѣни и просили прощенія. Къ удовольствію моему, сіе исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставя ихъ въ семъ положеніи на колѣняхъ, приказалъ дѣйствующимъ эскадронамъ слѣдовать въ свои квартиры мимо ихъ, а потомъ, сдѣлавъ имъ должное наставленіе, простилъ и распустилъ по домамъ... Къ предупрежденію же всякаго безпорядка вездѣ нахожусь самъ и надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя».

Контрастъ между привѣтливостью финляндцевъ, старавшихся всѣми силами и средствами угодить императору, и этимъ жестокимъ донесеніемъ былъ поистинѣ разителенъ, а между тѣмъ Александру приходилось дѣлать bonne mine à mauvais jeu и отвѣчать временщику хотя сдержанно, но любезно. Онъ даже рѣшается ему напомнить: «сдѣлано ли нами все обѣщанное полку?»

Съ этихъ поръ наступилъ какъ бы какой-то поворотъ въ судьбѣ императора: въ Варшавѣ ему пришлось столкнуться тоже не съ радостными вѣстями о недовольствѣ противъ Константина Павловича и въ арміи и въ администраціи. Вскорѣ скончался графъ С. К. Вязьмитиновъ, что тоже очень огорчило государя. Въ слѣдующемъ году (1820) пришлось заняться вопросомъ о престолонаслѣдіи по поводу расторженія брака Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳедоровною, удалившеюся за границу. Послѣ этого появился манифестъ такого содержанія: «При семъ объемля мыслію различные случаи, которые могутъ встрѣчаться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи, и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями, Мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской

фамиліи слѣдующее дополнительное правило. Есть ли какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то-есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола. Изъявляя сію волю нашу настоящимъ и будущимъ членамъ императорской нашей фамиліи и всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, по точному праву, опредѣленному въ 23 пунктѣ учрежденія объ императорской фамиліи, предъ лицомъ Царя царствующихъ обязуемъ всѣхъ и каждаго, до кого сіе касаться можетъ, сохранять сіе дополнительное наше постановленіе въ вѣчныя времена свято и ненарушимо».

На самомъ же дѣлѣ это произошло изъ-за женитьбы Константина Павловича на графинѣ Іоаннѣ Грудзинской, названной въ тайномъ манифестѣ княгинею Ловичъ. Еще раньше до открытія цикла поѣздокъ по Россіи Александръ былъ взволнованъ и потрясенъ пожаромъ въ царскосельскомъ дворцѣ, истребившимъ значительную его часть; Александръ видѣлъ въ этомъ даже дурное предзнаменованіе.

На ряду съ злымъ геніемъ у себя дома въ образѣ Аракчеева, Александръ и внѣ своего государства имѣлъ такого же въ лицѣ Меттерниха: на конгрессѣ въ Троппау послѣдній явно задался цѣлью подчинить себѣ Александра. Меттернихъ имѣлъ съ нимъ трехчасовую бесѣду и обратилъ вниманіе своего собесѣдника на замѣченную въ немъ сравнительно съ 1813 годомъ перемѣну. На это Александръ сказалъ ему: «вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде; я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ не въ чемъ раскаиваться; не могу сказать того же про себя».

Въ это же время было получено извѣстіе о бунтѣ въ Семеновскомъ полку; объ этомъ происшествіи императоръ совѣщался съ Меттернихомъ. По этому случаю послѣдній пишетъ такъ: «царь полагаетъ, что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русскихъ солдатъ рѣшились на поступокъ, такъ мало согласующійся съ народнымъ характе-

ромъ. Онъ доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной, какъ радикалы, устроили все это, чтобы застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ; я не раздѣляю его мнѣнія. Превосходило бы всякую мѣру вѣроятія, если бы въ Россіи радикалы уже могли располагать цѣлыми полками, но это доказываетъ, насколько императоръ измѣнился».

Послѣ четырехлѣтняго отсутствія Александра, казалось, настало уже время возвратиться ему въ свою столицу, гдѣ его ждали. Онъ ограничился письмомъ къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской 23-го октября 1820 года такого содержанія: «Мы заняты здѣсь важнѣйшею заботой, но и труднѣйшей также. Дѣло идетъ объ изысканіи средства противъ *владычества зла*, распространяющагося съ быстротою при помощи всѣхъ *тайныхъ силъ*, которыми владѣетъ *сатанинскій духъ*, управляющій имъ. Это средство, которое мы ищемъ, находится, увы, внѣ нашихъ слабыхъ человѣческихъ силъ. Одинъ только Спаситель можетъ доставить это средство Своимъ божественнымъ словомъ. Воззовемъ же къ Нему отъ всей полноты, отъ всей глубины нашихъ сердецъ, да сподобитъ Онъ послать Духа Своего Святаго на насъ и направитъ насъ по угодному Ему пути, который одинъ только можетъ привести насъ къ спасенію». Наконецъ 24-го мая 1821 года Александръ, уже цѣлый годъ отсутствовавшій изъ Россіи, возвратился въ Царское Село. Но и тутъ его ждали невеселыя вѣсти. Съ одной стороны греческое возстаніе легко могло противъ воли даже вовлечь Александра въ войну съ Турціею, а съ другой внутри страны далеко не все могло радовать.

Александру пришлось услышать донесеніе о тайныхъ политическихъ обществахъ. Это извѣстіе сильно поразило его самолюбіе. Считая совершенно недопустимымъ, чтобы противъ него были тайные заговоры, онъ былъ уязвленъ въ самое сердце.

«Другъ мой Васильчиковъ! — сказалъ онъ печальному вѣстнику, Васильчикову. — Такъ какъ вы находитесь у меня на службѣ съ начала моего царствованія, то вы знаете, что и я когда-то раздѣлялъ и поощрялъ эти мечтанія и заблужденія». И потомъ послѣ длинной паузы добавилъ: «не мнѣ наказывать».

Кромѣ этого доклада Бенкендорфомъ была представлена государю еще отдѣльно особая записка съ подробнымъ из-

ложеніемъ дѣла; послѣ смерти Александра она была найдена въ бумагахъ въ кабинетѣ Царскосельскаго дворца безъ всякой помѣтки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ личномъ характерѣ Александра начали замѣчаться черты, ясныя даже поверхностному наблюдателю, именно усиленіе подозрительности, бывшей въ немъ и раньше, мнительность и задумчивость. Напримѣръ, извѣстенъ такой случай: однажды генералъ-адъютанты Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ у окна, разсказывали другъ другу анекдоты и хохотали. Вдругъ проходитъ императоръ, они перестаютъ смѣяться, но появленіе его было такъ неожиданно, что на лицахъ еще видны были слѣды усмѣшки. Черезъ нѣсколько минутъ государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаетъ его у зеркала. Императоръ смотрится въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой и наконецъ, подзывая Киселева, спрашиваетъ его, что въ его особѣ могло бы быть смѣшного? Удивленный, или лучше сказать пораженный, этимъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. «Скажи мнѣ правду,— продолжаетъ государь,—можетъ быть сзади моего мундира есть что-нибудь, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что я видѣлъ, какъ ты съ двумя товарищами своими надо мною насмѣхались». Можно легко себѣ представить изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно государю, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ несправедливости своего обвиненія. «Пошлите, — сказалъ онъ, — за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они вашему величеству разскажутъ, о чемъ мы смѣялись». — Послѣ долгихъ стараній онъ, наконецъ, успѣлъ убѣдить Александра въ своей невинности.

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ своихъ запискахъ точно останавливается на этой особенности характера императора Александра.

«Я не поняла подозрительнаго характера императора — недостатокъ, вообще присущій людямъ глухимъ»—пишетъ Александра Ѳеодоровна. «Не будучи положительно глухимъ, императоръ могъ однако съ трудомъ разслышать человѣка, сидящаго напротивъ него за столомъ, и охотнѣе разговаривалъ со своимъ сосѣдомъ. Ему казались такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ, будто надъ нимъ смѣются, будто его слушаютъ только для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ, и будто мы дѣлали другъ другу знаки, которыхъ онъ

не долженъ замѣтить. Наконецъ, все это доходило до того, что становилось прискорбно видѣть подобныя слабости въ человѣкѣ съ столь прекраснымъ сердцемъ и умомъ»...

Настроеніе Александра было въ это время мрачно и сосредоточенно, мысли его вращались главнымъ образомъ около вопросовъ религіи. Уже въ 1818 году онъ сказалъ въ Москвѣ графинѣ Софіи Ивановнѣ Соллогубъ слѣдующее: «возносясь духомъ къ Богу, я отрѣшился отъ всѣхъ земныхъ наслажденій. Призывая къ себѣ на помощь религію, я пріобрѣлъ то спокойствіе, тотъ миръ душевный, который не промѣняю ни на какія блаженства здѣшняго міра»...

Въ запискахъ современниковъ мы находимъ очень характерныя черты, совпадающія съ вышеописаннымъ: «трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра»— пишетъ одинъ изъ нихъ. «Онъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ... Говорили многіе: «чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». «Многія другія обстоятельства и нѣкоторыя семейныя тяготили его душу». «Послѣдніе годы жизни Александровой можно назвать продолжительнымъ затменіемъ».

Какъ и подобаетъ въ періоды всякаго «затменія», на арену выступило все, что порождается мракомъ, всѣ эти совы и нетопыри. Съ одной стороны Аракчеевъ съ своими поселеніями, съ другой баронесса Крюденеръ съ мистицизмомъ, аскетизмомъ и освобожденіемъ Греціи, и, наконецъ Фотій со своимъ фанатизмомъ.

Фотій былъ по всѣмъ признакамъ несомнѣнно душевнобольнымъ человѣкомъ; послѣ жалкаго дѣтства и семинарскаго школенья онъ въ 1817 году на 25-мъ году жизни былъ уже іеромонахомъ. Въ автобіографіи, написанной отъ имени третьяго лица, онъ пишетъ о себѣ: «въ лѣтнее время нѣкогда около августа мѣсяца, послѣ часа девятаго, сѣлъ во власяномъ хитонѣ на стулъ, гдѣ было мѣсто моленія, подъ образами, хотѣлъ встать и молиться Господу по обычаю. Но вдругъ, что съ нимъ сдѣлалось, и въ какомъ состояніи былъ, но только въ забытіи, увидѣлъ себя въ непонятномъ нѣкое состояніи не во снѣ и не наяву: увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, человѣкообразныхъ, пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду, и они, бѣгая,

было все хотятъ его бить, но опасаются именно власяного хитона на немъ, и говорятъ они между собою: «сей есть врагъ нашъ! Схватимъ его и будемъ бить»—но ни одинъ не смѣлъ приступить къ нему и бить его. Наконецъ, сіи четыре согласились бѣса съ четырехъ сторонъ на него напасть, одинъ спереди, другой сзади, третій съ праваго бока, четвертый съ лѣваго. И тако вдругъ нечаянно наскочили на него, какъ волки быстро, и одинъ его такъ ощутительно ударилъ въ грудь, что онъ, вскочивъ на ноги, отъ боли и страху испугался и, забывъ молитву читать, вскорѣ на одръ свой возлегъ и окрылся весь одѣяніемъ, дабы не видѣть никого и ничего и тако молитву лежа втайнѣ сотворивъ вмалѣ, весь трепеталъ отъ ужаса вражія».

Тогда Фотій пожелалъ видѣть бѣса въ его настоящемъ видѣ; бѣсъ явился, и «Фотій тогда пришелъ въ ужасъ велій». Тѣмъ не менѣе онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, въ которой едва не погибъ, но былъ спасенъ, по собственному признанію, Божественной силой свыше. Нѣсколько мѣсяцевъ сатана подсылалъ къ нему духа злого, который внушалъ Фотію «явить всѣмъ силу Божію, а посему нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешедъ по водѣ яко по суху противъ самого дворца черезъ рѣку Неву». Но и тутъ Фотій оказался побѣдителемъ противъ такого искушенія и уклонился отъ совершенія чудеснаго опыта.

Фотію нужны были слушатели всей этой чепухи и вотъ въ 1820 году посредствомъ своихъ проповѣдей онъ сблизился съ графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской. Фотій называлъ ее «дщерь-дѣвицею», «рабой Господней смиренной и сосудомъ благодати Христовой». Эта «дщерь-дѣвица» вскорѣ предоставила Фотію свои громадныя средства и поддержала его своими сильными связями при дворѣ, куда онъ и проникъ при ея помощи. Наконецъ, ему выхлопотали аудіэнцію.

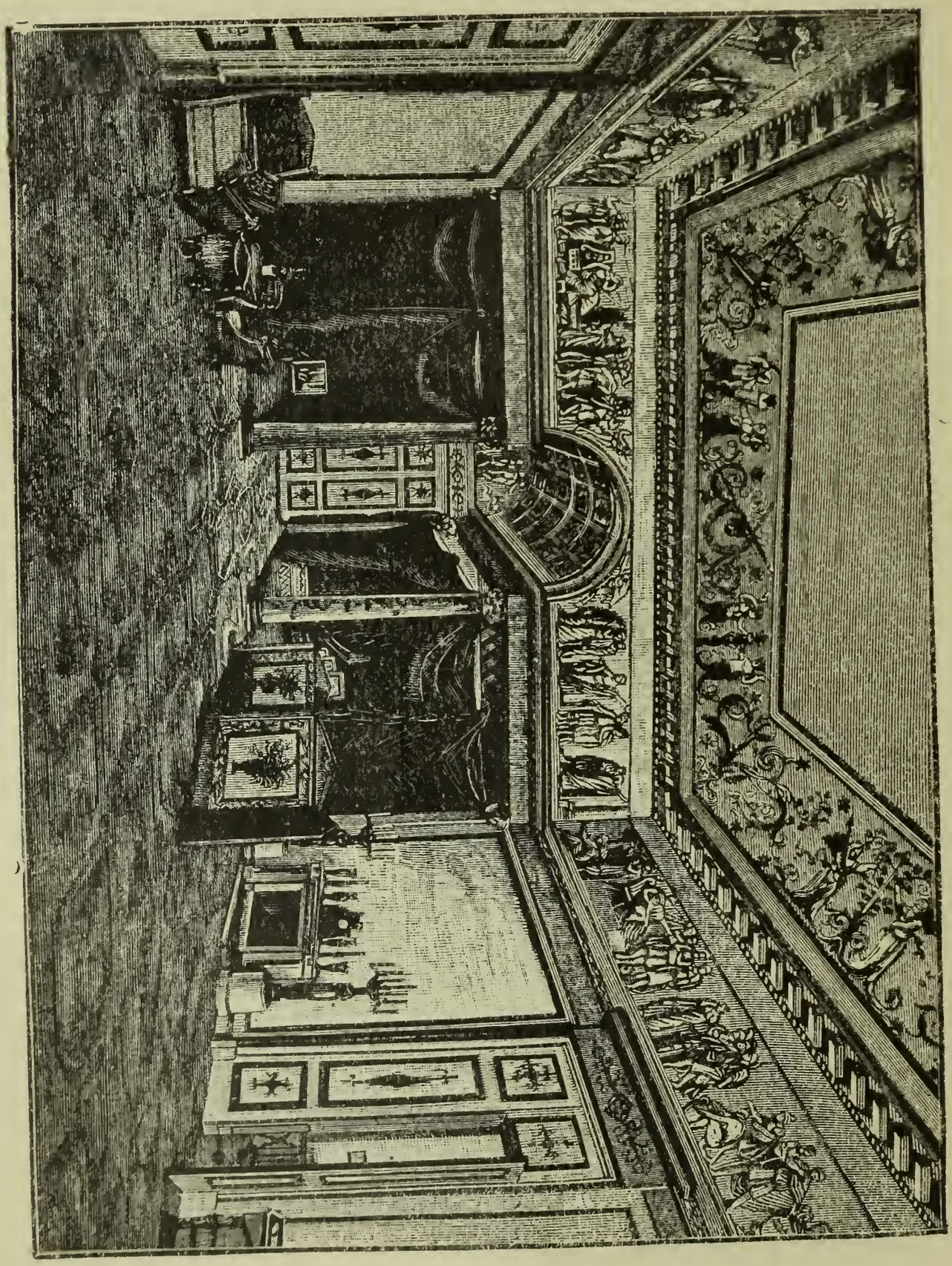
Фотій такъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Александромъ: «изшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ, что ежели оныя, видя крестное знаменіе, отбѣгутъ отъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицемъ царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце его послушати, что на сердцѣ его есть царю возвѣстить». Дальше Фотій пишетъ:

Архимандритъ Фотій.

«Отверзаются двери, я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь, вижу, что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе, я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться, прежде царя земного, образу Царя Небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя почти назадѣ усмотрѣвъ на лѣвой сторонѣ у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменаяся, поклонясь, предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня, хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время и послѣ паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, пріемлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою, я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса, далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «Я давно желалъ тебя, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе». На что я сказалъ царю: «Яко же ты хощешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя святаго алтаря, то, благословляя тебя, глаголю: «миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся, Господь съ тобою буди!» Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ, самъ сѣлъ противу меня, лицемъ въ лице прямо зря мнѣ, возсѣлъ же весьма близъ меня, яко же бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ себя, десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрестилъ. Началъ царь вопрошать меня о мѣстѣ моея службы въ корпусѣ, когда я былъ законоучителемъ, и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души, зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико слово все въ сладость принималъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ, толико я крестился, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принимать желая, просилъ, дабы я его перекрестилъ. Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что царь весь сердцемъ примѣнился къ услышанію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры».

Потомъ зашла рѣчь о нечестіи, соблазнахъ, о потокѣ

нечестія. Въ заключеніе Фотій сказалъ: «противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать. Все нужное къ дѣлу вѣры свя-



Кабинетъ Императора Александра I.

той внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился, и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою свя-

таго креста, многократно онъ цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду. Воставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время бесѣду со мною кончить. Царь палъ на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ ко мнѣ, сказалъ:

«Возложи руцѣ твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мя». Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, таковое благоговѣніе царя къ Богу втайнѣ, смиреніе его предъ Вышнимъ и Святымъ Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся согрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во славѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры, и сокрушить силы вражіи вскорѣ... И посемъ, знаменавъ главу цареву и лице, руки мои отнялъ, царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣняхъ; восталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать не забывать, благословеніе посылать, и проводилъ меня самъ изъ дверей».

Съ этого времени Фотій сразу поднимается на цѣлую ступень: отъ царя онъ получилъ алмазный крестъ, отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны золотые часы, и въ то же время назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Подъ его вліяніемъ появился рескриптъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, которымъ было повелѣно закрыть всѣ тайныя общества, въ томъ числѣ и масонскія ложи и не позволять открытія ихъ вновь; и всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать, что они впредь никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ, и, потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ».

По этому случаю «Фотій толико подвизаяся,—пишетъ онъ о себѣ,—радовался вельми, не о наградѣ крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, подъ разными предлогами въ имперіи, опасныя для церкви и государства, по ихъ запрещеніи вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ».

Итакъ изувѣръ, фанатикъ, несомнѣнно душевно-больной человѣкъ, какъ Фотій, имѣлъ вліяніе на изданіе государственныхъ актовъ не послѣдняго значенія; но уже одно существованіе Аракчева съ его вліяніемъ должно бы, казалось, объяснить появленіе и Фотіевъ и подобныхъ имъ.

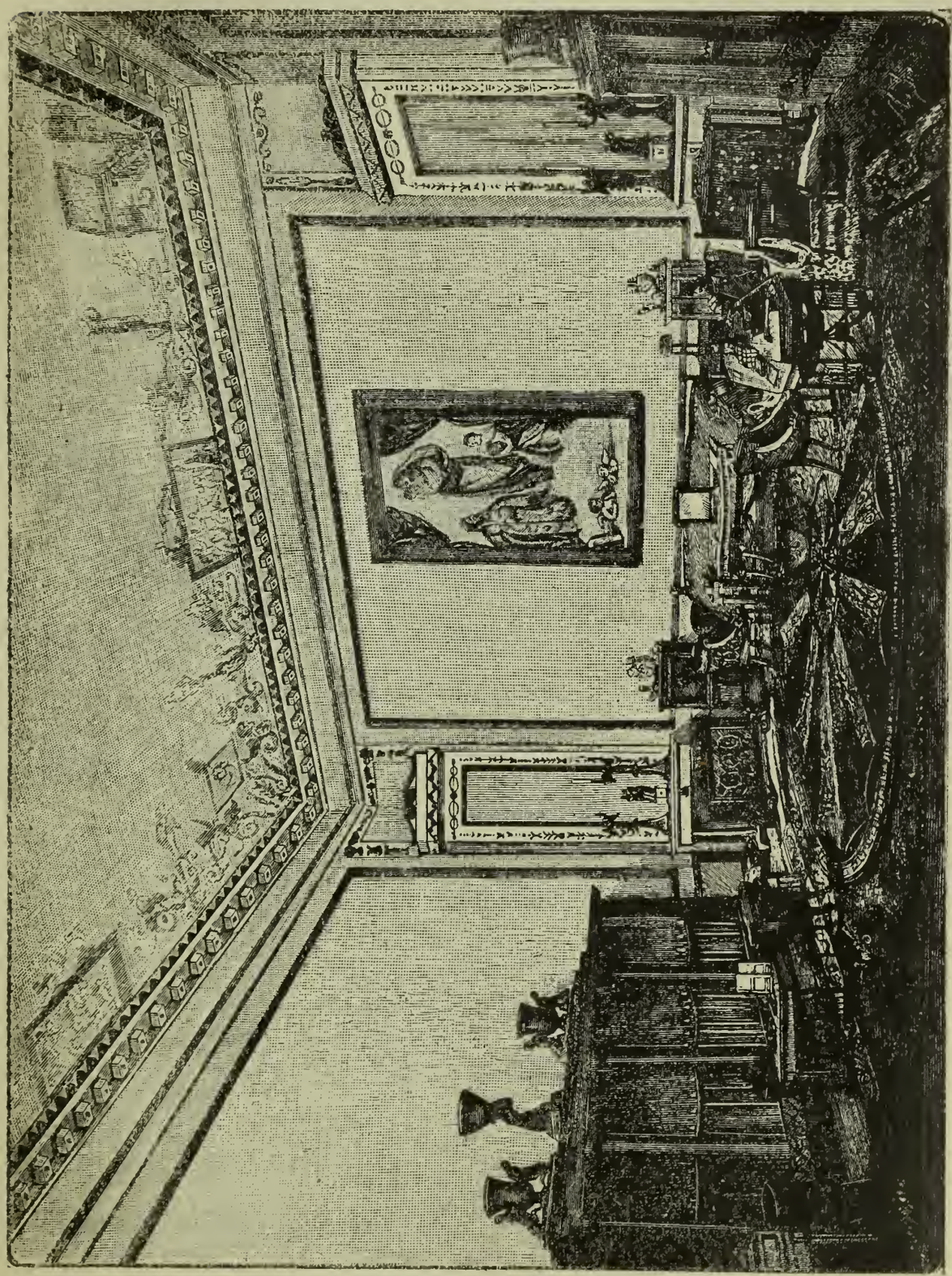
Въ промежуткѣ между возвращеніемъ изъ послѣдняго путешествія и отправленіемъ въ новое въ 1823 году произошло событіе не менѣе таинственнаго характера, чѣмъ все, случавшееся въ послѣдніе годы царствованія Александра—это указъ о престолонаслѣдіи и отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича. Появленіе его было обставлено такой строгой тайной, что одинъ изъ посвященныхъ, московскій архіепископъ Филаретъ, долженъ былъ по особо выраженному желанію государя прибѣгнуть къ особеннымъ пріемамъ для сокрытія тайны.

29 августа 1823 года въ полдень онъ отправился въ Успенскій соборъ; тамъ находились только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ печать, но не подпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію, высочайшую волю, чтобы о совершившемся никому не было открываемо.

Изъ Москвы начались опять странствія по Россіи: дорога лежала на Тулу въ Орелъ; затѣмъ черезъ Брянскъ въ Бобруйскъ; оттуда въ Брестъ-Литовскъ. Всюду были смотры и на одномъ изъ нихъ Александръ получилъ очень сильный ударъ копытомъ лошади по ногѣ, такъ что пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы снять его для осмотра ноги. Это случилось такъ: 19 сентября на смотру во время проѣзда Александра по фронту польской кавалеріи, одинъ полковникъ, по требованію государя, подъѣхалъ къ нему для полученія приказанія; когда же онъ поворотилъ свою лошадь, она лягнула и подковою задней ноги ударила императора въ правое берцо. Нога потомъ болѣла довольно долго.

Но этимъ дѣло не ограничилось и въ началѣ 1824 года Александръ опять заболѣлъ. 12-го января 1824 года, прогуливаясь въ саду, государь почувствовалъ сильные приступы лихорадки, съ жестокою головною болью; вскорѣ затѣмъ послѣдовала тошнота со рвотою. Въ тотъ же день импе-

раторъ переѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ и вечеромъ прибылъ въ Зимній Дворецъ въ возкѣ. Виллiе немедленно былъ призванъ къ больному, который провелъ ночь очень



Кабинетъ Императора Александра I.

безпокойно. На другой день совмѣстное изслѣдованiе Виллiе и доктора Тарасова привело къ заключенiю, что государь заболѣлъ горячкою съ сильнымъ рожистымъ воспале-

ніемъ на лѣвой ногѣ. Тарасовъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «жестокость припадковъ горячки продолжалась до седьмого дня болѣзни; 19-го января въ ночи у императора сдѣлалась испарина по всему тѣлу, и онъ часа три сряду заснулъ совершенно покойнымъ сномъ, такъ что, когда я поутру рано вошелъ къ нему, онъ сказалъ: «Вотъ сегодня и я спалъ и чувствую, что головѣ моей легче и она яснѣе; посмотри мой пульсъ, есть ли въ немъ перемѣна?»

«Изслѣдовавши внимательно пульсъ и все положеніе больного въ подробности, я, къ величайшему удовольствію, нашелъ императора нѣсколько въ лучшемъ положеніи и въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ на вопросъ его. «А посмотри теперь мою ногу,—сказалъ государь,—я въ ней чувствую тягость, но боли меньше». При осмотрѣ ноги я замѣтилъ, что рожистое воспаленіе стало ограничиваться отъ краевъ и сосредоточиваться на срединѣ берца, а изъ пустулъ нѣкоторыя начали темнѣть и отдѣлять жидкую матерію—явленіе неблагопріятное. О положеніи ноги я доложилъ государю вѣрно, но о неблагопріятномъ положеніи умолчалъ.

«Когда я объяснилъ все это баронету Вилліе, онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это перейдетъ въ антоновъ!»

Опасеніе его было справедливо, ибо рожа сосредоточилась на срединѣ берца, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нога въ послѣдній разъ была ушиблена копытомъ лошади на маневрахъ въ Брестъ-Литовскомъ.

«Въ продолженіе послѣдующихъ дней отъ 20-го января общее положеніе императора становилось лучше; но въ ногѣ не было перемѣны къ лучшему, кромѣ того, что рожистое воспаленіе мало-по-малу уменьшалось въ окружности; на срединѣ же берца желтый цвѣтъ оставался безъ всякой перемѣны, и изъ пустулъ сочилась жидкая сукровица. Къ этому мѣсту, кромѣ ароматныхъ травъ, ничего не прикладывалось.

«26 января, по утру въ восьмомъ часу, вмѣстѣ со мною у императора былъ и баронетъ Вилліе, который желалъ удостовѣриться особенно о положеніи ноги. Общее положеніе больного было удовлетворительно, даже показался аппетитъ; особенно государь съ удовольствіемъ кушалъ уху изъ ершей. При сниманіи съ ноги штиблета изъ ароматныхъ травъ я замѣтилъ, что онъ отъ засохшей матеріи присохъ къ ногѣ. Нужно было употребить осторожное усиліе и сноровку, чтобы отдѣлить его безъ боли для больного.

Вдругъ, къ общему нашему удивленію, я усмотрѣлъ, что присохшее мѣсто покрововъ отдѣляется вмѣстѣ со штиблетомъ, величиною въ два дюйма длины и въ полтора дюйма ширины. Отдѣленіе это произошло безъ значительной боли. По отдѣленіи этого обширнаго гангренознаго струпа, состоящаго изъ ометрвѣлыхъ общихъ покрововъ и клѣтчатки, представилась намъ обширная язва, коей дно было покрыто доброкачественнымъ гноемъ. По осторожномъ и крайне аккуратномъ снятіи гноя оказалось, что язва простиралась до самой надкостной плевы, которая, благодареніе Богу, была невредима, покрывая большую берцовую кость. Удостовѣрясь въ семъ, баронетъ Вилліе, бывшій до сего въ лихорадочномъ положеніи отъ страха за ногу императора, перекрестился самымъ христіанскимъ образомъ и сказалъ: «Ну, слава Богу!» — Императоръ, замѣтивъ это, спросилъ его о причинѣ такого восхищенія. — «Я очень радъ, государь, что ваше здоровье поправляется»—отвѣчалъ Вилліе, скрывъ отъ его величества настоящую причину своего восторга. — Вилліе трепеталъ за надкостную плеву, потому что съ отдѣленіемъ ея неминуемо должно бы послѣдовать омертвѣніе или костоѣда большой берцовой кости,—а исходъ такого пораженія кости могъ быть самый неблагопріятный или, по крайней мѣрѣ, продолжительный».

Съ этого дня общее состояніе здоровья государя стало удовлетворительнѣе.

Несомнѣнно, однако, что такая тяжелая болѣзнь должна была подорвать еще болѣе и безъ того расшатанное здоровье Александра.

Весною онъ переѣхалъ въ Царское Село, и Тарасовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ порядокъ царскаго дня: «государь въ седьмомъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый, съ густыми сливками и съ поджаренными гренками изъ бѣлаго хлѣба; потомъ, сдѣлавъ свой начальный туалетъ, требовалъ меня для осмотра и перевязки ноги; послѣ того, одѣвшись окончательно, выходилъ въ садъ чрезъ собственный выходъ въ свою аллею, изъ коей постоянно направлялся къ плотинѣ большого озера, гдѣ обыкновенно ожидали его главный садовникъ Ляминъ и все птичье общество (лебеди, гуси и утки), обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ этой плотины. Къ приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ разный кормъ для птицъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣт-

ствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныя свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени г. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни.

«Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга, и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ третьемъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея руку и, возвращаясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда государь прогуливался или въ экипажѣ, или верхомъ. Въ девятомъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ одиннадцать часовъ кушалъ,—иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему простоквашу или черносливъ отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ опочивальню осмотрѣть и перевязать его ногу. Послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ, всегда на лѣвомъ боку. Государь засыпалъ всегда тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ дежурнаго камердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ почивальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, ни мало не препятствовали сну его, что для меня въ первый разъ казалось чрезвычайно необыкновеннымъ и неучтивымъ со стороны его прислуги. Но его камердинеръ Завитаевъ тогда же увѣрилъ меня, что какъ только государь ляжетъ въ постель, и онъ его укроетъ одѣяломъ, то хоть стрѣляй изъ пушки—онъ не услышитъ».

Загородныя зимнія катанія въ Петербургѣ въ началѣ XIX вѣка.

Тотъ же Тарасовъ такъ характеризуетъ Александра: «Императоръ былъ очень религіозенъ и чрезвычайный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отъ чего у него на верху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозолестеніе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины».

Далѣе онъ же говоритъ: «Императоръ въ резиденціяхъ и въ путешествіи всегда почивалъ на походной кровати — на матрацѣ, набитомъ соломою, съ ложбиною въ серединѣ, а въ головахъ всегда была сафьянная подушка, набитая сѣномъ. Въ ноги всегда клался сафьянный валикъ, а подъ правую руку другой валикъ, поменьше, — и всегда спалъ на одномъ лѣвомъ боку, не измѣняя этого положенія во всю ночь».

Не успѣла кончиться эта болѣзнь Александра, какъ на него уже накинулась стая, давно поджидавшая случая пустить въ ходъ свои замыслы. Это были Аракчеевъ, Фотій, митрополитъ Серафимъ, Магницкій и др., старавшіеся о сокрушеніи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, состоявшаго съ 1816 года подъ вѣдѣніемъ князя А. Н. Голицына. Фотій выступилъ въ походъ послѣ бывшаго ему въ началѣ 1824 года видѣнія. Онъ видѣлъ себя въ царскихъ палатахъ, стоящимъ передъ царемъ, который просилъ его, дабы онъ благословилъ и исцѣлилъ его. «Тогда Фотій, обнявъ его за выю, на ухо тихо повѣдалъ ему, како, гдѣ, отъ кого и колико вѣра Христова и церковь православная обидима есть: царь же пріялъ все реченное, далъ маніемъ Фотію вѣдать, что, сколько возможно и успѣетъ, всячески постарается исправить все нужное для церкви свой стыдъ тѣмъ прикрыть и болѣзнь исцѣлить въ тайнѣ содѣянную безъ умысла злого, по невѣдѣнію и соблазну другихъ».

20-го апрѣля 1824 года Фотій былъ принятъ императоромъ, но былъ проведенъ тайнымъ образомъ съ секретнаго входа, «дабы сіе не было всѣмъ гласно». Фотій старался запугать государя, раскрывая передъ нимъ картины политическихъ заговоровъ и государственнаго переворота. Ему удалось это. По крайней мѣрѣ императоръ былъ увѣренъ, что Самъ Богъ послалъ ему спасеніе отъ страшной опасности. «Господь, сколь Ты милосердъ ко мнѣ!»—сказалъ онъ, молясь. «Ты мнѣ какъ прямо съ небесъ послалъ ангела своего святаго (это Фотія-то!) возвѣстить всякую правду и истину! Буди милость Твоя ко мнѣ! Я же готовъ исправить

всѣ дѣла и Твою святую волю творить». Обратясь затѣмъ къ Фотію, государь сказалъ: «Отецъ Фотій! Не возгордися, что я сіе сказалъ тебѣ, я такъ о тебѣ чувствую».

Напуганный зловѣщими предсказаніями Фотія, государь сказалъ ему, «чтобы онъ написалъ для совершенія намѣренія въ дѣло планъ о всемъ».

По словамъ Фотія, государь, «благодаря его за ревность къ истинѣ и видя, что самъ онъ, вовлеченъ будучи, много къ тому содѣйствовалъ своею царскою силою, просилъ помощи отъ Господа въ дѣлахъ и сказалъ: «о Фотій! сотвори о мнѣ здѣсь ко Господу молитву, да осѣнитъ меня сила Вышняго на всякое дѣло благое». Съ этимъ словомъ царь великій передъ священно-начальникомъ отцомъ Фотіемъ палъ на колѣни, сложа руки къ сердцу, велѣлъ на главу свою ему положить руки и прочитать молитву. Фотій, видя въ семъ не только всесовершенное содѣйствіе свыше ему, яко въ словѣ и дѣлѣ истины за вѣру и благочестіе, но и совершенное благопокореніе царя на всякое дѣло благое, возложилъ руки свои крестообразно на главу цареву помазанную, тихо возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, читалъ, глаголя сіи слова: «Царю Небесный! Утѣшителю...» И знаменая главу цареву десницею, отступилъ отъ царя; царь же, смиреннѣйшій царь, яко кроткій Давидъ, царь мудрый, царь по сердцу Божію, достойный сосудъ благодати Святаго Духа, поклонился по молитвѣ въ ноги, яко кающійся человѣкъ къ Богу, не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка поклонився, восталъ. Фотій же видѣлъ благодать Св. Духа, яко росу, на руно окрестъ сходящую, яко ѳуміамъ кадильный надъ царемъ, окрестъ его величества; въ лицѣ его былъ зракъ свѣта лица Божія. Посемъ, царя Фотій благословивъ, исходилъ изъ палаты царевы... Тайною лѣстницею сошелъ онъ внизъ и, изшедъ изъ двора царскаго прежнимъ путемъ, скоро идя, сѣвъ въ карету, прибылъ къ дщери своей дѣвицѣ Аннѣ».

Въ это время Фотій уже жилъ въ Петербургѣ подъ кровомъ «дщерь-дѣвицы» Анны.

29 апрѣля онъ послалъ государю третье посланіе о томъ, какъ пособить, дабы остановить революцію. Къ этому посланію былъ приложенъ «планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо».

Фотій говоритъ, что онъ молился Господу Богу, и что ему было открыто, что нужно дѣлать немедленно. Въ числѣ

мѣропріятій, указанныхъ Фотію свыше, главнѣйшія заключались въ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ и библейскаго общества; Синоду же быть по-прежнему и «духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ».

Послѣ четвертаго посланія, которое тоже было тайно передано Александру, Фотій неожиданно предалъ анаѳемѣ министра кн. Голицына, случайно заспоривъ съ нимъ въ домѣ графини Орловой. Дѣло кончилось отставкой Голицына и назначеніемъ на его мѣсто адмирала Шишкова. Около этого же времени Александръ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти дочери Маріи Антоновны Нарышкиной, Софіи, къ которой онъ относился особенно участливо.

Въ концѣ того же года было совершено опять огромное путешествіе по восточнымъ областямъ Европейской Россіи. Но тотчасъ по возвращеніи ему пришлось пережить еще одно тяжелое испытаніе во время наводненія 7-го ноября 1824 года. Александръ принялъ это за наказаніе за свои грѣхи.

Наконецъ, у него явилось очень близко затрогивавшее его огорченіе—это болѣзнь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Мрачное настроеніе не покидало Александра, онъ сталъ еще болѣе угрюмъ и необщителенъ, и въ то же время ему было сообщено уже о существованіи тайнаго общества и это не могло не оказывать своего дѣйствія на его душевное состояніе. Тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно поэтому, уже 4-го апрѣля 1825 года Александръ отправился по весенней распутицѣ въ Варшаву, гдѣ 1-го мая (13-го) состоялось открытіе третьяго польскаго сейма.

По возвращеніи 13-го іюня въ Царское Село Александръ не могъ выдержать долго и вновь отправился на этотъ разъ къ Аракчееву въ Грузино, оттуда проѣхалъ въ Юрьевскій монастырь къ Фотію для бесѣды.

Въ виду ухудшенія здоровья императрицы Елизаветы Алексѣевны приходилось уже думать о новомъ переѣздѣ на югъ. Былъ выбранъ мѣстомъ пребыванія Таганрогъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъѣздъ на югъ и Таганрогъ.

Послѣ грустнаго прощанія съ Павловскомъ, гдѣ Александръ былъ особенно грустно настроенъ, онъ 1-го сентября 1825 года выѣхалъ изъ Петербурга, чтобы уже въ него не возвратиться.

Отъѣздъ совершился при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ: Александръ отправился одинъ безъ свиты изъ Каменноостровскаго дворца. Въ $4^1/_4$ часа пополуночи коляска, запряженная тройкою, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Александръ въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ безъ шпаги поспѣшно вышелъ изъ коляски, приложился къ кресту, былъ окропленъ святою водою, благословленъ митрополитомъ Серафимомъ и, приказавъ запереть за собою ворота, направился въ соборную церковь. Войдя въ соборъ, Александръ остановился передъ ракою Александра Невскаго и началось молебствіе.

Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившихъ императора у входа въ лавру, господствовавшая вокругъ темнота и ярко освѣщенная рака, виднѣвшаяся вдали въ растворенныя соборныя двери, поразили его своимъ особеннымъ настроеніемъ: Александръ плакалъ во время молебна. Дальше Александръ былъ еще болѣе потрясенъ при посѣщеніи кельи схимника этой лавры, у котораго вмѣсто постели въ кельѣ стоялъ гробъ.

Этотъ рядъ мрачныхъ впечатлѣній настолько повліялъ на Александра, что онъ, отъѣзжая за заставу, привсталъ въ

коляскѣ и долго, обернувшись назадъ, смотрѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ.

На этотъ разъ по дорогѣ не было никакихъ смотровъ, парадовъ и маневровъ. 13-го сентября Александръ прибылъ въ Таганрогъ. Виллiе пишетъ въ дневникѣ: «здѣсь кончается первая часть путешествiя».

Домъ, въ которомъ поселился Александръ, былъ каменный, одноэтажный, съ подвальнымъ этажемъ для помѣщенiя прислуги. Половина императрицы состояла изъ восьми небольшихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ предназначались для двухъ фрейлинъ. Въ срединѣ дома былъ расположенъ большой сквозной залъ, служившiй столовой и прiемной. На половинѣ императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщалась походная церковь. Съ другой стороны прiемной залы находились двѣ комнаты государя: одна, довольно просторная, предназначавшаяся для кабинета, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней; другая, полукруглая и очень небольшая, въ которой государь одѣвался, была туалетной или уборной, съ окномъ, выходившимъ во дворъ. При этихъ двухъ комнатахъ былъ коридоръ, свѣтъ въ который проходилъ изъ туалетной; онъ предназначался для дежурнаго камердинера, гардеробная же находилась въ подвальномъ этажѣ. При домѣ были обширный дворъ и небольшой садъ съ плодовыми деревьями, нѣсколько запущенный, но къ прiѣзду государя приведенный въ возможный порядокъ. Меблировка всего дома была самая простая. Александръ такъ писалъ Аракчееву о своемъ пребыванiи въ Таганрогѣ: «Благодаря Бога, я достигъ до моего назначенiя, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно, и, могу сказать, даже весьма прiятно, ибо погода и дорога были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я налюбовался успѣхомъ въ построенiяхъ. О фронтовой части не могу ничего сказать, ибо кромѣ развода и пѣшаго смотра поселенныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и кантонистовъ я ничего не видѣлъ... Здѣсь мое помѣщенiе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее; впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь».

Тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни казался веселъ, его мучили, повидимому, скрываемыя подозрѣнiя. Это явствуетъ изъ того, что онъ раздулъ цѣлую исторiю изъ-за попавшагося ему въ хлѣбѣ какого-то маленькаго камушка. Онъ приказалъ строго разсмотрѣть, что это такое, и разобрать, какъ могло случиться, что онъ попалъ туда; что онъ придавалъ

этому факту большое значеніе, слѣдуетъ изъ того, что онъ не поручилъ этого дѣла Волконскому, а Дибичу. Дознались, что это случилось по винѣ хлѣбопека, который утверждалъ, что камушекъ попалъ въ сухарь по его неосторожности, но и послѣ этого едва удалось успокоить Александра.

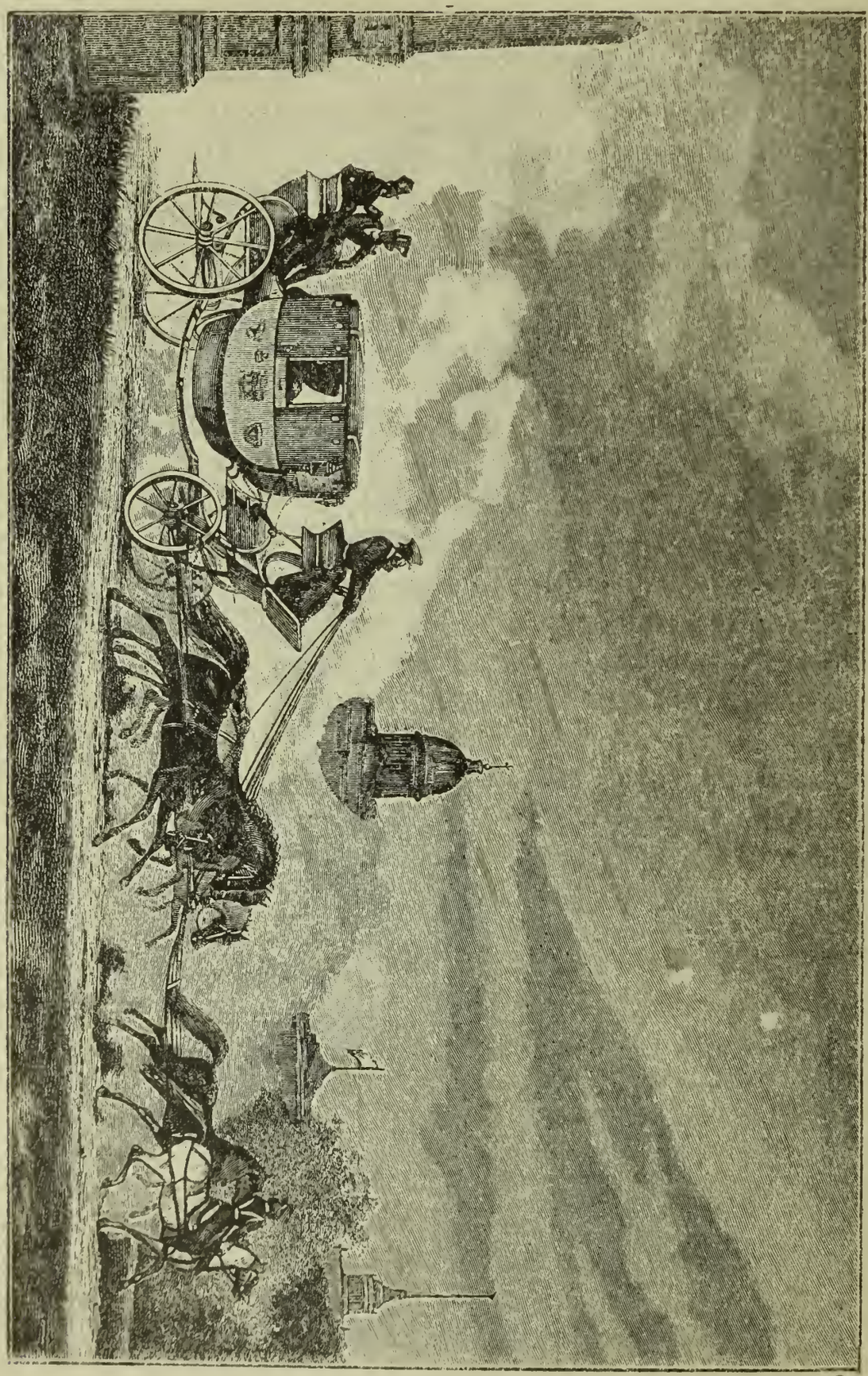
Въ отвѣтъ на свое радостное и довольное письмо Александръ получилъ отъ Аракчеева очень тревожное извѣстіе личнаго характера, именно объ убійствѣ его домоправительницы Настасьи Минкиной. Аракчеевъ потерялъ голову и очень встревожилъ Александра. Онъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ простое убійство. Въ письмѣ къ Аракчееву по этому поводу онъ такъ пишетъ, между прочимъ: «объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойтить всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній».

Затѣялась длинная переписка, а тѣмъ временемъ Александръ уже предпринялъ новое путешествіе по югу Россіи; на первый разъ оно продолжалось недолго — отъ 11-го до 15-го октября; собрался было отправиться въ Уральскъ и въ Астрахань, но отложилъ намѣреніе.

Но 20-го октября, по приглашенію новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, Александръ рѣшилъ отправиться въ Крымъ; маршрутъ былъ разсчитанъ на 17 дней. Наканунѣ отъѣзда произошелъ слѣдующій любопытный случай: государь занимался за письменнымъ столомъ, какъ вдругъ надъ городомъ пронеслась туча, и наступила такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ государя «зачѣмъ», онъ отвѣчалъ, «что на Руси считается худой примѣтой — сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что лежитъ покойникъ. Государь отвѣчалъ: «ты правъ, и я такъ думаю — унеси свѣчи». Этотъ случай врѣзался въ память Александра, и вскорѣ Александръ припомнилъ его.

Во время путешествія по Крыму Александръ былъ очень неостороженъ, много ѣздилъ верхомъ по дурнымъ дорогамъ, въ Балаклавѣ ѣлъ какую-то жирную рыбу, наконецъ, поѣхалъ въ Георгіевскій монастырь верхомъ въ одномъ мундирѣ. Хотя днемъ было тепло, но къ вечеру подулъ сѣверовосточный вѣтеръ и погода рѣзко измѣнилась. Очевидно,

что здѣсь именно Александръ простудился и получилъ тяжкую болѣзнь, сведшую его въ могилу. Это было 27 октяб-



Поѣздка въ началѣ XIX вѣка.

ря 1825 года. Александръ вернулся только въ 8 часовъ вечера, отказался отъ обѣда, ожидавшаго его съ 4-хъ часовъ, чѣмъ очень удивилъ всѣхъ, а ограничился однимъ чаемъ.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I ВЪ ТАГАНРОГѢ.

Съ современной гравюры. Изъ собраній Шибанова.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

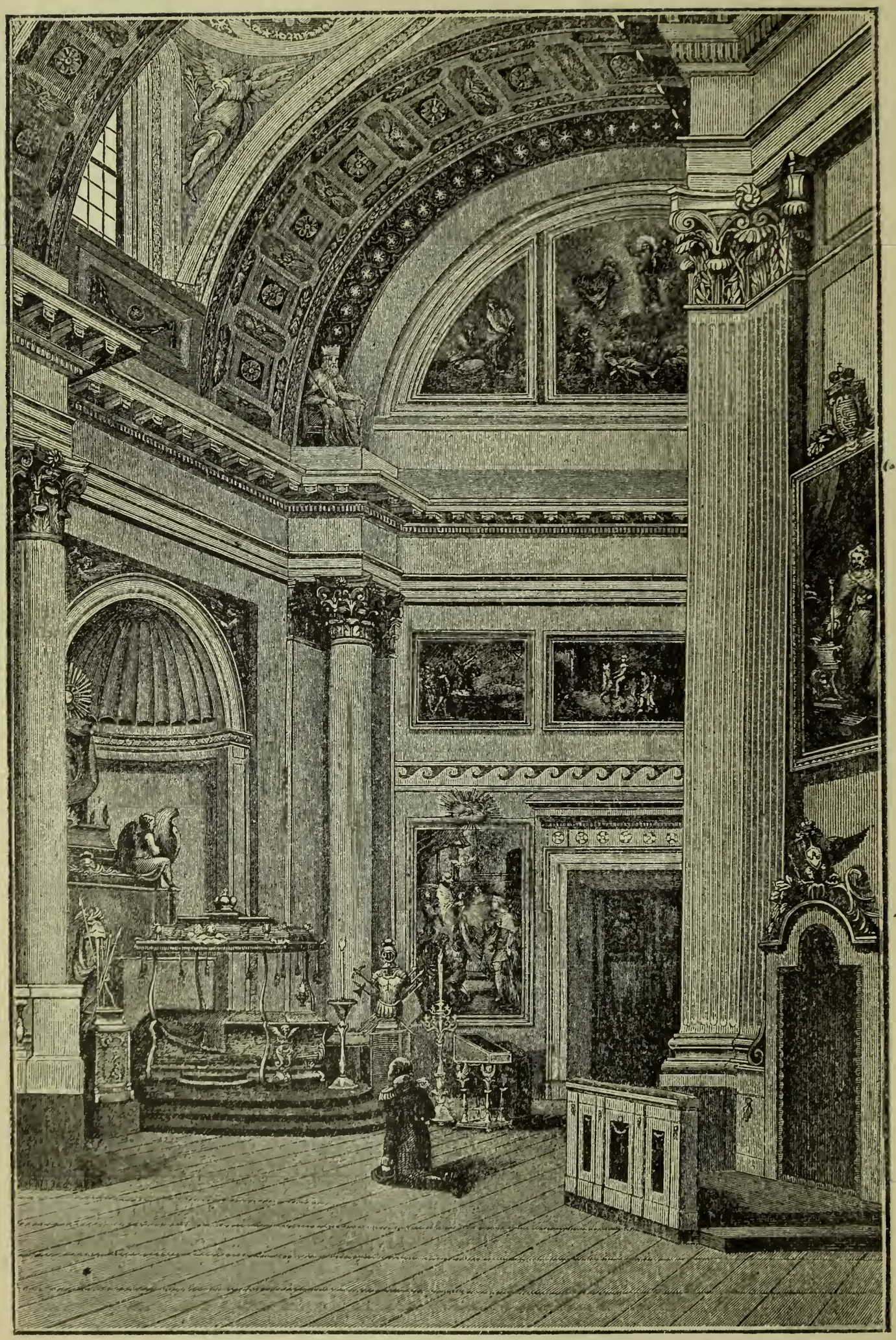
28-го числа Александръ осматривалъ въ Севастополѣ укрѣпленія, флотъ, морской госпиталь, и казармы; послѣ этого былъ у него большой обѣдъ и въ немъ самомъ никто не замѣтилъ никакой перемѣны.

29-го октября Александръ осматривалъ укрѣпленія сѣверной стороны, а оттуда отправился въ Бахчисарай. Здѣсь уже государь приказалъ Тарасову приготовить изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ во время рожи на югѣ. Тарасовъ исполнилъ это и сообщилъ объ этомъ Виллiе, добавивъ, что у государя разстроился желудокъ. «Впрочемъ,— говоритъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ,—онъ ни мнѣ, ни Виллiе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьѣ, но кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету».

Однако объѣздъ продолжался, государь проѣхался еще верхомъ въ Чуфутъ-Кале, посѣтилъ на обратномъ пути Успенскій монастырь; онъ казался здоровымъ и былъ веселъ. 1-го ноября онъ выѣхалъ въ Евпаторію и посѣтилъ тамъ церкви, мечети, синаноги, казармы и карантины. 2-го ноября ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь.

На слѣдующій день въ селеніи Знаменскомъ была осмотрѣна артиллерійская бригада, былъ посѣщенъ лазаретъ, здѣсь императоръ пробовалъ пищу, остался доволенъ ею и особенно много съѣлъ овсянаго супа. Поваръ получилъ въ награду 25 рублей ассигнаціями. Въ этотъ же день на пути Александръ былъ пораженъ случаемъ съ фельдъегеремъ Масковымъ, привезшимъ ему депеши: ямщикъ, везшій фельдъегеря, помчался обратно съ нимъ такъ неосторожно, что на поворотѣ, недалеко отъѣхавъ отъ императора, наскочилъ на кочку, а Масковъ отъ толчка былъ выброшенъ изъ экипажа и, ударившись головою о землю, тутъ же скончался. Тарасовъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ доложилъ Александру о причинѣ смерти Маскова, то императоръ всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «какое несчастіе! очень жалъ этого человѣка». Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ, оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба.

По дорогѣ, въ Орѣховѣ, Александру пришлось разбирать



Императоръ Александръ I въ Ал.-Невской Лаврѣ.

самому дѣло о ссорѣ между екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и архіепископомъ Ѳеофаномъ, кончившейся дракой. Когда въ Маріуполѣ 4-го ноября Александръ потребовалъ къ себѣ вечеромъ Вилліе, то послѣдній нашелъ его въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма.

Тарасовъ пишетъ, что «Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, онъ казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа, и, наконецъ, рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора и онъ немного заснулъ только къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т.-е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, по утру, государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьей полостью, въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя.

Въ Таганрогъ вернулись въ 6 часовъ вечера. На вопросъ Волконскаго о здоровьѣ, Александръ отвѣчалъ: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крымѣ, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда-либо увѣренъ, что, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ для моей жены, мы поступили въ высшей степени благоразумно». Въ разговорѣ съ Волконскимъ Александръ упоминалъ о Перекопскомъ госпиталѣ и тотъ указалъ ему, не безъ основанія, что онъ напрасно былъ долго въ госпиталѣ, гдѣ было скопленіе больныхъ подобною же болѣзнью, но Александръ не согласился съ нимъ. Но за то онъ въ тотъ же вечеръ припомнилъ по поводу своего нездоровья въ разговорѣ съ камердинеромъ Анисимовымъ о тѣхъ свѣчахъ, которыя были зажжены днемъ передъ его отъѣздомъ. «Эти свѣчи у меня изъ головы не выходятъ»—сказалъ онъ Анисимову.

Несмотря на очевидное недомоганіе, Александръ серьезно обратился къ Вилліе только 3-го числа. Послѣдній ведетъ такъ описаніе хода болѣзни въ своемъ дневникѣ:

«5-го. Пріѣздъ въ Таганрогъ. Ночь сѣверная. Отказъ отъ лѣкарствъ. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь,

что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій.

6-го. Императоръ обѣдалъ у ея величества императрицы и вышелъ изъ-за стола. Федоровъ позвалъ меня изъ-за стола, чтобы объявить мнѣ, что его величество имѣлъ испарину и непроизвольно, таково отвращеніе отъ медицины. Послѣ борьбы онъ согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу пилюль.

7-го. Эта лихорадка имѣетъ сходство съ эпидемическою крымскою болѣзнью. «Les exacerbations» (ожесточеніе болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобы я позволилъ себѣ утверждать, что это Hemitritaeus Semitertiana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ нею.

8-го. Эта лихорадка, очевидно, Febris gastriae biliosa; эта гнилая отрыжка, это воспаленіе въ сторонѣ печени, des presscordes, рвота sine vomitu nec dolore pititer comprimendo, требуетъ, чтобы premières voies (?) были хорошо очищены. Надо traire (?) печень. Я сказалъ Стофрегену.

9-го. Императору немного легче сегодня, но онъ съ полною вѣрою въ Бога ждетъ совершеннаго выздоровленія отъ недуговъ. Состояніе viscera chylopoetica можетъ въ настоящій моментъ служить указаніемъ на поносъ, такъ не кстати остановленный въ Бахчисараѣ.

10-го. Начиная съ 8-го числа, я замѣчаю, что что-то такое занимаетъ его болѣе, чѣмъ его выздоровленіе, и волнуетъ его душу port hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже, и Мюллеръ, по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому, вслѣдствіе сего, препоручено побранить бѣднаго Мюллера.

11-го. Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты; ructus, inflatio. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостаиваетъ говорить со мною. Сегодня мы, Стофрегенъ и я, говорили объ этомъ и совѣтовались.

12-го. Какъ я припоминаю, сегодня ночью я выписалъ лѣкарство для завтрашняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его употребить ихъ. Это жестоко. Нѣтъ человѣческой власти, которая могла бы сдѣлать этого человѣка благоразумнымъ. Я несчастный.

13-го. Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не слушаетъ дѣлать то, что безусловно необходимо. Такое направленіе очень плохое предзнаменованіе.

Его пульсъ очень неправильный, слабъ и будетъ escudativo (выпотъ) безъ des mercuriax (ртутныхъ средствъ), saigne (кровопусканіе), мушки, горчицы, мочегоннаго и очистительнаго.

14-го. Все очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать ocide muriatique съ питьемъ, но получилъ отказъ по обыкновенію. «Уходите» (allez-vous-en). Я заплакалъ, и, видя это, онъ мнѣ сказалъ: «Подойдите, мой милый другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня свои причины».

15-го. Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о грядущемъ его разрушеніи въ присутствіи ея величества императрицы, которая отправилась предложить ему вѣрное лѣкарство. Причащеніе Ѳедотовымъ. Его слово послѣ того.

16-го. Все мнѣ кажется слишкомъ поздно. Только вслѣдствіе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенія чувствительности удалось дать ему нѣкоторыя лѣкарства послѣ Святого Причастія и напутствія Ѳедотова.

17-го. Отъ худого къ худшему. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завладѣлъ моею постелью, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу.

18-го. Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились: первый у него, а послѣдній внизу у камердинеровъ.

19-го. Ея величество императрица, которая провела много часовъ, вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10 минутъ сегодняшняго утра. Князь (Волконскій), баронъ (Дибичъ), доктора, дежурные de vita aeterna gauderi spero.

20-го. Какъ скоро его величество скончался, даже до того, нѣкоторыя лица удостовѣрились въ вещахъ и въ короткое время бумаги были запечатаны; обмѣнивались замѣчаніями зависти, горечи объ отсутствующемъ.

22-го. Вскрытіе и бальзамированіе, которыя подтверждаютъ все то, что я предсказывалъ. О, если бы я имѣлъ его согласіе, если бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила бы здѣсь».

Виллiе.

Балаклавская бухта.

Очень любопытныя подробности даетъ объ этомъ времени въ своихъ запискахъ Тарасовъ. Онъ описываетъ, напримѣръ, случай, когда съ императоромъ случился обморокъ во время бритья, при чемъ онъ даже порѣзался бритвою и упалъ на полъ. Тарасовъ утверждаетъ, что Виллiе совершенно растерялся, а Стофрегенъ началъ растирать Александру голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица и императора уложили на кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Съ этого момента болѣзнь императора приняла окончательно опасное направленiе. Онъ болѣе не могъ уже вставать съ постели. Изъ уборной его перенесли на большой диванъ въ кабинетъ.

Въ 9 часовъ вечера Александръ потребовалъ къ себѣ Тарасова. «Надобно замѣтить,—пишетъ Тарасовъ,—что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положенiи его величества всѣ подробности зналъ частью отъ баронета Виллiе, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальню императора, а частью отъ лейбъ-медика Стофрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго не совсѣмъ здоровымъ. По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидавъ меня, сказалъ:

«Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаетъ, и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ». При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положенiемъ, и какое-то безсознательное предчувствiе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться».

«Въ двѣнадцатомъ часу вечера, — пишетъ онъ далѣе, — императрица вошла къ императору весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больного, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденiемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначенныя ему докторами лѣкарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

«—Я намѣрена предложить вамъ свое лѣкарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

«—Хорошо, говорите,—сказалъ государь.

«Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что вы великiй христiанинъ и строгiй наблюдатель всѣхъ пра-

вилъ нашей православной церкви; совѣтую вамъ прибѣгнуть къ врачеванію духовному; оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

«—Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лѣкарство?

«—Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе,—отвѣчала императрица.

«Тотчасъ Вилліе былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?» Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи. Государь съ совершенно спокойнымъ духомъ сказалъ императрицѣ: «Благодарю васъ, другъ мой, прикажите—я готовъ».

Рѣшено было призвать соборнаго протоіерея Алексѣя Ѳедотова, но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что однакожъ не было настоящимъ сномъ, но сонливостью. Въ такомъ положеніи государь оставался до пяти часовъ утра.

«Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больного,—говоритъ Тарасовъ,—и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

«Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «здѣсь ли священникъ?»—Я тотчасъ сказалъ объ этомъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

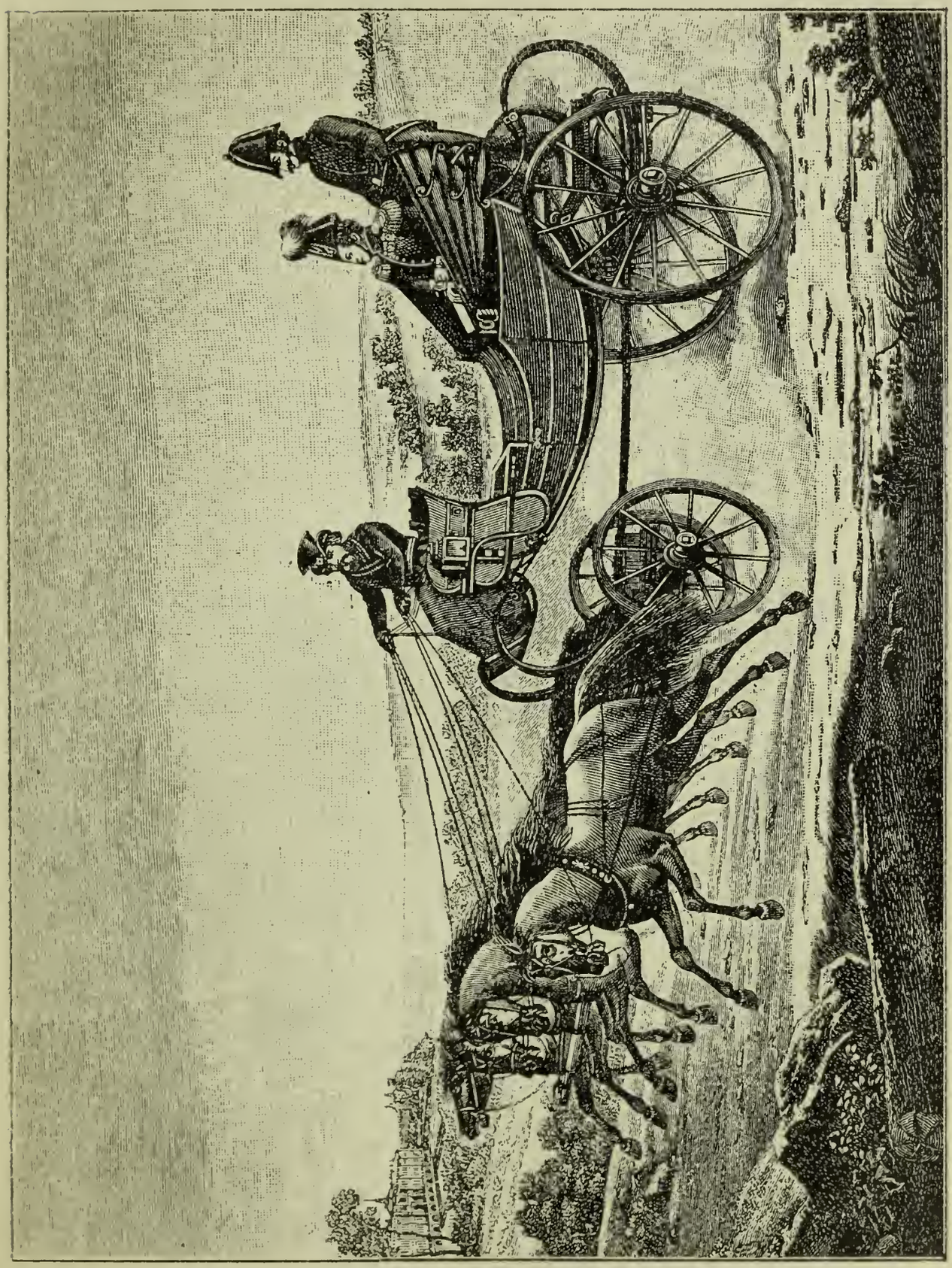
«Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ:

«Я хочу исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянина; извольте начинать, я готовъ приступить къ святому таинству».

Послѣ причастія Александръ, по словамъ Тарасова, обратясь къ врачамъ, сказалъ: «Теперь, господа, ваше дѣло;

употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

17-го числа, по замѣчанію Тарасова, болѣзнь достигла высшей степени своего развитія.



Александръ I въ дорогѣ.

18-го Тарасовъ пишетъ: «ночь всю провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ, только по временамъ открывалъ

глаза, когда императрица, сидя возлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. Распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я ему давалъ пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и не свободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ объ этомъ императрицѣ, которая въ 10 часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулъ, постоянно своею лѣвою рукою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ четвертомъ часу за полночь дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій.

«Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

«Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсть о положеніи императора.

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и устремлялъ ихъ на императрицу и св. Распятіе.

Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише». Кромѣ Виллiе и Тарасова въ это же время велъ свой журналъ и князь Волконскій, который начинаетъ его 5-мъ ноября:

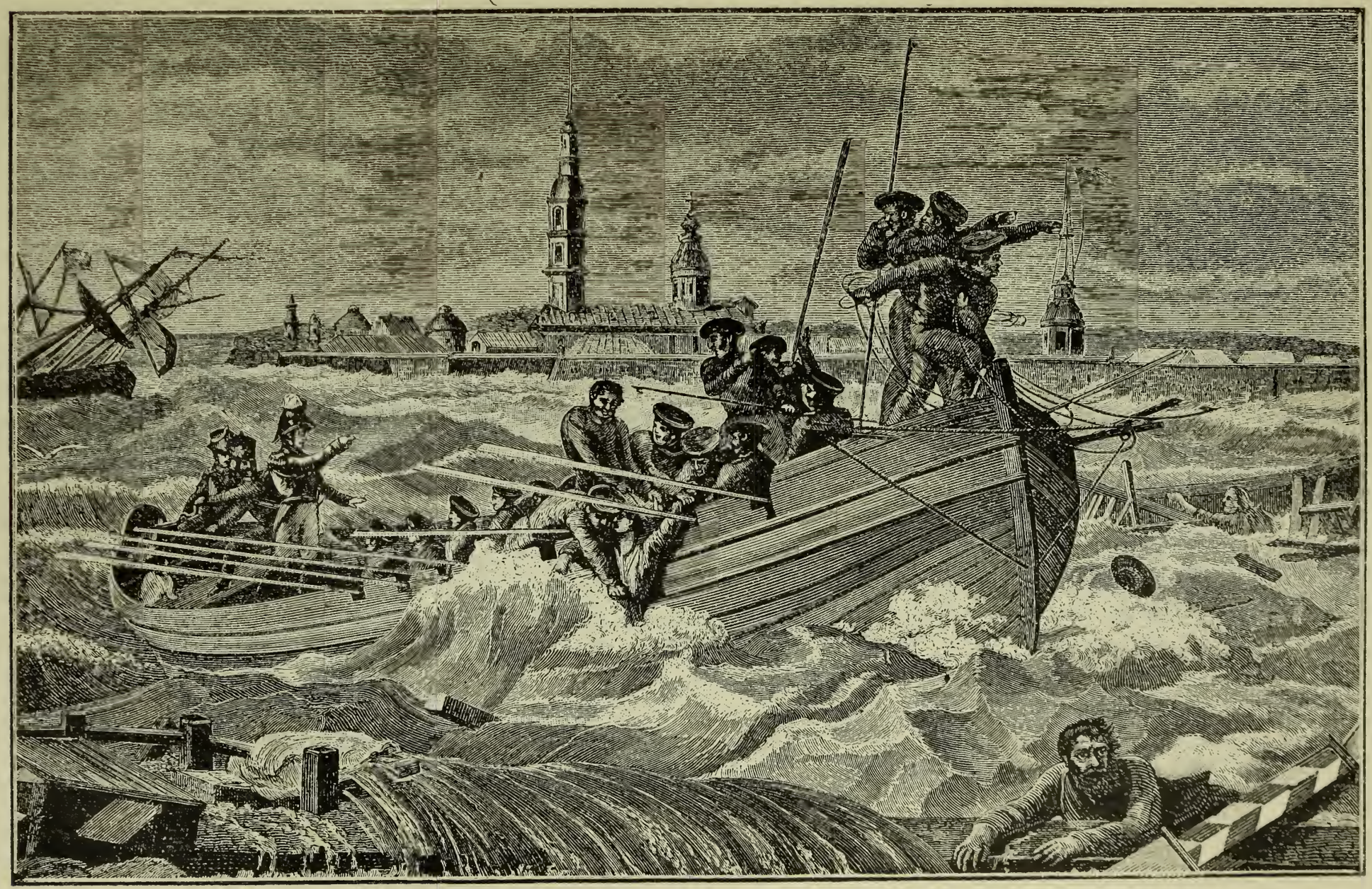
«*5-го ноября.* Государь императоръ изволилъ возвратиться изъ Крыма въ 6 часовъ вечера. Вошедши въ уборную, на вопросъ мой о здоровьи его, изволилъ отвѣчать, по-французски: «Я чувствую небольшую лихорадку, которую я получилъ въ Крыму, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я думаю, что мы сдѣлали

какъ нельзя лучше, выбравъ Таганрогъ мѣстомъ пребыванія для моей жены.

На мой вопросъ его величеству, съ какого времени онъ уже почувствовалъ лихорадку, императоръ отвѣтилъ мнѣ, что «это уже съ Бахчисарая, куда мы прибыли вечеромъ, я хотѣлъ очень пить, и когда попросилъ пить, то мой камердинеръ Ѳедоровъ далъ мнѣ барбариснаго сиропа. А такъ какъ во время путешествія по Крыму стояла очень жаркая погода, я подумалъ, что сиропъ могъ испортиться; но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я осушилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Въ продолженіе всей ночи я испытывалъ ужасныя боли, и только благодаря своему сложенію и прекрасному желудку я благополучно отдѣлался и все прошло. Прибывъ въ Перекопъ, я посѣтилъ госпиталь, гдѣ я почувствовалъ повторный приступъ лихорадки». Я взялъ на себя смѣлость указать его величеству его неблагоразуміе при посѣщеніи госпиталя, гдѣ онъ рисковалъ только усилить свою лихорадку, благодаря тому, что тамъ много людей, пораженныхъ этою болѣзнью, и что императоръ всегда забываетъ, что, вступая въ пятидесятилѣтній возрастъ, онъ не имѣетъ тѣхъ силъ, что у него были въ двадцать лѣтъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «ахъ, другъ мой, я это слишкомъ хорошо чувствую, и увѣряю васъ, что я напоминаю объ этомъ себѣ постоянно, но я надѣюсь, что это не будетъ имѣть послѣдствій».

Спросивши меня потомъ о новостяхъ по поводу здоровья императрицы, онъ отправился искать ее, и ихъ величества провели остатокъ вечера вмѣстѣ.

6 ноября. По утру въ 8 часовъ позванъ я былъ, какъ по обыкновенію, къ его императорскому величеству, во время умыванія; спросивъ о его здоровьи, его величество изволилъ отозваться, что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствовалъ. Взглядъ у государя былъ слабый и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того глухота была примѣтнѣе и до того, что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, чтобъ остановился чтеніемъ до совершеннаго окончанія его туалета. Одѣвшись, его величество вошелъ въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться, приказавъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ. Изволилъ кушать съ императрицей. Въ 3-ьемъ часу въ исходѣ, во время нашего обѣда, камердинеръ его величе-



Наводненіе въ С.-Петербургѣ.

ства, Ѳедоровъ, прислалъ записку къ г. лейбъ-медику Вилліе, въ которой пишетъ, что государь въ весьма большомъ необыкновенномъ поту. Г-нъ Вилліе пошелъ тотчасъ къ его величеству, куда и я вслѣдъ за нимъ отправился; пришедши къ государю, нашли его величество въ кабинетѣ сидящаго на канапэ въ сюртукѣ и обернутымъ сверху байковымъ одѣяломъ, дабы поддерживать потъ. Г-нъ Вилліе пощупалъ пульсъ и, посмотрѣвъ языкъ, нашелъ лихорадку, предложилъ принять тотчасъ слабительныя пилюли, коихъ его величество изволилъ принять восемь. Послѣ того хотѣлъ было заниматься продолженіемъ чтенія бумагъ, полученныхъ изъ С.-Петербурга во время отсутствія его величества, но я и г-нъ Вилліе отъ сего отклонили, дабы не увеличить лихорадки занятіемъ бумагъ. Того же вечера въ семь часовъ лѣкарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, былъ весьма веселъ, доволенъ лѣкарствомъ, благодарилъ Вилліе за пилюли, а меня за все о немъ попеченіе. Потомъ изволилъ приказать позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10-ти часовъ вечера.

7-го ноября. Ночь проводилъ государь спокойно и почивалъ хорошо. По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принималъ слабительную микстуру въ 11 часовъ утра, отъ коей чувствовалъ себя легче; но ввечеру сдѣлался небольшой жаръ, отъ того, что за всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру.

8-го ноября. Ночь проводилъ неспокойно и имѣлъ лихорадку. По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принявъ отъ меня поздравленіе съ праздникомъ, сожалѣлъ, что не можетъ идти къ обѣднѣ, дабы не возобновить лихорадки. Отпустивъ меня къ обѣднѣ, самъ изволилъ въ кабинетѣ, сѣвъ на канапэ, заняться чтеніемъ Библіи.—Послѣ обѣдни, пришедши къ его величеству, нашелъ (его) сидящимъ на канапэ въ маленькомъ жару. Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный изъ Новочеркаска діаконъ? Давъ на все удовлетворительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровьѣ; его величество изволилъ отвѣчать, что ему лучше, при семъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему сдѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется; на сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его ве-

личества всего нужнѣе, а какъ Богъ дастъ будетъ ему лучше, тогда успѣетъ все обдѣлать какъ слѣдуетъ, но и при томъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься беспрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила побыть у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился.

Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстра-почтъ, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку»; на сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ симъ полагалъ я, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить. Вечеромъ сдѣлался потъ, который продолжался всю ночь.

9-го ноября. Ночь была изрядная.

По утру хотя потъ и продолжался, но государь чувствовалъ себя лучше, что продолжалось во весь день.

Какъ въ тотъ день должна была отправиться экстрапочта въ С.-Петербургъ, то и просилъ я у его величества, чтобы позволилъ писать ея величеству о болѣзни. Государь императоръ приказалъ государынѣ писать къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, равномѣрно приказалъ генералъ-адъютанту барону Дибичу писать въ Варшаву къ цесаревичу, что, возвратясь изъ Крыма съ лихорадкою, принужденъ не выходить изъ дома, дабы не увеличить лихорадки.

10-го ноября. Государь проводилъ ночь изрядно, но къ утру сдѣлалось хуже. Въ 8-мь часовъ принялъ шесть слабительныхъ пилюль, въ 11-ть часовъ утра, вставая съ постели за нуждою, получилъ обморокъ и весьма ослабѣлъ. Во весь день продолжался жаръ, а къ вечеру сдѣлался сильный потъ и забывчивость, отъ чего мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ, какъ только чего просилъ.

11-го ноября. Государь проводилъ ночь спокойно и по утру чувствовалъ себя лучше; приказалъ позвать императрицу,

которая оставалась у его величества до самаго обѣда. Вечеру въ 6-ть часовъ опять сдѣлался жаръ, и когда его величество всталъ за нуждою, съ нимъ былъ обморокъ, но не столь сильный, какъ первый. Къ ночи жаръ убавился; потомъ продолжался во всю ночь, отъ чего его величество худо почивалъ.

12-го ноября. По утру жаръ продолжался; приказывалъ мнѣ сдѣлать ему питье изъ апельсиновъ, которое я вмѣстѣ съ г-мъ Виллiе ему сдѣлали, чѣмъ его величество былъ очень доволенъ и меня благодарилъ. Позвать изволилъ къ себѣ императрицу, которая изволила оставаться цѣлый день. Къ вечеру сдѣлалось легче.

13-го ноября. Государь провелъ ночь изрядно и поутру принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полудня, потомъ опять начался и продолжался во всю ночь. Вечеромъ принималъ два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволилъ говорить, кромѣ что иногда просилъ пить; апельсинный лимонадъ ему опротивился, просилъ сдѣлать другой, почему и сдѣлали изъ вишневаго сиропа.

14-го ноября. По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ примѣтно покраснѣла, почему г. Виллiе и Стофрегенъ предложили его величеству поставить за уши пiявки, но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылая даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы его и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокоивать, а не умножать раздраженiе ихъ пустыми лѣкарствами. Въ 8-мь часовъ вечера при императрицѣ всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упрямство, я при ея величествѣ сказалъ докторамъ, что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятiе лѣкарства и приставленiе пiявокъ, предложить его величеству причащенiе Св. Таинъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенiя старался его увѣщеватъ и согласить на приставленiе пiявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сiе средство въ лихорадкѣ почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковое предложенiе. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его вели-

Смотръ.

ПЕРЕВЕЗЕНІЕ ТѢЛА АЛЕКСАНДРА I.

Съ современной гравюры.

Изъ собраній Шибанова.

честву пріобщиться, говоря: «Я имѣю къ вамъ одно предложеніе: такъ какъ вы отвергаете всѣ средства, которыя предлагаютъ врачи, то я надѣюсь, что вы примете то, которое я имѣю вамъ предложить». «Что такое?»—сказалъ императоръ. — «Это причаститься» — отвѣтила императрица. —«Развѣ мое положеніе такъ опасно?»—спросилъ его величество.—«Нѣтъ»—отвѣтила императрица—«но это такое средство, къ которому прибѣгаетъ всякій христіанинъ во время болѣзни».—Императоръ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ его съ большимъ удовольствіемъ, и приказалъ пригласить священника.—Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильнѣйшій потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться; я между тѣмъ занялся наставленіемъ священника соборной здѣшней церкви отца Алексѣя Федотова.

Въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать. Ея величество, ушедши, приказала себѣ дать знать, когда спросятъ духовника.

15-го ноября. Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я немедля доложилъ ея величеству, которая, пришедши къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе объявилъ государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ, сказавъ: «оставьте меня одного». Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику позвать императрицу, съ коей взошелъ опять и я съ генералъ-адъютантомъ Дибичемъ и съ докторами Вилліемъ, Стофрегеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ пріобщиться Св. Таинъ, послѣ чего духовникъ, поздравя его величество, просилъ его не отказывать помощь медиковъ и совѣтовалъ по обычаю здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ: «встаньте» и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ большаго удовольствія, какъ въ сей разъ; обратясь къ императрицѣ взялъ ея руку, и, поцѣловавъ оную, сказалъ: «Я никогда не испытывалъ большаго удовольствія и я вамъ очень благодаренъ». — Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять піявки; его величество не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лѣкар-

ства, какія ему были подносимы; начали съ піявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго, и крови довольно было вытянуто; жаръ хотя и уменьшился, но не на долго, и къ ночи было хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и къ бедрамъ.

16-го ноября. Ночь проводилъ худо и все почти въ забытіи; въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо, къ вечеру положили еще къ ляшкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже въ забытіи и ничего не говорилъ.

17-го ноября. Ночью было государю худо, по утру въ $6^1/_2$ часовъ положили на спину шпанскую муху. Въ 10 часовъ утра сталъ всѣхъ узнавать и немного говорить, т.-е. только просилъ пить. Къ вечеру сдѣлалось хуже, однако, позвалъ меня и сказалъ: «сдѣлай мнѣ» и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете сдѣлать? Посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ: «полосканье»; отошедъ отъ него, замѣтилъ, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что силъ не имѣлъ, чтобы подняться, а между тѣмъ забылся опять и былъ всю ночь въ опасности.

18-го ноября. По утру государь сталъ немного посильнѣе, что и продолжалось до вечера, но къ ночи сдѣлался опять сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершенную опасность, ничего уже не говорилъ, но узнавалъ, ибо каждый разъ, какъ вскрывалъ глаза и видѣлъ императрицу, то, взявъ ея руки, цѣловалъ и прикладывалъ къ сердцу. Когда я къ нему подошелъ, то изволилъ, взглянувъ милостиво, улыбнуться, и когда я поцѣловалъ руку его величеству, то изволилъ сдѣлать мнѣ знакъ глазами, зачѣмъ я сіе дѣлаю, ибо я зналъ, что онъ не жаловалъ давать свою руку цѣловать. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера опасность начала прибавляться и съ тѣхъ поръ все уже былъ въ забытіи.

19-го ноября. Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза и, поддержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ.

Таганрогъ.
7 декабря, 1825 г.

Генералъ-адъютантъ князь Волконскій.

Кромѣ этого есть еще крайне интересныя записки императрицы Елизаветы Алексѣевны на французскомъ языкѣ,

которыя мы считаемъ необходимымъ для полной характеристики момента привести цѣликомъ; онѣ тоже касаются какъ разъ того же времени, начиная съ момента возвращенія изъ Крыма.

«Онъ возвратился изъ путешествія по Крыму въ четвергъ 5 ноября около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ опоздалъ болѣе обыкновеннаго зайти ко мнѣ, то мнѣ пришла мысль, что онъ могъ вернуться больнымъ; я испытывала безпокойство и неопредѣленную тоску, а при видѣ плошекъ, освѣщавшихъ улицу такъ же, какъ при его возвращеніи изъ Новочеркасска, я сказала себѣ съ грустью: «онъ отправится отсюда еще разъ, но уже больше не возвратится». Когда онъ вошелъ, мой первый вопросъ былъ: «здоровы ли вы?» Онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ, что у него лихорадка уже два дня, онъ думаетъ, что онъ схватилъ крымскую лихорадку. Я его усадила, у него былъ жаръ, онъ мнѣ сказалъ, что полковникъ Саломка и слуга Евстифѣевъ тоже заразились ею. У себя онъ приписывалъ причину ея барбарисному сиропу, который онъ пилъ въ Бахчисараѣ, когда хотѣлъ очень пить; онъ полагалъ, что такъ какъ отъ этого питья у него приключилось разстройство желудка и такъ какъ эта болѣзнь его ослабила, то онъ сдѣлался болѣе воспріимчивымъ къ заболѣванію лихорадкой. Онъ сказалъ, что послѣ перваго приступа онъ не предупредилъ Вилліе, и что онъ пригласилъ его только послѣ второго, что тотъ далъ ему пуншъ и что въ теченіе дня его не лихорадило; онъ приказалъ принести себѣ чаю съ лимономъ, а когда доложили о Вилліе, онъ пригласилъ его для того, чтобы сказать ему, что онъ чувствуетъ себя довольно хорошо, что его не знобитъ, но что ему жарко. Я безъ труда уговорила его пойти лечь спать пораньше, хотя онъ еще съ полчаса разсказывалъ о своемъ путешествіи, а выходя, пожелавъ мнѣ покойной ночи, онъ прибавилъ: «я очень радъ, что вижу васъ опять»—такъ какъ, получивши извѣстіе о смерти короля Баварскаго, онъ мнѣ писалъ, что онъ будетъ безпокоиться о томъ, какое дѣйствіе окажетъ это на меня, и что онъ не успокоится, пока меня не увидитъ.

Въ пятницу утромъ 6-го онъ приказалъ сказать мнѣ, что онъ очень хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 часовъ. Онъ былъ желтъ и имѣлъ плохой видъ—у него былъ видъ больного. Онъ сѣлъ, я ему показала его письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ, мы говорили о томъ,

что произошло въ его отсутствіи; когда же онъ уходилъ, то я его спросила, не желаетъ ли онъ обѣдать со мной вмѣстѣ и не стѣснитъ ли это его. «Я очень этого желаю»— отвѣтилъ онъ. Когда же онъ пришелъ къ обѣду, я нашла его видъ еще хуже, чѣмъ утромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что проситъ разрѣшенія встать изъ-за стола тотчасъ, какъ только онъ кончитъ свой скромный обѣдъ, потому что у себя онъ закутывается въ шубу. Ему подали супъ съ крупой, онъ ѣлъ его и сказалъ: «оказывается, у меня больше аппетита, чѣмъ я думалъ»,—потомъ онъ только попробовалъ лимоннаго желе и сказалъ метръ д'отелю, что онъ готовитъ желе слишкомъ сладкими. Онъ всталъ изъ-за стола.

Около 4 часовъ онъ прислалъ за мной; я нашла его на канапэ, онъ сказалъ мнѣ, что, вернувшись къ себѣ, онъ легъ и заснулъ, потомъ онъ хотѣлъ работать, но такъ какъ онъ очень усталъ, то онъ вышелъ изъ-за стола и, желая отдохнуть, попросилъ меня взять книгу. Въ такомъ положеніи онъ оставался нѣкоторое время, ни слова не говоря, но и не засыпая. Мы припомнили, что мы наканунѣ годовщины наводненія, и говорили, что можно надѣяться, что этотъ годъ пройдетъ благополучно въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе надо мною что-то тяготѣло, какое-то ожиданіе несчастія или бѣдствія. Онъ пораньше велѣлъ принести огня, видя, что я едва могла различать при чтеніи.

Въ 5 часовъ слуга Ѳедоровъ доложилъ о Вилліе; онъ едва могъ его разслышать, такъ какъ слухъ его сталъ особенно тугъ, онъ самъ замѣчалъ это и говорилъ, что это происходитъ отъ лихорадки и что это у него было уже въ первые дни при заболѣваніи рожею. Онъ упрекалъ своего камердинера, что онъ говоритъ тише обыкновеннаго, тогда какъ онъ слышалъ хуже обыкновеннаго. Онъ приказалъ пригласить Вилліе; онъ просилъ также и Вилліе говорить громче; «я ничего не слышу»—сказалъ онъ «as dief as pots, какъ говорилъ Парнандъ»— весело прибавилъ онъ. Вилліе посовѣтовалъ ему предпринять лѣченіе, но онъ долго отказывался, Вилліе хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ это тотчасъ же, но онъ отказывался, обѣщая, что онъ сдѣлаетъ это на другой день утромъ, тотчасъ, какъ только захотятъ этого отъ него, между тѣмъ какъ, принимая съ вечера, онъ испортитъ себѣ ночь, а между тѣмъ, онъ надѣется, она будетъ такою же, какъ и предыдущая. Вилліе увѣрялъ, что дѣйствіе должно произойти до ночи, и упрашивалъ его принять, я сзади Вилліе глазами

умоляла о томъ же; наконецъ, онъ мнѣ сказалъ: «Вы держитесь того же мнѣнія, что Вилліе?» Я отвѣтила знакомъ, что да. «Ну хорошо»—сказалъ онъ, и Вилліе пошелъ приготовлять пилюли. Онѣ были готовы черезъ полчаса. Вилліе принесъ ихъ, въ это время вошелъ князь Волконскій, двухъ пилюль нехватало, онѣ спрятались въ рукавѣ, гдѣ ихъ нашли и смѣялись надъ этимъ фокусомъ; мы оставались одни еще до 7 часовъ вечера. Тогда онъ мнѣ сказалъ, чтобы я его оставила, потому что приближалось дѣйствіе лѣкарства. Я сказала ему: «Я еще увижу васъ?»—«Да, сегодня вечеромъ».

Но такъ какъ до 9 часовъ вечера онъ не присылалъ за мной, я приказала позвать Вилліе, который сказалъ мнѣ, что лѣкарство отлично подѣйствовало и что онъ послѣ этого заснулъ и теперь еще спитъ. Вилліе принялся весело болтать, наконецъ, я ему поручила сказать императору, если онъ его увидитъ, когда тотъ проснется, что я уже легла спать, такъ какъ уже поздно, и пожелала спокойной ночи Вилліе. Дѣйствительно онъ спалъ на канапэ до полуночи и проснулся только, чтобы перейти на кровать.

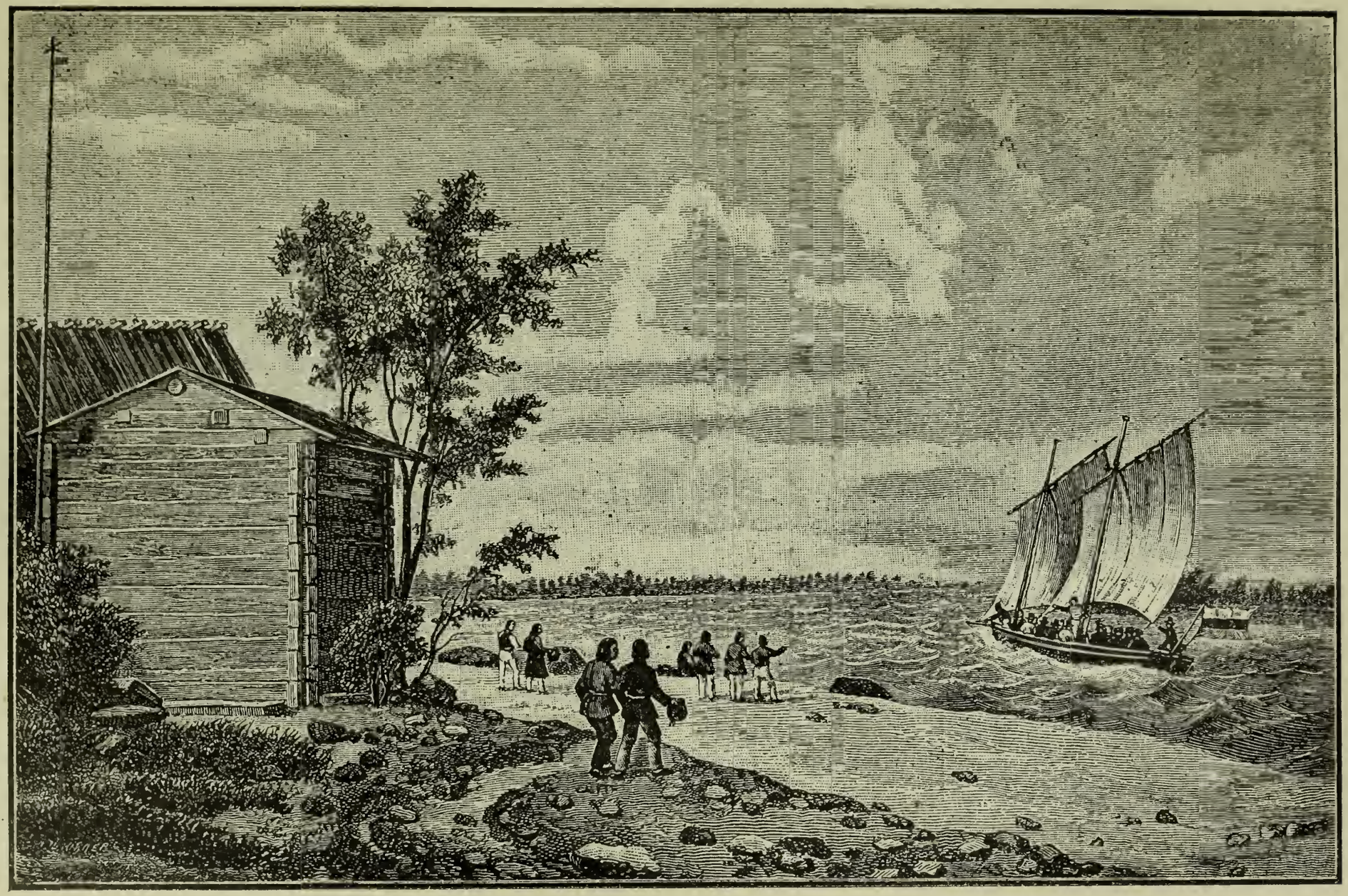
Въ субботу 7-го онъ пришелъ ко мнѣ между 11 и 12 часами. Онъ сказалъ мнѣ, что чувствуетъ себя лучше: «вчера, когда я сидѣлъ тамъ, я испытывалъ какое-то крайне тягостное ощущеніе, и вечеромъ, когда я просилъ васъ оставить меня вслѣдствіе дѣйствія лѣкарства—это было не столько потому, ибо дѣйствіе наступило только черезъ 20 минутъ, а потому что я чувствовалъ какое-то смутное безпокойство, мнѣ было стыдно, если бы меня увидѣли въ такомъ состояніи: я не зналъ, куда мнѣ дѣваться; онъ согласился, что потомъ ему помогли; онъ былъ какъ всегда желтъ, но болѣе веселъ. Мы занялись раковинами, которыя я собрала; наконецъ, онъ сказалъ, что я должна итти гулять, а онъ пойдетъ работать. Я уговаривала его не работать по стольку, что это ему повредило наканунѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «это сдѣлалось столь привычнымъ для меня, что я не могу безъ этого обходиться, и я чувствую пустоту въ головѣ, когда ничего не дѣлаю; если я оставлю свой постъ, то мнѣ придется поглощать цѣлыя библіотеки, иначе я сойду съума».

Когда я возвратилась съ прогулки, онъ прислалъ мнѣ послѣднее письмо, приглашая меня присутствовать за его обѣдомъ. Я поспѣшила туда. Онъ ѣлъ супъ съ крупой и сухую кашу съ бульономъ. Онъ продолжалъ принимать слабительныя средства; послѣ своего скромнаго обѣда онъ хо-

дилъ по комнатѣ, остановился около одного изъ комодовъ и привелъ въ порядокъ пакеты съ бумагами для отправки; но черезъ нѣкоторое время онъ мнѣ сказалъ: «вамъ нужно меня скоро оставить, ибо мое лѣкарство дѣйствуетъ, мой желудокъ не удерживаетъ ничего». Онъ отослалъ меня обѣдать.

Между 3 и 4 часами онъ пришелъ ко мнѣ и засталъ меня лежащей на диванѣ, который онъ дѣлалъ для меня и изъ котораго я сдѣлала себѣ кровать. Я ему сказала, что, собственно говоря, ему бы слѣдовало лечь, а не мнѣ, и приглашала его лечь, онъ сначала было поколебался, а потомъ сказалъ, что онъ теперь же отправится лечь къ себѣ. Мы немного побесѣдовали. Потомъ онъ поднялся и сказалъ: «я пришелъ узнать, почему вы не отправились на прогулку, послѣ обѣда была такая хорошая погода». Я ему сказала, что дышала воздухомъ въ окно и что я получила два удовольствія: это слушать море и слышать звонъ прекраснаго колокола греческой церкви Константина и Елены; я съ такимъ увлеченіемъ описывала ему звонъ этого колокола, что онъ сказалъ мнѣ съ улыбкой: «вотъ вы увидите, что вамъ такъ здѣсь понравится, что вы не сможете отсюда уѣхать». Около 7-ми часовъ онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Я нашла его раздѣтымъ, въ домашнемъ костюмѣ, лежащимъ на диванѣ. «Что это значитъ?»—сказала я ему; онъ отвѣтилъ мнѣ, что его лѣкарство подѣйствовало до охлажденія конечностей и боли въ желудкѣ, что онъ надѣлъ фланелевый бинтъ и что Виллiе предложилъ ему чашку чая и что онъ чувствуетъ себя хорошо. Онъ былъ веселъ, я принесла ему рисунокъ и планъ, который сдѣлалъ съ нашего дома Шарнеманъ для отсылки императрицѣ-матери, онъ его разсмотрѣлъ, а также и объясненія, которыя я сдѣлала письменно, одобрялъ, критиковалъ и сдѣлалъ поправки. При этомъ сказалъ: «это доставитъ удовольствіе моей матери, онъ его покажетъ тому, другому». Я принесла ему также модные журналы, полученные въ его отсутствіе, онъ былъ въ хорошемъ расположеніи, лучшемъ, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ, я ему разсказала о впечатлѣніи, которое произвели клавессины полковника Фридерикса на калмыковъ. Онъ смѣялся и сказалъ: «хорошо, вы можете доставить себѣ это удовольствіе, когда они придутъ къ вамъ прощаться; скажите имъ, что вы узнали, что они любятъ музыку, и сыграйте имъ что-нибудь». Но потомъ мы нашли, что это было бы противно моему достоинству въ глазахъ ихъ, но



Путешествіе Александра по Финляндіи.

онъ предложилъ заставить сыграть кн. Волконскаго, чтобы произвести то же радостное впечатлѣніе на нихъ, которое они испытывали у полковника Фридерикса.

Въ 9 часовъ вошли Виллiе и князь Волконскій. Виллiе спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ сказалъ «хорошо»— между тѣмъ, какъ Виллiе нашелъ у него жаръ, и нашелъ, что онъ, конечно, еще слишкомъ много работалъ послѣ обѣда. «Это необходимость, это меня успокаиваетъ»—отвѣтилъ онъ. Кн. Волконскій сказалъ, что балъ въ клубѣ рѣшено завтра не давать, потому что при дворѣ трауръ. Онъ поднялъ споръ. Вошелъ генералъ Дибичъ, — онъ распорядился еще въ его присутствіи о нѣкоторыхъ поправкахъ къ рисунку. Когда эти господа ушли, мы остались одни, но по прошествіи нѣкотораго времени онъ пожелалъ мнѣ покойной ночи и поднялся еще, чтобы я могла поцѣловать его въ затылокъ.

Въ воскресенье 8-го, онъ приказалъ меня позвать прежде чѣмъ я отправилась къ обѣднѣ. Онъ сказалъ, что ночью у него былъ жаръ, тѣмъ не менѣе онъ былъ одѣтъ; черезъ нѣкоторое время я ушла къ обѣднѣ, а потомъ вернулась опять къ нему. «Слишкомъ плохая погода для того, чтобы вамъ выходить»—сказалъ онъ мнѣ (была буря), я соглашалась съ удовольствіемъ. Онъ разсказывалъ уже во второй разъ послѣ своего возвращенія о діаконѣ изъ Черкасска. Мы говорили о томъ, что сдѣлано въ городѣ во время его отсутствія, согласно его указаніямъ, по украшенію города, я сказала, что работали съ усердіемъ. «Это очень милые люди»—сказалъ онъ. Спустя нѣкоторое время онъ попросилъ меня оставить его. Онъ пригласилъ меня опять, чтобы присутствовать при его обѣдѣ,—это былъ стаканъ яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины, — тѣмъ не менѣе онъ крестился, прежде чѣмъ выпить его, какъ будто бы онъ садился за столъ, а послѣ того, какъ выпилъ половину, нашелъ это вкуснымъ и приказалъ отыскать Виллiе, чтобы спросить его, нужно ли оставить ему половину на ужинъ, или онъ можетъ получить другой стаканъ. Виллiе сказалъ, что если онъ желаетъ, то ему дадутъ вечеромъ другой стаканъ того же самаго. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что это какъ разъ то, что ему было нужно, что онъ случайно нашелъ запасъ этого у кн. Волконскаго, которому его подарила его сестра, а та въ свою очередь получила отъ своего знакомаго, и что онъ слышалъ, будто это питье

полезно при этой болѣзни. Около 2-хъ часовъ онъ послалъ меня обѣдать, между 5 и 6-ю часами онъ прислалъ за мной и сказалъ, что онъ собирается посылать курьера въ Петербургъ, и далъ мнѣ по этому поводу распоряженіе.

Онъ имѣлъ очень болѣзненный видъ; у него былъ жаръ въ головѣ; я отправилась исполнить его распоряженія и сообщила ему о результатѣ; онъ сказалъ мнѣ: «очень хорошо, отошлите пакетъ генералу Дибичу и когда кончите, возвращайтесь». Я возвратилась около 7-ми часовъ, — ему было лучше; я принесла ему вчерашнія газеты (прибывшія въ его отсутствіе), которыя его заинтересовали, онъ сказалъ лишь принести ему продолженіе; я ему сказала: «раньше у васъ былъ такой утомленный видъ, что мнѣ было больно на васъ смотрѣть, теперь вы кажетесь лучше!» — «Да, я чувствую себя лучше» — сказалъ онъ мнѣ; черезъ нѣкоторое время онъ началъ опять читать, я тоже читала.

Потомъ онъ приготовился лечь спать и легъ съ такимъ счастливымъ видомъ, что было пріятно на него смотрѣть — улыбнулся и заснулъ. Онъ спалъ такимъ образомъ около двухъ часовъ и дышалъ спокойно и сладко; онъ проснулся только одинъ разъ, посмотрѣлъ вокругъ себя съ страннымъ выраженіемъ, которое я приняла за веселое, и которое я потомъ видѣла въ ужасныя минуты! — и опять заснулъ, улыбаясь. Вошелъ слуга доложить о Вилліе, но онъ такъ крѣпко спалъ, что его не будили. Наконецъ, въ 9 час. онъ проснулся. Вошелъ Вилліе. — «Какъ вы себя чувствуете?» — «Очень хорошо, спокоенъ, свѣжъ». Вилліе сказалъ: «Вотъ увидите, будетъ испарина». Послѣ непродолжительнаго разговора его уговорили лечь спать. «Я такъ хорошо чувствую себя здѣсь» — сказалъ онъ; когда же я уходила, чтобы дать ему заснуть, онъ сказалъ еще мнѣ: «возьмите газеты, завтра принесите мнѣ остальныя». Въ 10 часовъ я приказала позвать Вилліе, я спросила его, заснулъ ли онъ уже, онъ же сказалъ мнѣ, что не могъ уговорить его лечь, что онъ улыбался, постоянно повторяя «какъ мнѣ хорошо здѣсь» — но что тѣмъ не менѣе онъ попросилъ свою кровать. Ночью дѣйствительно былъ хорошій, обильный потъ.

Понедѣльникъ 9-го. Стофрегенъ мнѣ сказалъ: что можно считать болѣзнь пресѣченной, что если бы лихорадка возвратилась, она бы приняла перемежающуюся форму и скоро бы окончилась. Что я могу даже написать въ Петербургъ, что болѣзнь уже прошла. Я видѣла его передъ ухо-

Великій князь Константинъ Павловичъ.

домъ, а потомъ онъ прислалъ за мною къ своему обѣду. Ему подали овсяной супъ — онъ сказалъ, что у него появился настоящій аппетитъ, что это первый разъ съ 3-го числа. Однако онъ нашелъ супъ слишкомъ густымъ и прибавилъ туда воды, онъ ѣлъ его съ аппетитомъ, а послѣ ѣлъ сливы — онъ даже имѣлъ желаніе съѣсть больше, но сказалъ: «надо быть благоразумнымъ». Черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ, что мнѣ надо идти обѣдать, «а я какъ порядочный человѣкъ пойду отдохну послѣ обѣда». Между 6 и 7 часами онъ прислалъ за мною — принести журналы: «вы мнѣ приносите игрушки, какъ ребенку»—сказалъ онъ. Онъ прочелъ остальное, но онъ усталъ, у него былъ жаръ.

Въ ожиданіи я читала воспоминанія m-me de Genlis и онъ мнѣ задалъ нѣсколько вопросовъ по этому поводу. Въ Петербургѣ онъ сказалъ мнѣ взять ихъ потому, что онъ могъ бы ихъ прочитать, я ему сказала, что это такое легкое чтеніе, какъ будто нарочно создано для больныхъ. «Завтра, можетъ быть»—сказалъ онъ. Вечеромъ онъ вдругъ спросилъ меня: «а почему вы не носите траура (по королѣ Баварскомъ)? Я отвѣтила ему, что сняла его по случаю его пріѣзда, что съ тѣхъ поръ у меня больше не было желанія его надѣвать, но что, если онъ желаетъ, я завтра же надѣну его.

Вторникъ 10-го. Онъ долженъ былъ принять лѣкарство утромъ. Стофрегенъ приходилъ два раза сообщать мнѣ новости о дѣйствіи лѣкарства, и сказалъ мнѣ, что онъ такъ ослабѣлъ, что чувствуетъ себя дурно. Я не удивилась тому, что онъ меня не позвалъ, такъ какъ знала, что онъ не любилъ, чтобъ его безпокоили во время дѣйствія лѣкарства. Я отправилась на прогулку, возвратилась, окончила свой обѣдъ, а онъ все еще не присылалъ за мной. Я начала безпокоиться, я приказала позвать Вилліе. Вилліе пригласилъ меня пройти къ нему, и я нашла его лежащимъ въ уборной на кровати, голова была очень горяча, однако онъ меня увидѣлъ и сказалъ: «я за вами не посылалъ сегодня утромъ, потому что я провелъ ужасное утро благодаря этому противному лѣкарству, у меня были боли въ сердцѣ, я долженъ былъ постоянно вставать, изъ-за этого я такъ ослабѣлъ»; окно было открыто, онъ замѣтилъ, что была хорошая погода: «12 градусовъ тепла въ ноябрѣ!» — сказалъ онъ Вилліе. Но скоро онъ впалъ въ тяжелое забытье и дыханіе стало тяжелымъ. Въ первый разъ я увидѣла опасность. Я провела съ Вилліе 2 или 3 ужасныхъ

Святогорскій монастырь.

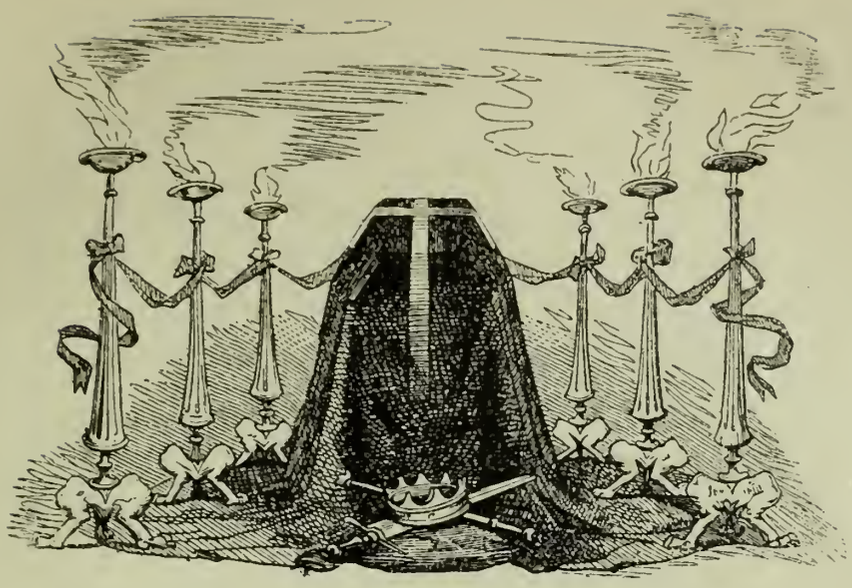
часа около этой постели.—Я видѣла Виллiе взволнованнымъ и очень озабоченнымъ, однако онъ говорилъ: «вы увидите, что будетъ обильный потъ», потъ явился, но забытье продолжалось столь тяжелое, что онъ не чувствовалъ, какъ Виллiе часто вытиралъ ему лицо.

Однако черезъ нѣкоторое время онъ мало-по-малу пришелъ въ себя и взялъ носовой платокъ, чтобы вытереться, говоря: «благодарю васъ, я сдѣлаю все это самъ! У васъ нѣтъ съ вами вашей книги»,—сказалъ онъ мнѣ. Его слѣдовало переодѣть. Я вышла, но онъ послалъ за мною, какъ только перемѣнилъ бѣлье, и онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ, онъ удивительно хорошо выглядѣлъ для того состоянiя, въ какомъ онъ былъ послѣ обѣда. У меня была книга и я сдѣлала видъ, что читаю, а между тѣмъ наблюдала за нимъ—онъ замѣтилъ, что я смущена. Я ему сказала, что у меня сильно болитъ голова, что рано закрыли печь рядомъ съ моей кроватью—это было вѣрно, но лицо мое было разстроено отъ слезъ; онъ спросилъ меня, кто это сдѣлалъ, я назвала горничную; тогда онъ подробно объяснилъ, какъ нужно топить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я, я ему отвѣчала что «да», я разсказала ему, что встрѣтила калмыковъ на лошадяхъ, и что, говорятъ, когда они узнали о его болѣзни, то они хотѣли отслужить молебенъ о его выздоровленiи. «Кстати»,—сказалъ онъ,—«они хотятъ попрощаться съ Вами, я не могу ихъ принять, такъ ужъ примите Вы»; «когда» спросила я. «Да хотъ завтра, скажите объ этомъ Волконскому». Пожелавъ ему покойной ночи и обнявъ его, я перекрестила его дорогой лобъ, онъ улыбнулся.

Среда 11-го. Онъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ провелъ ночь спокойно. Я пригласила калмыковъ въ 11 час. Онъ приказалъ мнѣ передать черезъ Волконскаго зайти раньше къ нему, онъ выглядѣлъ очень хорошо, онъ показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и альпiйской водой, которую Виллiе приготовилъ для него для умыванья лица и сказалъ, что это наслажденiе; онъ спрашивалъ меня, что мнѣ говорили калмыки и велѣла ли я имъ сыграть. Я сказала, что нѣтъ, что я сказала имъ другое, что я поблагодарила ихъ за молитвы о немъ, что я ихъ спросила, въ первый ли разъ это было, что они вошли въ нашу церковь; я хотѣла продолжать, но онъ не слушалъ болѣе и напомнилъ своему камердинеру вымыть ему лицо приготовленнымъ уксусомъ; онъ сказалъ, чтобы я ушла и вернулась передъ прогулкой;—я

пришла опять передъ тѣмъ, какъ отправиться, онъ спросилъ меня, куда я намѣрена пойти; я ему сказала, что хотѣла бы спуститься пѣшкомъ съ горы, чтобы пройти къ источнику. «Вы найдете тамъ казаковъ» сказалъ онъ, «они помѣстили теперь своихъ лошадей въ одномъ изъ пустыхъ пакгаузовъ». «Почему»—спросила я, «они желали быть поближе». Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я зашла къ нему съ прогулки; я зашла къ нему; онъ спросилъ меня, выполнила ли я планъ прогулки, я сказала, что да; «видѣли ли вы казаковъ?»—«Я видѣла тамъ только двухъ офицеровъ». Я сказала ему, что вчера, во время моей прогулки въ сторону карантина, я была пріятно поражена и тронута, видя, что садовникъ Грей работалъ надъ украшеніемъ моего любимаго мѣстечка. Я спросила его, не онъ ли это все устроилъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ съ тѣмъ добрымъ выраженіемъ, которое онъ часто умѣлъ принимать: «да, такъ какъ онъ не можетъ работать теперь съ другой стороны» (на мѣстѣ, гдѣ императоръ хотѣлъ развести садъ, для чего исключительно былъ вызванъ Грей) «я ему велѣлъ пока устроить ваше любимое мѣстечко». Я его поблагодарила. Онъ казался довольно бодрымъ и голова его была свѣжа;—онъ сказалъ мнѣ, что необходимо, чтобы я пошла еще разъ гулять послѣ обѣда, я просила его избавить меня отъ этой прогулки и увѣряла, что я гораздо лучше чувствую себя дома и спокойнѣе, когда нахожусь возлѣ него—я сказала это съ нѣкоторымъ волненіемъ: «хорошо», сказалъ онъ «побольше благоразумія, будемъ благоразумны!» онъ далъ мнѣ попробовать питье, которое, казалось ему, имѣетъ какой-то посторонній привкусъ, я тоже находила это, и онъ мнѣ сказалъ, что Егоровичъ нашелъ то же самое. Вошелъ Виллiе, онъ сказалъ ему про питье и сказалъ ему, что мы нашли. Виллiе утверждалъ, что этого не можетъ быть. Спустя нѣкоторое время, вошелъ Стофрегенъ, пока онъ былъ еще тамъ, онъ сказалъ ему, указывая на меня: «говорила она вамъ вчера, что съ нею было?» Я не могла вспомнить, о чемъ шла рѣчь, оказалось, что это онъ говорилъ о вчерашней топкѣ печи, въ 2 часа онъ отослалъ меня обѣдать. Въ 5 час. я позвала Виллiе и спросила у него, какъ обстоитъ дѣло.—Виллiе былъ веселъ, онъ сказалъ мнѣ, что въ настоящій моментъ есть жаръ, но что я должна пойти къ нему, такъ какъ онъ не въ такомъ состояніи, какъ вчера!»

На этомъ записки императрицы кончаются.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Надъ умершимъ.

Итакъ, 19-го ноября Александра I не стало, а всѣ окружающіе его были сразу поставлены въ громадное затрудненіе. На противоположномъ концѣ страны отъ столицы, въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ теперь находится новый императоръ, они долго еще продолжали переписываться до окончательнаго выясненія дѣла.

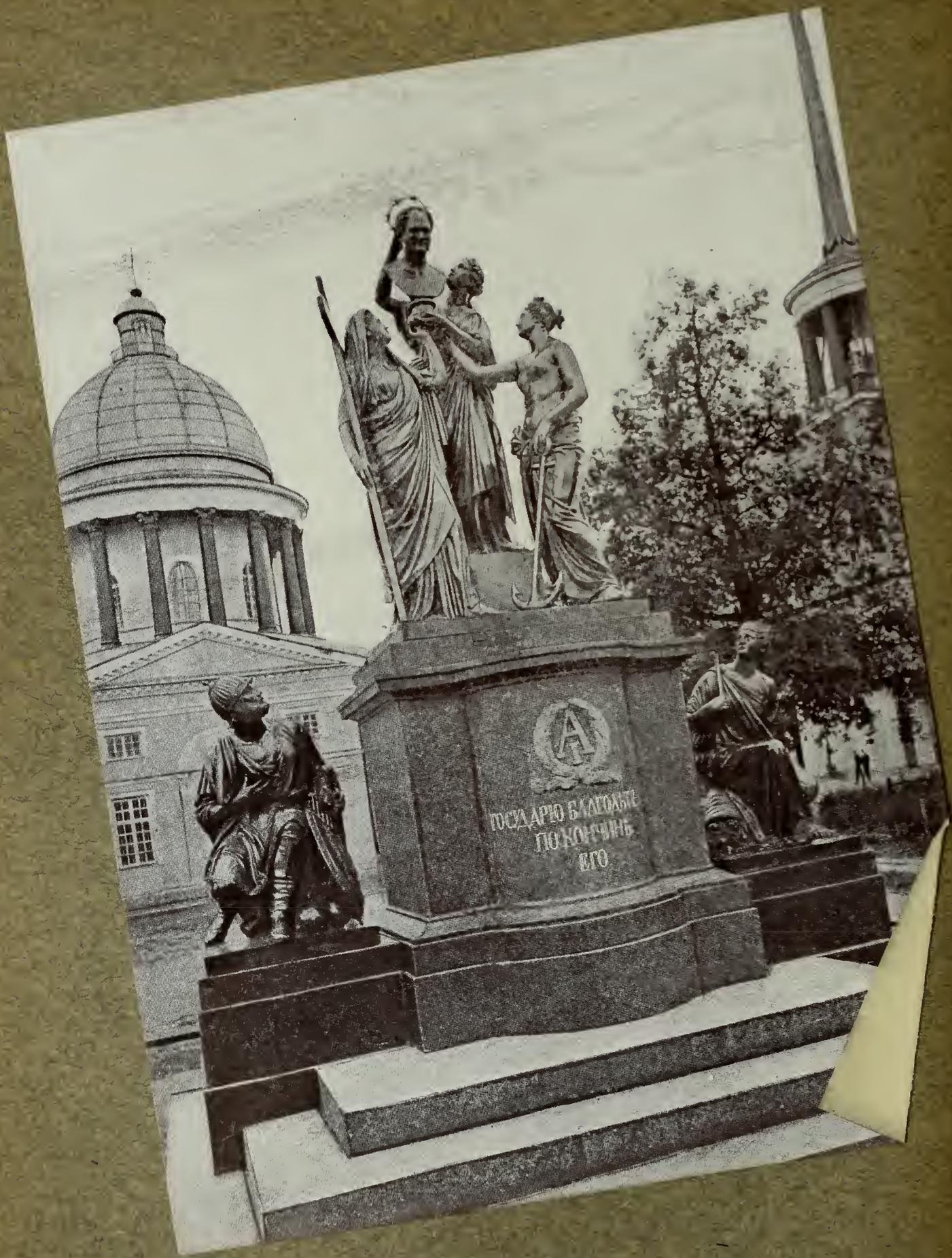
Первое увѣдомленіе было послано *императору* Константину Дибичемъ отъ того же 19-го ноября слѣдующаго содержанія: «Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ донести вашему императорскому величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ по полуночи здѣсь, въ городѣ Таганрогѣ. Имѣю счастіе представить при семъ актъ за подписаніемъ находившихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генералъ-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ. Таганрогъ. Ноября 19-го дня 1825 года № 1. Генералъ-Адъютантъ Дибичъ».

Актъ же, о которомъ упоминаетъ Дибичъ въ своемъ рапортѣ, гласитъ слѣдующее:

«Нижеподписавшіеся, находясь Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ при высочайшей особѣ его императорскаго величества, съ глубочайшею вѣрноподданническою скорбію свидѣтельствуютъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ

Наводненіе въ С.-Петербургѣ.

Общій видъ Грузина.



Памятникъ Александру въ Грузинѣ.

всероссійскій и пр. и пр и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма, 3-го, и въ особенности 4-го числа ноября, почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытіи его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться святыхъ таинъ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіе того и послѣдующихъ дней, при совершенномъ истощеніи силъ его величества, горячка усиливалась съ сугубою жестокостью, 19-го же числа по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ государь императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи ея императорскаго величества государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, при чемъ и мы, нижеподписавшіеся, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземлярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19-й день 1825 года. Членъ госуд. совѣта, ген. отъ инф., ген.-адъют. кн. Петръ Волконскій. Членъ госуд. сов., нач. гл. штаба, ген.-адъют. баронъ Дибичъ. Баронетъ Яковъ Виллiе, тайн. сов. и лейбъ-медикъ. Конрадъ Стофрегенъ, дѣйст. ст. сов. и лейбъ-медикъ».

На слѣдующій день было произведено вскрытіе тѣла умершаго императора и вотъ что содержитъ въ себѣ протоколъ вскрытія:

«1825 года, ноября въ 20-й день, въ 7 часовъ пополудни, мы, нижеподписавшіеся, вскрывали для бальзамированія тѣло почившаго въ Бозѣ его величества государя императора и Самодержца всероссійскаго Александра Павловича и нашли слѣдующее:

1) На поверхности тѣла:

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отступалъ отъ натуральнаго своего состоянія, какъ во всемъ

тѣлѣ вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ и ни въ одной изъ наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей припухлости.

На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темноватаго, а нѣкоторыя темно-краснаго цвѣта, отъ прикладыванія къ симъ мѣстамъ горчишниковъ происшедшія; на обѣихъ ногахъ, ниже икръ, до самыхъ мыщелковъ примѣтенъ темнокоричневый цвѣтъ и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде.

На задней поверхности тѣла, на спинѣ между крыльцами до самой шеи простирающееся довольно обширное примѣтно пятно темно-краснаго цвѣта, отъ приложенія къ сему мѣсту пластыря шпанскихъ мухъ происшедшее. Задняя часть плечъ, вся спина, задница и всѣ мягкія части, гдѣ наиболѣе находится жирной клѣтчатой плевы, имѣетъ темнооливковый цвѣтъ, происшедшій отъ изліянія подъ кожу венозной крови. При поворотѣ тѣла спиною вверхъ изъ ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2) Въ полости черепа.

При разрѣзѣ общихъ покрововъ головы, начиная отъ одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиромъ. По осторожномъ и аккуратномъ отдѣленіи пилою верхней части черепа, изъ затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Черепъ имѣлъ натуральную толстоту. По снятіи твердой оболочки мозга (dura mater), которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ затылочною костью, весьма твердо была приросши къ черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмѣрно были наполнены и растянуты темною, а мѣстами красноватою кровію отъ предшествовавшаго сильнаго прилитія оной къ сему органу. На переднихъ доляхъ мозга подъ лобными возвышеніями (protuberantia frontales) примѣтны два небольшія пятна темнооливковаго цвѣта отъ той же причины.

При извлеченіи мозга изъ свой полости, на основаніи черепа, равно какъ и въ желудочкахъ мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцовъ. Хоровидное сплетеніе лѣваго мозгового желудочка найдено твердо-приросшимъ ко дну онаго.

3) Въ грудной полости:

По сдѣланіи прямого разрѣза, начиная отъ гортани чрезъ средину грудной кости до самаго соединенія лобковыхъ ко-

стей, и двухъ косвенныхъ, отъ пупка до верхняго края подвздошныхъ костей, клѣтчатая плева найдена была повсюду наполненною большимъ количествомъ жиру.

При соединеніи реберъ съ грудною, хрящи оныхъ найдены совершенно окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темноватый цвѣтъ и нигдѣ не имѣли срощенія съ подреберною плеврою. Грудная полость ни мало не содержала въ себѣ водянистой влаги.

Сердце имѣло надлежащую величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ формою, такъ и существомъ своимъ ни мало не отступало отъ натуральнаго состоянія, равно и всѣ главные сосуды, отъ онаго происходящіе. Въ околосердечной сумкѣ (pericardium) найдено сукровицы около одного унца.

4) Въ полости брюшной.

Желудокъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣси, найденъ совершенно въ здоровомъ положеніи; печень имѣла большую величину и цвѣтъ темнѣе натуральнаго; желчный пузырь растянутъ былъ большимъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта; ободошная кишка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ же прочія внутренности, какъ-то: поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали отъ натуральнаго своего состоянія.

Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, коею первоначально была поражена печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащіе органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку, съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга, и была, наконецъ, причиною самой смерти его императорскаго величества [1]).

---

[1]) 1) Дмитріевскаго военнаго гошпиталя младшій лѣкарь Яковлевъ.

2) Лейбъ-гвардіи казачьяго полка штабъ-лѣкарь Васильевъ.

3) Таганрогскаго карантина главный медицинскій чиновникъ докторъ Лакіеръ.

4) Придворный врачъ коллежскій ассесоръ Добертъ.

5) Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ.

6) Штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Александровичъ.

7) Докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ.

8) Дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ Стофрегенъ.

9) Баронетъ Яковъ Вилліе, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Отъ очевидца сцены бальзамированія тѣла Александра Н. И. Шенига мы имѣемъ слѣдующія подробности, сохранившіяся въ его запискахъ:

«21-го ноября, поутру, въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ [1]) изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя.

Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доббертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Виллiе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкой, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго офицера никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались, и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благодѣянія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образцомъ для ваятеля, нѣжность кожи необыкновенная.

«Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился генералъ-адъютантъ Чернышевъ».

Екатеринославской губерніи въ г. Таганрогѣ.

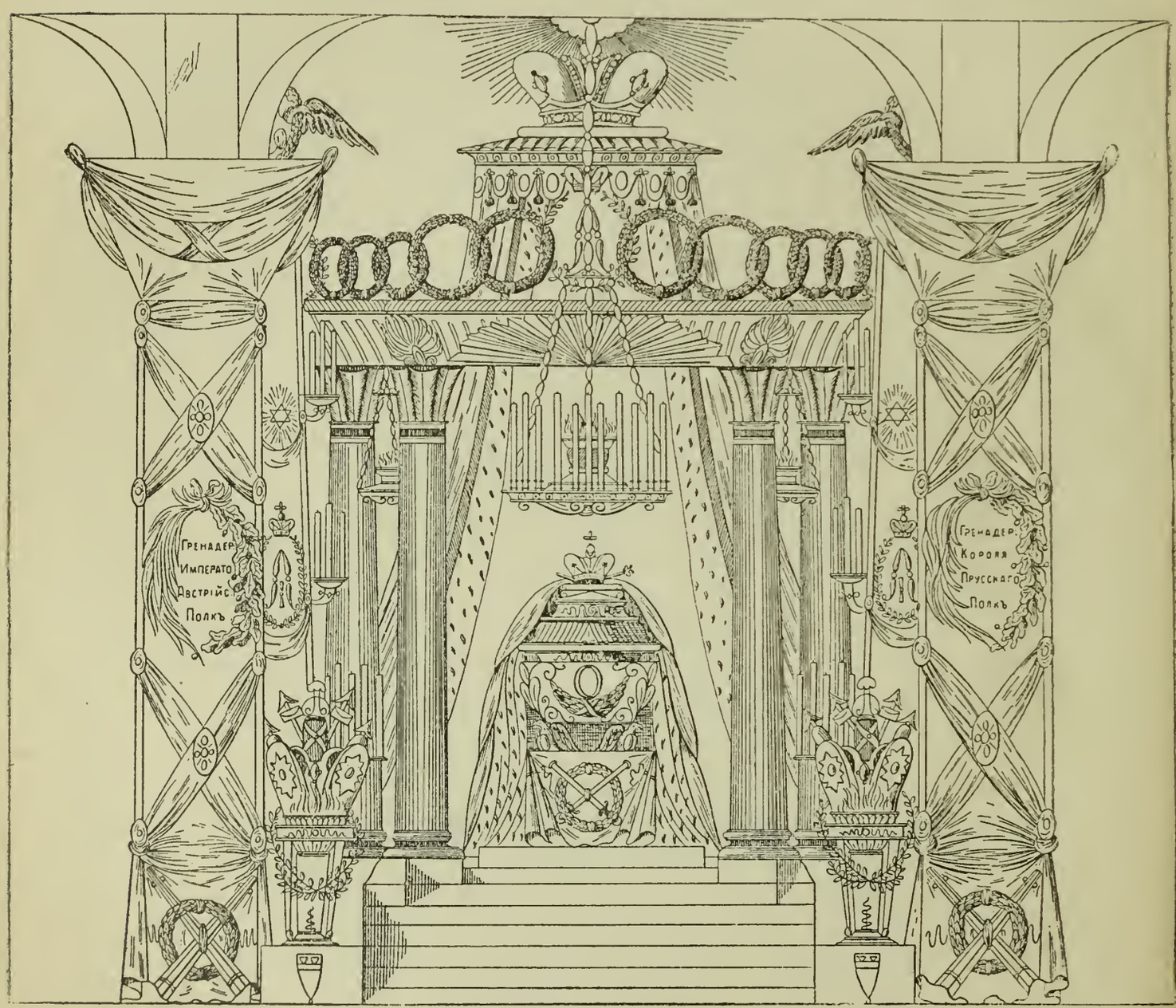
[1]) Служилъ по квартирмейстерской части.

«По окончаніи бальзамированія одѣли государя въ общій генеральскій мундиръ, со звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки, и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, закрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили налой съ Евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четверыхъ. Кромѣ того, былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Доббертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были заперты и кромѣ того горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ-то душистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированіе по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднявъ кисею для примочки лица, я далъ замѣтить Добберту, что клочокъ галстука торчитъ изъ-подъ воротника государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ онъ къ Вилліе, который явился удостовѣриться въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всѣ окна, подвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильные и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня.

«20-го числа поставили тронъ, обили всю залу чернымъ сукномъ, надѣли на государя порфиру и положили во гробъ, надѣвъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ свинцовый, а этотъ уже былъ поставленъ въ деревянный, оби-

тый золотою парчею съ орлами. Окна насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подъѣхало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и по два оберъ-офицера; во время панихиды всегда однако жъ двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды



Катафалкъ Александра въ Петропавловскомъ соборѣ.

входилъ Волконскій, уводилъ вонъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ; оставались священникъ, читающій Евангеліе, и насъ двое, которымъ велѣно было стоять у ступеней гроба смирно и не поднимать глазъ. Несмотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякій разъ выходила изъ своихъ комнатъ императрица, совершенно одна,

никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ десять. Коль скоро она удалялась, Волконскій опять вводилъ часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно. Панихиды со дня кончины отправлялъ греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная по-русски, дѣлалъ возгласы по-гречески. Къ 1-му декабря пріѣхалъ екатеринославскій архіепископъ и тогда началъ первенствовать на службѣ.

Извѣстіе о смерти Александра получено было въ Петербургѣ только 27 ноября во время молебствія о здравіи императора.

Оно было сообщено первому Николаю Павловичу въ церкви. Затѣмъ онъ уже отъ себя сообщилъ императрицѣ-матери и своей женѣ. Съ этого же дня начались всѣ перипетіи междуцарствія и семейнаго раздѣла наслѣдства. Не удивительно, что за это время потеряли голову и забыли объ умершемъ, или, правильнѣе сказать, не имѣли достаточно времени распорядиться и перевезти его тѣло въ столицу. Только 3-го декабря Николай Павловичъ нашелъ возможность написать князю Волконскому слѣдующее:

«Письмо матушки, любезный Петръ Михайловичъ, достаточно васъ увѣдомитъ о причинахъ, побудившихъ насъ всѣхъ просить чрезъ нее государыню императрицу рѣшить самой все, что касается до тѣла нашего ангела: кому, если не ей, принадлежитъ собственность сихъ драгоцѣнныхъ останковъ нашего отца, кому-жъ, если не ей, рѣшить все, что въ силахъ будетъ сама рѣшить. Но такъ какъ ея рѣшеніе можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на васъ остается тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего ангела распоряженій.

Потому беру я на себя просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшая напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить касательно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государыни заблагоразсудится дѣлать, прошу сейчасъ прислать мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣ-

лать непосредственно чрезъ меня. Дабы быть всегда извѣстному какъ о здоровьи государыни, такъ и объ вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе, по крайней мѣрѣ, черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія.

«Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть, везти ли тѣло отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій—повторяю, помните, кого храните и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало, вотъ мое мнѣніе. Вашъ искренно доброжелательный

Николай».

«Къ вамъ ѣдетъ Реадъ, я рѣшился его отпустить къ вамъ. Ждемъ послѣднихъ повелѣній государя, послѣ которыхъ всѣ свободные генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты просятъ ѣхать навстрѣчу и провожать тѣло нашего ангела».

Другое письмо было написано и послано Николаемъ Павловичемъ князю Волконскому 5-го декабря:

«Въ дополненіе послѣдняго моего письма, любезный Петръ Михайловичъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что съ разрѣшенія матушки всѣ флигель-адъютанты государя, не находящіеся при войскахъ, и генералъ-адъютантъ Трубецкой, какъ одинъ здѣсь безъ должности находящійся, получили повелѣніе отправиться и явиться къ вамъ для нахожденія при тѣлѣ нашего ангела. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, хотя безъ должности, но находящійся въ Совѣтѣ, гдѣ присутствіе его необходимо, остается здѣсь, равно какъ и прочіе генералъ- и флигель-адъютанты до особаго повелѣнія государя императора. Извѣстія отъ его величества нами ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо все зависитъ отъ него одного. Ежели мы здѣсь долго останемся безъ его повелѣній или въ безъизвѣстности его рѣшенія, будетъ ли или не будетъ ли сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройства и тишины, которые, благодаря Бога, совершенны и поразительны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самихъ. Михайло Павловичъ, пріѣхавшій третьяго дня съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо.

«Извѣстія ваши объ здоровіи Елизаветы Алексѣевны насъ крайне безпокоятъ, хотя ея величество и изволила сама писать къ матушкѣ рукою, кажущеюся тверже послѣдняго письма; оборони насъ Боже второго несчастія.

«Здоровье матушки хорошо, важность обстоятельствъ развлекаетъ полезнымъ образомъ ея мысли и не даетъ предаваться совершенно одному горю. Богъ милостивъ.

«Прощайте, да хранитъ васъ Богъ, и молите Его, чтобъ насъ не покинулъ. *Вашъ искренній Николай*».

Въ отвѣтъ на это Волконскій 14-го декабря пишетъ:

«Прибывшій сюда 12-го декабря вечеромъ изъ С.-Петербурга адъютантъ мой, г. Реадъ, вручилъ мнѣ всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго высочества, коимъ изволите увѣдомлять, что всѣ флигель-адъютанты и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой получили повелѣніе отправиться сюда для нахожденія при тѣлѣ покойнаго государя императора. Принося вашему императорскому высочеству мою наичувствительную благодарность за таковое извѣщеніе, полагаю поручить генералъ-адъютанту князю Трубецкому главное начальство при сопровожденіи тѣла, а флигель-адъютанты въ то же время будутъ отправлять дежурство по очереди.

«Зная важность теперешнихъ обстоятельствъ, весьма понимаю нетерпѣніе, въ какомъ должно находиться ваше императорское высочество отъ неприбытія еще государя императора въ С.-Петербургъ; я надѣюсь, что Всевышній Богъ поможетъ милостію Своею вашему императорскому высочеству поддержать существующій порядокъ, устройство и тишину, и что всѣ вѣрноподданные его императорскаго величества всячески стараться будутъ сохранить оныя вполнѣ.

«Здоровье государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны очень насъ безпокоитъ частою перемѣною и всегда менѣе къ лучшему. Г. лейбъ-медикъ Стофрегенъ еще сегодня увѣрялъ меня, что онъ находитъ ея величество лучше, и что прежде чувствуемыхъ припадковъ она болѣе не имѣетъ; напротивъ того, получила отъ скорби обыкновенные нервическіе припадки, которые, по его мнѣнію, не подаютъ никакого безпокойствія, и надѣется, что съ помощію Божіею современемъ совсѣмъ пройдутъ.

Князь Волконскій и баронъ Дибичъ нашли въ бумагахъ умершаго императора церемоніалъ похоронъ императрицы

Екатерины II, захваченный имъ съ собою, можетъ быть на случай смерти Елизаветы Алексѣевны; вотъ этотъ-то церемоніалъ какъ разъ облегчилъ ихъ задачу и пригодился имъ для похоронъ самого Александра.

11-го декабря тѣло императора Александра перенесли въ соборъ Александровскаго монастыря, поставивъ на спеціально устроенномъ тамъ катафалкѣ подъ балдахиномъ.

29-го декабря 1825 года двинулась печальная процессія въ Петербургъ.

На другой день кн. Волконскій писалъ такъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, ибо навѣки разстались съ отцомъ нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ государемъ императоромъ. Не могу описать вашему императорскому высочеству той минуты, въ которую принесено послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра, послѣ литургіи и панихиды, кортежъ выступитъ отсюда съ тою же церемоніею, какая была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ стороннихъ деревень. Вдовствующая государыня императрица Елизавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ вѣчная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье».

Въ то же время сама Елизавета Алексѣевна писала своей матери 31-го декабря слѣдующее:

«Всѣ земныя узы порваны между нами! Тѣ, которыя образуются въ вѣчности, будутъ уже другія, конечно, еще болѣе пріятныя, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себѣ, что онъ уже не будетъ болѣе причастенъ моей жизни здѣсь, на землѣ. Друзья съ дѣтства, мы шли вмѣстѣ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ. Мы вмѣстѣ пережили всѣ эпохи жизни. Часто отчужденные другъ отъ друга, мы тѣмъ или другимъ образомъ снова сходились; очутившись, наконецъ, на истинномъ пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. Въ это-то время она была отнята отъ меня! Конечно, я заслуживала это, я не достаточно сознавала благодѣяніе Бога, быть можетъ, еще слишкомъ чувствовала маленькія шероховатости. Наконецъ, какъ бы то ни было, такъ было угодно

Богу. Пусть Онъ соблаговолитъ позволить, чтобы я не утратила плодовъ этого скорбнаго креста—онъ былъ ниспосланъ мнѣ не безъ цѣли. Когда я думаю о своей судьбѣ, то во всемъ ходѣ ея я узнаю руку Божію».

4-го января 1826 года князь Волконскій писалъ слѣдующее уже императору Николаю:

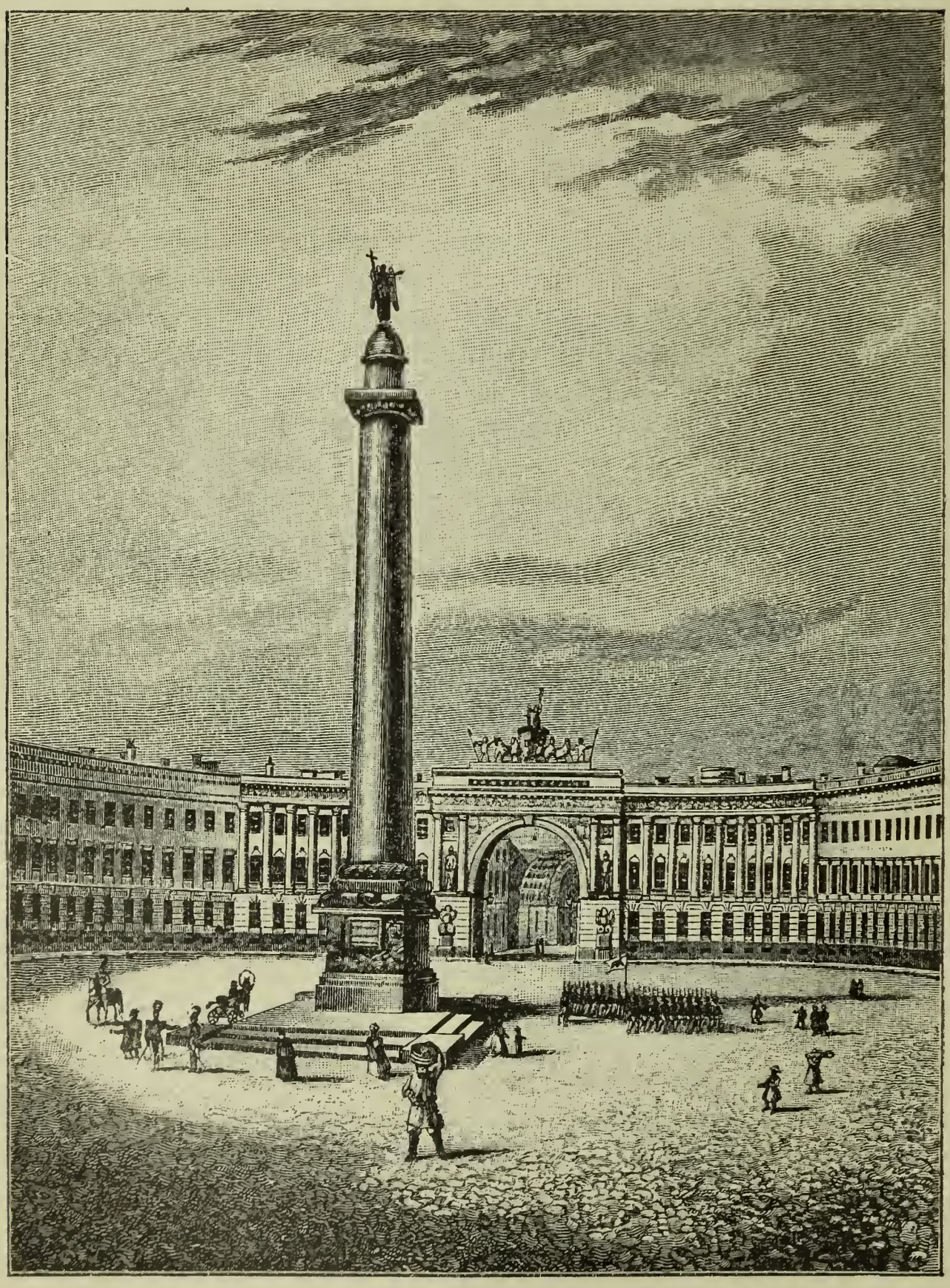
«Насчетъ сопровожденія онаго (т.-е. тѣла Александра) я былъ въ большомъ затрудненіи по неприбытію сюда никого изъ С.-Петербурга; изъ генералъ-адъютантовъ графъ Ожаровскій не бывалъ по сіе время; графъ Ламбертъ хотя и находится здѣсь, то какъ онъ не нашего исповѣданія, то государынѣ императрицѣ угодно было приказать потребовать генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоцѣнные останки покойнаго супруга своего, въ надеждѣ, что ваше императорское величество благоволите утвердить сдѣланный ея Величествомъ выборъ и позволите графу Орлову-Денисову довершить до С.-Петербурга возложенное на него порученіе».

Императрица Елизавета Алексѣевна кромѣ того при самомъ выступленіи изъ Таганрога пригласила къ себѣ Тарасова и сказала:

«Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Процессія направилась на Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. Тарасовъ пишетъ, что начальствовавшій надъ церемоніею и войсками, составлявшими эскортъ, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ строгій порядокъ и военную дисциплину. На козлахъ колесницы постоянно сидѣлъ лейбъ-кучеръ покойнаго государя Илья Байковъ. Всѣ ночлеги были въ селахъ или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ. Усердіемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки. Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчалъ архіерей съ духовенствомъ всего уѣзда и смѣняли духовенство предшествовавшей губерніи. Въ городахъ войска выстраивались шпалерами, и, гдѣ была артиллерія, во время слѣдованія процессіи производилась пальба. У колесницы народъ нерѣдко отпрягалъ лошадей и везъ ее на себѣ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе пятидесяти верстъ. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ и губернаторъ

одной губерніи передавалъ церемоніалъ губернатору другой, который и провожалъ процессію черезъ свою. На всемъ пути,



Колонна Александра I.

даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами; въ городахъ, а въ особенности въ губернскихъ, стече-

ніе народа принимало обширные размѣры. Не было недостатка и въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, которые, какъ говоритъ Тарасовъ, распространялись среди народа неблагонамѣренными людьми и вызывали со стороны графа Орлова-Денисова принятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, когда шествіе приближалось къ Тулѣ, то донесли, что фабричные намѣреваются вскрыть гробъ; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ.

«Кромѣ личнаго повелѣнія, пишетъ Тарасовъ, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и поваренной солью для поддержанія холода».

3-го февраля 1826 печальная процессія прибыла къ Москвѣ. На протяженіи версты отъ Подольской заставы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были выстроены войска, пѣхота и кавалерія, съ заряженными ружьями. Въ Коломенскомъ гробъ былъ поставленъ на парадную колесницу, приготовленную въ Москвѣ. Тамъ прежнихъ лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. Тарасовъ описываетъ при этомъ слѣдующее происшествіе: «по смѣнѣ въ колесницѣ лошадей лейбъ-кучеръ покойнаго императора, Илья Байковъ, поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказы-

ваетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ, это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына (московскаго генералъ-губернатора), который приказалъ было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ:

— «Я возлѣ императора съ лишкомъ тридцать лѣтъ и хочу служить ему до могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить».

«Князь Голицынъ, тронутый такою преданностью, приказалъ оставить Байкова на козлахъ».

Въ Москвѣ для церемоніала перевозки была образована особая *печальная комиссія* подъ начальствомъ князя Николая Борисовича Юсупова. Гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ. Стеченіе народа для поклоненія гробу было громадное. Въ виду тревожныхъ слуховъ, распространившихся въ Москвѣ, полиціею были приняты дѣятельныя и строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ запирали ворота въ Кремлѣ, и у каждаго входа стояли заряженныя орудія. Пѣхота расположилась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада въ экзерциргаузѣ съ осѣдланными лошадьми. По городу всю ночь ходили военные патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка не было замѣчено.

Орловъ-Денисовъ 6 и 7-го февраля такъ доносилъ барону Дибичу: «По высочайшему повелѣнію отъ 2 февраля за № 196 ваше превосходительство изволили препроводить мнѣ представленное главнымъ по арміи медицинскимъ инспекторомъ, лейбъ-медикомъ Вилліе, мнѣніе касательно свинцоваго гроба, вмѣщающаго тѣло блаженныя памяти государя императора Александра Павловича. Принявъ на себя высокую и священную для меня обязанность сопровождать безцѣнные останки почивающаго въ Бозѣ государя императора, я главнѣйшимъ для себя долгомъ поставилъ неусыпно пещись о храненіи оныхъ, какъ во время самаго шествія, такъ и на ночлегахъ и дневкахъ. Изъ приложенной у сего въ копіи инструкціи дежурному при гробѣ флигель-адъютанту ваше превосходительство усмотрѣть изволите распоряженія мои по сему предмету; сверхъ того, находящемуся при печальной свитѣ медико-хирургу надв. сов. Тарасову пору-

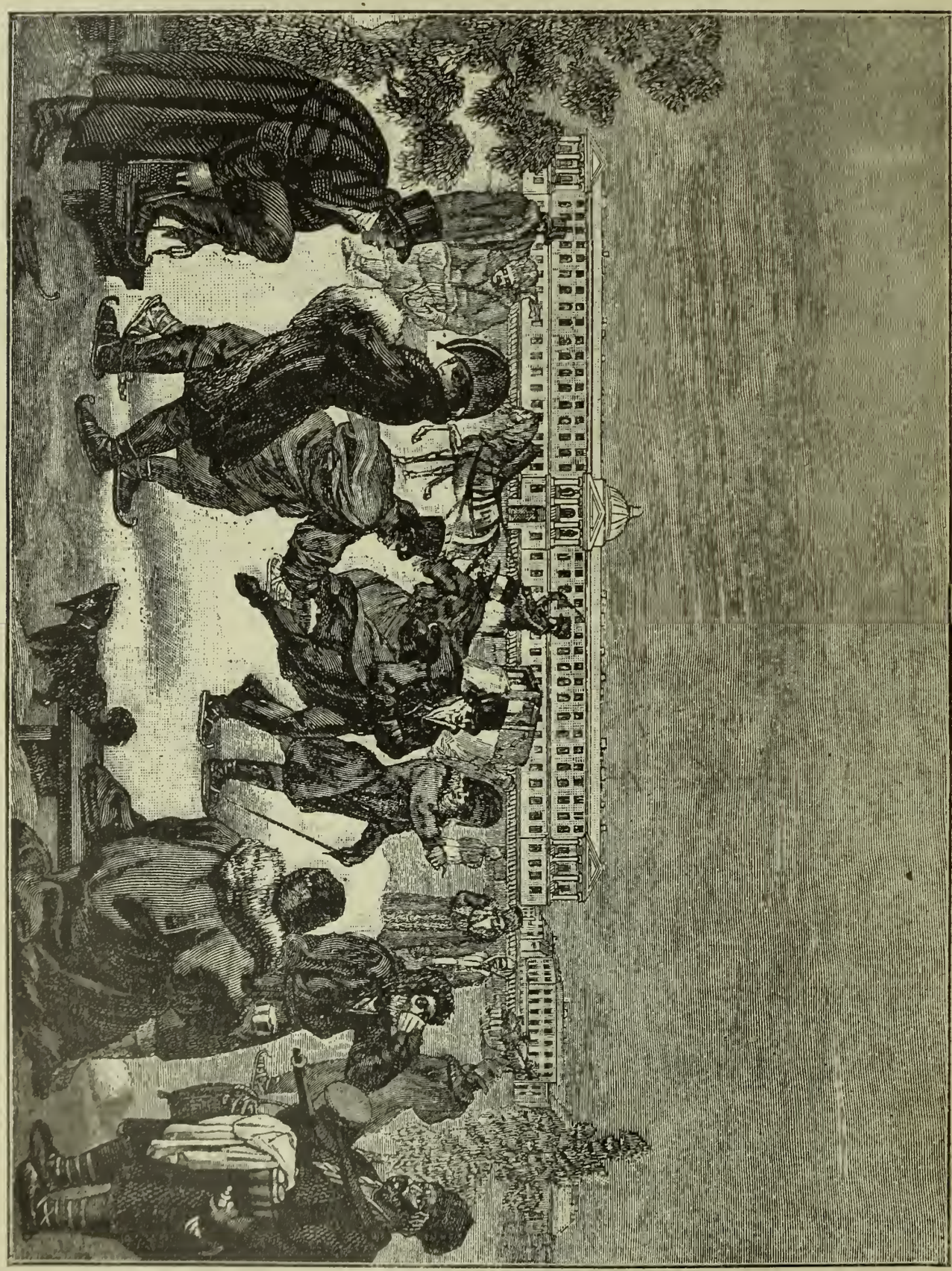
чено мною строго наблюдать за надлежащей при гробѣ температурой, который, слѣдуя безотлучно во время шествія при ономъ, на ночлегахъ и дневкахъ съ большой аккуратностью смотритъ за содержаніемъ гроба, сколько возможно, въ низшей температурѣ. Касательно же осмотра свинцоваго гроба и положенія въ ономъ самого тѣла государя императора, то, не рѣшаяся доселѣ приступить къ нему до полученія на то высочайшей воли, я не премину теперь выполнить сіе по выступленіи изъ Москвы при новомъ, удобномъ къ тому случаѣ во время ночлега, стараясь сдѣлать сіе, сколько это будетъ возможно, уединеннѣе и осторожнѣе, о послѣдующемъ не премину обстоятельно увѣдомить ваше превосходительство».

Второе донесеніе гласитъ:

«По благополучномъ выступленіи изъ Москвы, на второмъ ночлегѣ въ селѣ Чашошковѣ, 7 февраля, въ 7 часовъ пополудни, по удаленіи всѣхъ постороннихъ изъ церкви, генералъ-адьютантами: графомъ Остерманомъ-Толстымъ, Бороздинымъ и Сипягинымъ и мною, флигель-адъютантами полковниками: Германомъ, Шкуринымъ, Кокошкинымъ, графомъ Залуцкимъ и ротмистромъ Плаутинымъ, также гвардіи полковниками, кавалергардомъ Араповымъ, Соломкой и медико-хирургомъ Тарасовымъ для удостовѣренія насчетъ положенія тѣла почивающаго въ Бозѣ императора Александра, предпринято было вскрытіе свинцоваго гроба, и тщательнѣйшимъ осмотромъ онаго оказалось слѣдующее: по снятіи деревянной крышки, крышка свинцоваго гроба оказалась: на своемъ мѣстѣ и въ совершенной сохранности, кромѣ только угла правой стороны близъ головы, который не болѣе, какъ на одну линію опустился внизъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ конецъ желѣзнаго прута, служащаго подпоркой свинцовой крышки, немного отсталъ отъ своего мѣста. Когда же свинцовая крышка была съ возможною осторожностью нами поднята, то положеніе самаго тѣла въ гробу представилось намъ въ совершенномъ порядкѣ и сохранности, такъ что въ укладкѣ онаго ни малѣйшей перемѣны на путешествіи не послѣдовало. При семъ вскрытіи, кромѣ ароматнаго и бальзамическаго запаха, никакого газа не было примѣтно. Послѣ сего оба гроба закрыты нами по-прежнему».

6-го февраля при выступленіи изъ Москвы архіепископъ Филаретъ сопровождалъ гробъ до Петровскаго дворца за

Тверской заставой, гдѣ была совершена имъ и всѣмъ московскимъ духовенствомъ литія. Дальше шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ въ Царское Село.



Катаніе на льду въ Петербургѣ.

На границѣ Новгородской губерніи шествіе было встрѣчено епархіальнымъ архіереемъ, при которомъ былъ Фотій. Послѣдній читалъ Евангеліе при гробѣ на ночлегахъ. Тара-

совъ сообщаетъ, что тутъ же присоединился къ шествію Аракчеевъ, который хотѣлъ стать на колесницу при выѣздѣ изъ Новгорода, но его сначала не допустили до этого, а потомъ онъ съ разрѣшенія Орлова-Денисова получилъ мѣсто на лѣвой ея сторонѣ.

Вслѣдствіе запроса верховнаго маршала печальной комиссіи въ Петербургѣ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, о положеніи и цѣлости тѣла императора по выступленіи изъ Новгорода, Тарасовъ просилъ Орлова-Денисова произвести еще разъ до Царскаго Села освидѣтельствованіе тѣла. На второмъ переходѣ оно было произведено въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ со всѣми прочими актъ освидѣтельствованія. Наконецъ, императоръ Николай поручилъ Виллiе до прибытія въ Царское Село еще разъ осмотрѣть тѣло, это было произведено въ Бабинѣ. Виллiе пишетъ слѣдующее: «сего 26 февраля, въ 7 часовъ пополудни въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнистоводороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село».

28 февраля процессія приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай выѣхалъ навстрѣчу шествію, его сопровождали великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ Прусскій, принцъ Оранскій и первые чины двора. Тамъ же находились также царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне царскосельскаго дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь, по словамъ Тарасова. «Сошедъ съ коляски, императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, вошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу, императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ

шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ. Далѣе Тарасовъ разсказываетъ слѣдующее:

«1 марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ». Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойнымъ.

«Въ 11½ часовъ вечера священникъ и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ, внѣ оной, поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ по-прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Прусскій генералъ Герлахъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи гроба Александра присутствовалъ также

принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Θеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il est maigre».

5-го марта тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. Тарасовъ говоритъ, что «въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба въ свинцовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ сердцемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый». Графъ Комаровскій пишетъ по этому поводу: «Переложеніе это было дѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился».

6-го марта шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ слѣдовали императоръ Николай, великій князь Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ.

Въ половинѣ второго часа пополудни прибыли къ Казанскому собору. Здѣсь въ продолженіе семи дней закрытый гробъ Александра былъ выставленъ на поклоненіе народу. Соборъ посѣтила огромная масса людей. Тарасовъ утверждаетъ, что «императору было доложено объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія его въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила чертъ лица».

Но Волконскій еще 7-го декабря 1825 года такъ писалъ изъ Таганрога Г. И. Вилламову по поводу этого: «мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе, полагаю, сдѣлать бы здѣсь, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почер-

нѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и, въ такомъ случаѣ, должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить черезъ нарочнаго.

13-го марта 1826 года въ 11 часовъ при сильной метели погребальная процессія направилась изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; она слѣдовала по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходили отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пушечные залпы возвѣстили міру, что Александръ преданъ землѣ.

За нѣсколько дней до погребенія Николай I писалъ Лагарпу слѣдующее:

«Посреди самаго печальнаго торжества, и такъ сказать, на могилѣ того, коего мы оплакиваемъ кончину, отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го января. Въ подобную минуту мысль моя должна, по естественному теченію, перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. На вашихъ глазахъ, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя пріобщили все человѣчество къ плачу объ его утратѣ. Мое сердце подсказало мнѣ то, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что этотъ великій монархъ взятъ отъ насъ, отъ нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священною. Повѣрьте, что я никогда не забуду ни привязанности къ вамъ покойнаго моего брата, ни минутъ, проведенныхъ мною самимъ съ вами, и что мнѣ всегда пріятно будетъ возобновить вамъ увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи».

Въ то время, когда схоронили Александра, его вдова, императрица Елизавета Алексѣевна, еще находилась въ Таганрогѣ, она чувствовала себя все хуже и хуже. Несомнѣнно, что на нее рѣзко повліяла смерть Александра, съ которымъ у нея наладились было уже отношенія во время пребыванія въ Таганрогѣ; такой ударъ перенести было не легко и она его не перенесла.

12-го апрѣля Волконскій пишетъ императору Николаю изъ Таганрога слѣдующее:

Александръ I, окруженный дѣтьми.

«Долгомъ почитаю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что слабость здоровья вдовствую-

щей государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны вновь увеличивается. Сверхъ того, ея императорское величество чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить, и сама изъявила г. Стофрегену опасеніе водяной болѣзни въ груди. Хотя г. Стофрегенъ не увѣренъ, что таковая болѣзнь существуетъ, но начинаетъ однако сильно безпокоиться, предложилъ ея величеству лекарства для предупрежденія оной и надѣется, что предполагаемое путешествіе можетъ отвратить сію болѣзнь.

«Въ прошедшую субботу, 10-го числа, государынѣ императрицѣ угодно было повелѣть переставить походную церковь въ ту комнату, гдѣ покойный государь императоръ скончался; можетъ легко быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ сіе дѣйствіе надъ ея величествомъ; не менѣе того не могу скрыть предъ вашимъ императорскимъ величествомъ крайняго опасенія худыхъ отъ сего послѣдствій».

21-го апрѣля Елизавета Алексѣевна выѣхала изъ Таганрога; она направилась въ Петербургъ на Харьковъ, Калугу. Здѣсь должно было состояться у нея свиданіе съ императрицею Маріею Ѳеодоровною, выѣхавшею къ ней навстрѣчу изъ Петербурга.

Слабость Елизаветы Алексѣевны все увеличивалась и скоро дошла до того, что она могла съ трудомъ лишь говорить. Волконскій въ письмѣ къ Вилламову, сопровождавшему императрицу Марію Ѳеодоровну, просилъ ее предупредить, что положеніе императрицы Елизаветы Алексѣевны становится все хуже, «оно такъ худо, что ея величество найдетъ ужаснѣйшую въ ней перемѣну.—Не могу описать вамъ, милостивый государь,—пишетъ онъ,—всѣхъ безпокойствъ моихъ насчетъ здоровья ея императорскаго величества во время путешествія и безпрестанно молю Бога, чтобы сподобилъ благополучно доѣхать до Калуги».

3-го мая прибыли на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи; крайняя слабость препятствовала ей продолжать путь. Императрица Марія Ѳеодоровна была уже въ Калугѣ, но по письму Волконскаго выѣхала немедленно въ Бѣлевъ, какъ того желала Елизавета Алексѣевна. А уже 4-го мая въ шестомъ часу утра камеръ-юнгфера застала императрицу мертвою. Такимъ образомъ, Марія Ѳеодоровна уже прибыла въ 10 часовъ утра только къ панихидѣ по умершей невѣсткѣ.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ покойную императрицу: «прекрасная собою, любезная, умная, Елизавета Алексѣевна показала большую твердость духа въ ту эпоху, когда нашествіе Наполеона угрожало цѣлости имперіи. Она имѣла свои слабости, свои вины передъ супругомъ, и хотя сначала играла роль, всегда вызывающую участіе, женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное удаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе; подъ конецъ своей жизни императоръ Александръ, разочарованный суетностями міра и увлеченный мистицизмомъ, возвратился къ своей супругѣ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Легенды и слухи.

Такимъ образомъ оба супруга скончались при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, одинъ тотчасъ по возвращеніи изъ путешествія, а другая въ дорогѣ. Что касается смерти императрицы Елизаветы Алексѣевны, то въ виду ея продолжительной болѣзни, изъ-за которой былъ предпринятъ самый переѣздъ въ Таганрогъ, болѣзни, протекавшей на виду у всѣхъ еще въ Петербургѣ, то ея кончина никого не удивила, всѣ были къ ней подготовлены заранѣе. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о смерти Александра I.

Физически онъ всегда отличался хорошимъ здоровьемъ, настолько хорошимъ, что даже послѣ 16-ти дней изнурительной болѣзни онъ сохранилъ достаточно питаніе тѣла, о чемъ свидѣтельствуетъ протоколъ вскрытія и частныя записки очевидцевъ. Тѣмъ удивительнѣе должна была казаться его смерть, особенно, если вспомнить, что первыя извѣстія о болѣзни самой были получены уже очень поздно, передъ самымъ полученіемъ извѣстія о смерти—все время стѣснялись безпокоить родныхъ въ Петербургѣ. Конечно, невольно смерть его должна была заинтересовать широкіе круги населенія, такъ какъ даже послѣ смерти его вопросъ о престолонаслѣдіи вызвалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе трагическихъ событій. Въ то время сношенія окраинъ съ центромъ и со столицей происходили медленно, извѣстія шли долго,

а точныя свѣдѣнія еще дольше, скорѣе распространялась всякая сплетня, всякій ложный слухъ, и на этой почвѣ разростались цѣлыя легенды, разсказы и пр.

Можно сказать даже, что молва бѣжала впереди гроба Александра: ко времени прибытія его тѣла въ Москву шли уже такіе разнородные и тревожные слухи, что власти все время были заняты тѣмъ, какъ оградить процессію отъ возможныхъ насилій и осложненій со стороны народа и толпы, для этого онѣ запасались, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, возможно бо́льшимъ количествомъ войска, разставляли и размѣщали всюду отряды и шпалеры войскъ и только тогда чувствовали себя нѣсколько спокойнѣе.

Опасались, напримѣръ, что въ Тулѣ оружейники рабочіе вскроютъ гробъ; боялись того же при въѣздѣ въ самую Москву и т. п.

Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранится записка, составленная нѣкимъ дворовымъ человѣкомъ Ѳедоромъ Ѳедоровымъ, которому удосужилось собрать эти слухи и свести ихъ въ одно цѣлое; записка эта озаглавлена такъ:

«Московскія повѣсти, или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года года, съ декабря 25-го дня».

Не всѣ слухи относятся къ самому Александру, нѣкоторые касаются Константина Павловича; наиболѣе характерные слѣдующіе: 3-й слухъ—государя убили, изрѣзали, и долго его тѣло искали, и навѣрное не могутъ утвердить, нашли ли его тѣло, и нельзя узнать, для того на лицо сдѣлали восковую маску; 7-й слухъ—государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ. Все тѣло его такъ почернѣло, что никакъ и показывать не годится. Для того и сдѣлали восковую накладку, а гробъ свинцовый въ 80 пудовъ; 9-й слухъ—государь живъ, его продали въ иностранную неволю; 10-й слухъ—государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море; 11-й слухъ—гробъ государевъ везутъ ямщики, которымъ дано за провозъ 12 тысячъ рублей;—что находятъ весьма подозрительнымъ; Шульгинъ, московскій полицеймейстеръ о семъ разговаривалъ, да и князь Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, находится въ немаломъ сомнѣніи о семъ; 20-й слухъ — князь Долгоруковъ, Юрій Владиміровичъ, престарой князь, послѣ блаженныя кончины Алексан-

дра I не присягалъ еще ни одному изъ новыхъ государей, а желаетъ прежде видѣть тѣло покойнаго государя своими глазами въ лицо, тогда и присягнетъ кому должно, то народъ изъ онаго ожидаетъ чего-нибудь невеселаго; 24-й слухъ—когда государь поѣхалъ въ Таганрогъ, то за нимъ гнались во всю дорогу многіе господа съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убить его; двое и догнали въ одномъ мѣстечкѣ, но убить не осмѣлились. Такъ народъ заключаетъ, что государь убитъ въ Таганрогѣ вѣрноподданными извергами, ну т.-е. господами благородными душами, первѣйшими въ свѣтѣ подлецами; 25-й слухъ—графиню Орлову и жену графа Потемкина высѣкли плетьми за то, что онѣ дѣлали балы, на которыхъ были заговоры на царскую фамилію, а онѣ не могли онаго доказать императору, вѣрныя фрейлины, распренеблагородныя канальи; 31-й слухъ—во время проѣзда черезъ Москву государева тѣла былъ въ Москвѣ изъ нѣкотораго села дьячокъ, смотрѣлъ и онъ и при пріѣздѣ его въ село стали его спрашивать мужики, что видѣлъ ли государя, а онъ отвѣтилъ: какого государя, это чорта везли, а не государя. Тогда мужикъ его ударилъ въ ухо и объявилъ управителю и попу, то онаго дьячка взяли въ Москву, и попа и дьякона тоже. Попа-то отпустили изъ Москвы и отъ службы отрѣшили, а дьячка и дьякона и теперь держатъ, и неизвѣстно, что будетъ съ ними; 33-й слухъ—царскаго кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ пирожкѣ и никакъ не могли его отпоить молокомъ, а докторъ, который лѣчилъ государя, померъ, пріѣхавши въ Петербургъ; 34-й слухъ—когда привезутъ государя покойнаго въ Петербургъ, и поставятъ тѣло его въ означенномъ соборѣ, тогда вся царская фамилія будетъ его осматривать, а другого званія, кромѣ царской фамиліи, не будетъ въ соборѣ никого, а тѣло его будетъ вынуто изъ гроба и осмотрѣно кѣмъ слѣдуетъ; 36-й слухъ—государя когда привезутъ въ Петербургъ, то станутъ его осматривать при иностранныхъ короляхъ и посланникахъ; 37-й слухъ—государево тѣло самъ государь станетъ встрѣчать, свое тѣло, и на 30-й верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него, который ему сказалъ, а онъ бѣжалъ тогда и скрывался до Петербурга; 39-й слухъ—когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходятъ къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашивали, что государь дѣлаетъ, имъ отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь, также и на другой день

пришли, получили тотъ же отвѣтъ и ушли опять, тогда пришли на третью ночь, имъ отвѣтили, что государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ государю и сказалъ ему: «васъ сегодня изрубятъ, приготовьтесь непремѣнно»— что государь сказалъ солдату: «хочешь за меня быть изрубленнымъ»—то солдатъ сказалъ: «я не хочу ни того, ни другого»; то государь сказалъ ему: «ты будешь похороненъ, какъ я, а родъ твой будетъ весьма награжденъ, то солдатъ тогда на оное согласился. Онъ надѣлъ на себя царскій мундиръ, а государя спустилъ въ окно, а на солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто государя, и т. д.; 32-й слухъ—когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ, и тамъ строился дворецъ для Елизаветы Алексѣевны, то государь пріѣхалъ въ оный изъ задняго крыльца, стоявшій тамъ часовой остановилъ его и сказалъ: не изволите входить на оное крыльцо, васъ тамъ убьютъ изъ пистолета. Государь на это сказалъ: «хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился, а государь надѣлъ солдатскій мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій, государя, шинель и шляпу и пошелъ въ отдѣлываемый дворецъ, прикрывъ лицо шинелью. Какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистолета по немъ выстрѣлили, но не попали, солдатъ повернулся, чтобы назадъ идти, то другой выпалилъ по немъ, прострѣлилъ его, солдата подхватили и потащили въ тѣ палаты, гдѣ жила супруга государева, и доложили ей, что государь весьма нездоровъ и потомъ послѣ померъ, яко государь. А настоящій государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, но неизвѣстно куда, и писалъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобы онаго солдата похоронили, какъ меня.

Кромѣ того въ письмахъ Александра Булгакова къ брату его Константину, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», находятся тоже указанія на распространеніе всевозможныхъ слуховъ, такъ, напр., 27 янв. 1826 года онъ пишетъ:

«Не повѣришь, что за вздорные слухи распространяютъ кумушки и пустословы по городу. Жаль, право, что князь Дмитрій Владиміровичъ (Голицынъ) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, кои возьмутся для прекращенія или предупрежденія безпорядковъ. Говорятъ, что подписками обязываютъ фабрикантовъ не выпускать фабричныхъ въ день процессіи, что кабаки будутъ заперты, и

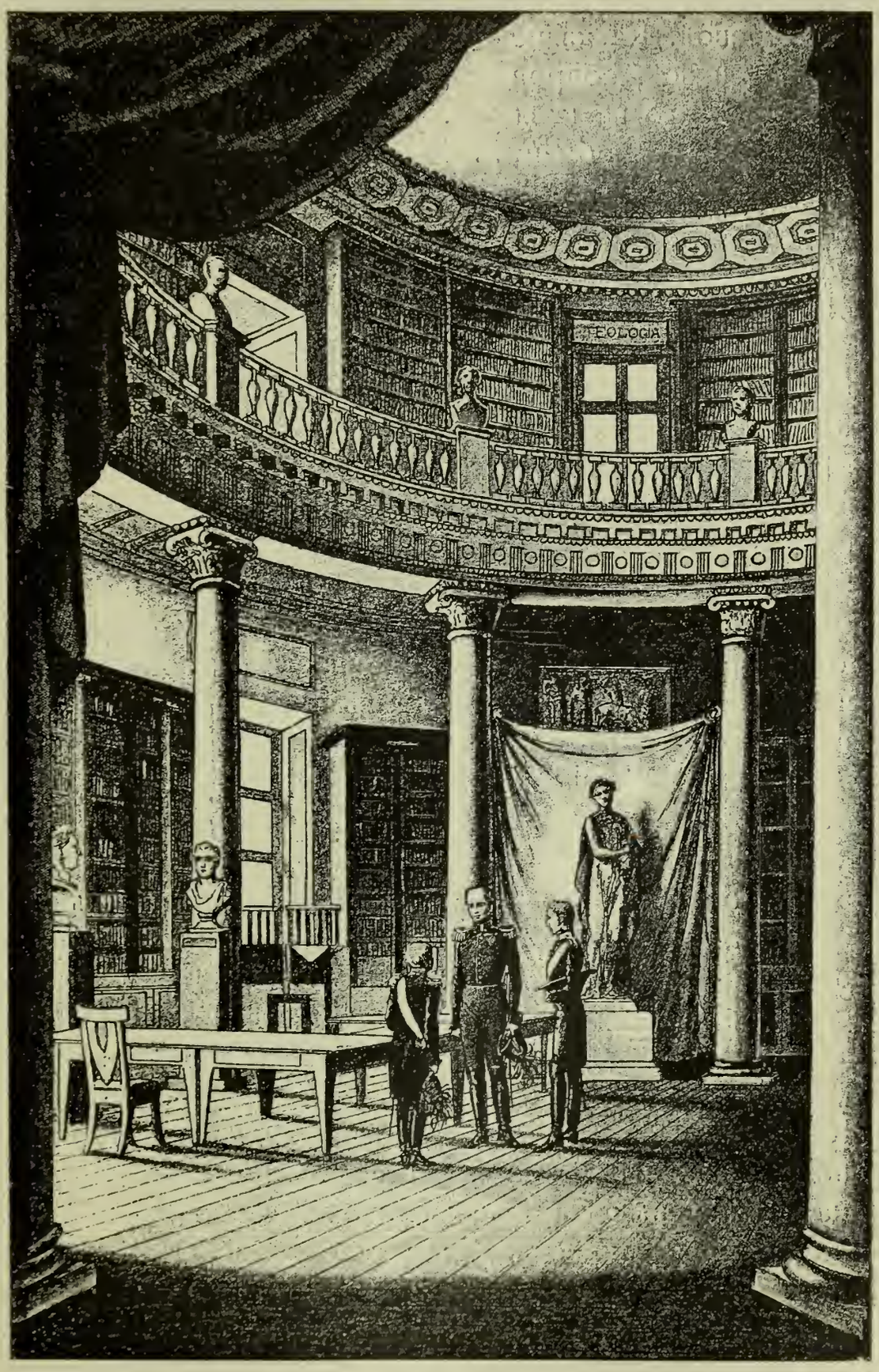
множество другихъ подобныхъ мѣръ. Князь поставитъ себя въ непріятное положеніе и заслужитъ нареканіе справедливое тѣхъ, коихъ не допуститъ принять участіе въ отданіи послѣдняго долга».

Въ письмѣ 4-го февраля говорится: «Филаретъ съ духовенствомъ лобзали останки безцѣнные, а послѣ всѣ царевичи, князь Дмитрій Владиміровичъ, генералъ-адъютанты, и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смѣяться надъ глупцами, кои трусили уѣзжать изъ Москвы или просили часовыхъ для себя на это время. Да я своею головою ручался моей женѣ и всѣмъ, что весь городъ будетъ покоенъ, что видъ гроба Александра I заставитъ все на свѣтѣ забыть, и что въ народѣ одно только будетъ чувство—скорбь. А, конечно, бездѣльники были дѣятельны и разсѣивали разные глупые слухи, кои дураковъ пугали. Благоговѣніе народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ прикладывались, всѣ почти въ землю. Во всю ночь были поклонщики. Ночь не была потеряна. Дабы доставить всѣмъ удовольствіе приложиться къ безцѣнному праху, впускали солдатъ здѣшняго гарнизона».

Въ письмѣ 7-го февраля: «Александръ Сергѣевичъ Марковичъ, фельдъегерь, бывшій при государѣ во время его болѣзни, кончины и послѣ оной, видѣлъ все происходившее въ горестное это время, обмывалъ драгоцѣнное тѣло, дежурилъ 4-ро сутокъ при ономъ, не спавши; открытіе тѣла, бальзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство, удовлетворялъ оное въ полной мѣрѣ. Первый консиліумъ, на который государь очень неохотно согласился, говоря Виллiе, что онъ въ немъ не сомнѣвается, и что все дѣлается по волѣ Божьей, былъ 13-го числа. Кромѣ Виллiе были также Штофрегенъ и Ренгольдъ; сей, вышедъ оттуда, сказалъ Марковичу на ухо: «золотое время было упущено». Государь не хотѣлъ слышать о лѣкарствахъ сначала, когда можно было разорвать болѣзнь. Крѣпкое его сложеніе столь оную преодолѣвало, что еще 11-го изволилъ самъ бриться безъ всякой усталости, безпрестанно повторялъ: «не мучьте меня. Дайте мнѣ покой!»

«И когда императрица стала наиубѣдительнѣйше его уговаривать принять лѣкарство, то императоръ, не имѣя чѣмъ возразить, просилъ ее оставить на нѣкоторое время одного,

дабы отдохнуть и воспользоваться наклонностью, которую чувствуетъ ко сну. Когда приставили піявки, то, какъ скоро



Посѣщеніе Александромъ Публичной библіотеки.

чувствовалъ дѣйствіе оныхъ, государь срывалъ ихъ самъ руками и кидалъ на полъ. Всѣ теперь видѣли, сколь гнусна

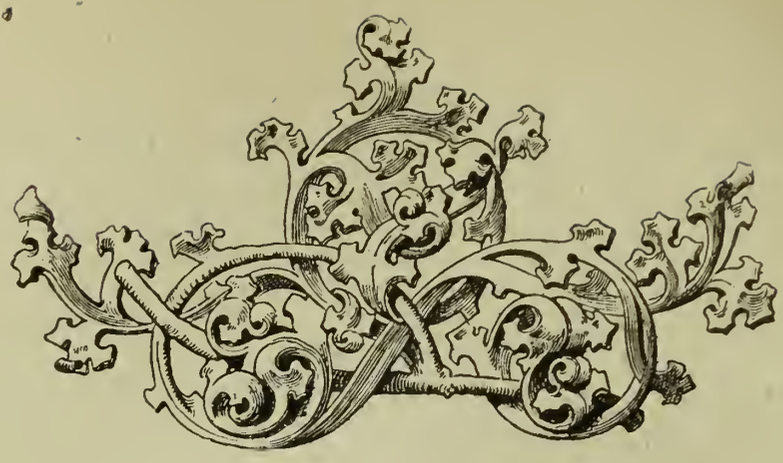
была клевета, выдуманная на вѣрный, богобоязливый и кроткій народъ русскій. Сказали, что, когда прибудетъ тѣло сюда, народъ потребуетъ вскрытія гроба, чтобы убѣдиться въ смерти государевой. Какая нелѣпость. Ужели всѣ сіи генералы, адъютанты и всѣ, сопровождающіе тѣло (назовемъ одного Илью, плачущаго на козлахъ), ужели они и весь Таганрогъ въ заговорѣ семъ, обмануть Россію? Слухи сіи однако же стали безпокоить князя Д. В.; онъ думалъ всему пособить, напечатавъ, что тѣло было отпѣто и напрасно, ибо правда всегда узнается».

Здѣсь нелишне будетъ дать описаніе дворца въ Таганрогѣ, гдѣ умеръ Александръ I, въ его настоящемъ видѣ: дворецъ въ Таганрогѣ состоитъ изъ небольшого одноэтажнаго каменнаго домика, имѣющаго 13 оконъ на улицу; направо ворота, ведущія во дворъ, гдѣ имѣется подъѣздъ во дворецъ, а на лѣвой сторонѣ небольшой садъ. Фасадъ дома окрашенъ темною охрою, а украшенія на немъ бѣлою краскою; крыша, какъ надо полагать, была зеленаго цвѣта. Вообще по наружному своему, весьма скромному виду, зданіе не походитъ на дворецъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ 12; онѣ маленькія до чрезвычайности, не высоки; окна небольшія; меблировка старинная, краснаго дерева, сохраняемая въ чехлахъ со временъ Александра I. Нѣкоторыя комнаты окрашены, нѣкоторыя оклеены обоями. Планъ внутренній дворца слѣдующій: маленькая передняя въ одно окно во дворъ и рядомъ съ нею пріемная въ два окна; изъ нея ходъ въ зало, имѣющее на улицу и во дворъ по три окна, въ залѣ стулья, два стола и часы въ углу. Изъ зала направо дверь въ домовую церковь, устроенную послѣ кончины Александра I въ той комнатѣ, въ которой онъ скончался, а налѣво въ гостиную и затѣмъ спальню императора и другія комнаты.

Живопись на иконахъ церкви настолько закопчена и загрязнена въ настоящее время, что судить объ ея достоинствѣ весьма трудно; въ алтарѣ весьма плохое изображеніе Іисуса Христа, несущаго крестъ. Иконостасъ зеленаго цвѣта, съ написанными бѣлыми колоннами, съ золотыми украшеніями и надписью: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы—и покоряйтеся, яко съ нами Богъ». Подъ алтаремъ, въ подвальномъ помѣщеніи, имѣется памятникъ, сдѣланный изъ бута; онъ какъ бы поддерживаетъ потолокъ. На памятникѣ вдѣлана бронзовая доска съ изображеніемъ кончины Александра; барельефъ, но очень плохой. Памятникъ окружаютъ девять колоннъ,

окрашенныхъ бѣлою краскою. По разсказамъ, подъ этимъ памятникомъ погребены внутренности Александра.

Служащіе при дворцѣ ошибочно нынѣ указываютъ на комнату, гдѣ будто бы скончался императоръ; эта комната имѣетъ два окна на улицу и находится между государевой гостиной, прилегающей къ залу, и опочивальнею императрицы; но этотъ покой не болѣе какъ одна изъ комнатъ, входившихъ въ число апартаментовъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ углу этой комнатки помѣщается большой турецкій диванъ, обитый когда-то розовою матеріею, нынѣ выгорѣвшею и сдѣлавшеюся желтаго цвѣта. У дивана ширмы изъ той же матеріи. У того же дивана въ головахъ столъ, покрытый ковромъ, вышитый, по разсказамъ, самою императрицею. Надъ столомъ въ настоящее время помѣщенъ портретъ въ старинной рамѣ императора Александра II. Въ противоположномъ углу печь; около нея бюро, съ мраморнымъ бюстикомъ Александра I. Ковры старые. Въ спальнѣ императрицы: кровать, столъ, кресла, наугольникъ и портретъ ея масляными красками, повидимому, копія. Изъ спальни этой входъ въ гостиную государыни; оттуда въ комнату дежурнаго генерала и затѣмъ въ библіотеку, имѣющую одно окно во дворъ и вдоль стѣнъ книжные шкафы. Государь скончался въ той комнатѣ, въ которой помѣщена теперь церковь.



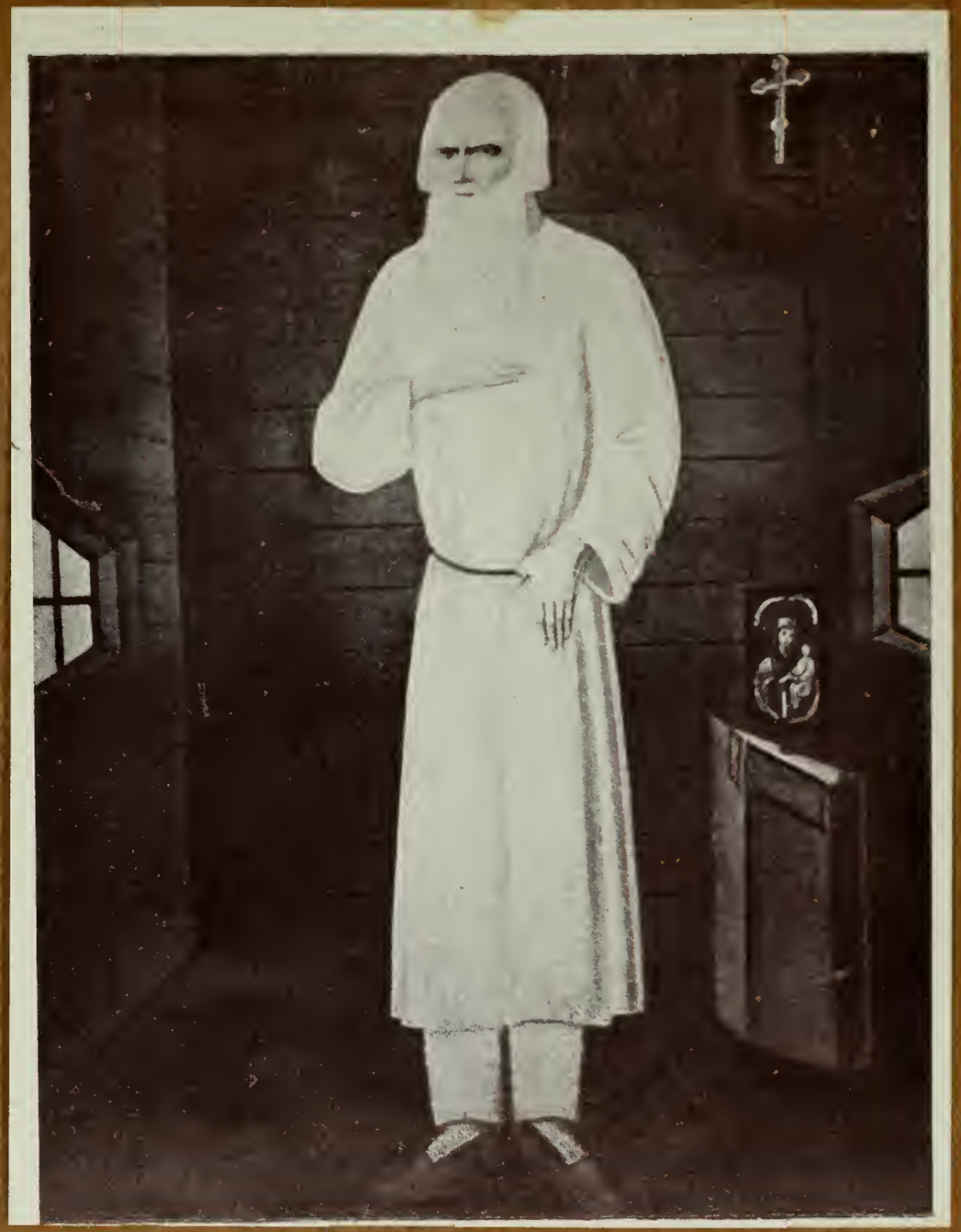
ГЛАВА ПЯТАЯ.

Характеръ Александра и его болѣзнь.

Итакъ, событія послѣднихъ 10-ти лѣтъ царствованія Александра I и въ особенности измѣненія въ его личности и характерѣ, происшедшія къ концу его жизни, настолько были рѣзки и соотвѣтственно поражающи, что современники и окружающіе его не могли не останавливаться мысленно на этихъ перемѣнахъ. Говорить объ нихъ вслухъ было опасно, можно было лишиться всего благосостоянія, надо было таить свои наблюденія и мысли, можно было дѣлиться ими только лишь съ самыми вѣрными друзьями. Атмосфера таинственности сгущалась вокругъ императора, онъ самъ тоже поддавался общему настроенію и поддерживалъ его. Онъ никому не довѣрялся и всѣхъ опасался. Ему нужно было имѣть около себя такихъ церберовъ, какъ Аракчеевъ, и ему одному онъ сравнительно вѣрилъ.

Страсть къ передвиженіямъ, проявившаяся особенно сильно въ эти годы, совершенно не соотвѣтствовала нуждамъ управленія государствомъ, скорѣе и вѣрнѣе это было просто неудержимое стремленіе къ перемѣнѣ мѣста, чтобы не оставаться по-долгу гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, это было болѣзненное явленіе со стороны человѣка, не довѣряющаго никому и опасающагося всѣхъ. Ему было все равно, ѣздить ли въ предѣлахъ своей имперіи, или отправиться внѣ ея, только бы не засиживаться долго. Даже въ послѣднюю поѣздку, едва успѣвъ прибыть на мѣсто, Александръ уже ѣдетъ дальше, ѣдетъ въ неудобное для осмотра и путешествій время и возвращается домой уже совершенно больнымъ. Но

Маска Александра I.



Портретъ Ѳ. Кузьмича.

это лишь одна изъ чертъ болѣзненно измѣненнаго характера Александра.

Другая не менѣе важная черта—это мистицизмъ, это набожность и крайняя религіозность. На этой почвѣ Александръ сошелся даже съ такимъ изувѣромъ и несомнѣнно душевнобольнымъ человѣкомъ, какъ Фотій. Стоитъ только припомнить сцену аудіенціи, данной Фотію, по описанію послѣдняго, чтобы понять ясно, что здѣсь передъ нами не одинъ, а скорѣе два больныхъ человѣка. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ надо совершенно утратить способность правильной критики окружающаго, чтобы принимать серьезно, съ благоговѣніемъ, всѣ причитанія и выходки этого изувѣра, чтобы представлять себя понимающимъ всю галиматью, которую онъ выкладывалъ передъ слушателемъ, надо было довольствоваться исключительно формой, а не содержаніемъ, чтобы на колѣняхъ просить молитвы и заступничества этого малопонимающаго, необразованнаго, неосмысленнаго фанатика, произносившаго наборъ фразъ объ антихристѣ и страшномъ судѣ, и пр.; и не только слушать, но еще и восхищаться и умиляться. Эта же слабость критики проявляется и по отношенію къ другому злому генію Александра — Аракчееву, когда никакія самыя убѣдительныя жалобы, просьбы, возстанія и возмущенія не могли подвинуть Александра на то, чтобы вникнуть въ суть и провѣрить, правда ли въ колоніяхъ все такъ хорошо, какъ ему расписывалъ временщикъ и какъ ему показывали при мимолетномъ осмотрѣ. И это не было какое-нибудь маловажное по его мнѣнію дѣло, которое было недостойно его вниманія, нѣтъ, это, по его же признанію, было дѣломъ очень серьезнымъ и важнымъ.

Вполнѣ гармонируетъ съ этимъ и страсть говорить и дѣйствовать загадками, какими-то полунамеками, таинственно. Возьмемъ хоть опять-таки очень важный и серьезный вопросъ о престолонаслѣдіи; Александру было хорошо извѣстно, что по его же манифесту о наслѣдіи престола Константинъ не могъ бы вступить на него вслѣдствіе своей женитьбы на полькѣ, слѣдовательно тутъ даже не было выбора другого, какъ объявить всенародно еще при своей жизни наслѣдникомъ Николая, а на дѣлѣ оказывается, что Александръ предпочитаетъ намекнуть и даже не разъ Николаю объ этомъ въ частномъ разговорѣ, даже безъ свидѣтелей, ухитряется самымъ таинственнымъ образомъ спрятать три документа объ этомъ съ предписаніемъ вскрыть ихъ

послѣ своей смерти, и хранить упорное молчаніе и никому не выдать тайны о содержаніи этихъ документовъ даже на смертномъ одрѣ.

Приведемъ текстъ этого интереснаго документа:

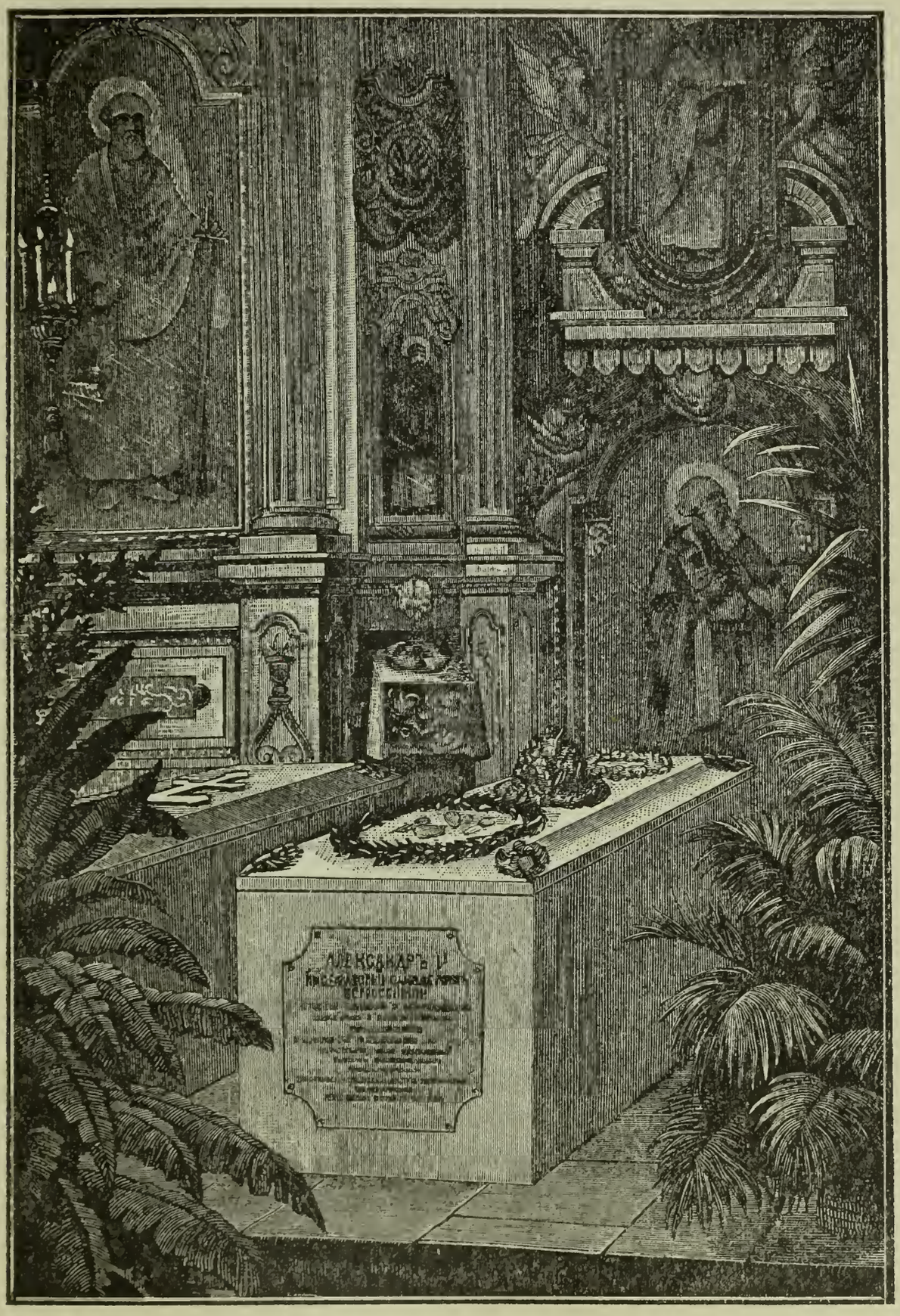
«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ, непрестанно мы чувствуемъ себя обязанными предъ вседержителемъ Богомъ, чтобы, не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго нами отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе, послѣ насъ, чрезъ ясное и точное указаніе Преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ оставаться празднымъ.

«Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ нашемъ сію священную заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, предано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи Престола, постановленному нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

«Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

«Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола, у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ ни-

какого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола; съ согласія Августѣйшей родительницы Нашей, по дошед-



Гробница Александра въ Петропавловскомъ Соборѣ.

шему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога Са-

модержавной Власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ, свободному отреченію перваго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствую-

Баронесса Крюденеръ.

щемъ Сенатѣ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму Брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

«Послѣ сего мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, Государственныя сословія, которымъ на-

стоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его Вѣчное».

Послѣдняя фраза написана кн. Голицынымъ, такъ какъ четыре варіанта ея, представленные Филаретомъ, не понравились Александру; онъ подчеркнулъ въ первомъ варіантѣ слова: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ»— чѣмъ поставилъ въ затруднительное положеніе митрополита.

Здоровый во всѣхъ отношеніяхъ, крѣпкій умственный аппаратъ не допустилъ бы сдѣлать это при ясномъ пониманіи важности такого поступка и серьезности его для страны. Не есть ли это явленіе слабости, дефекта?

Ту же таинственность мы видимъ далѣе и при отъѣздѣ изъ Петербурга въ Таганрогъ, при посѣщеніи отшельника въ Невской Лаврѣ, и т. д.

Съ другой стороны о существованіи болѣзненной подозрительности въ Александрѣ намъ говоритъ не только его страсть къ путешествіямъ, но и такіе факты, какъ упорный отказъ отъ лѣкарствъ во время болѣзни въ Таганрогѣ, или дѣло разслѣдованія о камешкѣ, попавшемъ въ хлѣбъ, испеченный поваромъ во время пребыванія въ Таганрогѣ, когда Волконскому едва удалось убѣдить императора въ отсутствіи злого умысла съ чьей-либо стороны. Мы видимъ, какъ во время болѣзни Александръ часто посылалъ за императрицей, чтобы она присутствовала во время его обѣда, и случалось тоже, что онъ обращалъ ея вниманіе на особенность вкуса того или иного блюда или питья,—если не считать это измѣненіемъ вкуса уже вслѣдствіе острой болѣзни, то, конечно, придется отнести его на счетъ психической причины.

Мы не имѣемъ прямого основанія предполагать существованія галлюцинацій у Александра, но его бесѣда съ Фо-

тіемъ даетъ поводъ думать, что внушеннымъ образомъ могло на этотъ разъ дѣло дойти до появленія ихъ, а съ другой стороны, при скрытности Александра вообще, можно думать, что онъ могъ тщательно скрывать ихъ, какъ это дѣлаютъ обычно больные, и при томъ такъ искусно, что никому и въ голову не могло придти подозрѣвать что-либо подобное.

Однако, не рѣдко можно было слышать отъ современниковъ, что государь находится «какъ бы въ какомъ-то душевномъ затменіи». Да и было отъ чего. Помимо тяжелой наслѣдственности, было много причинъ, начиная съ войны 12-го года, могшихъ вызвать въ совокупности своей не одно только нервное разстройство, а и болѣе серьезнаго характера болѣзнь.

Наводненіе съ его ужасами, бунты поселеній и расправы Аракчеева, опасенія новой войны, происки Меттерниха,

интриги собственныхъ придворныхъ,—все это могло подорвать здоровье Александра и вызвать въ немъ прямо отвращеніе и къ этой обстановкѣ и даже къ самой жизни; это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ; онъ не разъ упоминалъ, что желалъ бы сдать бремя власти преемнику, а во время пребыванія въ Веронѣ это такъ было рѣзко видно, что Меттернихъ въ своихъ запискахъ прямо назвалъ тогдашнее состояніе императора «утомленіемъ жизнью».

Настроеніе духа Александра было мрачное, онъ высказывалъ, напр., императору Францу о томившемъ его предчувствіи близкой смерти. Это было за три года до рокового исхода.

Такія разстройства умственной и чувствующей сферы естественно должны были непосредственно отразиться и на волевой дѣятельности Александра. Это мы и видимъ на дѣлѣ. Послѣдніе годы Александръ метался, можно сказать, отъ одного пристанища къ другому, отъ Сперанскаго къ Аракчееву, отъ Филарета къ Фотію, отъ князя Голицына къ адмиралу Шишкову и нигдѣ не находилъ удовлетворенія.

Говоря словами современника, можно сказать, что «въ послѣдніе годы царствованія Александра безсильная геронтократія [1]) дремала у государственнаго кормила: старики — Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались скорѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами: всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ».

Ему Александръ совершенно не могъ и не умѣлъ противопоставить свое желаніе, свою волю; онъ лишь робко рѣшается напомнить о возможности пристрастія и ошибочности единоличнаго суда и расправы надъ бунтовщиками и, сдѣлавши это, какъ бы тотчасъ забываетъ самъ свои слова и уже нигдѣ больше этого не повторяетъ.

Такое состояніе духа и воли Александра послужило темой для изслѣдованія одному изъ русскихъ ученыхъ психіатровъ [2]).

Правда, что нашъ ученый профессоръ разсматриваетъ болѣзненное состояніе Александра I нѣсколько подъ другимъ угломъ зрѣнія, — онъ считаетъ это измѣненіе воли за

---

[1]) Правленіе старѣйш. въ Спартѣ.

[2]) Проф. Сикорскій. «Вопр. нервно-псих. медицины». Кіевъ, 1901 г.

результатъ недоразвитости характера въ видѣ *слабой недоразвитой воли* при удовлетворительномъ развитіи ума и чувствъ, но въ томъ-то и дѣло, что и послѣднія упомянутыя области, какъ мы видѣли уже, надо признать не вполнѣ цѣлыми, а значительно пострадавшими.

Кучеръ Александра I.

Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ необходимымъ привести доказательства профессора, какъ они изложены у него: «подобный характеръ (т.-е. болѣзненно недоразвитый въ волевомъ отношеніи), говоритъ маститый ученый, остается безъ особенныхъ послѣдствій въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, въ особенности въ профессіяхъ умственнаго труда (ученые, художники, артисты). Но въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ требуется практическая дѣятельность, въ особенности тамъ, гдѣ необходимо вліяніе на людей, управленіе массами, гдѣ предстоитъ выборъ и смѣна сотрудниковъ, — словомъ въ

сферѣ политической и административной,—люди съ недоразвитой волей часто оказываются безсильными и бездѣятельными. Для неограниченнаго же Монарха подобный характеръ является роковымъ, служа соблазномъ для простора и смѣлости временщиковъ».

«Такимъ характеромъ отличался Императоръ Александръ I».

Императоръ Александръ I представлялся своимъ современникамъ «загадочной личностью», «неразгаданнымъ сфинксомъ», человѣкомъ, котораго они сами не понимали, но о которомъ думали, что его не пойметъ и потомство. Такой взглядъ раздѣляетъ и авторъ разбираемой книги (т. I, стр. 139). Наиболѣе затрудненій въ пониманіи личности Александра I представляли тѣ противорѣчія въ его характерѣ, тѣ черты, которыя совершенно несовмѣстимы и совершенно исключаютъ одна другую. Въ настоящее время характеръ подобнаго рода уже не представляетъ затрудненій для психологическаго анализа».

По словамъ профессора, «Александръ I былъ натура, одаренная тонкимъ художественнымъ развитіемъ чувствъ при среднемъ умѣ и слабой волѣ. Въ этомъ особенномъ сочетаніи душевныхъ силъ, въ этой психической односторонности и несоизмѣримости кроется разгадка всѣхъ противорѣчій и неожиданностей, которыми переполнена была жизнь этого глубоко-симпатичнаго и столь же несчастнаго человѣка».

«При жизни императора и впослѣдствіи, для объясненія его дѣйствій и характера, придавали нерѣдко значеніе той противоположности впечатлѣній, среди которыхъ онъ росъ, находясь подъ вліяніемъ бабки и впослѣдствіи отца. Хотя эти вліянія несомнѣнно были противоположны, но корень зла лежалъ въ самомъ природномъ складѣ характера Александра I. Быть можетъ, если бы это обстоятельство въ ту пору было понятно, какъ теперь, воспитаніе будущаго императора могло быть инымъ, а въ зависимости отъ этого и самая жизненная судьба его болѣе счастливой. Но въ ту эпоху педагогическая психологія едва начиналась, а о возможности существованія одностороннихъ или неразвитыхъ характеровъ еще ничего не было извѣстно.

«Въ дѣтствѣ Александръ былъ веселъ, беззаботенъ и уже очень рано обнаруживалъ доброту, нѣжность и сочувствіе къ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показывалъ любознатель-

ность, вниманіе, разсудительность, ловкость и вкусъ къ изящному. Но въ то же время развитіе воли далеко не соотвѣтствовало развитію ума и силѣ чувства, и императрица Екатерина, близко слѣдившая за нимъ съ момента рожденія, не безъ удивленія отмѣчаетъ эту особенность его характера. Она слѣдующимъ образомъ выражается о «господинѣ Александрѣ»: заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь—вниманіе, заставлю его играть въ жмурки—онъ и на это готовъ, однимъ словомъ, онъ мальчикъ, соединяющій въ себѣ множество противоположностей. Противоположности вытекали изъ рѣзкой разницы въ степени развитія у него основныхъ сторонъ души—чувства и воли. Эта разница низвела до минимума пользу, какая могла бы быть извлечена изъ многихъ прекрасныхъ сторонъ его души и привела почти къ отрицательнымъ результатамъ жизненное значеніе этой благородной и великодушной личности.

«Слабость воли Александра I сдѣлала нѣкоторыя чувства его чрезмѣрными, давая полный просторъ ихъ одностороннему росту. Во всю свою жизнь императоръ былъ неспособенъ подавить въ себѣ робость, конфузливость, тщеславіе, обидчивость; онъ часто плакалъ, и слезами и вздохами зачастую разрѣшались у него напряженія души, ждавшія и требовавшія иного исхода. Оттого его добрыя качества оставались неустойчивыми и при первыхъ испытаніяхъ жизни обращались въ противоположныя модификаціи: довѣрчивость, кротость и ловкость—въ подозрительность, строгость, неприступность.

«Слабость воли, говоритъ Сикорскій, выступала рѣшительно во всѣ моменты жизни, и это обозначилось всего яснѣе въ тотъ періодъ, когда воля получаетъ свое окончательное развитіе, т.-е. съ наступленіемъ юности. Въ дѣтскіе годы и въ отрочествѣ еще не бываетъ полнаго развитія воли, и это не нарушаетъ гармоніи духа и не отзывается рѣзко въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но въ юношескомъ, а въ особенности въ зрѣломъ возрастѣ слабая воля вноситъ непоправимый диссонансъ въ психическій складъ человѣка, въ его внутренній міръ и его дѣятельность.

«Благодаря слабой волѣ, Александръ не могъ сдерживать порывовъ фантазіи и не могъ напрягать свое вниманіе въ здоровомъ добромъ направленіи. Отсюда — мечтательность, составлявшая рѣшительную черту его характера. Предаваясь великодушнымъ мечтамъ, онъ создалъ себѣ ум-

ственный культъ служенія добру и осуществлялъ это добро скорѣй въ мечтахъ и фантазіи, чѣмъ въ дѣйствительности. Эту черту замѣчаетъ въ немъ князь Чарторыжскій во время знаменитой трехчасовой бесѣды съ юнымъ Александромъ въ Таврическомъ саду.

«Слабость воли и преобладаніе чувства, этотъ роковой порокъ души, сказывался болѣе всего при встрѣчѣ личности Александра съ другими. Не только люди сильные умомъ и волей брали перевѣсъ надъ личностью Александра, но даже фанатики, т.-е. люди, лишенные развитія ума, а лишь сильные волей, подавляли и подчиняли его. Онъ преклонялся не передъ сильнымъ чувствомъ, не передъ непоколебимой логикой, но предъ простымъ рѣшительнымъ напряженіемъ воли, хотя бы за этой волей не было ни высшихъ чувствъ, ни логики. При такихъ свойствахъ своего характера Александръ I не только не могъ осуществить

Баронесса Крюденеръ.

благородныхъ стремленій и возвышенныхъ идеаловъ своей души, не только не могъ отстоять своихъ принциповъ, но былъ безсиленъ защищать свою собственную личность отъ нравственнаго порабощенія грубыхъ и смѣлыхъ людей, лишенныхъ того тонкаго пониманія и того чутья истины, какимъ обладалъ императоръ. Фанатическій узкій умъ Фотія и грубая практическая душа Аракчеева овладѣли Александромъ и подчинили его себѣ. Тонкія художественныя чувства Александра, оставаясь одинокими въ душѣ и не находя для себя поддержки ни въ проницательномъ умѣ, ни въ сильной волѣ, не могли устоять и постепенно вырождались. Личность импе-

ратора съ теченіемъ времени не только не совершенствовалась въ нравственномъ смыслѣ, но отступала назадъ. Императоръ безплодно волновался, нравственно страдалъ и подъ часъ тяжко мучился, но былъ безсиленъ предупредить органическое измѣненіе своего характера. (Мы, разумѣется, говоримъ, прибавляетъ Сикорскій, о физическихъ, а не о патологическихъ измѣненіяхъ характера [1]).

«Роковой процессъ порчи характера начался у Александра очень рано—съ того періода, когда надлежало бы наступить полному развитію воли, т.-е. съ юношескаго возраста. Уже въ это время у него высказываются первые признаки слабости воли: на него по временамъ нападала ничѣмъ необъяснимая медленность, праздность и лѣнь, столь мало свойственныя острому живому направленію юношескаго ума. Слабая воля не могла удержать Александра отъ физическихъ эксцессовъ, наступившихъ вслѣдъ за его раннимъ бракомъ и повлекшихъ за собою не только физическую слабость, но и замѣтную умственную усталость и бездѣятельность. Пустота души, вызванная такими перемѣнами, заполнялась пустымъ, ничтожнымъ и нерѣдко недостойнымъ препровожденіемъ времени въ обществѣ парикмахера Романа и прочихъ «комнатныхъ», на что неоднократно жалуется Протасовъ.

Но всего рѣзче и очевиднѣе слабость воли Александра сказывается тамъ, гдѣ требовалось единовременное напряженіе ума и воли. Тутъ онъ обыкновенно слабѣлъ и уступалъ, отдаваясь безплоднымъ волненіямъ. Такъ онъ поступилъ въ 1796 году, когда нужно было дать рѣшительный отвѣтъ на предложенный ему постъ наслѣдника престола. Такъ онъ отвѣчалъ и въ ту, гораздо болѣе важную минуту, которая предшествовала смерти императора Павла. Сначала молчаніе, вздохи, а затѣмъ уступка, какъ справедливо замѣчаетъ Шильдеръ.

«Слабость воли, безсиліе отстаивать свою независимость и личность рано развило въ Александрѣ черту, стоящую рѣзкимъ диссонансомъ въ его честной возвышенной душѣ. Мы разумѣемъ уклончивость, обратившуюся впослѣдствіи въ скрытность и обманъ. На эту черту указываетъ и жалуется и Екатерина, и другія лица, имѣвшія близкое отношеніе къ Александру. Уклончивость, скрытность, а затѣмъ

---

[1]) А между тѣмъ въ нихъ-то вся и суть. (*Прим. автора*).

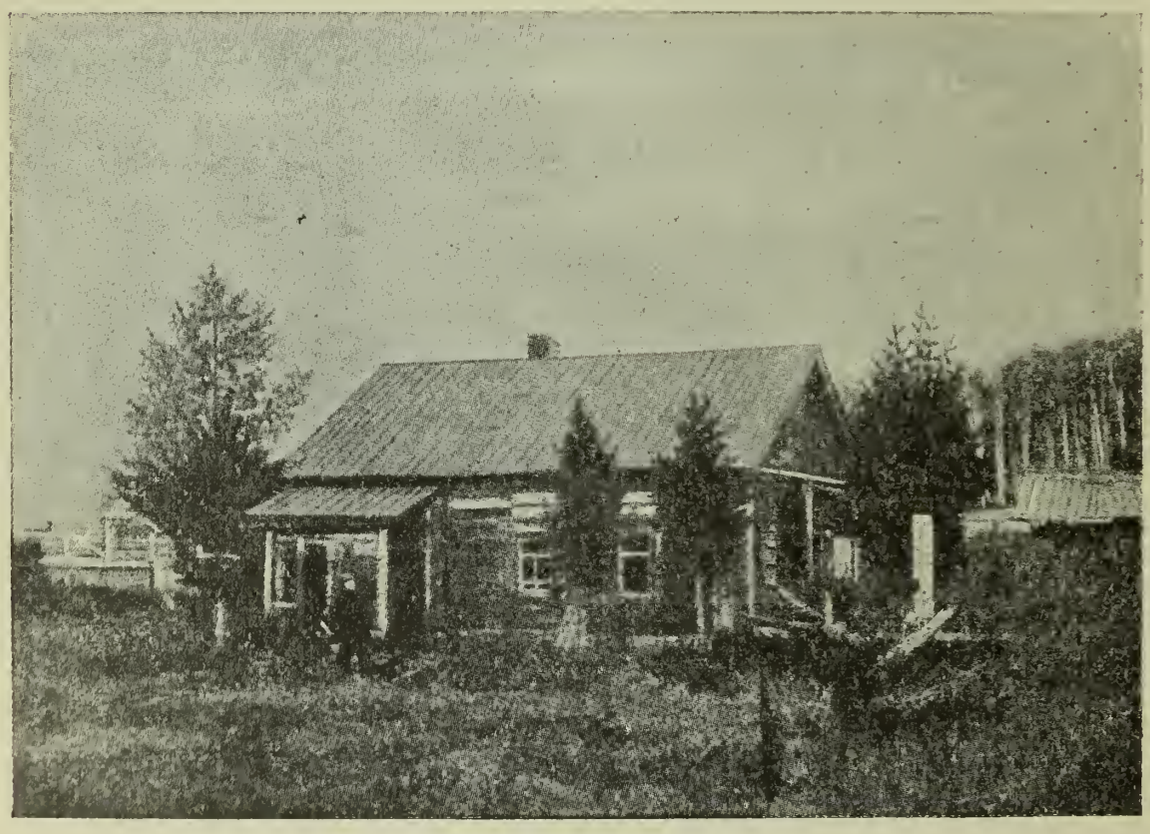
и двоедушіе помогли ему выходить изъ затрудненій тамъ, гдѣ требовалась прямота и рѣшительная воля для отстаиванія своихъ убѣжденій и предначертаній. Обидчивость и мстительность, тщеславіе и хитрость постепенно явились плодомъ слабой воли, безсильной охранять высшія, благороднѣйшія качества души, которыми былъ богатъ Александръ. Въ важныхъ случаяхъ жизни, среди крупныхъ событій, приходило въ возбужденіе его чувство, но менѣе возбуждался умъ и всего менѣе воля: онъ былъ безсиленъ въ психической борьбѣ. «Если бы въ это время здѣсь вы были,—говоритъ онъ Чарторыжскому о событіяхъ передъ своимъ вступленіемъ на престолъ, я бы не позволилъ себя увлечь на этотъ путь. Императрица Елизавета Алексѣевна говоритъ, по поводу тѣхъ же событій, что «его чувствительная душа навсегда останется растерзанной. Молчаніе, согласіе, вздохи, т.-е. безсиліе мысли, безсиліе воли и одни только волненія. Такая внутренняя борьба, которою жилъ этотъ, достойный лучшей участи, человѣкъ, кончилась не возвышеніемъ, а упадкомъ характера, не прогрессомъ души, а горестной деградаціей. Онъ безмѣрно желаетъ поступать во всемъ хорошо, онъ обѣщаетъ... говоритъ о немъ Екатерина, но для осуществленія желаній и обѣщаній необходимы непрерывныя напряженія воли. Этого-то и недоставало Александру.

«Такимъ образомъ изъ благороднѣйшаго, великодушнаго юноши, какимъ былъ Александръ, постепенно, путемъ естественной психической эволюціи, выработался человѣкъ, который, по справедливому замѣчанію современника, былъ одновременно и великодушнымъ и мечтательнымъ, и двоедушнымъ. Легко понять, что и самый жизненный путь и осуществленіе жизненныхъ цѣлей не могло удасться этому человѣку, столь не полному въ психологическомъ смыслѣ.

«Быть можетъ, заключаетъ Сикорскій, нельзя найти лучшаго примѣра для выясненія важности правильнаго, основаннаго на психологіи, воспитанія, какъ грустная жизнь императора Александра I; на примѣрѣ его видимъ ясно, что какъ бы ни были счастливо выражены отдѣльныя черты характера, окончательный складъ души опредѣляется не ими одними, а всею суммою душевныхъ качествъ человѣка. Жизнь зрѣлаго человѣка вводитъ въ живое дѣйствіе и въ борьбу всѣ силы. Отъ искусства человѣка, отъ его нравственныхъ усилій, отъ неусыпнаго самовоспитанія зависитъ направленіе и исходъ внутренней борьбы, какую ведутъ между собою лучшія и

худшія стороны характера. Исходъ этотъ можетъ выразиться то нравственнымъ усовершенствованіемъ, то, наоборотъ, прогрессивной порчей характера».

Вполнѣ соглашаясь въ общемъ съ первою частью этихъ заключительныхъ строкъ относительно важности «правильнаго, основаннаго на психологіи воспитанія» по отношенію не только къ Александру, но вообще ко всякому человѣку, мы должны совершенно разойтись съ нимъ въ коренномъ вопросѣ, относящемся до Александра. Вся суть заключается именно въ томъ, что не объ эволюціи личности должна идти



Изба, гдѣ жилъ Ѳ. Кузьмичъ.

рѣчь при разборѣ характера Александра въ предѣлахъ физіологическихъ измѣненій ея, а о патологическихъ измѣненіяхъ душевной дѣятельности подъ вліяніемъ развитія опредѣленнаго болѣзненнаго состоянія.

Описываемая Сикорскимъ въ его трудѣ «слабость воли» Александра I есть по нашему мнѣнію именно результатъ общаго болѣзненнаго состоянія, затронувшаго не только область воли, но и всѣ стороны душевной дѣятельности Александра, однѣ въ большей степени, другія въ меньшей. Напримѣръ, та скрытность его, о которой упоминается въ этой работѣ, есть не больше, какъ обычная форма подозрительности такого рода больныхъ, старанія скрывать иногда бредовыя идеи

иногда галлюцинаціи, какъ чисто болѣзненный симптомъ, сюда же слѣдуетъ отнести и молчаніе. Какъ ни старается нашъ почтенный ученый поставить на первый планъ чувство и умъ императора, но и ему приходится назвать умственныя способности его средними, а въ одномъ мѣстѣ прямо указать на времяпровожденіе его «пустымъ, ничтожнымъ, недостойнымъ».

Далеко не все обстоитъ благополучно и въ области чувства у Александра I. Мы уже видѣли указаніе на *двоедушіе*, а теперь приходится присоединить сюда рѣзкія черты *эгоизма*, ибо мы нигдѣ не видимъ, чтобы Александръ искренно и участливо относился къ горю и несчастію своихъ близкихъ. Даже когда Аракчеевъ писалъ ему о своемъ высшемъ горѣ, и тогда у него не нашлось ничего, кромѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ въ утѣшеніе, а между тѣмъ онъ не забылъ спросить, нѣтъ ли въ дѣлѣ политической подкладки. Характерно, что чувство альтруизма утрачивается при большинствѣ душевныхъ болѣзней однимъ изъ первыхъ и, если признать существованіе этого чувства у Александра въ молодые годы, то необходимо согласиться, что оно утратилось у него съ теченіемъ и развитіемъ болѣзни.

Къ благополучію его самого и къ счастью для окружающихъ и всей страны болѣзнь, если признать ея существованіе, была въ той легкой степени развитія, когда она можетъ протекать совершенно незамѣтно для окружающихъ, а для многихъ остаться даже сомнительнымъ самое ея существованіе; въ особенности трудно доказывать это теперь, такъ сказать заднимъ числомъ, когда нѣтъ записи точныхъ наблюденій и когда приходится дѣлать выводы на основаніи лишь сопоставленій.

Но данныя тяжелой наслѣдственности со стороны отца ненормальныя условія воспитанія, слишкомъ односторонняго, потрясенія при самомъ вступленіи на престолъ, неправильныя семейныя отношенія, могли служить, несомнѣнно, каждое съ своей стороны благодарной почвой для развитія болѣзни даже и въ болѣе рѣзкой формѣ.

Мистицизмъ и жестокость, тщеславіе и смиреніе, доброта и двоедушіе не могутъ ужиться въ человѣкѣ съ здоровымъ душевнымъ строемъ, для того же, чтобы эти свойства развивались и дѣйствовали, нужно было ослабленіе всѣхъ сторонъ душевной дѣятельности, это мы и видимъ подъ конецъ жизни Александра уже въ значительной степени. Всѣ его сотрудники изъ лучшихъ имъ были замѣнены никуда негодными дряхлыми стариками, самъ онъ дѣлами занимался

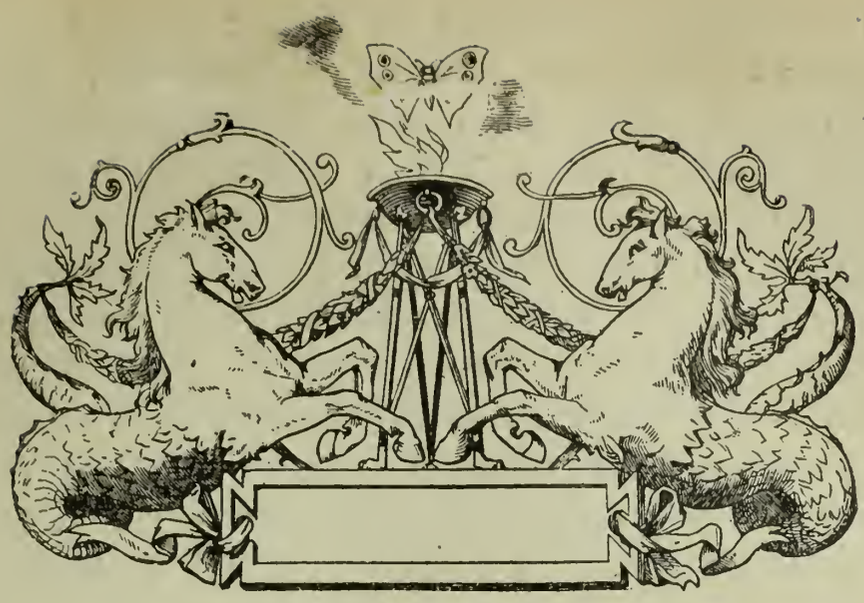
мало, проводя время въ поѣздкахъ, или интересовался какъ важнымъ, въ сущности же ничтожнымъ по существу для государства, дѣломъ военныхъ поселеній. Затѣмъ приближеніе Фотія съ его изувѣрствомъ грозило въ будущемъ большими осложненіями, и кто знаетъ, что ожидало бы страну, не прервись столь неожиданно жизнь Александра,—вѣдь предстояло раскрытіе заговора черезъ Шервуда.

Что же касается болѣзни, унесшей Александра въ могилу, то слѣдуетъ признать, хотя она не названа нигдѣ своимъ настоящимъ именемъ, что это былъ типичный брюшной тифъ, не лѣченный достаточно правильно съ одной стороны вслѣдствіе упорнаго отказа самого больного отъ лѣкарствъ, а можетъ быть и вслѣдствіе несовершенныхъ познаній окружавшихъ императора врачей. Единственнымъ, заслуживающимъ изъ нихъ признанія способнымъ человѣкомъ, былъ, повидимому, д-ръ Тарасовъ, но его вліяніе на ходъ лѣченія было ничтожно и онъ былъ призванъ къ постели больного почти лишь подъ конецъ, когда уже ничего нельзя было сдѣлать.

Откуда могла появиться эта болѣзнь? Съ одной стороны несанитарное состояніе города Таганрога, особенно въ то время, могло способствовать внесенію инфекціи, а съ другой стороны бивачная жизнь, которую передъ тѣмъ все время велъ Александръ, постоянные переѣзды, посѣщенія госпиталей съ заразными больными, гдѣ ему приходилось иногда пробовать пищу, давали много шансовъ заболѣть какою-нибудь заразною болѣзнью,—и вотъ, наконецъ, она явилась и унесла больного въ какихъ-нибудь 16—17 дней. Изъ всего теченія ея явствуетъ съ очевидностью, что то не была крымская перемежающаяся лихорадка, какъ совершенно неосновательно предполагалъ баронетъ Вилліе, а брюшной тифъ въ довольно рѣзкой формѣ. Къ сожалѣнію, въ протоколѣ вскрытія мы не имѣемъ указанія на подтвержденіе этого, такъ какъ на кишечникъ не было обращено достаточно вниманія и онъ совершенно не описанъ. Но за то мы почерпаемъ въ немъ одно очень цѣнное обстоятельство, указывающее на то, что вскрытъ былъ именно трупъ умершаго императора Александра, а не кого-нибудь другого, именно описаніе стараго рубца на ногѣ вскрываемаго отъ бывшей язвы, а у Александра былъ именно на этой ногѣ рубецъ отъ заживленія послѣ рожистаго флегмонознаго процесса на той же ногѣ. Такимъ образомъ, устанавливается сразу же тожество вскрываемаго съ умершимъ императоромъ.

Портретъ **Аракчеева,** *находящійся въ Грузинѣ.*

Часовня на могилѣ Ѳеодора Кузьмича.



ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Старецъ Кузьмичъ.

Посмотримъ же теперь, какого рода слухи тѣмъ не менѣе распространялись въ народѣ и почему имъ придавали вѣру?

Выше уже были приведены версіи различныхъ слуховъ о кончинѣ императора Александра. Постепенно, мало-помалу слухи по поводу событій 1825 года умолкли и современные письменные слѣды ихъ уже покоились въ разныхъ архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія неожиданно и съ новой силой воскресли старыя, давно забытыя народныя сказанія. На этотъ разъ они сосредоточились на одномъ таинственномъ старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагаютъ 87 лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшельника, называвшагося Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже къ жизни оффиціальную переписку о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи.

Осенью 1836-го года къ одной изъ кузницъ, находящейся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ какой-то мужчина, лѣтъ 60-ти, и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадью и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ, не гармонировавшій съ чрезвычайно мягкими, такъ сказать, не крестьянскими ма-

нерами проѣзжаго, обратился къ нему съ обычными въ этакихъ случаяхъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Уклончивые отвѣты проѣзжаго возбудили подозрѣнія собравшагося около кузницы народа, и неизвѣстный безъ всякаго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему, отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и объявилъ себя непомнящимъ родства бродягою, слѣдствіемъ чего былъ арестъ и затѣмъ судъ по тогдашнимъ законамъ за бродяжество. Говорятъ, что необыкновенно симпатичная наружность этого человѣка, добродушное выраженіе лица его, изящныя манеры, умѣнье говорить и проч., обнаруживая въ немъ хорошее воспитаніе и какъ бы знатное происхожденіе, вызвали общее сочувствіе и состраданіе; были употреблены всѣ мѣры уговорить его открыть свое настоящее званіе и происхожденіе, но всѣ увѣщанія и гуманныя попытки въ этомъ отношеніи оказались тщетными, и неизвѣстный упорно продолжалъ называть себя бродягою.

Въ томъ же году, Ѳеодоръ Кузьмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20-ю ударами плетей, высланъ изъ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близъ г. Ачинска, и приписанъ къ деревнѣ Зерцалы, Боготольской волости (въ то время округа), куда и прибылъ съ 43-ею партіею 26-го марта 1837 года.

Во время этого длиннаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ по сибирскимъ дорогамъ, Ѳеодоръ Кузьмичъ своимъ поведеніемъ, услужливою заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестантахъ, теплыми бесѣдами и утѣшеніями расположилъ къ себѣ всю партію злосчастныхъ путешественниковъ и, выпущенный на свободу съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по пути, положилъ залогъ своей будущей популярности.

Изъ сообщеній лицъ, хорошо знавшихъ Ѳеодора Кузьмича, напримѣръ, архимандритовъ Алексѣевскаго монастыря: о. Лазаря, о. Виктора, нѣкоторыхъ монаховъ и др., безошибочно можно сдѣлать приблизительно слѣдующее описаніе его наружности: ростъ его былъ выше средняго, около 2 ар. 9—10 в., плечи широкія, грудь высокая, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое, волосы на головѣ кудрявые, борода длинная, разумѣется, немного

вьющаяся, совершенно сѣдая, вообще черты лица чрезвычайно правильныя, красивыя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, немного вспыльчивый, но въ общемъ скорѣе всего флегматическій.

Костюмъ его состоялъ обыкновенно изъ длинной, грубой, толстой холщевой рубахи (только въ двухъ экземплярахъ), подпоясанной тоненькимъ ремешкомъ или веревочкою, такихъ же штановъ, 3—4 паръ бѣлыхъ бумажныхъ чулковъ, ежедневно смѣняемыхъ, и обыкновенныхъ кожаныхъ туфель. Сверхъ рубахи надѣвалъ онъ иногда длинный темно-синій суконный халатъ, а зимою старую сибирскую доху съ облинявшей шерстью.

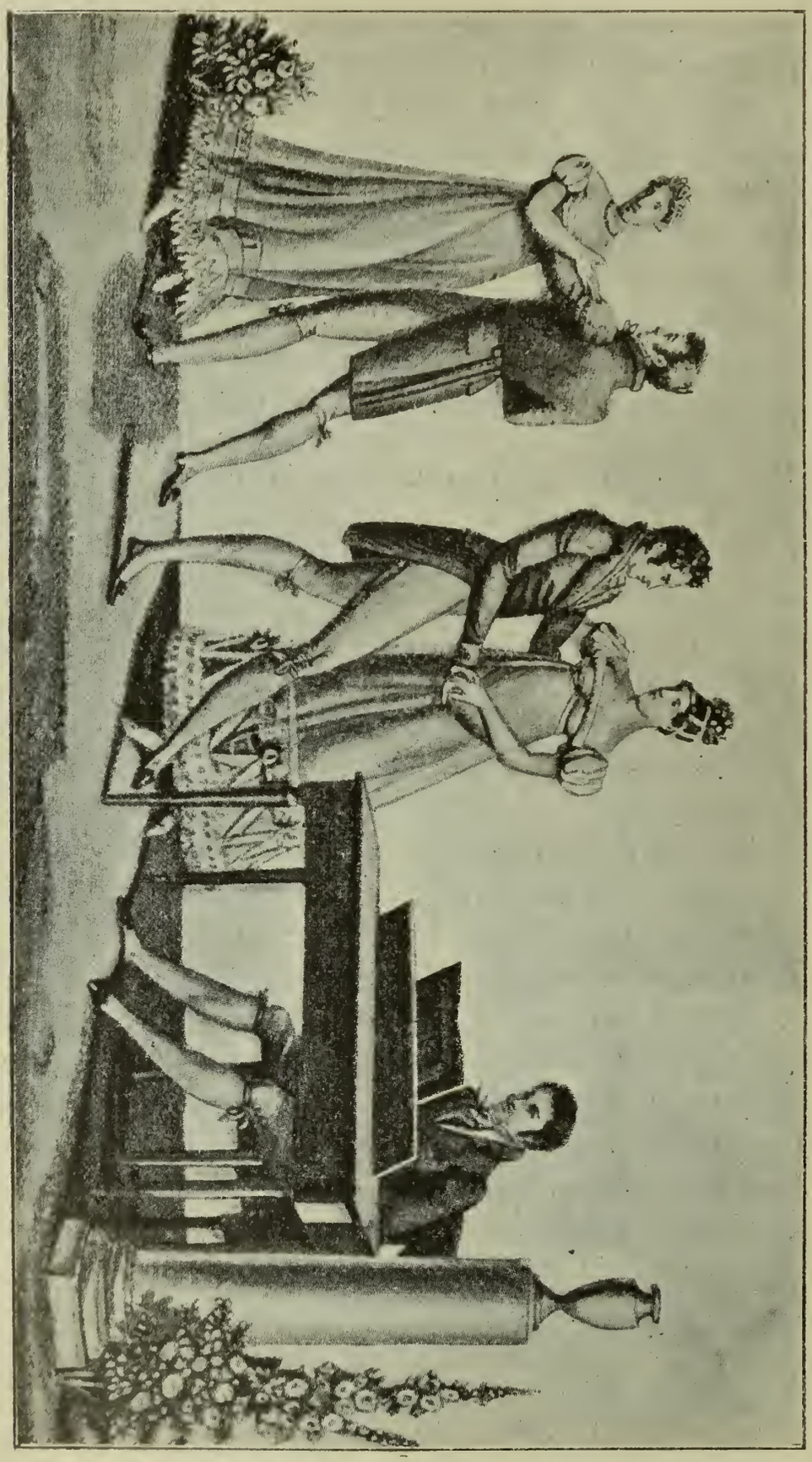
Несмотря на такой незначительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая, вообще старецъ былъ чрезвычайно аккуратенъ, держалъ себя и свою келью въ неподражаемой чистотѣ и не выносилъ вообще никакого безпорядка.

Первое время по прибытіи въ Сибирь Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный Краснорѣчинскій винокуренный заводъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго, Боготольской волости, гдѣ и прожилъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый впрочемъ ни на какія принудительныя работы.

Говорятъ, что обходились съ нимъ вообще очень хорошо, смотритель любилъ его и доставлялъ ему все необходимое, а прочіе служащіе и рабочіе относились къ нему съ особою заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, нѣкто казакъ Семеонъ Николаевъ Сидоровъ, замѣтивъ въ старцѣ желаніе удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣлоярской станицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго въ сторону къ Ачинску, небольшую избушку и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень наперебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагая ему большія удобства, очевидно съ разсчетомъ имѣть около себя свѣдущаго человѣка и добросовѣстнаго руководителя. Просьбы эти, не давая ему покоя, заставили его, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлоярской станицѣ, переѣхать въ деревню Зерцалы, т.-е. поселиться на мѣстѣ своей приписки. Въ этой деревнѣ Ѳеодоръ Кузьмичъ, несмотря на

приглашенія нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избѣ одного добродушнаго и скромнаго по-



селенца Ивана Иванова, только что отслужившаго срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣка семейнаго и очень бѣднаго, но съ большимъ радушіемъ принявшаго старца въ свою хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ видимо тяготитъ старца, Иванъ Ивановъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдѣльную келію, гдѣ-нибудь возлѣ деревни, что и было общими силами тотчасъ же очень охотно, по указанію самого старца, изъ стараго овечьяго хлѣва для него сдѣлано.

Надо замѣтить, что въ Сибири лѣсъ вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣетъ никакой цѣнности, слѣдовательно постройка такихъ келій кромѣ затраченнаго труда не представляетъ никакихъ затрудненій и матеріальныхъ ущербовъ.

Въ этотъ періодъ времени Ѳеодоръ Кузьмичъ часто посѣщалъ сосѣднія деревни, нерѣдко гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простого рабочаго. Поповскими пріисками управлялъ тогда извѣстный впослѣдствіи всей Сибири золотопромышленникъ Асташевъ, обратившій вниманіе на старца и отзывавшійся о немъ съ большимъ уваженіемъ.

По возвращеніи съ пріисковъ, старецъ окончательно поселился во вновь устроенной келіи въ Зерцаловѣ и прожилъ въ этой деревнѣ около 6-ти лѣтъ, постоянно навѣщая сосѣднія.

Въ 1849 году одинъ богатый и богобоязненный краснорѣчинскій крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою доброту, устроилъ около своей пасѣки на живописномъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ отъ Краснорѣчинскаго внизъ по рѣкѣ Чулвину на самомъ берегу рѣки новую маленькую келійку и переманилъ къ себѣ получившаго уже общую извѣстность богомольнаго старца.

Съ этого времени личность Ѳеодора Кузьмича начинаетъ уже привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственныя посѣщенія, внезапные пріѣзды къ нему какихъ-то господъ возбуждать всеобщее любопытство и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Никакихъ, однако, серьезныхъ намековъ на будто бы царственное происхожденіе его, какъ увѣряетъ В. Долгоруковъ, ни Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, ни его окружающими въ это время не дѣлалось, и народная молва считала его какимъ-то сосланнымъ или добровольно оставившимъ свой постъ митрополитомъ, хотя весь его образъ жизни не заключалъ въ себѣ ни одной характеристической черты, по которой можно было бы предположить принадлежность его къ духовному званію.

Самъ онъ всячески избѣгалъ разговоровъ о своемъ происхожденіи и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства. Ни цесаревичемъ Константиномъ, ни Александромъ и никѣмъ инымъ не называлъ онъ себя, и отъ предлагаемыхъ вопросовъ старался всячески уклоняться.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Сибири вообще мало интересуются первоначальною исторію вновь прибывшаго. Русское коренное населеніе ведетъ свои исторіи въ большинствѣ случаевъ отъ ссыльныхъ прадѣдовъ, и въ народѣ, какъ бы изъ деликатности, установился традиціонный обычай не бередить тогда только что замѣченныя въ этомъ отношеніи семейныя раны. Огромное количество непомняшихъ родства бродягъ разныхъ званій постоянно поддерживаетъ этотъ обычай и сибирское населеніе, привыкшее оцѣнивать всякаго пріѣзжаго человѣка, не касаясь его исторіи, весьма мало интересуется такими бродягами. Всякіе намеки даже и на очень высокое происхожденіе и отмѣнную когда-то дѣятельность принимаются въ Сибири съ чрезвычайною критикою и при томъ съ необыкновеннымъ равнодушіемъ.

Нужно поэтому обладать рѣдкими качествами и имѣть за собою достаточно блестящее прошлое, чтобы возбудить въ Сибири всеобщее вниманіе и уваженіе. Даже въ наше время вы встрѣтите не мало бывшихъ севастопольскихъ героевъ, отставныхъ генераловъ въ полинявшихъ николаевскихъ шинеляхъ съ капюшонами, разстриженныхъ архимандритовъ, свихнувшихся съ жизненнаго пути предводителей и предсѣдателей разныхъ обществъ и учрежденій и массу другихъ всевозможнаго рода болѣе или менѣе значительныхъ кабинетныхъ и государственныхъ дѣятелей, имѣвшихъ въ свое время и власть и положеніе, но теперь, такъ сказать, политически совершенно умершихъ и утратившихъ всякое общественное значеніе. Если они и находятъ еще иногда слушателей, то бесѣды ихъ заключаютъ въ себѣ только горькія воспоминанія минувшаго или безсильныя ожесточенныя проклятія своей судьбѣ и неоцѣнившему ихъ способности и плодотворные труды человѣчеству. Почти всѣ они отживаютъ здѣсь вѣкъ свой всѣми забытые и оставленные, и сибирскія вьюги заметаютъ слѣды ихъ прежней дѣятельности...

Личность Ѳеодора Кузьмича, помимо своего происхожденія, заслуживаетъ уже серьезнаго вниманія, какъ продуктъ религіозныхъ движеній начала XIX столѣтія. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ типомъ старинныхъ юродствующихъ об-

личителей, или пессимистическими религіозными мистиками, въ родѣ, напримѣръ, Ѳеодосія Левицкаго и ему подобныхъ, не проповѣдывалъ никакихъ богословскихъ теорій и не высказывалъ никакихъ признаковъ принадлежности къ сектантству или масонскимъ ложамъ и вообще, какъ видно, обнаруживалъ вполнѣ современное отношеніе къ религіознымъ ученіямъ. Хромовъ, въ домѣ котораго умеръ Ѳеодоръ Кузьмичъ, причисливъ его къ лику святыхъ, исказилъ его личность своими записками до неузнаваемости, и съ помощью всевозможныхъ странниковъ распространилъ интересныя, только въ изученіи съ психологической стороны натуры самого Христова повѣствованія о немъ далеко за предѣлами Сибири.

Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ далеко не такимъ святошею и ханжею, какимъ изображаетъ его въ своихъ запискахъ услужливый Хромовъ.

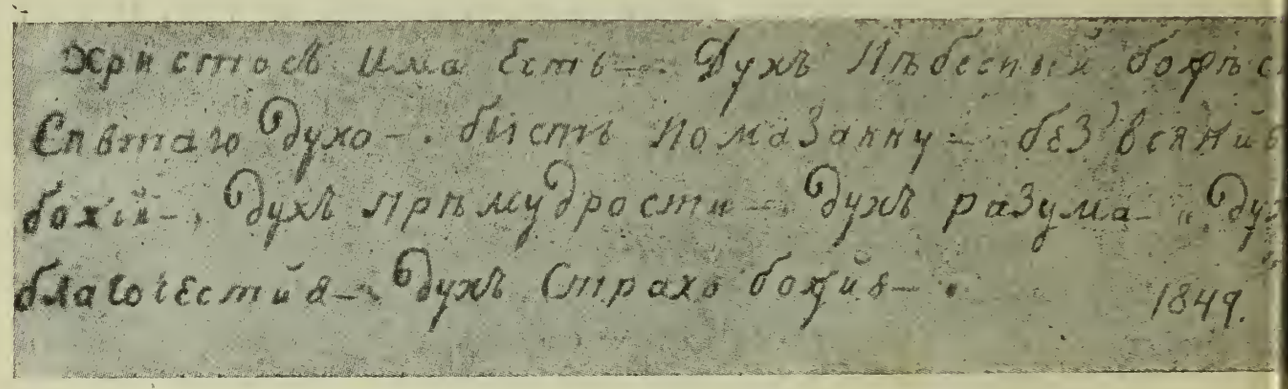
Получившій несомнѣнно высокое для тогдашняго времени образованіе, движимый гуманными идеями, цѣлями и побужденіями, человѣкъ этотъ, какъ видно, не мало потрудился на вѣку своемъ на пользу дорогому его сердцу отечеству и до самой своей смерти не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ.

Изучая жизнь этого старца, невольно приходитъ на мысль: неужели этотъ развитой, съ такимъ богатствомъ знаній и тактичности, человѣкъ не могъ въ то время занять соотвѣтствующее своимъ способностямъ мѣсто и не заявить себя ничѣмъ особеннымъ? Неужели онъ во цвѣтѣ лѣтъ совершилъ какое-нибудь преступленіе и принужденъ былъ, удалившись отъ міра, бродить по городамъ и селамъ великой имперіи, отыскивая по монастырямъ временный пріютъ и кое-какую пищу?!..

Но, повторяемъ, если отбросить все прошлое этого человѣка, т.-е. всю его жизнь до прибытія въ предѣлы Сибири, то и тогда онъ заслуживаетъ вѣчной памяти потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ муравьиныхъ тружениковъ, неутомимо разбрасывающихъ сѣмена гуманныхъ идей, въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ нашей великой родины. Нечего и говорить, какое огромное воспитательное значеніе въ средѣ неразвитой массы народа имѣютъ такіе безкорыстные труженики, подавая примѣръ безупречной жизни и наглядно указывая на способы ея упорядочиванія.

Переходя изъ деревни въ деревню Ѳеодоръ Кузьмичъ дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный

и образованный человѣкъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразвитого крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ съ священнымъ писаніемъ, съ географіею и исторіею и во всемъ этомъ не было ничего тенденціознаго, преувеличеннаго; всѣ свѣдѣнія и поученія, сообщаемыя имъ, всегда отличались правдивостью, глубоко врѣзывались въ умы учениковъ его и сохранились до сихъ поръ. Взрослыхъ онъ увлекалъ религіозными бесѣдами, занимательными разсказами изъ событій отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ, незамѣтно для себя самого, вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напримѣръ, въ эпизодѣ войны 1812 года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ-то: мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ.


Христосъ Имя Есть — Духъ Небесный Божій
Святаго Духа — Бысть Помазанну — без всякаго
Божій — Духъ Премудрости — Духъ разума — Дух
Благочестія — Духъ Страха Божія — 1849.

Факсимиле съ та

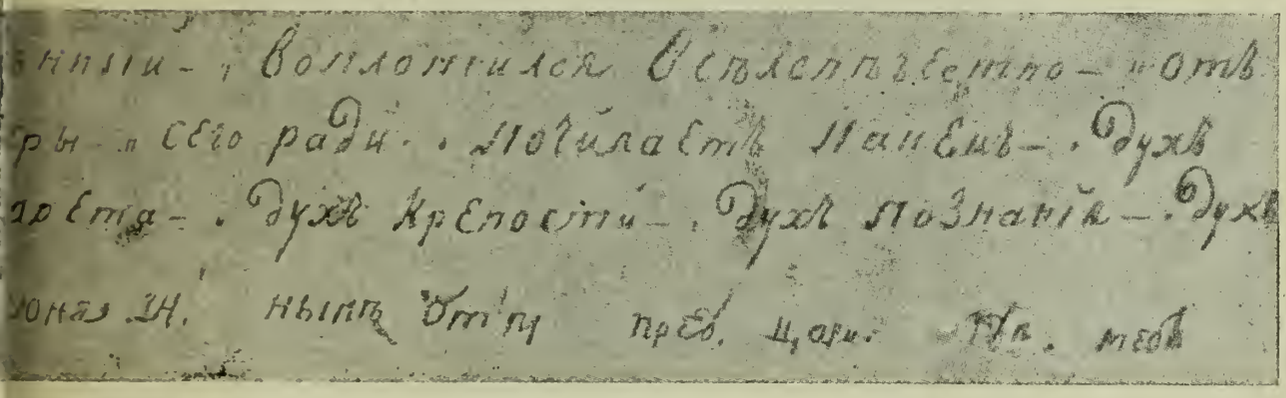
Такое пониманіе человѣческой натуры и въ особенности духовной стороны ея въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными, облегчать ихъ страданія и проч., возвысили его въ глазахъ простого народа и возбудили о немъ впослѣдствіи, какъ о великомъ угодникѣ Божіемъ, всевозможные толки далеко за предѣлами его мѣстопребыванія. Кромѣ того, онъ обнаруживалъ не малое знаніе крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода посѣвовъ. Говорилъ о значеніи земледѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ кресть-

янъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низводилъ великихъ государственныхъ дѣятелей до степени обыкновеннаго человѣка.

«И цари, и полководцы, и архіереи — такіе же люди, какъ и вы,—говорилъ онъ,—только Богу угодно было однихъ надѣлить властью великою, а другимъ предназначить жить подъ ихъ постояннымъ покровительствомъ»...

Отношенія его къ окружающимъ вполнѣ гармонировали съ подобнымъ воззрѣніемъ; онъ никогда не отдавалъ предпочтенія званію, и оцѣнивалъ человѣка по его личнымъ качествамъ.

Частная жизнь Ѳеодора Кузьмича отличалась особою строгостью, правильностью и воздержностью. Обстановка всѣхъ его маленькихъ келій указывала на крайнюю неприхотливость самого хозяина. Жесткая постель, двѣ или три скамейки и небольшой столикъ — составляли всю его



дора Кузьмича.

мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Печерской Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картинки религіознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію, напр., виды монастырей, портреты митрополитовъ и евангельскія притчи. Никакихъ изображеній «страшнаго суда», «семи смертныхъ грѣховъ» и имъ подобныхъ у него не было, и это до нѣкоторой степени указываетъ на его умственное развитіе. На столѣ стояло небольшое распятіе, лежало Евангеліе, акаѳистъ Живоначальной Троицѣ, Псалтирь, маленькій Кіево-Печерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ «Семь словъ на Крестѣ Спасителя». Никакихъ лубочныхъ изданій и жизнеописаній святыхъ отцовъ онъ не имѣлъ

у себя, и отзывался о большинствѣ изъ нихъ, какъ о сочиненіяхъ, недостойныхъ серьезнаго вниманія.

По имѣющимся даннымъ можно заключить, что Ѳеодоръ Кузьмичъ имѣлъ обширную переписку съ разными лицами, чрезъ различныхъ странниковъ и постоянно получалъ всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ отъ постороннихъ чернила и бумагу.

Вставалъ Ѳеодоръ Кузьмичъ очень рано и все свободное время посвящалъ, вѣроятно, молитвѣ. Никто, однако, не видалъ, когда онъ молился, потому что дверь его кельи была постоянно заперта; только послѣ смерти колѣни его оказались покрытыми толстыми мозолями, что заставляетъ предполагать продолжительное и усердное стояніе на нихъ.

Пищу онъ принималъ самую скудную; его обѣдъ состоялъ изъ сушеныхъ сухарей, вымоченныхъ въ обыкновенной водѣ, для чего въ кельѣ его постоянно находился маленькій тужокъ (родъ большой кружки изъ берестовой коры,—весьма распространенная по Сибири посуда) и деревянная ложечка. Почитатели Ѳеодора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливая пирогами, лепешками и т. п. Старецъ охотно принималъ все это, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался, для «гостей» и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Строго соблюдая посты, онъ никогда, однако, не рисовался этимъ. Однажды, одна изъ его почитательницъ принесла ему жирный пирогъ съ нельмой (вкусная сибирская рыба) и выразила сомнѣніе въ томъ, будетъ ли онъ его кушать.

«Отчего же не буду—возразилъ ей на это старецъ—я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня!» Вообще же онъ не брезгалъ никакою пищею и приводилъ обыкновенно извѣстное евангельское выраженіе, что всякую предлагаемую пищу слѣдуетъ принимать съ благодарностью; хотя и просилъ постоянно, чтобы ему не приносили никакихъ яствъ, такъ какъ онъ уже давно отвыкъ отъ жирной и сладкой пищи. Ѳеодоръ Кузьмичъ не отказывался даже отъ мяса, но ѣлъ его очень немного, очевидно, только для виду, а въ особенности любилъ жареныя оладьи съ сахаромъ. «Отъ такихъ оладей и самъ бы царь не отказался!»—говорилъ онъ, когда ему стряпали ихъ.

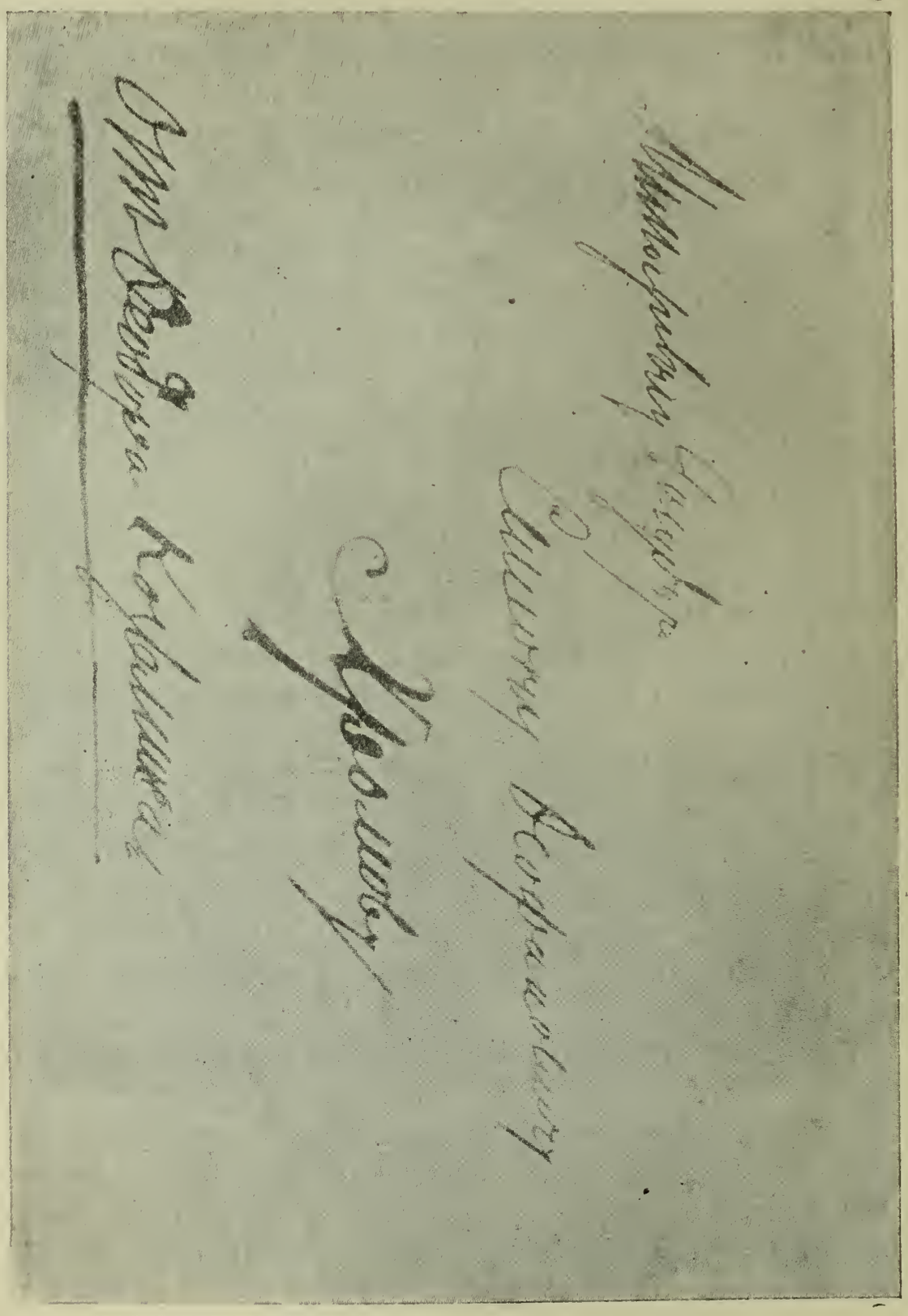
Навѣщая своихъ любимцевъ, онъ не отказывался ни отъ какого угощенія, охотно пилъ чай, выпивая только два ста-

кана, но до вина никогда не дотрогивался и строго порицалъ пьянство.

У себя въ келіи Ѳеодоръ Кузьмичъ принималъ всѣхъ приходящихъ къ нему за совѣтами и рѣдко отказывалъ комунибудь въ пріемѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода совѣты давалъ, разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, держа обыкновенно руки на бедрахъ, или придерживая одною изъ нихъ грудь. Съ нѣкоторыми, въ особенности съ бродягами и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя. Церковную службу Ѳеодоръ Кузьмичъ посѣщалъ очень аккуратно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. У себя въ селѣ, несмотря на свою религіозность, онъ никогда не ходилъ къ исповѣди и причастію, чѣмъ и возбудилъ было къ себѣ негодованіе мѣстнаго духовенства. На неоднократныя предложенія священника причаститься, онъ отвѣчалъ обыкновенно: «Господь удостоилъ меня принимать эту пищу!» Впослѣдствіи же оказалось, что у Ѳеодора Кузьмича былъ постоянный духовникъ—протоіерей Красноярской кладбищенской церкви отецъ Петръ, человѣкъ очень хорошей жизни, получившій хорошее образованіе, горячо любимый своею паствою. Священникъ этотъ заѣзжалъ къ старцу раза два—три въ году, иногда подолгу оставался у него, бесѣдовалъ о немъ съ крестьянами и уговаривалъ ихъ относиться къ старцу съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ, «великій угодникъ Божій». Его личныя отношенія къ Ѳеодору Кузьмичу ограничивались единственно принятіемъ отъ него исповѣди.

Разсказываютъ, что мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень недружелюбно, предостерегая крестьянъ и совѣтуя имъ держаться подальше отъ старца-раскольника. Однажды, выведенный изъ терпѣнія хладнокровіемъ и упорствомъ, съ которымъ Ѳеодоръ Кузьмичъ отказывался принять отъ него причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народѣ «безбожникомъ». Въ тотъ же день священникъ этотъ почувствовалъ себя очень плохо и къ вечеру слегъ въ постель. Призванный изъ Ачинска врачъ объявилъ его безнадежнымъ. Тогда, по совѣту односельчанъ, семейство священника обратилось къ Ѳедору Кузьмичу и со слезами стало просить его

помочь ихъ горю. Старецъ, осмотрѣвъ больного, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла, и какъ осторожно слѣду-



Почеркъ Ѳ. Кузьмича.

етъ дѣлать заключенія и произносить надъ людьми приговоры, и объявилъ, что больной скоро поправится. Чрезъ нѣсколько времени ему, дѣйствительно, сдѣлалось лучше и старецъ пріобрѣлъ въ немъ съ того времени искренняго почитателя.

По большимъ праздникамъ, послѣ обѣдни, Ѳеодоръ Кузьмичъ заходилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марѳѣ, и пилъ у нихъ чай. Старушки эти жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Новгородской губерніи, между Изборскомъ и Псковомъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланныя въ Сибирь своими господами (кѣмъ именно—неизвѣстно) за какую-то провинность, пришли со старцемъ въ одной партіи. Въ день Александра Невскаго въ этомъ домѣ приготовлялись для него пироги и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣобѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день былъ необыкновенно веселъ, вспоминалъ о Петербургѣ и въ этихъ воспоминаніяхъ проглядывало нѣчто для него родное и задушевное.—«Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполняла сердца человѣческія»...

Вообще знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрныя характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій полководецъ и Александръ завидовалъ ему. Всѣ подобныя воспоминанія и сужденія о людяхъ имѣли характеръ, если можно такъ выразиться, какой-то объективный, въ силу чего неразвитой народъ приписывалъ ему какую-то возвышенную способность смотрѣть на вещи съ какой то необыкновенной, непонятной для нихъ точки зрѣнія. Замѣчательно, что Ѳеодоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только событія, тѣсно связанныя съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ нѣкоторыя сужденія. «Когда французы подходили къ Москвѣ,—разсказывалъ Ѳеодоръ Кузьмичъ,—императоръ Александръ припалъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и долго со слезами молился этому угоднику. Въ это время онъ услышалъ какъ будто бы внутренній голосъ сказалъ ему: «Иди, Але-

ксандръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ!.. Какъ Фараонъ погрязъ въ Черномъ морѣ, такъ и французы на Березовой рѣкѣ». «Когда Александръ,—разсказывалъ въ другой разъ старецъ,— ѣхалъ изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукномъ, а купчихи разными богатыми шалями, и ему это очень понравилось». Подобныхъ разсказовъ сохранилось не мало въ народной памяти.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ въ деревнѣ Зерцалахъ жилъ другой богомольный сподвижникъ, старецъ Даніилъ († 1843 г., въ Енисейскѣ), изъ сосланныхъ солдатъ, пользовавшійся также всеобщимъ уваженіемъ. Ѳеодоръ Кузьмичъ нерѣдко заходилъ, въ бытность Даніила въ Зерцалахъ, въ эту деревню, но, какъ говорятъ, никогда не встрѣчался съ нимъ и не имѣлъ съ Даніиломъ ничего общаго. Послѣ смерти этого старца, крестьяне деревни Зерцалъ, предполагая въ Даніилѣ великаго угодника Божьяго, выстроили на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ и молился старецъ, маленькую часовню, а черезъ нѣсколько лѣтъ соорудили, вмѣсто нея, церковь. Ѳеодоръ Кузьмичъ заботливо посѣщалъ эту часовню и старался не заглушать въ народѣ добрую память о Даніилѣ. Когда ему показали печатное жизнеописаніе Даніила, онъ выразился такимъ образомъ:

«Даніилъ былъ человѣкъ святой жизни и рѣдко кто могъ понимать его; книжка же эта составлена (не по разуму) нехорошо и неумѣло». Впослѣдствіи, когда какой-то священникъ назвалъ Ѳеодора Кузьмича ученикомъ Даніила, онъ возразилъ на это: «Даніилъ не имѣлъ учениковъ, да и не могъ никого учить, потому что онъ былъ малообразованъ и едва грамотенъ!»

Оставляя въ 1857 году навсегда селеніе Зерцалы, Ѳеодоръ Кузьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божіей Матери и Евангеліе. Въ день отъѣзда пригласилъ нѣсколько крестьянъ въ часовню и, по окончаніи молебна, поставилъ въ эту часовню раскрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображавшій букву А, съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ вмѣсто перечерка.

«Храните этотъ вензель пуще своего глаза», сказалъ онъ при этомъ зерцаловскимъ крестьянамъ — и буква эта до сихъ поръ хранится въ часовнѣ, помѣщаясь за поставленнымъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ образомъ Печерской Божіей Матери.

Во все время пребыванія Θеодора Кузьмича на пасѣкѣ Латышева 1848—1851 года народъ цѣлыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного заболѣетъ корова, у другого пропала лошадь, у третьяго приключилось еще какое-нибудь несчастіе и старецъ съ большою охотою надѣлялъ каждаго своими совѣтами.

Замѣтивъ, что слухи о немъ распространяются все далѣе и далѣе, привлекая несмѣтныя полчища всякаго люда, иногда даже изъ простого любопытства посмотрѣть на удивительнаго старца, Θеодоръ Кузьмичъ однажды, не сказавши никому, кромѣ Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши въ ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находящейся верстахъ въ 10-ти отъ Краснорѣчинска къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣстечко и попросилъ Латышева перевести туда свою келью.

Мало-по-малу народъ узналъ, однако, новое мѣстопребываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами. Не находя, очевидно, никакого другого исхода и требуя соотвѣтствующаго лѣтамъ своимъ покоя, Θеодоръ Кузьмичъ сталъ чаще запирать свою келью и впускать въ нее только нѣкоторыхъ, большинству же сталъ или вовсе отказывать въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ посѣтителями на улицѣ; въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей кельѣ и совершенно уже не показывался посѣтителямъ.

Проживши около Коробейниковъ три года (1851—1854 г.г.), онъ снова переѣхалъ на Красную рѣчку, при чемъ Латышевъ устроилъ ему въ сторонѣ отъ дороги, въ самой горѣ, надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келійку. Эта келійка была послѣднею его хижиною въ этой мѣстности. Здѣсь онъ продолжалъ вести такую же затворическую жизнь и только рѣже сталъ посѣщать сосѣднія деревни. Очевидно, расшатанное здоровье его не позволяло ему уже совершать далекихъ прогулокъ и отнимало возможность работать физически. Окруженный истинными почитателями, старецъ, повидимому, тяготился пріобрѣтенною имъ популярностью и всячески старался укрываться отъ новыхъ посѣтителей. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались только немногіе. Изъ крестьянъ онъ въ особенности любилъ бывшаго своего хозяина въ Зерцалахъ Ивана Иванова, казака Семена Николаева Сидорова, крестьянина деревни Коробейниковой Ивана Яковлева Коробейникова, жену его Θеклу Степанову и

въ особенности маленькую дочь ихъ Ѳеоктисту, затѣмъ Ивана Гаврилова Латышева, сына его Архипа Ивановна, крестьянина Ачинскаго Округа деревни Мазули Ивана Ѳедотова Ерлыкова, дочь его Марью Иванову и маленькаго сына, котораго, между прочимъ, выучилъ въ 3 мѣсяца грамотѣ. Изъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ въ это время лучшимъ его другомъ былъ преосвященный Аѳанасій Иркутскій, неоднократно заѣзжавшій къ нему изъ Иркутска, останавливаясь иногда въ его кельѣ по нѣскольку дней сряду, и затѣмъ протоіерей о. Петръ, какъ сказано выше, духовникъ его. Лучшимъ, однако, другомъ его, или, лучше сказать, единственный человѣкъ, котораго онъ окружалъ особою отеческою заботливостью, обращаясь съ нимъ, какъ съ роднымъ дѣтищемъ, была одна молодая дѣвушка, дочь бѣднаго краснорѣчинскаго крестьянина Александра Никифоровна, извѣстная впослѣдствіи всему Томску подъ именемъ «майорши» Ѳедоровой.

Александра Никифоровна родилась въ 1827 году, въ селѣ Краснорѣчинскомъ и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство мѣстнаго священника о. Поликарпа. Находясь постоянно при церкви, она скоро стала очень религіозной, а природный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость съ самыхъ раннихъ лѣтъ требовали всецѣло отдаться служенію на пользу ближняго.

Ей было около 12 лѣтъ, когда она въ первый разъ увидала необыкновеннаго старца Ѳеодора Кузьмича. Толки о его строгой подвижнической жизни, чудодѣйственной силѣ, величественная фигура, общее къ нему уваженіе, какъ-то невольно заставляли ее смотрѣть на него, какъ на нѣчто высокое, таинственное и недосягаемое.

Мало-по-малу чувство это перешло въ слѣпое, безсознательное почитаніе и дѣтское любопытство возбудило желаніе поближе познакомиться съ нимъ. Нерѣдко видала она Ѳеодора Кузьмича, работавшимъ въ огородѣ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣвушками или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя бесѣды, и каждый разъ непреодолимая сила влекла ее къ нему поближе, ей хотѣлось послушать этого добраго старика, сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе или просто поболтать и приласкаться къ нему, но братья не пускали ее, говоря: «Нечего тебѣ безпокоить его, онъ съ тобой и говорить не станетъ».

Проходя какъ-то изъ лѣсу съ корзиночкою брусники мимо сосѣдняго огорода, увидала она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя копающаго картофель старца и не утерпѣла, быстро перепрыгнувъ черезъ заплотъ, она подбѣжала къ нему, и, какъ она разсказывала, съ какимъ-то затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ протянула свою корзиночку съ словами: «Не хочешь ли, дѣдушка, ягодокъ?»

Старичекъ тотчасъ поднялъ голову, подошелъ къ смѣлой дѣвочкѣ и въ добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія, онъ наклонился къ ней, взялъ обѣими руками ея головку и поцѣловалъ въ лобикъ.

«Спасибо, миленькая... развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ, вѣдь тебя за это бранить будутъ...»

— «Пускай бранятъ, дѣдушка, я васъ полюбила, ягодокъ принесла, я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась»—говорила, ласкаясь къ нему, дѣвочка».

Старикъ опять поцѣловалъ ее въ лобикъ, приласкалъ ее, и велѣлъ приходить къ жившимъ на заводѣ двумъ сосланнымъ старушкамъ Аннѣ и Марѳѣ, у которыхъ онъ бывалъ довольно часто.

Съ этихъ поръ Александра Никифоровна безотчетно отдалась доброму старичку и сдѣлалась его первою любимицею. Цѣлые дни проводила она у него, исполняя его порученія, сопровождала его во время прогулокъ, чинила его платье, а впослѣдствіи, когда старецъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Зерцалахъ, навѣщала его и тамъ почти ежедневно, ночуя около его кельи, и всевозможными способами оказывала ему свое расположеніе.

Разсказы о жизни въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, великихъ подвижникахъ и богатствахъ лавръ совершенно вскружили голову молодой дѣвушкѣ. Ѳеодоръ Кузьмичъ зналъ рѣшительно всѣ монастыри и лавры и разсказывалъ о нихъ съ такими подробностями и такъ увлекательно, что Александра Никифоровна во что бы то ни стало порѣшила въ своемъ умѣ отправиться странствовать по Россіи. Родные братья ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и, чтобы измѣнить ея намѣреніе, стали подыскивать ей подходящую партію. Настроенная на религіозный ладъ, она наотрѣзъ отказалась отъ мысли о замужествѣ.

Ѳеодоръ Кузьмичъ оказалъ ей въ этомъ отношеніи не малую поддержку: «Погоди, говорилъ онъ ей, успѣешь еще

выйти замужъ, тебѣ не годятся эти женихи, ты непремѣнно выйдешь замужъ за какого-нибудь офицера».

Дѣвушка, привыкшая безпрекословно повиноваться своему покровителю, еще болѣе утвердилась въ своихъ намѣреніяхъ и, воодушевляемая разсказами старца, однажды категорически заявила о своемъ неизмѣнномъ желаніи отправиться по святымъ мѣстамъ на богомолье; тогда ей было уже болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Ѳеодоръ Кузьмичъ составилъ ей подробный планъ путешествія, онъ отмѣтилъ монастыри, въ которыхъ она должна побывать во время своего странствованія, указалъ на лицъ, гостепріимно принимающихъ странниковъ, надѣлилъ всевозможными совѣтами и въ 1849 году благословилъ свою любимицу на дальнее странствованіе... Какъ бы мнѣ увидать въ Россіи царя, спрашивала Александра Никифоровна старца Ѳеодора Кузьмича, собираясь въ дорогу и разспрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

«А развѣ тебѣ хочется видѣть царя?»

— «Какъ же, батюшка, не хочется, все говорятъ, царь, царь,—а какой онъ изъ себя—и не знаешь».

«Погоди,—задумчиво замѣтилъ ей на это старецъ,—можетъ-быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется, Богъ дастъ и разговаривать еще съ нимъ будешь и увидишь тогда, какіе цари бываютъ».

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрягъ и дорожныхъ приключеній, прежде чѣмъ она добралась, наконецъ, до Почаевскаго монастыря, гдѣ, по указанію Ѳеодора Кузьмича, должна была встрѣтить какую-то «добрую и гостепріимную графиню».

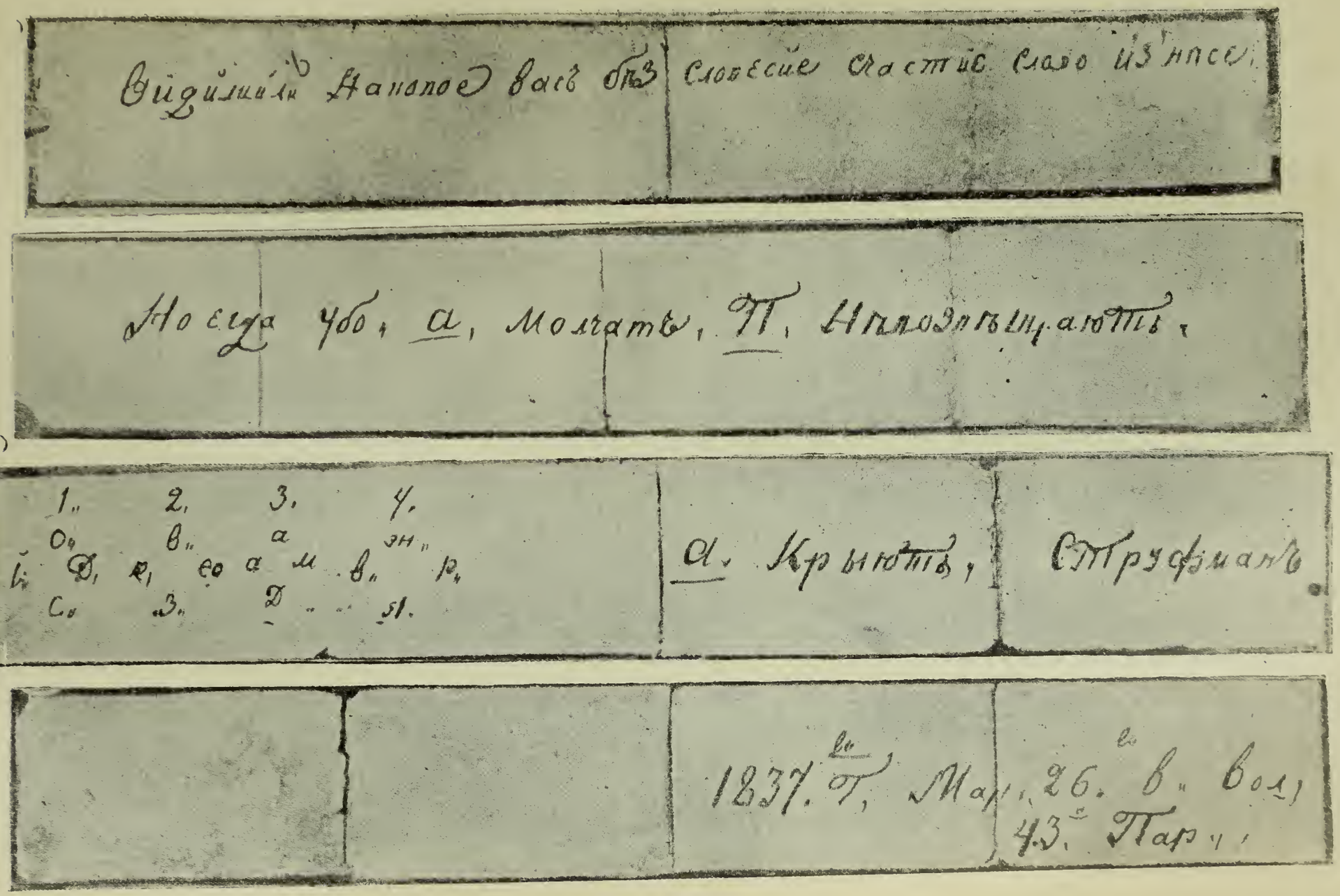
Разспросивъ кое-кого изъ мѣстныхъ жителей, бойкая дѣвушка очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовавъ ее своимъ грандіознымъ странствованіемъ въ такія молодыя лѣта, расположила къ себѣ добрую женщину. Графиня эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была жена извѣстнаго въ свое время богомольца графа Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаевскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна вмѣстѣ съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время со своимъ семействомъ и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны. Графъ и его семейство съ большимъ радушіемъ приняли молодую странницу и съ лю-

бопытствомъ разспрашивали ее о сибирской жизни и вскорѣ она пріобрѣла себѣ въ этомъ домѣ общую любовь, и гостепріимные хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали, чѣмъ могли, и общество, собиравшееся у графа, забавлялось ея безхитростными повѣствованіями. Въ это время, то-есть осенью 1849 года, въ Кременчугъ прибылъ императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Цѣлыя сутки Александра Никифоровна провела подъ одною кровлею съ своимъ царемъ при самомъ добродушномъ его къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодою богомолкою и возможностью познакомится, благодаря ея еще дѣтской наивности, съ жизненною обстановкою крестьянъ далекаго уголка своего государства и закидывалъ ее всякаго рода вопросами: «И сколько у нихъ попъ за свадьбы беретъ, и какъ себя дѣвушки ведутъ,—разсказывала она,— и чѣмъ народъ занимается, и что ѣстъ, и многое кое о чемъ разспрашивалъ, и все я ему спроста-то поразсказывала, а они (то-есть государь и графъ) слушаютъ, да смѣются. «Вотъ,—говоритъ государь Остенъ-Сакену,—какая у тебя смѣлая гостья-то пріѣхала». — «А чего же мнѣ, говорю, бояться, со мной Богъ, да святыми молитвами великій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые, ишь какъ меня угощаете». Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ бы насупился.

Уѣзжая, Николай Павловичъ приказалъ Сакену дать Александрѣ Никифоровнѣ записку-пропускъ, сказавъ ей: «если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ не задержатъ,—разсказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ, присовокупивъ: если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду!» (Записку она отъ Сакена получила, но въ ней надобности не имѣла).

Проживъ около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена и посѣтивъ нѣкоторые затѣмъ сосѣдніе монастыри, Александра Никифоровна, въ 1852 году, воротилась на родину. Со слезами на глазахъ разсказываетъ она свое свиданіе съ ожидавшимъ ее съ нетерпѣніемъ старцемъ. Долго обнималъ меня Ѳеодоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступилъ ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все— то я разсказала ему, гдѣ была, что видѣла и съ кѣмъ разговаривала: слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробно, а потомъ сильно задумался: смот-



Тайна Ѳ. Кузьмича.

рѣла, смотрѣла я на него, разсказываетъ дальше Александра Никифоровна, да и говорю ему спроста: «Батюшка Ѳеодоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи!» Какъ я только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня. «А ты почемъ знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать мнѣ?» Я и испугалась. «Никто, говорю, батюшка,—это я такъ, спроста, сказала, я видѣла во весь ростъ портретъ Императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и такъ же руку держите, какъ онъ!» Ничего не сказалъ ей на это старецъ, повернулся только и вышелъ въ другую комнатку и, какъ она увидѣла, обтеръ рукавомъ своей рубашки полившіяся изъ глазъ его слезы».

Далѣе исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собою сверхъестественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе достовѣрность дальнѣйшихъ событій вполнѣ подтверждается неопровержимыми фактами и заставляетъ только удивляться. Около 5 лѣтъ прожила Александра Никифоровна возлѣ старца, продолжая по-прежнему окружать его нѣжною и безкорыстною заботливостью. Въ свою очередь и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе передъ всѣми другими дѣвушками, слѣдя за ней, какъ за родною дочерью, и руководилъ всѣми ея поступками. Это было нѣчто въ родѣ идеальной любви убѣленнаго сѣдинами старца къ молодой и цвѣтущей незапятнанной людскими дрязгами дѣвушкѣ.

— «Погоди, успѣешь еще выйти замужъ,—говорилъ онъ ей неоднократно, когда она сообщала ему о безпрестанно повторяющихся предложеніяхъ со стороны молодежи той деревни, гдѣ она жила. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе». То же самое говорилъ онъ и моимъ братьямъ: «Не трогайте ее, она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградитъ ее своею казною».

Въ концѣ 1857 года Ѳеодоръ Кузьмичъ снова вызываетъ въ ней желаніе отправиться на богомолье въ Россію, снова указываетъ ей на мѣста, гдѣ она можетъ ожидать для себя особаго гостепріимства и помощи, и въ особенности упиралъ на то, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ.

«Есть тамъ, говорилъ онъ ей, такъ называемыя пещеры, и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ Парѳеній (умеръ въ 1864 году) и еще одинъ старецъ Аѳанасій; живутъ они: одинъ въ дальнихъ, а другой въ ближнихъ пещерахъ, отыщи ихъ ты непремѣнно, попроси ихъ помолиться за тебя, разскажи имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Парѳенія. Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что просить его благословенія, ходила по святымъ мѣстамъ и пришла изъ Красной рѣчки; что́ бы ни спрашивалъ тебя, говори ему чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій. А что, Сашенька, ты меня не боишься?»

«Что же мнѣ васъ бояться-то, Ѳеодоръ Кузьмичъ, вѣдь вы ласковы ко мнѣ всегда были, да и другихъ-то никого не обижаете!»

«Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась бы меня!»

Въ тотъ разъ много говорилъ о Петербургѣ, царѣ и войнахъ, которыя такъ губятъ безвинный народъ!

И въ этомъ путешествіи всѣ, на кого указывалъ ей Ѳеодоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и ограждали отъ различныхъ случайностей. Въ Петербургѣ черезъ генерала фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхаться въ Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойною императрицею Маріею Александровною, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій добралась она и до Кіева. Отстоявъ утреню и вечерню въ лаврѣ, отправилась она въ скитъ и отыскала старца Парѳенія. Схимникъ встрѣтилъ ее очень сурово, но узнавъ, откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

— «Зачѣмъ тебѣ мое благословеніе, замѣтилъ онъ ей,— когда у васъ на Красной Рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій! Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба!»

Послѣ этихъ словъ, о. Парфеній долго разспрашивалъ ее объ ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, а затѣмъ спросилъ, долго ли она думаетъ оставаться въ Кіевѣ? Получивъ отвѣтъ, что желаніе ее заключается въ томъ, чтобы поскорѣе добраться до родины, онъ сказалъ ей:

«Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири, оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться».

Исполнивъ его приказаніе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

«Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда, сказалъ о. Парѳеній,—и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя».

— «Но вѣдь я уже была тамъ»—замѣтила Александра Никифоровна.

«Все равно, поѣзжай!»

Грустно и страшно сдѣлалось Александрѣ Никифоровнѣ, однако, она не рѣшилась ослушаться. На другой день долго и горячо молилась она за обѣднею, слезы такъ и лились изъ глазъ ея. Народъ уже выходилъ изъ церкви, когда она встала съ колѣнъ и оставила свою молитву. Смотритъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоитъ какой-то пожилой офицеръ и пристально на нее смотритъ. Александрѣ Никифоровнѣ стало неловко.

Вдругъ офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

— «О чемъ вы такъ горько плакали?»

«Не знаю, куда идти, отвѣчала я ему: — хочется воротиться домой, а старецъ Парѳеній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ!»

— «Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду, а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать».

«А вы семейные? спрашиваетъ она въ замѣшательствѣ.

— «Да, у меня большое семейство, говоритъ офицеръ, замѣтивъ ея замѣшательство,—не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы, меня здѣсь всѣ знаютъ—я майоръ Ѳедоровъ».

Войдя въ домъ майора, она тотчасъ увидѣла все его семейство, это была цѣлая толпа разныхъ странницъ и странниковъ. Вся квартира представляла нѣчто въ родѣ странно-пріимнаго дома. Здѣсь находили пріютъ и даровое угощеніе многіе богомольцы, и Александра Никифоровна почувствовала себя сразу, какъ у себя дома. Майоръ Ѳедоровъ провелъ ее въ свои комнаты и позаботился покормить ее какъ можно получше. Дня черезъ два майоръ собрался ѣхать въ Почаевъ. Александру Никифоровну очень безпокоила мысль, что она не имѣетъ паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ, родные ея, требуя домой, не высылали

нарочно новаго, а потому она и объяснила все это благодѣтелю своему.

— «Я вашъ паспортъ, отвѣтилъ ей майоръ. — Со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Поѣдемте!»

По прибытіи въ Почаевъ, по совѣту майора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ какой-то монахъ и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (тогдашнему экзарху Грузіи, пріѣзжавшему въ Почаевъ и жившему тамъ по нѣскольку недѣль).

«Зачѣмъ я къ нему пойду, вѣдь преосвященный меня не знаетъ, не обманъ ли это какой»—а потому и отказалась отъ приглашенія.

Чрезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго, тогда, скрѣпя сердце и недоумѣвая, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и закидалъ ее разными вопросами.

— «Какъ это вы не боитесь, сказалъ онъ ей между прочимъ, въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальнее странствованіе, мой совѣтъ: выходите-ка вы лучше замужъ, а я вамъ отыщу жениха хорошаго».

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосвященный позвонилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ майора Ѳедорова:

«Вотъ, сказалъ преосвященный, вы очень понравились майору Ѳеодору Ивановичу и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь». Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ изъ Красной рѣчки ея метрику и Александра Никифоровна вышла замужъ за майора Ѳеодора Ивановича Ѳедорова.

Проживши въ Кіевѣ съ мужемъ, уже вышедшимъ въ отставку пять лѣтъ, она овдовѣла и воротилась на родину, но уже не застала въ живыхъ старца Ѳеодора Кузьмича; онъ въ ея отсутствіе переѣхалъ на житье въ городъ Томскъ, къ купцу Хромову, сначала въ домъ, а потомъ во вновь выстроенную для него келью. Тѣло старца похоронено при Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ, куда она почти ежедневно приходила послѣ церковной службы, на его могилу.

Въ послѣдніе годы пребыванія Ѳеодора Кузьмича на Красной рѣчкѣ пріѣхала погостить къ какимъ-то своимъ знакомымъ изъ Красноярска очень богатая женщина, жена генерала Картухова, очень богомольная и набожная. Увидя старца и побесѣдовавъ съ нимъ, она совершенно очаровалась его рѣчами и, во все пребываніе свое въ Краснорѣчинскѣ, не упускала ни одного случая побесѣдовать и чѣмъ-нибудь порадовать старца. Уѣзжая, она предложила ему переѣхать въ Красноярскъ, обѣщаясь окружить лучшими удобствами, чѣмъ онъ пользуется, и снабдить всѣмъ необходимымъ. Однако, Ѳеодоръ Кузьмичъ наотрѣзъ отказался отъ какихъ бы то ни было вспомоществованій и принялъ отъ нея только черный халатикъ изъ грубой матеріи, такъ какъ его халатъ давно износился до негодности, и носилъ этотъ халатъ до самой своей смерти.

Сильное впечатлѣніе произвелъ старецъ на красноярскаго священника Рачкова, который сразу, послѣ перваго разговора съ нимъ, призналъ его за великаго Божьяго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями, и на іермонаха Израиля, прибывшаго изъ Аѳона за сборомъ подаяній, который вышелъ отъ Ѳеодора Кузьмича съ рыданіями, разсказывая потомъ, что, несмотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни. Въ тотъ годъ, когда Александра Никифоровна отправилась второй разъ въ Россію на богомолье (1852 г.) старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ жилъ въ Краснорѣчинскѣ. Къ нему, однажды, пріѣхалъ томскій купецъ Семенъ Ѳеофантьевичъ Хромовъ, наслышавшись отъ о. Парѳенія Аѳонскаго, который послѣ былъ гуслицкимъ игуменомъ. Подходя къ кельѣ онъ произнесъ громко обыкновенную молитву, какая принята между монашествующими лицами; дверь была не заперта; Ѳеодоръ Кузьмичъ спросилъ Хромова, откуда ѣдетъ. Тотъ отвѣтилъ ему, что ѣдетъ по дѣламъ золотопромышленности:

— «Охота тебѣ заниматься этимъ промысломъ и безъ него Богъ питаетъ тебя»,—и затѣмъ старецъ дѣлалъ ему наставленія, какъ слѣдуетъ жить всякому христіанину, не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, а болѣе думать о будущей жизни: «И пока владѣешь пріисками, то не обиралъ бы рабочихъ».

Хромову очень полюбился старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а потому онъ, всякій разъ, когда бывалъ въ той мѣстности,

то считалъ своею священною обязанностью повидать такого благочестиваго старца и послушать его поученій, неотвязчивая мысль засѣла въ его головѣ уговорить старца переселиться къ нему на постоянное жительство. Съ этою мыслью онъ не разставался, повѣдалъ своей женѣ и порѣшили выстроить на своей заимкѣ, что́ въ 4-хъ верстахъ отъ города Томска, отдѣльную келію, гдѣ бы о. Ѳеодору было покойно и уютно. Радостный для него день насталъ; старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ согласился и пріѣхалъ къ нему 31-го октября 1858 года.

Въ 1859 году старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ заболѣлъ довольно серьезно, тогда Хромовъ обратился къ нему съ вопросомъ—не откроетъ ли онъ ему, кто онъ?

Нѣтъ, это не можетъ быть открыто никогда, объ этомъ меня просили преосвященный Иннокентій и Аѳанасій и я имъ то же сказалъ, что говорю тебѣ, панокъ».

Иногда, по словамъ того же Хромова, онъ пускался въ откровенности больше, напримѣръ, однажды онъ ему сказалъ:

«Когда въ Россіи, особенно въ высшемъ кругу, распространялась масонская ложа, то императоръ Александръ созвалъ собраніе во дворцѣ изъ высшихъ и гражданскихъ и духовныхъ лицъ, то почти всѣ они пожелали участвовать въ этой ложѣ. Входитъ архимандритъ Фотій и сказалъ только: «Да заградятся уста нечестивыхъ». Отъ этихъ словъ все собраніе не могло и слова вымолвить, такъ и разошлись, а секта рушилась. Да, Фотій былъ мужъ благодатный!» Хромовъ придаетъ значеніе, между прочимъ, напримѣръ, такимъ словамъ: «Да, любезный, царская служба не безъ нужды». «Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубокъ корень его, милостію Божьею,—повторялъ онъ,—глубоко корень его сидитъ!»

Ѳедоръ Кузьмичъ часто въ праздники ходилъ въ семинарскую домовую церковь и всегда становился у печи на одномъ мѣстѣ, а когда сталъ замѣчать, что на него обращается большое вниманіе, то и вовсе пересталъ ходить въ церковь.

Покойный архимандритъ томскаго мужского монастыря Викторъ, во время сороколѣтняго управленія этимъ монастыремъ, хорошо зналъ старца Ѳеодора Кузьмича и не раздѣлялъ мнѣнія большинства томскаго духовенства, что онъ будто бы не ходилъ на исповѣдь, напротивъ, ему было извѣстно, что духовникомъ его былъ священникъ Воскресенской церкви Николай Созуновъ. На хромовскую заимку

пріѣзжалъ также бывшій иркутскій іеромонахъ Германъ, который также передъ своей кончиной говорилъ, что у него на духу бывалъ старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, о которомъ отзывался, какъ о великомъ подвижникѣ и будто бы знаетъ, кто онъ.

20-го января 1864 года Хромовъ пришелъ къ старцу Ѳеодору Кузьмичу провѣдать его, такъ какъ видно было, что онъ страдаетъ. Въ то время старецъ жилъ въ келіи, нарочно для него выстроенной около дома Хромова. Видя, что жизнь Ѳеодора Кузьмича угасаетъ, Хромовъ просилъ благословить его. «Господь тебя благословить и меня благослови». Жена Хромова сказала старцу: «Объяви хотя имя своего ангела», и на это онъ сказалъ: «Это Богъ знаетъ».

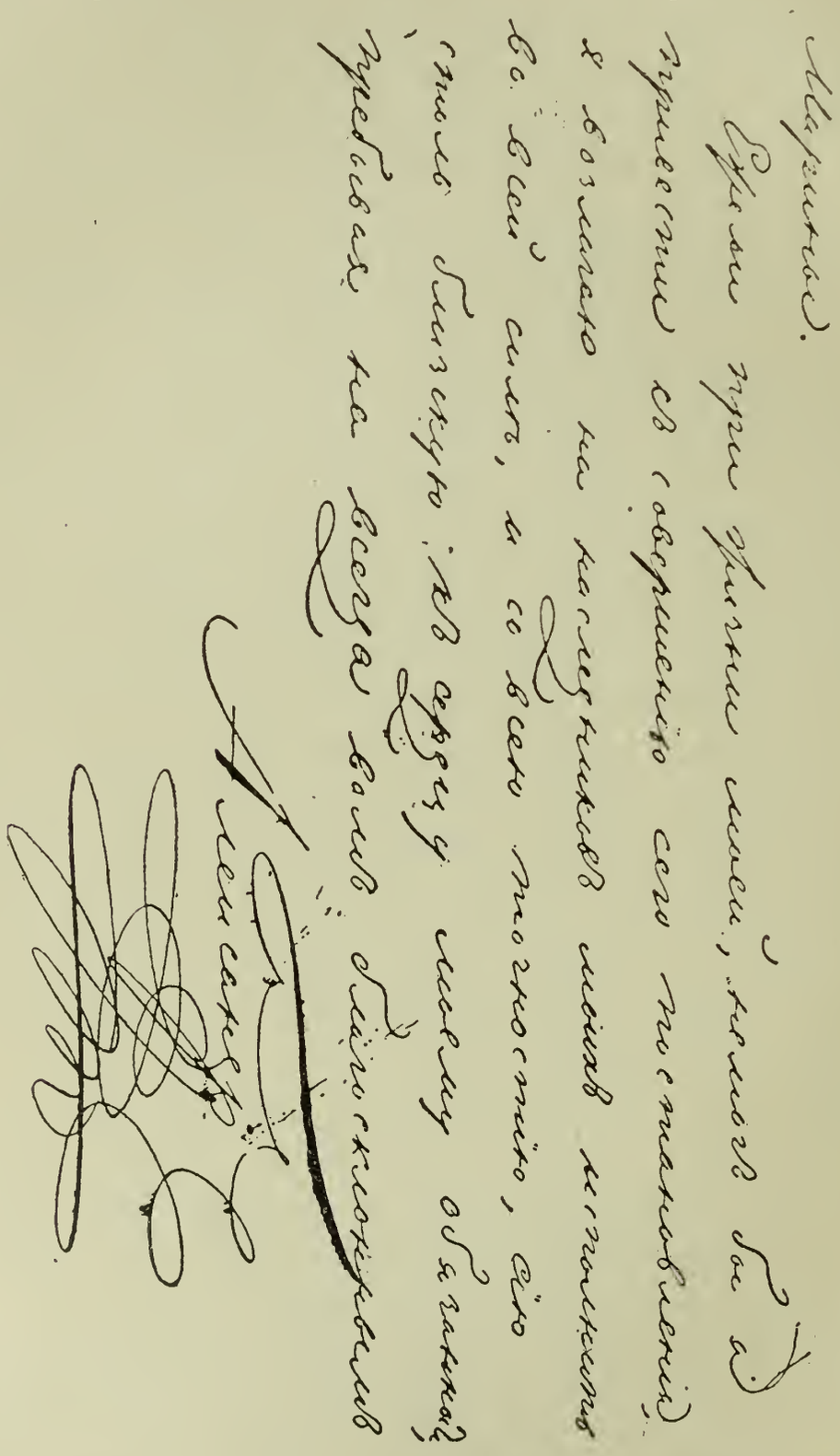
«Батюшка, въ случаѣ вашей кончины, не надѣть ли на васъ этотъ черненькій халатикъ?»—спросилъ Хромовъ. Ѳеодоръ Кузьмичъ сказалъ: «Я не монахъ»—а, обратившись къ Хромову, добавилъ: «Панокъ, меня не величь». Изъ этихъ словъ Хромовъ понялъ, что старецъ желалъ не пышнаго одѣянія, а скромныхъ похоронъ. Въ продолженіе дня Хромовъ нѣсколько разъ входилъ провѣдывать угасающаго старца, и видно было, что Ѳеодоръ Кузьмичъ уже боролся со смертію: то ляжетъ на одинъ бокъ, то привстанетъ, то опять поворотится на другой бокъ, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ. Много приходило разнаго люда въ келію старца, чтобы попросить у него для себя благословленія и видѣть конецъ его жизни. Послѣ 8 часовъ вечера, когда всѣ посторонніе люди ушли, старецъ, обращаясь къ Хромову и показывая ему маленькій мѣшечекъ, висѣвшій на стѣнѣ, сказалъ:

— «Въ немъ моя тайна».

Потомъ онъ попросилъ себя поднять, посидѣлъ немного, опять положили его на лѣвый бокъ, немного полежалъ, вдругъ самъ поворотился на спину, три раза вздохнулъ рѣдко, а четвертый тихо и предалъ Богу душу въ $8^3/_4$ часовъ пополудни того же дня 20 января 1864 года.

Ѳеодоръ Кузьмичъ похороненъ на кладбищѣ Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря. Могила его обнесена деревянною рѣшеткою, выкрашенною бѣлою краскою, по угламъ посажены четыре кедровыхъ дерева, а внутри ограды крестъ, тоже деревянный, выкрашенный бѣлою краскою, и на немъ надпись: «Здѣсь погребено тѣло *Великаго Благословеннаго* старца Ѳедора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864 года».

По приказанію бывшаго начальника Томской губерніи Мерцалова, надпись черною краскою: «Великаго Благословеннаго» приказано было закрасить бѣлою краскою, но отъ времени бѣлая краска слиняла и теперь закрашенное явственно можно прочесть, какъ было написано прежде.



Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ умеръ и никому изъ знавшихъ его не открылъ, кто онъ.

Послѣ смерти старца найденъ въ его мѣшечкѣ, про который онъ сказалъ: «въ немъ моя тайна»—снимокъ, какъ полагаютъ, ключъ къ его перепискѣ съ другимъ лицомъ.

Кромѣ приведеннаго выше біографическаго очерка, принадлежащаго М. Ѳ. Мельницкому, жившему въ Томскѣ и умершему въ 1891 году, есть еще краткая записка о томъ же епископа Петра. Послѣдній, подтверждая сказаніе о сѣченіи плетьми Кузьмича прибавляетъ нѣкоторыя характерныя черты его личности. По его словамъ, когда его вели съ прочими арестантами по этапамъ, то арестанты, конвойные солдаты и этапные офицеры оказывали ему особое уваженіе, охраняли отъ непріятностей, отъ негодныхъ людей, на ночлегахъ отводили ему особую комнату, и старецъ во всю дорогу ни въ чемъ не нуждался. По распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ старецъ сначала поселился въ дер. Зерцалахъ, Томской губ., на границѣ съ Енисейскою, на московскомъ трактѣ. Тогда ему было подъ 60 лѣтъ. Его охотно принимали къ себѣ на жительство лица, у которыхъ онъ соглашался поселиться. Жилъ онъ очень строго, питался однимъ ржанымъ хлѣбомъ и сухарями съ водою. При переходахъ изъ деревни въ деревню онъ занимался обученіемъ дѣтей грамотѣ. Когда во время болѣзни къ Ѳеодору Кузьмичу пріѣхалъ пресв. Парѳеній, то онъ потомъ разсказывалъ слѣдующее: «Онъ мнѣ говорилъ, что ему является небесный свѣтъ, что онъ видѣлъ Святую Троицу, что ему открыто, когда онъ умретъ, и многое тому подобное говорилъ старецъ, а пріобщиться Св. Таинъ не согласился». Онъ не разъ говорилъ Хромову, что онъ, по милости Божіей, ежедневно удостоивается трапезы Господней, т.-е. принимаетъ Святое Причастіе чрезъ ангела Господня. Объ отношеніяхъ Хромова къ старцу въ запискѣ еп. Петра мы находимъ слѣдующія характерныя мѣста: «однажды, говоритъ Хромовъ, старецъ мнѣ говорилъ, что, по благодати Божіей, ему открыты помыслы и сердца человѣческія, что я многократно испытывалъ на себѣ; иногда случалось приходить къ нему съ разсѣянными помыслами; онъ сейчасъ же обличалъ меня, только не прямо, а какъ-то загадочно. Однажды я велѣлъ женѣ отнести старцу холста потоньше на рубаху. А она подумала: на что ему тонкій холстъ? и взяла потолще. Когда стала отдавать холстъ старцу, онъ обличилъ ее, говоря: обѣщанъ былъ холстъ тонкій и нужно бы это исполнить. Впрочемъ, для меня, бродяги, и этотъ очень хорошъ. Намъ извѣстно было, говоритъ Хромовъ, что старецъ никогда не умывался, а только, бывало, въ годъ раза два обмывалъ себѣ ноги. Однажды старецъ подошелъ къ бочкѣ съ

водою среди двора и просилъ жену мою полить ему воду на голову. Это показалось намъ необычнымъ и удивительнымъ. Послѣ мы узнали, что въ это самое время былъ большой пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Однажды жена моя, продолжаетъ Хромовъ, пріѣхавъ на заимку, гдѣ жилъ лѣтомъ старецъ, захотѣла провѣдать его, узнать, не нужно ли ему чего. Войдя въ келію, увидѣла, что старецъ сидитъ на лежанкѣ, въ одной простой рубашкѣ; ей стало что-то грустно и она подумала про себя: Боже мой, какой человѣкъ, а самъ рѣшился пойти на такой трудный подвигъ, взялъ на себя такой тяжелый крестъ, смирилъ себя до такого уничижительнаго состоянія! Старецъ вдругъ говоритъ ей: «Э, полно, любезная! На это была воля Божія».

Хромовъ передаетъ, по словамъ еп. Петра, еще слѣдующій замѣчательный случай. «Однажды я былъ у старца въ 11 часу дня и оставилъ его здоровымъ. Вскорѣ послѣ меня, пошла къ нему енисейская игуменья и не могла отворить дверь, была заперта. Я сейчасъ опять пошелъ въ келію старца, дверь была не заперта, а старца нашелъ лежащимъ на скамьѣ совершенно мертвымъ; не говорилъ, не дышалъ, не видно было никакихъ признаковъ жизни, и это продолжалось часовъ 7 или 8. Потомъ онъ открылъ глаза, перекрестился. Жена моя спросила его: «Вы батюшка, здоровы ли?» Онъ отвѣчалъ: «По милости Божіей, здоровъ». Мы не знали, что и подумать о такомъ случаѣ со старцемъ. Вѣроятно, онъ былъ духомъ восхищенъ въ горній міръ.

Мы, да и не одни мы, говоритъ Хромовъ, часто ощущали въ келіи старца необыкновенное благоуханіе, которое нельзя сравнивать ни съ какими обыкновенными ароматами, духами, которыхъ, какъ знаю, у старца никогда не бывало. Многіе иногда видѣли въ его кельѣ ночью свѣтъ, тогда какъ намъ извѣстно было, старецъ никогда не зажигалъ у себя ни свѣчи, ни лампады, всегда оставался въ темнотѣ.

Въ первый день Пасхи, пишетъ Хромовъ, я пришелъ къ старцу похристосоваться. Похристосовавшись, старецъ далъ мнѣ красненькое яичко, которое, принеся домой, я положилъ передъ св. иконами, на чайномъ блюдечкѣ. По окончаніи св. Пасхи, я вздумалъ посмотрѣть яичко и увидѣлъ, что изъ него истекаетъ масло. Я подивился этому и положилъ яйцо съ другими яйцами, лежавшими тутъ же на блюдцѣ. Черезъ нѣсколько времени посмотрѣлъ я это яйцо,

масла на немъ не было. Послѣ того я опять положилъ его на отдѣльное блюдце и черезъ нѣкоторое время опять увидѣлъ на немъ масло. Дальше епископъ Петръ пишетъ слѣдующее о болѣзни старца: во время болѣзни часто бывали ему видѣнія: то Спаситель являлся, то Пресвятая Богородица, то лики святыхъ.

Съ 10 часовъ утра особенно тяжело стало старцу, онъ томился, метался. «Видя, какъ старецъ мучится, говоритъ Хромовъ, я подумалъ про себя: не отъ того ли онъ такъ мучится, что отказался пріобщиться св Таинъ. Старецъ, провидя мои мысли, вдругъ твердымъ голосомъ спрашиваетъ меня: «Панокъ, и ты думаешь удалиться отъ меня?» Я, познавъ свой грѣхъ, сказалъ: «Батюшка, прости, нѣтъ, не думаю». Такъ старецъ томился, постоянно перемѣнялъ положеніе, въ три четверти девятаго часа вечера 20-го января 1864 года три раза вздохнулъ тяжело, а въ четвертый разъ, вздохнувши, тихо и безъ стоновъ предалъ свою праведную душу въ руки Божіи. Правая рука лежала на груди съ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знаменія.

По утру 21-го числа мы узнали, что въ то самое время, когда душа старца разлучилась съ тѣломъ, кучеръ и горничная нашего сосѣда, лѣкаря Левашова, въѣзжая въ городъ, съ горы видѣли пожаръ около нашего дома и три раза вылетало огромное пламя. По пріѣздѣ домой они спрашивали: не загорѣлось ли у насъ или у сосѣдей нашихъ? Имъ отвѣтили: нѣтъ. При этомъ одна женщина замѣтила: «не чудо ли это, каковъ-то у Хромовыхъ старецъ, не померъ ли?»

Погребенъ старецъ на сѣверо-восточной сторонѣ, въ 3-хъ саженяхъ отъ алтаря монастырской церкви. Вотъ еще чудо, о которомъ нельзя умолчать! Мы сочли нужнымъ приготовить кушанья и напитки для поминальнаго обѣда на 30 человѣкъ,—такъ и приготовили, а обѣдало около 80-ти человѣкъ и всего для всѣхъ было достаточно, даже остатковъ кушанья и напитковъ было довольно. Свою записку еп. Петръ закончилъ слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ: старица Домна Карповна, Христа ради юродивая, бывши въ домѣ Хромова въ августѣ 1871 года говорила ему: «мало ли что народъ говоритъ, нельзя всему вѣрить. Вотъ говорили про старца, который жилъ у васъ, что онъ раскольникъ и другой вѣры. Но я знаю, что онъ святой! Когда онъ жилъ въ кельѣ вашего сада, я была очень больна; при-

шедши въ вашъ садъ, осталась на ночь въ саду для того, чтобы пойти къ старцу и получить отъ него исцѣленіе. Стала стучать въ дверь, старецъ отворилъ, и какъ только я вступила на порогъ, онъ исцѣлилъ меня совершенно отъ болѣзни. Святой былъ старичокъ». Надобно замѣтить, говоритъ еп. Петръ, что Домна Карповна и сама была святая и имѣла даръ прозрѣнія; скончалась она 15-го октября 1872 года, погребена въ женскомъ Томскомъ монастырѣ. Хромовъ въ своихъ запискахъ записалъ много случаевъ, когда онъ и другіе ощущали въ кельѣ старца, при жизни и по смерти его, необыкновенное благоуханіе, видѣли свѣтъ

Заимка Хромова.

въ кельѣ и слышали пѣніе. Было много случаевъ, когда, по молитвамъ старца, Хромовъ и другіе знакомые его исцѣлялись отъ тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней, въ которыхъ врачи не могли помочь больнымъ.

Среди лицъ, занимавшихся вопросомъ объ удивительномъ старцѣ Кузьмичѣ, мы находимъ и князя Голицына, записавшаго народную легенду о сибирскомъ отшельникѣ и объясняющаго появленіе ея тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній имѣлъ большое сходство съ императоромъ Александромъ I. Между прочимъ, онъ пишетъ: въ 1860-хъ годахъ одинъ пріятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря: «По-

смотрите, не найдете ли сходство съ кѣмъ-нибудь, вамъ извѣстнымъ?» Смотрю и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старецъ, съ обнаженною отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный пояскомъ, съ обнаженными ногами, стоящій среди крестьянской хижины. Лицо—прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ, пріятель мой спрашиваетъ меня: «Не находите ли сходство... съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ?» Я крайне удивился — началъ пристальнѣе всматриваться и точно сталъ понемногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица и въ ростѣ; но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда пріятель разсказалъ слѣдующее.

«Карточку эту далъ мнѣ, предложивъ тѣ же вопросы, что и я вамъ, одинъ пріятель мой, долго жившій въ Сибири и недавно пріѣхавшій оттуда. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что по общему въ Сибири, въ то время, народному повѣрью, послѣ смерти императора Александра Павловича въ одномъ глухомъ мѣстѣ Западной Сибири водворился неизвѣстный отшельникъ и затворникъ или—какъ народъ нашъ называетъ—«блаженный». Въ лѣсу, вдали отъ человѣческаго жилища, въ совершенномъ затворничествѣ, въ малой хижинѣ, жилъ онъ въ безвѣстности. Вскорѣ въ народѣ стала болѣе и болѣе распространяться молва о «блаженномъ» затворникѣ и привлекать къ нему народъ. Затворникъ, однако, не впускалъ къ себѣ никого, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ и то немногихъ,—тяжко страдавшихъ тѣлесными или душевными недугами; при этомъ затворникъ впускалъ по одиночкѣ прибѣгавшихъ къ нему, иного—въ небольшія сѣни, а иного—и въ свою убогую келью. И тогда всякаго сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затворника, въ благолѣпныхъ чертахъ лица, и въ кроткихъ глазахъ, и въ обаятельномъ звукѣ голоса, и въ чудныхъ рѣчахъ и во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ... Все это производило на посѣтителей такое впечатлѣніе, что всѣ невольно преклоняли передъ затворникомъ колѣни и кланялись ему въ землю.

По говору народному, затворникъ имѣлъ какой-то особенный даръ утолять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, или словеснымъ наставленіемъ и указаніемъ способа исцѣленія или же прозорливымъ предсказаніемъ.

Въ числѣ стремившихся посѣтить его случилось быть одному по слѣдующему случаю, какъ гласила народная молва. Въ той же мѣстности жили двое бывшихъ придворныхъ служителей: одинъ изъ нихъ опасно заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ затворнику, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить у него помощи или указать средства къ исцѣленію больного. Товарищъ его, при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ затворнику, былъ принятъ послѣднимъ въ его кельѣ, провожатый же остался въ сѣняхъ.

Посѣтитель, какъ только вошелъ въ келью, тотчасъ бросился въ ноги затворнику и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшею головой, съ невольнымъ страхомъ, разсказалъ ему, въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что затворникъ обѣими руками своими поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ, и не вѣритъ ушамъ своимъ— чудный, кроткій, знакомый ему голосъ...

Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на затворника— и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на землю... Затворникъ отворилъ дверь въ сѣни и кротко сказалъ провожатому: «возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никогда не говорилъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ; больной же товарищъ его выздоровѣетъ» (что, дѣйствительно и случилось). Очнувшійся же и оправившійся не могъ утаить отъ своихъ провожатаго и товарища, что въ лицѣ затворника онъ узналъ... императора Александра Павловича, но престарѣлымъ и съ сѣдою бородой!..

Несмотря на запрещеніе затворника, тайна эта, повѣданная только провожатому и товарищу, огласилась,—и въ простомъ народѣ въ Западной Сибири распространилась молва, что затворникъ былъ—императоръ Александръ Павловичъ!.. «Вотъ»—заключилъ пріѣзжій изъ Сибири—«что, по крайней мѣрѣ, гласитъ народная молва и не безъ убѣжденія».

Лица, изслѣдовавшія вопросъ на мѣстѣ, впослѣдствіи могли слышать разсказы не только объ этомъ служителѣ, но и загадочныхъ посѣщеніяхъ Ѳеодора Кузьмича какими-то высокопоставленными лицами, пріѣзжавшими изъ далека для свиданія со старцемъ, о какой-то таинственной перепискѣ его то съ Кіевомъ, то съ Петербургомъ, о благословеніи митрополитомъ Филаретомъ императора Александра Павловича на столь суровый подвигъ.

Въ 1885 году по Петербургу ходила объемистая сенсаціонная рукопись о необыкновенномъ отшельникѣ Ѳеодорѣ, какъ знатномъ и великомъ въ мірѣ, съ легендами объ его мудрости, прозорливости, святости и даже чудесахъ.

Заключеніе.

Такъ выросла легенда почти что на нашихъ глазахъ, легенда, связавшая имена двухъ людей: русскаго императора, побѣдившаго Наполеона, освободившаго свою страну отъ нашествія французовъ и всю Европу отъ Наполеонскаго ига, и какого-то «Ивана, не помнящаго родства», бродяги, превратившагося потомъ въ отшельника, затворника, угодника и подвижника, бродяги, подвергнутаго 20 ударамъ плетьми по извѣстной статьѣ «Устава о ссыльныхъ и поселенцахъ».

Трудно и безполезно было бы искать первоисточникъ сказки, пущенной въ народъ, но нѣкоторые факторы, породившіе ее, можно прослѣдить и на нихъ поэтому слѣдуетъ остановиться. Но, прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо указать, что послѣ обстоятельнаго изслѣдованія этого вопроса въ сочиненіи Великаго Князя Николая Михайловича остается очень мало добавить къ тому, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи.

Можно сказать, что легенда о тожествѣ Ѳеодора Кузьмича съ Александромъ I складывалась вокругъ перваго при помощи двухъ родовъ факторовъ: внутреннихъ и внѣшнихъ. Внутренніе заключались въ личности самого старца, внѣшніе—въ окружающихъ его лицахъ, особенно въ Хромовѣ и его семьѣ. Начиная съ внезапнаго появленія Ѳеодора Кузьмича на аренѣ сибирской жизни, все было въ немъ таинственно: пріѣхалъ верхомъ на хорошей лошади, сбился въ показаніяхъ, отказался назвать себя, былъ наказанъ плетьми и признанъ за бродягу, а потомъ «водворенъ». Это ли не тайна? И, хотя въ Сибири никого не удивишь, но въ то же время въ поведеніи старика было, повидимому, нѣчто, что отличало его отъ другихъ подобныхъ ему стариковъ, ссылаемыхъ ежегодно сотнями и пересылаемыхъ по этапамъ, но здѣсь даже конвой въ пути оказывалъ ему сочувствіе и покровительство, и облегчалъ его участь. Дальше при осѣдломъ жительствѣ на мѣстѣ ссылки окружающимъ сильно импонировала стойкость, съ которою онъ держался нежеланія открыть имя; по прибытіи на мѣсто старецъ началъ

вести жизнь анахорета, а ничто такъ не привлекаетъ къ себѣ темныя массы, какъ вопросы религіозные, проводимые на дѣлѣ въ жизнь, и вотъ за старцемъ укрѣпляется репутація чуть не святого, слава его въ этомъ смыслѣ быстро растетъ, молва подхватываетъ и разноситъ разсказы досужихъ богомольныхъ старушекъ и уже въ лицѣ 12-тилѣтней Александры Никифоровны вырастаетъ его первая горячая поклонница. А мы знаемъ, какъ сильно можетъ способствовать росту вліянія одна такая послѣдовательница! У насъ на виду примѣръ такого рода, разросшійся въ цѣлую секту подъ бокомъ и покровительствомъ центральной власти, а ужъ въ далекой Сибири это и тѣмъ болѣе неудивительно! Надо еще удивляться скромности аппетитовъ Хромова, который не сумѣлъ или не захотѣлъ сдѣлать при помощи «своего» старца того, что такъ легко и просто удалось впослѣдствіи въ Кронштадтѣ. Повидимому, это было просто «не по времени».

Отсюда уже рукой подать до ореола подвига и такъ оно и случилось. Когда Александра Никифоровна отправилась на богомолье, то старецъ снабдилъ ее указаніями на опредѣленныя мѣста для поклоненія и посовѣтовалъ разыскать опредѣленныхъ лицъ. Она такъ и сдѣлала... И вдругъ отъ другого старца, котораго она готова признать за святого, живущаго въ *дальнихъ* пещерахъ Лавры, она слышитъ похвалы ея Ѳеодору Кузьмичу, что онъ такой же подвижникъ, такой же, даже еще большій угодникъ и великій человѣкъ,—какъ же тутъ не закружиться головѣ? есть отъ чего! Но этотъ пріемъ слишкомъ хорошо знакомъ вообще, чтобы на немъ стоило останавливаться, а на восторженную душу онъ подѣйствовалъ сокрушительно и Александра Никифоровна отнынѣ принимаетъ всякую букву «своего» старца за пророчество, а онъ, вѣдь, ей предсказалъ даже замужество и вотъ она замужемъ!

Мы не думаемъ, чтобы Ѳеодоръ Кузьмичъ пытался сознательно говорить непонятныя фразы, чтобы морочить головы, но иногда онъ говорилъ иносказательно; но вѣдь такъ дѣлаютъ и другіе «блаженные», какъ ихъ называетъ русскій народъ, и тѣмъ не менѣе ко всѣмъ ихъ словамъ прислушиваются, ловятъ ихъ на лету, стараются уловить тайный смыслъ ихъ, понять значеніе, разгадать и объяснить. Такъ было съ Иваномъ Яковлевичемъ въ Москвѣ, такъ было и съ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ въ Томскѣ.

Всѣ такіе прорицатели обыкновенно отличаются странностями, ну хоть бы въ костюмѣ, какъ Ѳеодоръ Кузьмичъ; на немъ была всегда длинная бѣлая рубаха, подпоясанная пояскомъ. У него была своеобразная манера держать руки: одну сложивши на груди, другую за поясомъ.

Подобныя мелочи въ ряду другихъ чудачествъ тоже имѣютъ большое значеніе для стекающихся на поклоненіе вѣрующихъ, во всемъ этомъ они склонны видѣть какое-то высшее значеніе, такъ же какъ и въ словахъ старца. Ни у кого изъ нихъ никогда бы не хватило духу видѣть въ этомъ своеобразномъ способѣ одѣваться и держаться признака болѣзненнаго состоянія, по всей вѣроятности душевной болѣзни, что̀, какъ увидимъ ниже, подтверждается другими данными, такъ какъ подобная поза нерѣдко у больныхъ принимается и усваивается благодаря извѣстнымъ бредовымъ идеямъ, обыкновенно тщательно скрываемымъ, которыя подчасъ и опытный глазъ спеціалиста не скоро уловитъ. Такія свойства, какъ нелюдимость, несловоохотливость тоже принимаются въ этихъ старцахъ за высшую мудрость, за то, что не со всякимъ можно говорить, не всякаго можно удостоить и сподобить, а между тѣмъ дѣло обстоитъ гораздо проще—это тоже не больше, какъ симптомъ болѣзни. И, дѣйствительно, что мы видимъ у Ѳеодора Кузьмича,—лишь только онъ обживется гдѣ-нибудь, попривыкнетъ, какъ, смотришь, уходитъ на другое мѣсто, къ другимъ лицамъ, хотя до того усиленно отказывался перемѣнить мѣсто жительства, несмотря на настойчивыя приглашенія его къ себѣ со стороны разныхъ благотворителей. Это тоже въ значительной степени указываетъ на существованіе душевной болѣзни у старца, такъ какъ при нѣкоторыхъ формахъ душевнаго разстройства стремленіе мѣнять часто мѣсто жительства представляетъ собою симптомъ болѣзни, какъ результатъ бредовыхъ идей, главнымъ образомъ преслѣдованія, т.-е., когда данный субъектъ приходитъ въ новое мѣсто, онъ нѣкоторое время чувствуетъ себя хорошо, полагая, что спасся отъ враговъ, но чрезъ нѣкоторое время «враги» опять находятъ его и опять надо искать новаго укромнаго уголка.

Среди доказательствъ тожества Ѳеодора Кузьмича съ Александромъ I приводились обширныя познанія Кузьмича о Петербургѣ, о придворныхъ сферахъ, о военныхъ дѣлахъ и вообще сравнительно будто бы высокій уровень образо-

ванія его. Но вѣдь всѣ эти утвержденія идутъ опять-таки или изъ семьи Хромова, или отъ лицъ близкихъ этой семьѣ. А мы видѣли уже достаточно, насколько можно этимъ лицамъ довѣрять; да, наконецъ, старецъ во время своихъ долгихъ странствованій и переходовъ изъ монастыря въ монастырь могъ много наслушаться разсказовъ изъ всякихъ сферъ и областей; будучи же, повидимому, способнымъ отъ природы, хорошо усваивалъ слышанное и умѣло передавалъ его.

Ибо можно думать, что едва ли вѣроятно предположеніе, высказываемое въ сочиненіи Великаго Князя Николая Михайловича, что старецъ самъ принадлежалъ къ какой-нибудь извѣстной фамиліи. Во-первыхъ, его исчезновеніе изъ семьи было бы своевременно отмѣчено и было извѣстно въ аристократическихъ кругахъ, а во-вторыхъ, нѣкоторыя выраженія, словечки Ѳеодора Кузьмича съ большою вѣроятностью указываютъ въ немъ скорѣе простонародное происхожденіе и въ частности можетъ быть малороссійское, какъ, напр., слово «панокъ», которое онъ любилъ употреблять въ видѣ слова обращенія, какъ великороссы любятъ, напр., говорить: «голубчикъ, батенька, братецъ» и т. п.

Что касается доказательствъ душевнаго разстройства, которое можно было наблюдать у Ѳеодора Кузьмича, то они не настолько, каждое само по себѣ, рѣзки, чтобы бросались въ глаза, но всѣ вмѣстѣ даютъ вполнѣ опредѣленную картину: эти видѣнія, склонность къ перемѣнѣ мѣста жительства, преувеличенное мнѣніе о себѣ, скрытность, аллегорическая рѣчь намеками на что-то неопредѣленное, упорство въ нежеланіи назвать свое имя даже передъ смертью, со ссылкою на то, что оно извѣстно Богу и т.п.,— все это сопоставленное вмѣстѣ даетъ основаніе предполагать въ немъ душевное разстройство не въ слишкомъ рѣзкой степени.

Такимъ образомъ, мы можемъ проще взглянуть на этого старца и считать, что и подвига-то никакого не было, и что это былъ просто «Иванъ, не помнящій родства», какихъ въ Сибири, ссылкѣ и на каторгѣ мы найдемъ въ большомъ количествѣ и которымъ мѣсто не тамъ, а въ благоустроенныхъ психіатрическихъ заведеніяхъ.

Изъ жизни же старыхъ домовъ умалишенныхъ можно не мало откопать случаевъ, когда къ нѣкоторымъ больнымъ, помѣщавшимся тамъ годами, стекались горожане послушать

прорицаній и «вѣщихъ и мудрыхъ словъ», можно было видѣть лѣтъ 15—20 какихъ-нибудь назадъ, какъ трудно, какихъ усилій стоило отучить публику отъ привычныхъ посѣщеній по праздникамъ «блаженненькаго». Въ данномъ же случаѣ для Хромова не было никакого разсчета отучать публику отъ такихъ посѣщеній, наоборотъ, чѣмъ больше будетъ таинственности, чѣмъ больше несуразности, тѣмъ лучше, меньше будутъ понимать, больше будутъ притекать богомольцы и жертвователи, больше будетъ доходовъ и ему перепадетъ что-нибудь.

О Хромовѣ разсказываютъ слѣдующее: Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, столь удачно для себя воспользовавшійся Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, былъ когда-то такъ называемымъ офенею, бродячимъ торговцемъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Онъ доходилъ до Восточной Сибири, имѣлъ золотые пріиски, на нихъ же разорился и, для поправки своего состоянія, пустилъ слухъ о таинственномъ старцѣ, которому отвелъ особое помѣщеніе. Съ его стороны это было въ родѣ изобрѣтенія мироточивыхъ иконъ или чудотворныхъ крестовъ, чѣмъ у насъ до недавнихъ временъ занимались и дворяне, даже одинъ изъ потомковъ Петровскаго фельдмаршала князя Голицына.

Хромовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ письмами отъ Ѳеодора Кузьмича къ императору Александру Николаевичу, которыя были, по его словамъ, наставительнаго содержанія. Послѣднее обстоятельство извѣстно отъ знакомаго Хромова, покойнаго В. А. Кокорева, который черезъ одного дворцоваго служителя доставилъ эти письма прямо въ кабинетъ Государя. Хромовъ разсказывалъ Кокореву, что когда Ѳеодоръ Кузьмичъ жилъ у него въ домѣ, то однажды онъ, Хромовъ, читалъ вслухъ со своимъ знакомымъ какую-то книгу, гдѣ передавалась бесѣда Александра съ Наполеономъ; вдругъ изъ боковушки, гдѣ молился старецъ, послышилась слова: «Никогда я этого не говорилъ ему».

Такими разсказами полно все пребываніе Ѳеодора Кузьмича у Хромова. Понемногу разсказы эти дѣлали свое дѣло и наконецъ въ день смерти старца какой-то кучеръ и горничная «видятъ надъ домомъ Хромова дымъ и огонь» — это уже настоящія чудеса, что собственно только и нужно было Хромову.

Да и не трудно было достичь такого поклоненія сообразно съ средой, въ которой это происходило: грубое не-

вѣжество, суевѣріе, фетишизмъ, неспособность понять и объяснить самыя обыденныя и естественныя явленія несомнѣнно вели за собою, какъ слѣдствіе, вѣру въ несуществовавшія чудеса, исканіе скрытаго смысла тамъ, гдѣ была лишь полная безсмыслица и пр. Отсюда уже одинъ шагъ до признанія тожественности съ императоромъ Александромъ I. Это послѣднее обстоятельство было сдѣлано съ крайнею осторожностью; открыто сдѣлать этого нельзя было: и не повѣрятъ, да и не позволятъ. Поэтому Хромовъ началъ издалека, написавши сначала только таинственную фразу на надгробномъ памятникѣ Кузьмича: «здѣсь погребенно тѣло *великаго благословеннаго*»...; достаточно было послѣднихъ двухъ словъ, чтобы зародилось у посѣтителей сомнѣніе, — а вдругъ да это въ самомъ дѣлѣ былъ Александръ I ? А мы-то и не знали!—Есть отъ чего прійти въ священный трепетъ. Дальше Хромову, вѣроятно, рисовалась перспектива памятниковъ, мавзолеевъ, украшеній и пр. и пр.

Когда пришлось эту надпись уничтожить, тогда Хромовъ повелъ другую политику: онъ собралъ какіе-то документы и повезъ ихъ въ Петербургъ, долго тамъ добивался покровительства, но ничего не добился; однако, письма Ѳеодора Кузьмича «наставительнаго содержанія» къ императору Александру II попали-таки на столъ въ кабинетъ императора. Мы можемъ на этотъ разъ повѣрить Хромову, что онъ самъ вѣрилъ въ то, что это были письма дяди къ племяннику, но онъ, къ сожалѣнію, не зналъ того, что больные, подобные Кузьмичу, постоянно осаждаютъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ письмами, проектами и наставленіями всякаго рода, что въ любомъ заведеніи для «умалишенныхъ» такія письма ежедневно сочиняются десятками и адресуются на имя царствующихъ особъ; что въ его времена это по старой терминологіи въ наукѣ называлось «графоманіей». Для насъ, впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію вопросъ, остановился ли бы Хромовъ, даже если бы ему это и было извѣстно.

Вѣдь говорилось же и имъ и женою его о какихъ-то таинственныхъ незнакомцахъ, высокопоставленныхъ лицахъ, будто бы посѣщавшихъ Кузьмича. Но, спрашивается, гдѣ же слѣдъ посѣщенія какими-нибудь высокопоставленными лицами Сибири въ то время, да еще *таинственными*; вѣдь не на воздушномъ шарѣ, надо полагать, они спустились и поднялись; не въ шапкѣ невидимкѣ они прибыли и исчезли.

Но вѣдь Хромову только и нужна таинственность, только ею онъ и надѣялся поживиться. При свѣтѣ дня всѣ его бредни разлетѣлись бы въ прахъ. Поэтому ему совершенно достаточно такого *компетентнаго* заявленія, какъ Александры Никифоровны о сходствѣ Ѳеодора Кузьмича съ Александромъ I, а ужъ когда придворный лакей упалъ въ обморокъ отъ этого сходства, тутъ, конечно, всѣ Хромовскія сомнѣнія разсѣялись.

Мы пойдемъ дальше Хромова и скажемъ, хорошо, возможно, что и было сходство, но тогда понятно, что и голосъ былъ узнанъ лакеемъ, это отнюдь не говоритъ за тожество, потому что сплошь и рядомъ сходство чертъ лица сопровождается сходствомъ и голоса и не только у родственниковъ, а и у постороннихъ, ибо сходство въ строеніи черепа, т.-е. лицевой его части, очень часто можетъ и сопровождается сходствомъ въ строеніи и глубоко лежащихъ его частей, т.-е. голосовыхъ связокъ, хрящей гортани, мышцъ ея и т. д., что и создаетъ эту иллюзію тожества. Хромову же это не было извѣстно, ему важно было установить хоть какъ-нибудь тожество.

Нельзя оспаривать, что въ этомъ сходствѣ, можетъ быть, лежитъ источникъ предположенія, что Кузьмичъ—это Александръ I. Но вѣдь этого мало... Что же связало имена Александра I и Ѳеодора Кузьмича, не помнящаго родства, сибирскаго ссыльно-поселенца, наказаннаго плетьми за бродяжничество? Что помогло въ народѣ распространиться и удержаться этой легендѣ? Чѣмъ она питалась? На какой почвѣ росла?

Отвѣтъ на это даетъ намъ исторія послѣднихъ 10-ти лѣтъ царствованія Александра I, начиная съ конгресса въ Веронѣ, гдѣ императоръ производилъ странное впечатлѣніе: жилъ особнякомъ, всѣхъ дичился, высказывалъ различныя мрачныя мысли, такъ что вызвалъ даже особенное отношеніе къ себѣ Меттерниха; ему же Александръ тутъ намекнулъ на желаніе свое отречься отъ власти. Это тоже должно было производить странное впечатлѣніе.

Дальше, подозрительность, увеличивавшаяся въ Александрѣ до конца жизни, когда онъ даже при очень серьезныхъ и опасныхъ заболѣваніяхъ, отказывался принимать лѣкарства, повидимому, отъ боязни отравленія; его усиленная религіозность, доходившая до мистицизма; приближеніе къ себѣ негодныхъ элементовъ, начиная съ Аракчеева,—всѣ эти явленія въ

характерѣ человѣка, сидящаго на тронѣ, не могли пройти незамѣченными и какъ ни слабо было просвѣщеніе страны, но оцѣнка происходящаго тамъ, «на верхахъ», рано или поздно должна же была проникнуть въ народъ и, разъ распространившись въ народѣ, не могла не вызвать недоумѣнія.

Если прибавить сюда скорость и стремительность отъѣзда на югъ, тоже происшедшаго при таинственной обстановкѣ, затѣмъ быстро наступившая болѣзнь и черезъ короткое время смерть,—то можно понять и представить себѣ, какую массу толковъ и кривотолковъ должно все это было вызвать. Да мы и видѣли это въ перечнѣ слуховъ.

Дальнѣйшія событія своею стремительностью съ ихъ 14-мъ декабря 1825 года успѣли нѣсколько посгладить остроту предыдущихъ впечатлѣній, но за то все послѣдующее царствованіе отнюдь не способствовало разсѣянію тумана, окутывавшаго все сильнѣе и сильнѣе несчастную страну, гдѣ среди невѣжественности истомленнаго народа всякіе, какіе угодно слухи, могли встрѣтить благодарную почву для своего роста и развитія; а со стороны власти всегда въ этомъ отношеніи была система и политика тушенія слуховъ и толковъ штыками и розгами, начиная отъ погребенія Александра I, когда московскій генералъ-губернаторъ приготовился къ нему, точно въ походъ на непріятеля съ артиллеріей и засадами, и кончая Побѣдоносцевымъ, который своимъ преслѣдованіемъ слуховъ о «нѣкоемъ старцѣ» до того терроризовалъ духовенство Западной Сибири, что когда Великій Князь Николай Михайловичъ отправилъ туда спеціальное лицо для излѣдованія вопроса на мѣстѣ, то этому лицу всѣ поголовно отказывались давать какія бы то ни было свѣдѣнія, боясь, не будетъ ли тутъ какого «подвоха».

Пресловутому оберъ-прокурору надо было все прикрыть, даже самую истину, которой онъ не зналъ, да врядъ ли и хотѣлъ знать, лишь бы только все обстояло благополучно... на бумагѣ.

Такимъ образомъ народъ невѣжественный, темный могъ понимать событіе только по внѣшнимъ признакамъ, по наружному сходству; а для этого условія были вполнѣ подходящія. Тѣ же странности, та же таинственность, та же религіозность; тамъ царь, хотѣвшій давно уже отречься отъ престола, тамъ путаница съ наслѣдованіемъ ему, разразившаяся катастрофой, тутъ неожиданно откуда-то появившійся благообразный старецъ, въ которомъ подмѣтили сход-

ство съ покойнымъ императоромъ, старецъ, держащій себя по особенному, все вспоминающій Петербургъ, знакомый съ порядками военными и придворными — ну, кому жъ быть— какъ не самому Александру I? прикинули года—подходятъ, стало быть онъ; придворный лакей узналъ—ну, конечно, *онъ!*

Впослѣдствіи же благодаря гоненіямъ подобная мысль могла только окрѣпнуть и упрочиться.

По счастью мы имѣемъ въ протоколѣ вскрытія тѣла Александра I одно такое мѣсто, которое неопровержимо доказываетъ тождество умершаго императора и вскрытаго въ ноябрѣ 1825 года, а именно въ п. I при описаніи *поверхности тѣла* говорится: «...и различные рубцы (ciafrices), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде».

Что же это за раны, какими онъ былъ одержимъ?

Припомнимъ, что у Александра I было рожистое воспаленіе на правой ногѣ, перешедшее въ нагноительный процессъ, заживший посредствомъ рубца.

Это было въ январѣ 1824 года, когда государь 12-го числа почувствовалъ себя нездоровымъ, а 13-го уже было констатировано врачами рожистое воспаленіе. Семь дней была повышенная температура, 19-го числа появилась испарина и ночью сонъ. Между тѣмъ на ногѣ появилось нагноеніе и глубокая язва, проникавшая до кости. Тарасовъ придумалъ для лѣченія ноги особый штиблетъ изъ ароматныхъ травъ, надѣвавшійся и снимавшійся очень удобно. 1-го Февраля Александръ сидѣлъ уже въ креслахъ, а 18-го во время свадьбы Михаила Павловича онъ еще не могъ ходить и въ сосѣдней съ кабинетомъ его комнатѣ была поставлена походная церковь. Во время совершенія обряда императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ.

Кромѣ того, другимъ яснымъ доказательствомъ отсутствія тождества съ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ можетъ служить то, что самый ходъ болѣзни Александра, какъ мы его знаемъ по запискамъ современниковъ, настолько характеренъ для брюшного тифа, что сомнѣваться въ этомъ не приходится. Вѣроятность зараженія брюшно-тифозною инфекціей для Александра была весьма велика: онъ много времени проводилъ въ разъѣздахъ, заходилъ въ лазареты, пробовалъ тамъ пищу, и конечно могъ заразиться гдѣ-нибудь

при этомъ, а при малѣйшей простудѣ и ослабленіи организма могли начать свое губительное дѣйствіе специфическія бациллы. Намъ представляется, что если даже допустить на короткій мигъ возможность ложной болѣзни подставного лица, какъ возражаютъ сторонники теоріи тождества Кузьмича съ Александромъ, то вѣдь при этомъ надо допустить возможность и даже необходимость самой тонкой и точной лжи и игры въ настоящаго государя въ теченіе 16-ти дней со стороны всѣхъ окружающихъ, до императрицы включительно, при чемъ ложь должна была происходить не за страхъ только, но и за совѣсть, ибо императрица Елизавета Алексѣевна писала самыя искреннія горестныя письма къ своей матери, что ужъ навѣрно не могло бы входить въ самую широкую и точно обдуманную программу мистификаціи и фальсификаціи.

Мы не будемъ говорить о прочихъ мелкихъ чертахъ, отличающихъ Кузьмича отъ Александра Павловича, какъ, напр., о почеркѣ, не имѣющемъ ничего общаго ни въ одной буквѣ, если сличить, напримѣръ, надпись на конвертѣ Хромову, сдѣланную рукою Кузьмича съ почеркомъ Александра I. Равно можно считать поконченнымъ вопросъ о тарабарщинѣ, которую нашли въ запискѣ послѣ Ѳеодора Кузьмича въ томъ пакетѣ, на который онъ указывалъ съ словами «въ немъ моя тайна». Никакой тайны въ немъ нѣтъ, это просто наборъ словъ, безъ всякаго смысла, записанный когда-нибудь въ періодъ тяжелаго состоянія душевной боли Кузьмичемъ, можетъ быть даже съ намѣреніемъ придать этому характеръ тайны и смыслъ ея, но отъ намѣренія до умѣнья сдѣлать это еще далеко и самыя тщательныя изысканія показали, что никакого смысла въ этой запискѣ не заключается.

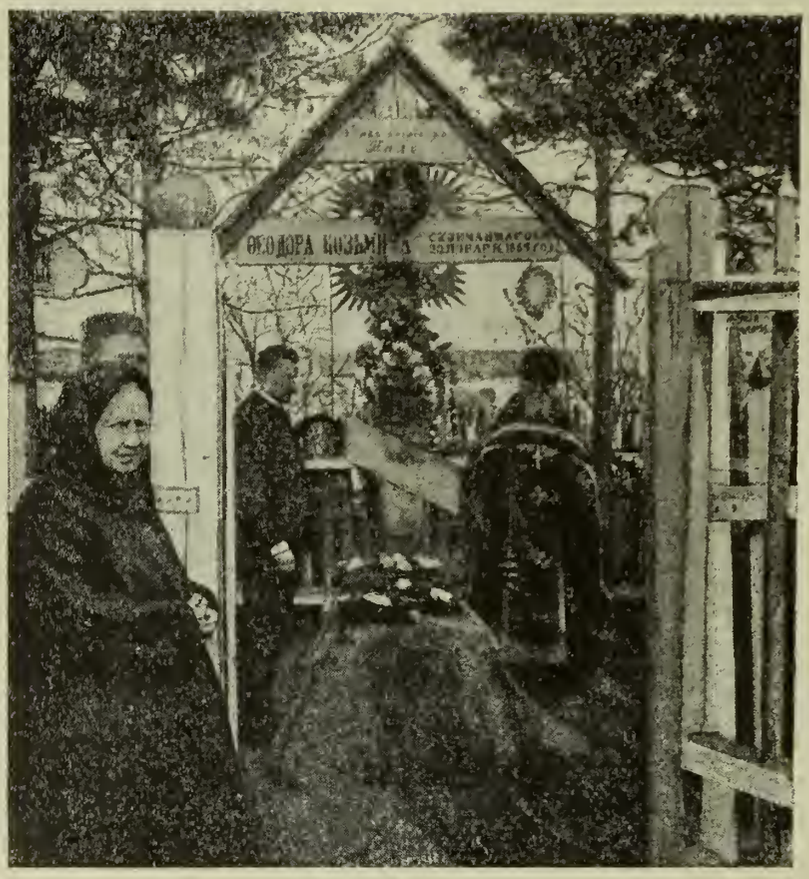
Мы не можемъ обойти молчаніемъ, въ особенности теперь, когда вопросъ нашъ приходитъ къ концу, и мы можемъ считать доказаннымъ отсутствіе тожества интересующихъ насъ лицъ, не можемъ обойти молчаніемъ того, что и послѣ Александра остался въ карманѣ его платья пакетъ, который окружающими былъ принятъ за духовное завѣщаніе, такъ какъ императоръ никогда съ нимъ не разставался.

Но, когда его вскрыли, то оказалось, что тамъ были двѣ молитвы и замѣтки изъ нѣсколькихъ главъ священнаго писанія.

Это обстоятельство, думается намъ, только подтверждаетъ, что одно и то же болѣзненное душевное состояніе

у разныхъ лицъ, въ различныхъ совершенно обстоятельствахъ въ смыслѣ времени и мѣста, можетъ выражаться одинаковымъ образомъ. Вѣдь у Кузьмича тоже нашли пакетъ, въ которомъ будто бы была «его тайна». Сказаннаго, полагаемъ, довольно для того, чтобы убѣдить непредубѣжденнаго читателя въ томъ, что между императоромъ Александромъ I и старцемъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ никакой связи, которую можно было бы доказать научнымъ путемъ, нѣтъ, что весь сыръ боръ загорѣлся съ одной стороны изъ-за кликушескихъ причитаній досужихъ богомолокъ, а съ другой поддерживалось все это своекорыстными разсчетами разбогатѣвшаго кулака, ловко эксплоатировавшаго народное невѣжество.

Но надо надѣяться, что свѣтъ, пролитый на это дѣло, не дастъ возродиться нелѣпымъ слухамъ и сплетнямъ, и что мракобѣсіе уступитъ исканію истины и свѣтъ науки освѣтитъ всѣ темные углы мрачной исторіи русской земли.



Снято въ 1902 году.

Глава I.

Стр.

Послѣдніе годы царствованія Александра 7

Глава II.

Отъѣздъ на югъ и Таганрогъ 29

Глава III.

Надъ умершимъ. 63

Глава IV.

Легенды и слухи. 88

Глава V.

Характеръ Александра и его болѣзнь 96

Глава VI.

Старецъ Кузьмичъ. 113
Заключеніе. 147

Княжна Тараканова.

Изслѣдованіе по актамъ
Государственнаго архива.

Москва.—1909.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
РУССКАЯ БЫЛЬ

Э. Лунинскій.

Профессоръ Львовскаго Университета.

Княжна Таракажова.

Переводъ съ польскаго В. Петручика.

Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и многими факсимиле

Семнадцатая тысяча.

Второе изданіе М-скаго К-скаго Т-ва
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь совсѣмъ другимъ трудомъ, я напалъ на слѣды взаимоотношеній княжны Таракановой съ барской конфедераціей, особенно съ виленскимъ воеводой Карломъ Радзивилломъ «Пане Коханку».

Княжна Тараканова!.. Она никогда такъ не называлась; это позднѣйшая народная и историческая легенда въ погонѣ за отысканіемъ таинственной дѣйствительности придѣлала произвольно выдуманное прозвище... Съ этимъ именемъ царевна-самозванка пошла въ свѣтъ, въ далекое потомство, давая богатые романическіе цвѣта для писанія повѣстей и массу неиспользованныхъ темъ, какъ бы взятыхъ изъ сказокъ тысячи и одной ночи. Ложное имя получило право гражданства и это единственное оправданіе прозвища...

Чѣмъ больше, чѣмъ глубже вникалъ я въ это дѣло, тѣмъ могущественнѣе, неудержимѣе становилось очарованіе. А въ нашихъ книгахъ такъ глухо и такъ мало сказано объ этомъ эпизодѣ барской конфедераціи! Стоило только слегка его коснуться, приподнять край завѣсы—и стало видно, какъ проскользнуло подъ видомъ большого политическаго событія простое приключеніе. Но вѣдь и дѣянія Лже-Димитрія носили тотъ же оттѣнокъ! Въ этихъ приключеніяхъ и въ авантюристахъ пробивается духъ времени, видны душевныя черты людей, ихъ отношенія, внутренняя подкладка ихъ поступковъ и плановъ. Эта сторона

дѣла не должна оставаться неизслѣдованной, несмотря на то что существуютъ еще неразработанные болѣе важные вопросы отечественной исторіи. На каждомъ шагу мнѣ приходилось вступать въ область русскихъ событій второй половины XVIII столѣтія, соотвѣтственно описать положеніе дѣлъ, выяснить соціальную бурю, пролетѣвшую громовымъ вихремъ надъ имперіей въ царствованіе Екатерины II.

Итакъ, настоящій трудъ не принадлежитъ — по своей темѣ къ народной исторіи; онъ начатъ и законченъ съ цѣлью служить нашей magistra vitae, какъ научное дополненіе. Лично я преодолѣвалъ громадныя затрудненія... Уже Бильбасовъ обратилъ вниманіе на необходимость производства ревизіи актовъ, находящихся въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ, которые были взяты у самозванки въ Пизѣ послѣ коварнаго приглашенія ея на бортъ русскаго корабля, а впослѣдствіи отосланы въ распоряженіе слѣдственной комиссіи въ столицу государства. Осмотръ этихъ рукописей (зарегистрованныхъ подъ №№ 531, 532 и 533. Серія VI) далъ возможность раскрыть все дѣло. Тутъ слѣдуетъ принести неизмѣримую признательность и благодарность за то, что, послѣ совершенія первоначальныхъ формальностей, двери Сезама отворились настежь, отворились безъ запрещеній и ограниченій: директоръ Государственнаго архива, Его Превосходительство Сергѣй Горяиновъ дѣлалъ всѣ возможныя облегченія, окружалъ мои труды громадной заботливостью и доброжелательствомъ и даже препроводилъ для просмотра подлинные документы изъ государственнаго архива въ Москвѣ. За такое вниманіе и облегченія чувствую сердечную обязанность принести глубоко прочувствованную благодарность.

Значительной помощью и капитальнымъ пособіемъ оказались письма ксендза Глембоцкаго, написанныя съ умѣньемъ Paska изъ Рима къ примасу кс. Подосскому. Они представляютъ собственность библіотеки гр. Баворовскихъ въ Львовѣ. Не вспомнилъ я о старинныхъ документахъ изъ хранилища кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ; извѣстно, что тамъ находятся очень полезныя данныя изъ тайнаго государственнаго архива и дворца въ Вѣнѣ. Быть можетъ мало о Несвижѣ? Это правда, но не по нашей винѣ. Въ этомъ случаѣ утѣшеніемъ является изданіе писемъ князя Карла Радзивилла въ переработкѣ Казимира Валишевскаго и матеріалы Янковскаго, найденные въ Веркахъ. Наконецъ, приходилось разбираться въ массѣ разныхъ рѣдкихъ русскихъ изда-

ній, въ литературѣ памятниковъ и дѣеописаній, которыхъ по большей части нѣтъ на нашихъ библіотечныхъ полкахъ.

Самъ по себѣ матеріалъ былъ такимъ содержательнымъ, отсвѣчивалъ столькими блёстками сверхъестественнаго и неправдоподобнаго, что пишущій эти строки не заботился о томъ, чтобы мертвые бумаги дали жизненный огонь. Онъ исторгался самъ собой, быстро уносился и взлеталъ на свѣтъ Божій. Матеріалъ оказался настолько богатымъ, что скорѣе казалось коечто небылицей и трудно было удержаться въ рамкахъ науки и и не снизойти на плоскость обычныхъ сенсацій.

Самозванная претендентка на русскій тронъ сдѣлала безумную ошибку: не сжигала своей корресподенціи, а возила ее съ собой. Послѣ завлеченія ея въ засаду въ Пизѣ, гр. Орловъ Чесменскій конфисковалъ это имущество и этимъ доставилъ суду доказательный матеріалъ, выясняющій закулисныя пружины дѣла. Попали въ русскія руки и чувствительныя, сладкія письма героя печальнаго пораженія подъ Столовицами, гетмана Огинскаго, и дѣтскія, трогательныя объясненія въ любви князя Лимбургъ-Штирумъ и достовѣрныя данныя объ отношеніяхъ самозванки къ конфедератскимъ эмигрантамъ послѣ Барскаго возстанія. Агентъ конфедераціи Янъ Чарномскій, приближенный наушникъ главнокомандующаго Потоцкаго, прибавилъ къ легкомысленному завлечеченію лже-царицы въ сѣти — еще и конфискацію бумагъ тайныхъ сношеній съ Турціей. Цѣлая добыча появилась на столѣ слѣдственной комиссіи въ Петербургѣ. О стѣны мрачной Петропавловской твердыни ударялись польскія имена Іоахима Потоцкаго, Пшездзецкаго, Огинскаго, князя Карла Радзивилла и многія другія...

Въ виду того, что Екатерина II во время веденія дѣлъ имѣла резиденцію въ Москвѣ, а главное управленіе слѣдствія въ столицѣ находилось въ рукахъ князя Алексѣя Михайловича Голицына, который тотчасъ же препровождалъ особенныя свѣдѣнія объ заключенной самозванкѣ,—образовался поэтому обмѣнъ распоряженій и реляцій между Москвой и Петербургомъ и благодаря этому сохранился обильный письменный матеріалъ, обслуживающій мѣсто жительства царицы [1]). Что случилось съ архивомъ по дѣлу претендентки послѣ ея смерти и прерванія

---

[1]) «Русскій Архивъ», годъ 3-ій, 1865. Изд. 2-ое за 1866 г. Изслѣдованія Михаила Лонгинова: «Записка о Княжнѣ Таракановой», стр. 651—656.

слѣдствія? На этотъ вопросъ дала обширный отвѣтъ недавно опубликованная статья Панчулидзева въ «Русскомъ Архивѣ»[1]). Вѣроятнѣе всего онъ былъ доставленъ въ тайную экспедицію при правительствующемъ сенатѣ, а оттуда въ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. Тамъ онъ не успѣлъ покрыться пылью. Извѣстный историкъ Карамзинъ рекомендовалъ Николаю I,—какъ продолжателя своей «Исторіи Государства Россійскаго», государственнаго секретаря гр. Дмитрія Блудова, предъ которымъ и открылись всѣ оффиціальныя собранія рукописей государства.

Его услугами немедленно воспользовались. Въ бумагахъ Александра I значились захваченные въ Пизѣ документы. Блудову отослали 30 ноября 1826 года ихъ для отзыва. Спустя нѣкоторое время, 4 февраля государственный исторіографъ представилъ царю рапортъ съ изложеніемъ мелкихъ подробностей о ложной Романовой и краткаго списка найденныхъ въ Пизѣ актовъ. Рапортъ отданъ на сохраненіе въ Аничковъ дворецъ. Однако, гр. Дмитрій не успокоился: необычайно богатая тема и ореолъ таинственности притягивали его къ себѣ. И вотъ 27 февраля 1827 г. онъ представилъ въ руки императора дополнительную обработку свѣдѣній, послѣ чего пизанскіе документы были сданы въ петербургскій государственный архивъ. На нѣсколько лѣтъ все стихло. Когда же баронъ Корфъ, вслѣдствіе Высочайшаго указа, сдалъ 21 апрѣля 1838 года Блудову копіи французскихъ писемъ Таракановой, найденныхъ въ бумагахъ умершаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта гр. Новосильцева, дѣло вошло въ новую стадію. Повидимому Блудовъ рѣшилъ пролить, наконецъ, свѣтъ на заключенную въ мертвыхъ актахъ исторію авантюристки. Узнавъ объ этомъ желаніи и попыткѣ, Александръ II распорядился, чтобы бумаги самозванки перенесли во второй отдѣлъ личной царской канцеляріи для производства ревизіи; на самомъ же дѣлѣ Блудовъ взялъ ихъ къ себѣ и задержалъ до 1863 г. (+ 1864 г.) Они заключались въ разныхъ рубрикахъ, а именно:

I. Конфискованныя въ Пизѣ бумаги самозванки и ея друзей—поляковъ (258 номеровъ).

II. Такія же бумаги (50 номеровъ).

III. Къ той же категоріи принадлежащіе документы и письмо

---

[1]) Тамъ же, кн. 3, 1905 годъ. Статья «Княжна Тараканова.

лже-царевны изъ Петропавловской крѣпости къ кн. Алексѣю Михайловичу Голицыну (23 номера).

IV. Римская переписка претендентки съ кардиналомъ Альбани и аббатомъ Роккатани и польскимъ министромъ резидентомъ въ Ватиканѣ маркизомъ d'Antici, имѣющая на разныхъ письмахъ отмѣтки Роккатани: «Romanzo della Principessa Elisabeta di Moscovia». Затѣмъ итальянскія реляціи Роккатани и d'Antici къ Варшавскому канонику кс. Гижіотти, тайному совѣтнику Станислава Августа (всего 38 номеровъ). Эти необычайно интересныя забытыя бумаги доставлены въ двадцатыхъ годахъ 19 в. въ государственный архивъ въ Римѣ.

V. Копіи документовъ вышеозначенной рубрики (IV) вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ реляцій Роккатани и Antici.

VI. Рапортъ гр. Орлова Чесменскаго царицѣ о самозванкѣ. Четыре другихъ рапорта Орлова найдены въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

VII. Копіи разныхъ бумагъ самозванки, между ними ея письма къ англійскому послу въ Неаполѣ, Гамильтону.

VIII. Оригиналы слѣдственной комиссіи, между которыми случайно находится нѣмецкое письмо Орлова къ претенденткѣ. и нѣсколько другихъ.

IX. Рапортъ фельдмаршала Голицына отъ 19 апрѣля 1775 года императрицѣ о бумагахъ, отобранныхъ у самозванки и другія государственныя реляціи Екатеринѣ II того же лица.

X. Собственноручный рескриптъ царицы на имя адмирала Грейга отъ 16 мая 1775 года.

На основаніи вышеизложеннаго комплекта рукописей, Блудовъ написалъ обширный меморіалъ — точнѣе докладъ, который былъ предназначенъ pro foro interno для монарха. Это былъ только первый сжатый, освѣщенный правильнымъ свѣтомъ, но переслоенный туманными преданіями и догадками cause célèbre.

Слухи о существованіи трудовъ Блудова проникли въ широкіе круги общества и вызвали призракъ, покрытый пылью старыхъ басенъ и слуховъ. Снова встала какъ бы изъ гроба несчастная дочь Елизаветы и Разумовскаго, а съ ней недостовѣрные варіанты разныхъ предположеній. То «послѣдняя изъ дома Романовыхъ» сохла въ монастырѣ, постриженная въ монашки, то выдумывали, что она погибла въ камерѣ подземнаго вала Петропавловской крѣпости, захлебнувшись въ разлившихся водахъ Невы. Припомнили о покрытой библіотечной пылью книгѣ Cas-

teia[1]), который съ непріязненнымъ чувствомъ къ Россіи и царицѣ подтасовалъ различные факты и далъ въ руки романистамъ канву для вышиванія сенсаціонныхъ сочиненій о внучкѣ Петра Великаго. Это онъ потопилъ царевну въ волнахъ рѣки, которая будто бы ворвалась въ тюремный казематъ. За нимъ и Горани[2]) заставилъ умереть претендентку подъ кнутами «мерзкихъ палачей». Трудъ Гельбига[3]) подтвердилъ взгляды о существованіи княжны Таракановой. Только Wraxall[4]) заглянулъ правдѣ въ глаза, вспоминая въ своихъ «историческихъ памятникахъ» о царевнѣ по разсказамъ англійскаго консула въ Ливорно, сэра Джона Дика. Среди этой неопредѣленности и хаоса какой-то авторъ издалъ правдивое, отрезвляющее сочиненіе, огласивши въ «Русской Бесѣдѣ» [5]) выдержки изъ писемъ аббата Роккатани къ канонику Гижіотти и четыре (подъ рубрикой VI) реляціи Орлова Чесменскаго,—тутъ же и рескриптъ на имя адмирала Грейга отъ 16 мая 1775 года (подъ рубрикой X). Эти матеріалы, а также книжка Castéra и Гельбига послужили Михаилу Лонгинову для статьи[6]), въ которой историческая правда переплелась съ вымыслами и оригинальными комбинаціями. Прибавляя свои выводы къ обработкѣ Лонгинова, Мельниковъ помѣстилъ въ журналѣ «Сѣверная Пчела»[7]) краткія замѣчанія, принимая за вполнѣ достовѣрный фактъ существованіе дочери Елизаветы, на которую онъ одѣлъ монашескій клобукъ въ Ивановскомъ московскомъ монастырѣ, подъ именемъ сестры Досифеи, а затѣмъ похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, этомъ древнемъ хранилищѣ вѣчнаго сна Романовыхъ .... № 53 вышеупомянутаго журнала за тотъ же годъ [8]) принесъ «дополненіе къ сообщенію Мельникова», а на самомъ дѣлѣ, это было измѣ-

---

1) «Vie de Catherine II, imperatrice de Russie». T. 2. Paris. 1793+1797.

2) Mémoires secrétes et critiques des cours, des gouvernements et des moeurs des principaux Etats de l'Italie. Paris 1793. Стр. 116—124. Нѣмецкій переводъ Kolonia 1794.

3) Russische Günstlinge 1809 г. Новое изд. Штуттгартъ 1883 г.

4) Wraxall. Historical memoirs of my on timpc. London 1815. T. I стр. 182.

5 «Русская Бесѣда». Москва 1859. T. VI, стр. 61—69.

6) «Русскій Вѣстникъ» 1859 г. т. 24. 2 кн.; стр. 716. «Княжна Тараканова эпизодъ анекдотической хроники XVIII в.».

7) «Сѣверная Пчела» № 39 стр. 154. 1860 г. «Данныя о судьбахъ Елизаветы Алексѣевны Таракановой».

8) Тамъ же. Стр. 211. Пополненіе статьи «Данныя о судьбахъ Елизав. Алексѣевны Таракановой» Авторъ подъ иниціалами Н. Р—въ.

неніе разсказа по даннымъ узника Петропавловской крѣпости Винскаго, возстанавливающаго разсказъ объ удержаніи царевны въ стѣнахъ тюрьмы.

Наконецъ, невинная статейка: «О замужествѣ царицы Елизаветы Петровны» въ періодическомъ изданіи Общества изученія исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ[1]) была какъ бы санкціей ходячихъ и имѣющихъ мѣсто даже въ научномъ мірѣ сплетенъ. Отозвался снова Лонгиновъ въ «Русскомъ Архивѣ»[2]); на этотъ разъ онъ, отбросивъ непровѣренный критикой балластъ, написалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній, слышанныхъ имъ изъ устъ умершаго гр. Блудова. Въ нихъ подтверждены даты смерти самозванки и причина смерти—чахотка. Выступленіе Лонгинова имѣло дѣйствительное и серьезное значеніе. Оно было комментаріемъ для извѣстной картины художника Флавицкаго (находящейся въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ), выставленной въ 1864 г. въ Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ. Но Флавицкій, идя тропой сказокъ Castéra, не пощадилъ красокъ для сильнаго яркаго впечатлѣнія. Вотъ мутная бурная вода Невы ворвалась въ равелинъ, въ казематъ самозванки. Несчастная мученица вскочила на грубую, тюремную кровать, прислонилась къ стѣнѣ. Съ разметавшимися косами она страдальческимъ кроткимъ взоромъ смотритъ на приближающуюся неминуемую смерть. Уровень воды все выше и выше... Мыши, плавающія на поверхности воды, вносятъ естественный оттѣнокъ въ трагически романическую сцену... Еще минута и навсегда умолкнетъ жизнь прекрасной женщины...

Полотно надѣлало много шуму въ Россіи и за ея предѣлами. Ничего не помогла поправка Лонгинова. Чары, слѣдствіе басенъ и поэтическихъ сказокъ, разрушили свидѣтельства историка, заботящагося только о трезвой, вѣчной правдѣ. Повторилось извѣстное явленіе, что сомнительные образы, влекущіе съ собой бурныя приключенія, идутъ въ безконечныя поколѣнія съ печатью, поставленной на ихъ лицахъ людской фантазіей и росказнями, обрамленные ореоломъ сочувствія и симпатіи, хотя бы правда, даже безъ Мицкевичевскаго «стеклышка въ глазу» сбросила бы ихъ съ искусственнаго пьедестала.

---

[1]) Чтенія императорскаго общества изученія исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1863 г. кн. 3. стр. 153. «Разсказъ о бракѣ Имп. Елизаветы Петровны».

[2]) 1865 г. 2-ое изд. 1866 г. какъ и выше.

Журналъ «Чтенія» не опустилъ рукъ въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Въ 1866 году[1]) онъ напечаталъ «Замѣтку» Семевскаго о могилѣ въ селѣ Пучежѣ въ Костромской губерніи надъ Волгой, содержащей останки Варвары Мироновой, называвшейся тоже и Назарьевой, говорятъ, дочери Елизаветы отъ тайнаго брака съ Разумовскимъ. Въ теченіе года редакторъ «Чтеній» профессоръ О. М. Бодянскій опубликовалъ свое изданіе: «Краткая исторія Елизаветы Алексѣевны Таракановой»[2]) по рукописи, идущей отъ XVIII в., автора которой онъ предполагалъ въ манускриптѣ распространенныхъ: «Перемѣнъ троновъ въ русскомъ дворцѣ отъ императрицы Анны до Екатерины II». Ужасный обманъ! Бодянскій, а затѣмъ и знаменитый историкъ Бильбасовъ[3]) явились жертвой обмана. Это былъ обыкновенный русскій переводъ—передѣлка изъ Castéra—не больше. Во всякомъ случаѣ, припоминаніе предположеній французскаго писателя было свидѣтельствомъ совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ Лонгинова, и для кисти Флавицкаго, и въ жизни русской науки; оно было причиной пробужденія сочувствія жертвѣ расчетовъ правительства.

Надо было непремѣнно положить конецъ этимъ слухамъ и отрѣзать голову разростающейся гидрѣ ложныхъ свѣдѣній.

Эту задачу взялъ на себя графъ В. Н. Панинъ, членъ Общества изученія исторіи и древностей въ Москвѣ, — быть можетъ и по желанію двора. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи уже протоптанную дорогу, очищенную отъ сорныхъ травъ,— записки Блудова. И дѣйствительно онъ обратился къ Александру II, представилъ ему въ формѣ рапорта выдержку изъ замѣтокъ умершаго исторіографа и просилъ разрѣшенія оповѣстить объ этомъ urbi et orbi. Александръ II охотно согласился, слѣдствіемъ чего была отсылка Панинымъ въ редакцію «Чтеній» этого рапорта, бывшаго на самомъ дѣлѣ обширнымъ изслѣдованіемъ съ приложеніемъ 29 документовъ.

Настоящимъ авторомъ труда, озаглавленнымъ: «О самозванкѣ, которая выдавала себя за дочь царицы Елизаветы», былъ Бревернъ, чиновникъ второго отдѣленія канцеляріи царскаго ка-

---

[1]) Чтенія и т. д. Книга 2-ая. Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ.

[2]) Чтенія и т. д. 1867 годъ. Т. 2. Стр. 155—160.

[3]) Бильбасовъ. Katharina II Kaiserin von Russland im Urtheile der Weltlitteratur. Überzetzt von T. Schiemann. Berlin 1897. См. статью подъ № 1130.

бинета. Проводя въ жизнь намѣренія двора, гр. Панинъ, чтобы и за границей уничтожить нагроможденные ложные слухи, издалъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ оригинала «Чтеній»[2]) съ увеличеніемъ приложенія нѣсколькими неизвѣстными актами. Необыкновенно сжатый съ суровостью и быстротой сужденія судебнаго слѣдователя законченный трудъ Бреверна не заключалъ надлежаще описаннаго фона, былъ заурядной оффиціальной реляціей, хорошо составленной, но сухо изложенной. Безпристрастіе, совѣстливость, недостатокъ вдохновенья замѣтны на каждой его страницѣ. Въ это же время въ первомъ томѣ «Сборника русскаго историческаго общества»[1]) нашлась связка архивныхъ документовъ, относящихся къ дѣлу самозванки, собранная К. К. Злобинымъ.

Въ ней были рескрипты царицы на имя Орлова и Голицына, рапорты Голицына императрицѣ, письма самозванки къ Екатеринѣ II и Голицыну и др., наконецъ, признаніе претендентки, записанное на слѣдствіи. Бумаги, использованныя Бреверномъ, пошли обратно въ государственный архивъ, гдѣ значились хранящимися въ трехъ большихъ связкахъ, занесенныхъ подъ №№ 531, 532, 533 сер. VI. Такова судьба захваченныхъ документовъ авантюристки, невѣсты князя Лимбургъ-Штирумъ и пріятельницы Барскихъ конфедератовъ. Сохраняя расположеніе собранія ихъ, сохранили мы его порядокъ въ цитатахъ, давая римскую цифру для обозначенія соотвѣтственной рубрики, а арабскую, какъ болѣе мелкое дѣленіе. Наконецъ, мы употребили на заглавіи книжки имя «княжны Таракановой», единственно сообразуясь со взглядами, установленными традиціей, хотя претендентка никогда его не носила и не знала о его существованіи.

---

[2]) Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna. Berlin 1767 г.

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. 1. стр. 103 и стр. 169. «Бумаги, относящіяся къ дѣлу самозванки, извѣстной подъ именемъ княжны Таракановой» изъ государственнаго архива.

I.

Начало царствованія.

Характеристика самозванцевъ.—Заговоры на царицу.—Преторіанство.—Гнѣздо переворотовъ. — Условія жизни. — Рабство крестьянъ. — Бѣглые.—Указъ противъ эмигрантовъ. — Борьба казачества съ правительствомъ. — Возстаніе у Яика и въ Башкиріи.—Въ преддверіи революціи.—Причины возстанія.—Лже-Петры.—Гаврила Кремневъ, Евдокимовъ, Чернышевъ, Ѳедоръ Богомоловъ.—Выступленіе Пугачева.—Двѣ цивилизаціи.—Борьба съ самозванцемъ.—Карръ, Бибиковъ, Щербатовъ, Голицынъ, Панинъ.—Поимка Пугачева.—Казнь.—Конфедераты и Пугачевскій бунтъ.—Конфедераты въ Сибири.—Показанія Почиталина и Горшкова.—Заговоръ въ Оренбургѣ.—Отсутствіе связи между бунтовщиками и конфедераціей.—Трудное время для Россіи.—Настроеніе въ имперіи.

I.

Самозванцы.

Россія была классической страной самозванцевъ. Они выростали въ ней на почвѣ важнѣйшихъ жизненныхъ переломовъ, какъ робкія, неясныя, не умѣющія высказаться ожиданія широкихъ слоевъ общества, желающихъ другого завтрашняго и послѣзавтрашняго дня.

Въ самозванствѣ, въ разныхъ проявленіяхъ мистицизма, въ этихъ раскольникахъ, скопцахъ и другихъ фанатичныхъ сектахъ, — скрывались тайные наиблагороднѣйшіе порывы русской жизни; люди лишали себя солнца, дня, чтобы только уйти отъ ждущей ихъ грозы со стороны правительства. Не идеализмъ ихъ, не идеальность, не ихъ ученіе и апостольство притягивали, приковывали къ себѣ, притягивала идея

противодѣйствія, желаніе дѣлать то, что выходило изъ установленныхъ рамокъ и цѣпей.

Авантюристы безъ опредѣленныхъ плановъ, безъ ясно выраженныхъ желанія и мысли, часто жалкіе отбросы, ошеломленные и отуманенные минутой успѣха, кровавымъ метеоромъ пролетали надъ могущественной имперіей, потрясая ею на скрѣпахъ, пробуждая дикія страсти и дразня дремлющіе еще инстинкты. И всегда они находятъ надежную симпатію, могучія стихійныя движенія, идущія за ними не ради общности цѣли, а для того, чтобы вылить нагроможденное въ душѣ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, недовольство, не заключенное, наконецъ, въ какія-либо ясно очерченныя формы, не имѣющее намѣченнаго пути перемѣнъ. Эти руководители, какъ пробужденные богатыри изъ сказокъ тысячи и одной ночи, иногда имѣющіе на себѣ клеймо бродягъ—были только пустой формой, символомъ, покрывающимъ дѣйствительную сущность: стремленіе къ новой жизни, желаніе переворота, перемѣны положенія,—этимъ общимъ стремленіемъ огромной безъименной массы.

Самозванецъ былъ иногда, даже по большей части, программой безъ идеи, тѣ же, кто ему тихонько или открыто подсказывалъ имѣли идею, но безъ плана. И потому каждое выступленіе увертливаго, ловкаго и оборотнаго смѣльчака несло съ собой и антидинастическую грозу и пожары соціальной революціи, освѣщающіе заревомъ людей, какъ спутанныя силы на днѣ великаго вулкана.

Императрица Екатерина II давала себѣ обстоятельный отчетъ въ психологіи этихъ чуть ли не періодически повторяющихся потрясеній. Достигнувъ трона бунтомъ войска, кровавымъ и трагическимъ, она должна была при вступленіи на престолъ отодвинуть изъ-подъ своихъ ногъ всѣ камни и выбоины, затрудняющіе реформы и переустройство имперіи на новыхъ началахъ, сближеніе ея съ Западомъ и проведеніе реформъ просвѣщеннаго абсолютизма. Приходилось сѣять не какъ Фридриху II на плодоносную землю, а на свѣжую, распаханную только по верху Петромъ Великимъ. Ее вѣдь ждалъ чуть ли не первый день творенія и перваго «да будетъ!»...

Императрица рѣшила положить на алтарь правительственнаго благоустройства и русской государственности все,

не исключая и своихъ интересовъ. Въ средствахъ она не разбиралась: всякое было хорошимъ, если только цѣлью была... Россія. Съ этими взглядами, съ такими политическими планами она должна была вступить въ борьбу съ самозванствомъ, должна была добираться до его корня энергично и твердо, потому что оно уже въ послѣдній разъ и съ особенной силой выступило въ жизни Россіи въ ея царствованіе. Самозванство ударялось прямо въ ея престолъ, полученный насильственнымъ лишеніемъ власти Петра III, а впослѣдствіи утвержденный кровавой драмой въ Ропшѣ. Этотъ именно необычайный способъ, который отдалъ въ руки Екатерины бразды правленія имперіей, вызвалъ могущественное движеніе самозванцевъ, движеніе, которое грозило общимъ государственнымъ переворотомъ и нескончаемыми катастрофами. Уничтожить его, раздавить, значило—утвердиться на колеблющемся тронѣ, заглушить воспоминанія о свѣжихъ происшествіяхъ и приготовить себѣ поле для обширной дѣятельности въ будущемъ.

Въ темныхъ казематахъ Шлиссельбурга жилъ, лучше угасалъ отпрыскъ по женской линіи Романовыхъ, Иванъ Антоновичъ, правнукъ Іоанна Алексѣевича, лишенный трона Елизаветой, дочерью царя. Съ тѣхъ поръ, какъ родился царевичъ, несчастный затворникъ, отъ страшной крѣпости, посреди волнъ Ладоги, Петербургу грозилъ призракъ освобожденнаго властителя. Во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ нѣсколько разъ предпринимались попытки избавленія отъ властвованія царицы въ пользу ея сына Павла или же Ивана Антоновича. Они исходили изъ высшихъ круговъ, привыкшихъ уже къ преторіанскому занятію, начинались же въ церковныхъ сферахъ, большею частью реакціонныхъ, боявшихся отряхнуть даже пылинку съ государственнаго покрывала. Ихъ лидеромъ и вдохновителемъ былъ архіепископъ ростовскій Арсеній Маціевичъ, завзятый, страстный врагъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, начатой Петромъ III—и временно затѣмъ запрещенной его преемницей. Непреклонный, твердый, какъ гранитъ, агитаторъ,—за отрицаніе монаршихъ правъ царицы и призывъ къ борьбѣ, поплатился вѣчной казнью: его имя навсегда вычеркнуто и онъ названъ Андреемъ Вралемъ, Андреемъ Лгуномъ... Попытка поручика Василія Мировича, цѣлью которой было вырвать изъ ка-

ФЛАВИЦКІЙ. ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

зематовъ ладожской крѣпости несчастнаго Ивана, была предѣломъ борьбы царицы съ претендентами. Молодой царь палъ жертвою злодѣйства своихъ тюремщиковъ и вмѣстѣ съ нимъ ушло въ могилу имя, могущее каждую минуту быть знаменемъ возстанія.

Послѣ кровавой іюльской ночи въ Шлиссельбургѣ въ 1764 году повторяются одинъ за другимъ военные заговоры, лучше—эпидемія заговоровъ съ одной очевидной мыслью избавленія отъ желѣзныхъ рукъ Екатерины. Теоретики въ мундирахъ, пылкія головы, вожаки безъ толпы—дѣлали въ одну ночь перевороты существующаго порядка вещей, двигая исторію и судьбы Россіи. Нарождается преторіанизмъ въ твердой постановкѣ, кричащій: то—долой Цезаря! то—да здравствуетъ Цезарь!

Удачные заговоры войскъ въ пользу Елизаветы и второй—въ пользу Екатерины, произведенные съ горстью войскъ, вложили съ среду интеллигентныхъ офицеровъ или солдатъ гвардіи убѣжденіе, что можно легко мѣнять властителей имперіи въ теченіе ночи. Манія попытокъ охватила широкіе круги общества; каждое замѣченное ослабленіе, каждое недовольство какимъ-нибудь указомъ поднимало мысль о сведеніи счетовъ съ правительствомъ путемъ переворота и переустройства. На короткое мгновеніе вдругъ выступленіе безумца, потомъ высылка его въ Нерчинскъ или на Камчатку и снова перерывъ, снова тихо.

Но не только казарменные политики строили фантастическіе планы, тоже дѣлали люди съ сомнительной репутаціей, часто бездомные бродяги, убѣгающіе отъ рукъ справедливости, чуть ли не бандиты, укрывающіеся въ раздольи степей, люди, не признающіе ни права, ни организаціи, потерянные для жизни. Вдругъ увеличивается количество лже-Петровъ, играющихъ на чувствѣ сожалѣнія, появляющихся на самыхъ дальнихъ окраинахъ государства, простыхъ оборванцевъ, бѣглыхъ бунтовщиковъ, приписывающихъ себѣ званіе убитаго царя и находящихъ послушныхъ подданныхъ. Во всѣхъ случаяхъ тяжелая рука правительства въ зародышѣ душитъ тлѣющій огонь бунта, но, тѣмъ не менѣе, онъ все горитъ и горитъ до тѣхъ поръ, пока не вспыхиваетъ страшнымъ пожаромъ—революціей Пугачева, настоящей русской «jacquerie», которая несла смерть планамъ императрицы.

Выступленіе множества претендентовъ и самозванцевъ въ началѣ правленія Екатерины слѣдуетъ приписать въ значительной степени нездоровому составу русскаго общества. Объ обманѣ часто отлично знали ихъ послѣдователи, принятіе имени царя было только обычнымъ аксессуаромъ—все дѣло было въ томъ, чтобы выжать какъ можно больше выгоды изъ замѣшательства. Случаи самозванства были общимъ выступленіемъ толпы, показателемъ внутренняго броженія во всемъ соціальномъ организмѣ Россіи, нарывомъ, показывающимъ существованіе испорченной крови въ государствѣ. Наказаніе дюжины преступниковъ такъ же дѣйствовало, какъ леченіе признаковъ болѣзни. Эти случаи были яркимъ свидѣтельствомъ бѣдности и несчастія людей. Они говорятъ намъ о томъ, какія неизбѣжныя трудности являлись во время переходнаго времени, когда Россію преобразовывали изъ азіатскаго государства въ европейское... Они громко говорятъ о притѣсненіи массы чиновничествомъ, здѣсь сказывались и казацкіе инстинкты дикихъ степняковъ, и преслѣдованіе сектантовъ, и раздраженіе дезертировъ, бѣжавшихъ изъ транспортнаго конвоя. Они, наконецъ, иллюстрировали деморализующее вліяніе на воображеніе массъ слабости государства послѣ заговора войска, который отдалъ власть въ руки Екатерины, или случаевъ насилія, устроенныхъ въ Ропшѣ надъ Петромъ III, а въ Шлиссельбургѣ надъ Иваномъ Антоновичемъ.

II.

Внутри государства.

Условія русской жизни были плачевны.

Даже въ высшихъ кругахъ общества былъ только видъ цивилизаціи безъ цивилизаціи. Французы, ввезенные въ большомъ количествѣ, набросали немного штукатурки на шероховатую поверхность, но штукатурка скоро обвалилась и открыла прежнее положеніе вещей. Подъ моднымъ кафтаномъ скрывалась грубость, подъ деликатными манерами и вѣжливостью—невѣжество, боязливость. Молодые люди по-

грязли въ пустотѣ и безцѣльности: жили минутой, со дня на день, могли только строить воздушные замки. Они имѣли всегда одну и ту же страсть: хорошенько покушать, разогнать скуку тасканьемъ изъ дома въ домъ, игрой въ карты и разнаго рода продѣлками. Имъ ни въ чемъ не уступали женщины, проводящія время за флиртомъ и любовью за деньги. На низшихъ же ступеняхъ стояла темная масса съ проявленіями дикости. Понятія объ общественной пользѣ, о служеніи отечеству — не было. Недостатокъ духовныхъ и нравственныхъ идеаловъ, суетность, безсмысленность жизни, сумасшедшая погоня за богатствомъ, богатой одеждой и золотомъ. Для добыванія богатства были годны всѣ способы: лихоимство, грабежи и даже воровство. Журналъ «Всячина» напечаталъ десять заповѣдей для судей, рекомендуя имъ не брать взятокъ, не разбирать дѣлъ, не дѣлать непріятныхъ выписокъ изъ законовъ, воздерживаться отъ пьянства и, наконецъ, чисто одѣваться и каждый день чесать... голову.

Громадное неограниченное право имѣлъ землевладѣлецъ надъ крѣпостнымъ: чуть ли не право невольничества. Крестьянинъ не могъ владѣть ни движимой собственностью, ни полемъ, которое пахалъ; помѣщикъ могъ продать землю вмѣстѣ съ людьми или безъ нихъ. Законъ только приказывалъ почитать господъ и отдавать имъ цѣликомъ свой тяжкій неустанный трудъ. Со временъ Петра Великаго стали возрастать тяжкія повинности барщины. Указы временъ Елизаветы старались непремѣнно прикрѣпить человѣка къ землѣ, стереть въ мелкіе куски его самодѣятельность и расширить границы власти помѣщиковъ. «Эта тенденція—говоритъ Побѣдоносцевъ—была духомъ эпохи — это была эра управленія «временщиковъ».

Положеніе крестьянъ не улучшилось и въ царствованіе Екатерины. Подати собирались со страшной суровостью. Къ числу драконовскихъ притѣсненій принадлежала и квартирная система—настоящая саранча и Божіе наказаніе для мужика. Остановка постоемъ войскъ въ деревнѣ оставляла послѣ себя печальный видъ грабежа, пожаровъ и опустошенія!.. Въ первые годы управленія императрицы крѣпостные ожидали зари свободы. Множество ложныхъ, распространяемыхъ тайной рукой манифестовъ говорили объ освобо-

жденіи ихъ изъ-подъ желѣзнаго ярма. Но вмѣсто разсвѣта и реформъ началась турецкая война и съ ней рекрутскій наборъ въ большихъ размѣрахъ.

Подати собирались немилосердно. Земскіе начальники рѣшили при тѣхъ же условіяхъ извлекать двойную прибыль. Поэтому выбирали самыхъ богатыхъ крестьянъ, чтобы они платили за увольненье, другихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ за недоставленіе нужнаго количества людей для войска; но это наказаніе было равнозначуще со смертнымъ приговоромъ. Въ виду такихъ тяжкихъ условій обезлюдѣли вдругъ цѣлыя села, цѣлыя волости. Жители ихъ разбѣгались по государству, населяли глухія степи, обезсиливали имперію, далеко разносили жизнь и зачатки цивилизаціи, искали опоры на границахъ, соединялись въ разбойничьи шайки, которыя кроваво мстили своимъ прежнимъ тюремщикамъ.

На Донъ, на Волгу спѣшили бѣглые, записывались въ казацкіе реестры, оставались въ дѣвственныхъ вѣчныхъ лѣсахъ сѣверо-восточной Россіи, бродили въ высокой травѣ по берегамъ Иргиза и Урала. Крестьяне съ запада массами бѣжали въ Польшу, находя въ ней болѣе человѣчный пріютъ и лучшія условія жизни. Эта массовая эмиграція, ослабляющая экономически основы государства, была самымъ обычнымъ проявленіемъ недовольства противъ самоуправства помѣщиковъ. Петръ I издалъ множество указовъ для удержанія побѣговъ изъ помѣстій. Запрещено было крѣпостнымъ отходить безъ паспорта на 30 верстъ отъ мѣста ихъ жительства; въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ возобновлены были разныя ограничивающія въ этомъ направленіи предписанія, которыя не привели однако ни къ какому замѣтному результату. Бѣглые жили подаяніемъ или занимались разбоемъ, чаще всего вблизи большихъ рѣкъ, могучихъ водныхъ путей, гдѣ они нападали на суда и нещадно ихъ грабили.

Призракъ грабежей и окончательнаго разложенія условій безопасности двигался по монархіи. Въ самомъ Петербургѣ находили на улицѣ трупы жителей, убитыхъ ночью. Въ приволжскихъ губерніяхъ можно было путешествовать только съ многочисленными провожатыми. Власти формировали цѣлые отряды для преслѣдованія бандитовъ, но въ концѣ-концовъ должны были опустить руки въ борьбѣ со скрытымъ врагомъ, появляющимся въ разныхъ мѣстахъ государ-

ства. Массовый переходъ на польскую территорію такъ разрушалъ большія хозяйства, что помѣщики просили правительство выкопать вдоль всей границы съ Рѣчью Посполитой глубокій и широкій ровъ и построить наблюдательные посты на разстояніи двухъ съ половиной верстъ другъ отъ друга...

Пойманныхъ сѣкли кнутомъ, проводниковъ вѣшали, разставили чуткую стражу на западномъ кордонѣ государства— все напрасно! Екатерина II рѣшила либеральнымъ путемъ

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь,—мѣсто заточенія Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

охранить Россію отъ дальнѣйшей убыли самыхъ жизненныхъ элементовъ. Указъ отъ 4-го декабря 1762 г. разрѣшалъ бѣглымъ безнаказанно возвращаться въ отечество и предназначалъ имъ для заселенія барабинскую степь въ Сибири, а также воронежскую, бѣлгородскую и казанскую губерніи съ обѣщаніемъ взыскивать двойную пеню за убійство крестьянина; послѣдовавшіе указу освобождались на шесть лѣтъ

отъ работъ и податей. Незначительное дѣйствіе манифеста заставило царицу издать второй 13-го мая 1763 года, дающій эмигрантамъ право осѣдлости во всѣхъ селахъ государства, гдѣ пожелаютъ. Но и это поощреніе не помогло много! Наученные горькимъ опытомъ, испытавъ на себѣ вѣковыя притѣсненія, они никому не довѣряли!..

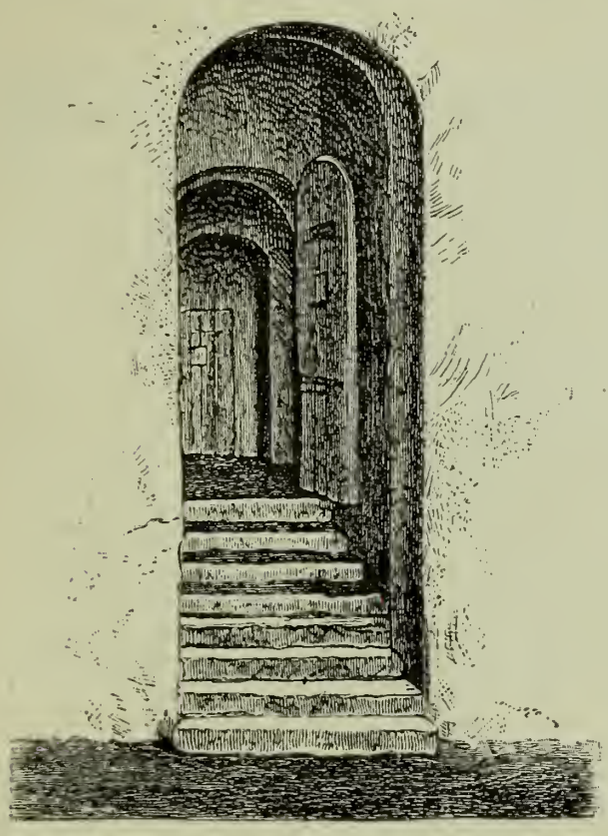
Подозрительные, запуганные бѣглецы посылали делегатовъ, чтобы прежде всего удостовѣриться, не будутъ ли они отданы въ мучащія ихъ господскія руки... Императрица Екатерина II, описывая положеніе Россіи послѣ вступленія на престолъ, разсказала потомкамъ историческій фактъ, что въ теченіе перваго года ея царствованія было явно бунтовавшихъ 150,000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и 49,000 фабричныхъ. Такимъ образомъ, 200,000 человѣкъ находилось въ открытомъ разрывѣ съ помѣщичьей системой; двѣсти тысячъ были готовы итти за каждымъ революціоннымъ лозунгомъ. Двѣсти тысячъ—эта исполинская рѣка людей—могли проложить себѣ дорогу въ устроенное кѣмъ бы то ни было, но другое русло. За этой неорганизованной толпой, выступающей открыто, скрывались молчаливыя чуткія массы, ожидающія только кроваваго знака.

Не было тормаза для удержанія стихійнаго потока слезъ, горя, притѣсненій и страданій. Церковь не имѣла средства противъ этого, она не могла отвратить зла религіознымъ утѣшеніемъ и нравственной поддержкой. Положеніе тогдашняго духовенства было печально: черное духовенство погрязало въ унизительной темнотѣ, а бѣлое погибало отъ голода. Очень часто можно было встрѣтить священника съ пятьюдесятью рублями годового дохода!..

Въ этой путаницѣ, въ этомъ затишьѣ передъ бурей и громомъ, появляется еще одна непріятность: сильное броженіе на восточныхъ границахъ Европейской Россіи. Борьба между казаками нынѣшняго Урала и центральнымъ правительствомъ была установившимся фактомъ послѣднихъ царствованій. Оттуда въ царствованіе Алексѣя угрожалъ имперіи и запугалъ ее Стенька Разинъ; тамъ во время Сѣверной войны выросла серьёзная опасность для Петра Великаго, тамъ были солидарны со всякимъ оппозиціоннымъ движеніемъ внутри государства. Напрасно правительство старалось удержать въ рамкахъ раздраженныхъ жителей Яика.

Привыкнувъ къ свободѣ, они не хотѣли поддаться порядкамъ новыхъ установленій. Твердо стоя за свои права, они хотѣли жить, какъ жили ихъ отцы,пользуясь старыми свободами.

Зѣницей ихъ ока былъ независимый выборъ атамановъ, свобода отъ податей, свободное плаваніе по Каспійскому морю, на волнахъ котораго они занимались пиратскимъ ремесломъ, грабя персидскіе торговые корабли. Начиная съ Петра I, шагъ за шагомъ Петербургъ забиралъ привилегіи казачьихъ царьковъ. Въ 1771 году вся окраина по Яику была объята пламенемъ; жертвой возстанія палъ генералъ Траутенбергъ, присланный изъ столицы, съ порученіемъ проведенія разныхъ реформъ. На этотъ разъ бунтъ былъ усмиренъ, задушенъ, но, благодаря уничтоженію старыхъ порядковъ, была приготовлена почва для новыхъ волненій. Надъ Яикомъ какъ будто стихло. Мученія, которымъ подвергалъ ихъ погромщикъ генералъ Фрейманъ, вырыванье ноздрей, выжиганье пятенъ, высылка въ Нерчинскъ, вызвали громадное возбужденіе.



Лѣстница въ казематъ Іоанна Антоновича.

Яицкое казачество не было единственнымъ. Бюрократія притѣсняла съ такимъ же необычайнымъ увлеченіемъ и инородцевъ: башкировъ, мордву, чувашей, черемисовъ, а болѣе всего калмыковъ. У башкировъ отнимали землю пядь за пядью и мучили воинскимъ постоемъ. Періодическія возстанія разоряли, начиная съ половины XVII в., башкирскія земли, изъ которыхъ самое продолжительное началось въ 1676 г. и продолжалось пять лѣтъ. Незначительные пустяки могли тутъ, какъ и надъ Яикомъ, возбудить тяжелую, обильную послѣдствіями бурю. Масла въ огонь подливали сектанты и раскольники, ненавидѣвшіе существующій порядокъ вещей, которыхъ болѣе всего скры-

валось въ челябинскомъ уѣздѣ и въ глубинѣ башкирскихъ земель. По Яику и по Иргизу толпами собирались раскольники, проповѣдующіе культъ убитаго въ Ропшѣ Петра III и распространяющіе слухи, что царь еще живъ.

Отовсюду шло недовольство и увѣренность въ скоромъ возстаніи. Самые спокойные, относительно, калмыки завязали въ 1771 г. тайныя сношенія съ Пекиномъ и три тысячи кибитокъ бѣжали въ Китай. Положеніе вещей ухудшало врожденная склонность русскихъ къ кочевничеству и стремленіе голыдьбы соединяться въ разбойничьи ватаги.

И вотъ, такимъ образомъ, бѣглые крѣпостные, военные дезертиры, фанатичные сектанты, возставшіе казаки, арестанты, обманувшіе зоркіе глаза конвойныхъ, угнетаемые азіаты и бандиты, могли каждую минуту соединиться для ниспроверженія ненавистнаго государственнаго строя. Всѣ эти элементы вышли изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, вышли изъ отчаянной бѣдности, нужды, нравственнаго убожества, были обезличены, унижены властью и высшими кругами. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что бродяги и дезертиры пользовались симпатіями крестьянъ, скопцы имѣли дружескій пріемъ у казаковъ, а обыкновенные авантюристы имѣли многочисленныхъ союзниковъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Россія была минирована, загрязнена, наканунѣ разложенія.

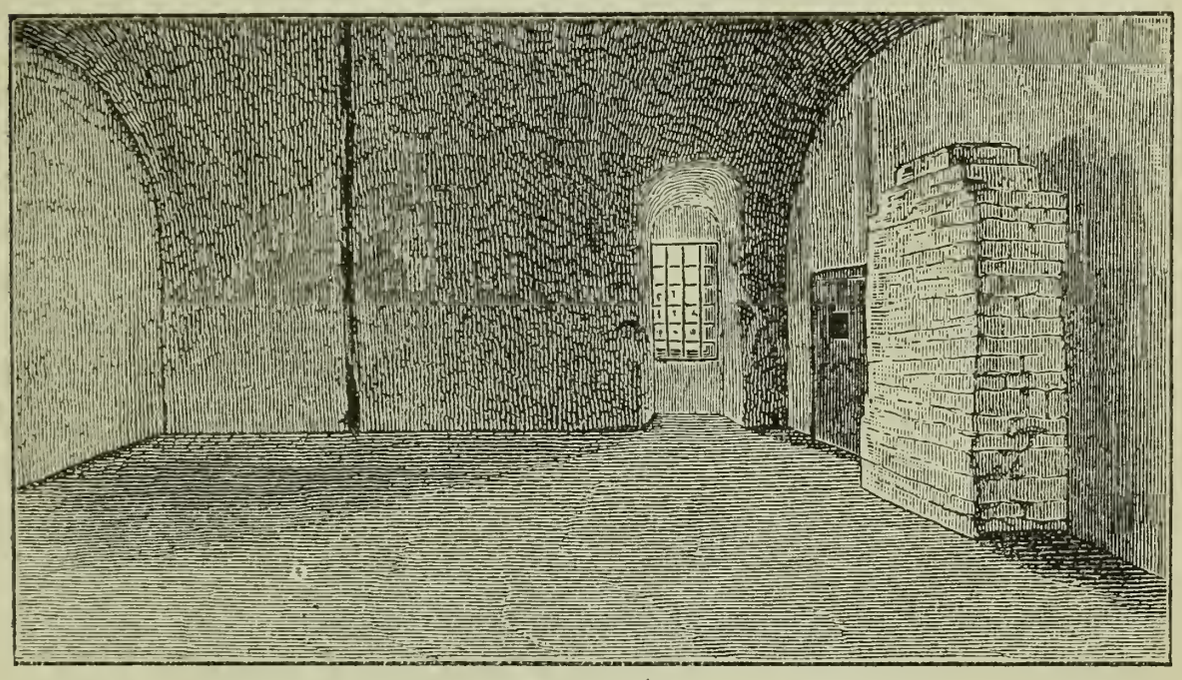
Екатерина II не отвѣтственна за страшный ферментъ, клокотавшій внутри выбраннаго ею отечества: она получила бунты крѣпостныхъ въ наслѣдство отъ прежнихъ царствованій.

Она должна была одна приложить нечеловѣческія усилія, чтобы справиться со все увеличивающимися отовсюду затрудненіями, чтобы твердой рукой вывести царство изъ страшнаго напряженія, чтобы разрушить попытки бездомныхъ оборванцевъ, отчаявшихся крестьянъ, казаковъ, азіатовъ и бѣглыхъ каторжниковъ, которые на почвѣ всеобщаго недовольства провозглашали кровавую соціальную революцію.

III.

Пугачевъ.

Вдругъ появляется длинный рядъ лже-Петровъ, по большей части бродягъ, бѣглыхъ солдатъ, не могущихъ ничего потерять, но всѣ данныя выиграть. Умершій въ Ропшѣ царь былъ очень популяренъ по своимъ взглядамъ на эдиктъ о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ и за человѣчные указы о сектантахъ. Крестьянскій людъ въ восточной и западной Россіи, дикое, свободолюбивое пограничное казачество, даже инородцы, видѣли въ немъ символъ той тайной



Внутренній видъ каземата, гдѣ содержался Іоаннъ Антоновичъ.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Г. П. Данилевскимъ.

магической силы, которая должна была положить конецъ бѣдамъ и облегчить судьбу несчастныхъ. Страстные раскольники проповѣдывали культъ несчастнаго монарха, вызывали его тѣнь и прививали темной толпѣ вѣру въ то, что извѣстіе о царской смерти было пустой сказкой... Да, наконецъ, и имя претендента было двусмысленнымъ. Былъ ли лозунгомъ Иванъ, или Алексѣй, или Петръ—всегда это обыкновенно бывало безъ всякаго значенія,—ничего не значащее добавленіе.

Уже въ 1765 году дезертиръ Гаврила Кремневъ объявилъ

себя Петромъ III, объѣзжалъ воронежскую губернію и принималъ присягу отъ своихъ послѣдователей. По его слѣдамъ пошли крѣпостные Евдокимовъ, Чернышевъ и много другихъ. Вмѣсто блеска византійской короны смѣльчакамъ досталась нерчинская каторга.

Эти покушенія, наивно начатыя и также выполненныя, не были опасны и легко были задушены правительствомъ въ зародышѣ—но, однако, они могли легко возбудить серьезное движеніе, зажечь огонь домашней войны, если бы ихъ отголосокъ встряхнулъ массы, преисполненныя въ душѣ бунтомъ и ненавистью къ существующимъ порядкамъ.

И вотъ изъ простого люда выходитъ человѣкъ—самый обыкновенный, но гордый, ловкій, властолюбивый—Емельянъ Пугачевъ. Донской казакъ изъ дальнихъ равнинъ и степныхъ травъ онъ объѣздилъ часть Европы, славно сражался въ семилѣтней кампаніи, потомъ въ первой турецкой войнѣ, во время которой въ виду его болѣзни его отослали домой. По дорогѣ онъ бѣжалъ изъ транспорта въ Польшу; здѣсь онъ весело проводилъ время въ Варшавѣ, но скоро вернулся въ половинѣ 1772 г. на родину, гдѣ его ожидала, повидимому, солдатская шинель и наказаніе. Едва Пугачевъ сталъ заново отслуживать, какъ въ ротѣ начались удивительные случаи. Волжскій казакъ Ѳедоръ Богомоловъ, крѣпостной графа Романа Воронцова, бѣжалъ изъ саранскаго уѣзда и объявилъ себя Петромъ III. Присутствіе духа ротмистра Персидскаго на короткое время возстановило прежнее положеніе дѣлъ: самозванца схватили, перевезли въ Царицынъ, а затѣмъ, погнали этапомъ въ нерчинскую каторгу. Однако, прошелъ широкій слухъ между казачествомъ, особенно между донцами, участіе которыхъ къ пойманному лже-царю принимало большіе размѣры на почвѣ проводимыхъ самоуправныхъ реформъ, которымъ противился въ Петербургѣ ихъ атаманъ Данило Ефремовъ. Царицынскія происшествія громкимъ эхомъ отдались на Яикѣ. Казакъ Пьяновъ разсказывалъ тамъ выдуманную фантастическую исторію о царѣ Петрѣ III, его особенной силѣ и достославной человѣческой миссіи.

Пугачевъ рѣшилъ использовать необычайно удобное время, чтобы, наконецъ, осуществить давно смущающую его мысль о выводѣ яицкаго казачества на Кубань или Терекъ

и перехода въ подданство къ Турецкому султану за титулъ и положеніе атамана. А на Яикѣ все кипѣло и волновалось: уравненная въ правахъ по имуществу, лишенная привилегій чернь разгорѣлась местью, готова была ринуться въ бой, двинуться лавиной за каждымъ, кто ее поведетъ. Пугачевъ пустился на рѣшительный шагъ: объявилъ себя царемъ, спасеннымъ, говорилъ онъ, отъ преслѣдованій правительства въ Царицынѣ.

Это его выступленіе въ декабрѣ 1772 г. было датой, памятной въ исторіи внутреннихъ переломовъ Россіи. Самозванца сразу схватили и заключили въ Казани, откуда онъ благополучно бѣжалъ въ среду казаковъ. Одному изъ своихъ товарищей Михаилу Каженникову претендентъ сказалъ: «На самомъ дѣлѣ я не долженъ еще объявляться, но не могу больше терпѣть притѣсненій народа. Во всей Россіи бѣдная толпа гнется подъ напоромъ неправды и мученій. Для его блага я выступаю и онъ весь примкнетъ ко мнѣ. Самъ я не намѣренъ царствовать, возведу на тронъ цесаревича, повсюду назначу новыхъ судей, потому что между настоящими царствуетъ несправедливость» [1]). 17-го сентября 1773 года Пугачевъ издалъ на хуторѣ Толкачева первый манифестъ, надѣляя въ немъ казаковъ землей. Теперь только разгорѣлся пожаръ съ необычайнымъ бѣшенствомъ. Возстаніе яицкаго войска и оренбургской губерніи освѣтило молніями всю казанскую губернію, часть астраханской — опутало сѣтью Башкирію, проникло всюду, гдѣ только было нагромождено недовольство и горючій матеріалъ.

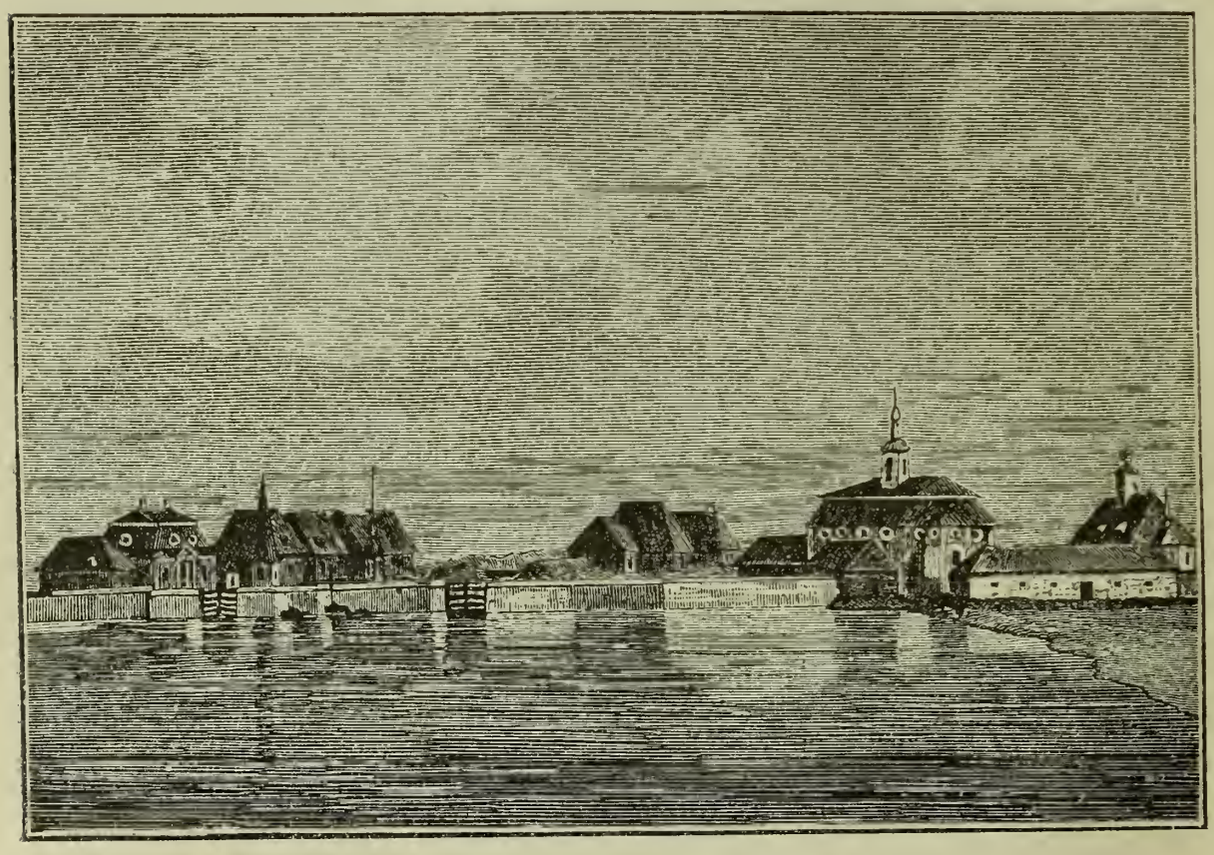
Все сразу вышло на Божій свѣтъ: тяжелое положеніе крестьянъ, опустошенія, сдѣланныя несоразмѣрными военными тяжестями, обостреніе отношеній между сектами и правительствующей властью, оригинальныя отношенія азіатскихъ народовъ къ Россіи, недостатки юридическаго и полицейскаго устройства, самоуправство чиновниковъ и отяжелѣніе бюрократической машины. Для Екатерины началось самое тяжелое, кажется, время ея правленія, самое обременительное по послѣдствіямъ, самое горячее въ своемъ теченіи. Время появленія Пугачева, начиная отъ сентября

---

[1]) Дубровинъ «Пугачевъ и его сообщники». С.-Петербургъ 1884 г., т. 1, стр. 225.

1773 года до осени 1774 года, годъ длинный, годъ кровавый рѣшалъ будущее ея плановъ, мыслей и ясно уже формулированныхъ политическихъ предположеній.

Какъ ржавыя пятна вышли наружу всѣ недостатки внутреннихъ порядковъ имперіи; эти пятна надо было затереть какъ можно скорѣе, чтобы не рухнула въ пропасть широко задуманная и могуче приводимая въ исполненіе конструкція международнаго положенія Россіи. Опасность была прямо исполинской. Съ востока шли стихійныя волненія человѣ-



Видъ Шлиссельбургской крѣпости въ концѣ XVIII столѣтія
Съ рис., сдѣланнаго съ натуры въ 1789 г. Угрюмовымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ческихъ инстинктовъ, поднималась физическая сила массы. И свѣтъ увидѣлъ, какъ справедливо замѣчено, въ жестокой борьбѣ такія яркія противоположности, какъ Екатерина и Пугачевъ! Послѣдовательница просвѣтительной литературы должна была поднять перчатку, брошенную ей пьяницей и полуодичавшимъ казакомъ [1]). Но этотъ казакъ, не имѣя плана, безъ всякой соціальной мысли вмѣстѣ съ чернью, отдан-

[1]) Брюкнеръ. Katharina II. Berlin 1883 г. стр. 178.

ной ему, былъ живымъ протестомъ противъ гнилого разлагающагося строя, былъ реакціей экономической нужды, несчастья подданныхъ и неравенства въ области права. Здѣсь-то и крылся самый корень вещей. Желая носадить новый духъ въ своемъ государствѣ, Екатерина старалась спасти его отъ истребленія, а свои политическіе планы отъ разстройства и крушенія; она должна была всѣми силами удержать грозную бурю, надвигающуюся отъ азіатскихъ границъ.

Задача не изъ легкихъ.

Когда подъ конецъ 1773 года пришло извѣстіе о возстаніи въ Петербургъ, здѣсь наступило настоящее замѣшательство, получающее поддержку будто въ борьбѣ партій, а на самомъ дѣлѣ въ интригахъ фаворитовъ, особенно сторонниковъ Панина и Григорія Орлова. Для подавленія бунта отправили генерала Карра, а чрезъ нѣкоторое время его смѣнилъ Бибиковъ. Счастье переходило съ одной стороны на другую. Чернь окружила Оренбургъ, заняла Самару и Заинскъ, сѣя вокругъ смерть и опустошеніе. Организована была она свободно, но до нѣкоторой степени и упорядочена. Большая часть войскъ имѣла и артиллерію и хорошія ружья. Послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось правительству одержать побѣду подъ Татищевымъ. Тутъ было взято у толпы тридцать пушекъ и убито болѣе 1300 человѣкъ черни. Эта побѣда способствовала освобожденію Оренбурга въ концѣ марта.

Въ началѣ апрѣля 1774 г. для войскъ Пугачева наступилъ настоящій день несчастія: подъ Каргаломъ онъ былъ разбитъ на голову и разсѣянъ на мелкія части, самъ же съ горстью бунтовщиковъ онъ бѣжалъ съ поля битвы, ища спасенія въ Башкиріи. Несмотря на тріумфы царскаго оружія, правительство дрожало отъ страха. Думали, что самозванецъ лже-Петръ двинется на Москву, гдѣ каждую минуту съ нимъ могли соединиться сто тысячъ рабовъ, ожидающихъ избавленія. Какъ разлетѣвшійся драконъ разросталась сила бунта. Замѣститель умершаго въ апрѣлѣ Бибикова, князь Щербатовъ попалъ въ новыя огромныя затрудненія. Пугачевъ выползъ, какъ изъ земли, съ большой тридцатитысячной арміей, но 24 мая былъ разгромленъ около Троицкой крѣпости. Вторая половина іюня и первая іюля—это верхъ его успѣховъ и блеска. Въ древней царской столицѣ у стѣнъ

Кремля стоялъ переполохъ, приготовлялись къ оборонѣ, ожидали нападенія. Славная побѣда полковника Михельсона 15 іюля защитила Казань отъ претендента. Она заставила Пугачева перейти Волгу. Но и на правомъ берегу царицы русскихъ рѣкъ дозрѣла уже жатва народнаго недовольства. Манифесты Пугачева дали въ руки оружіе крестьянамъ чебоксарскаго и косьмодемьянскаго уѣздовъ. Грабежъ селеній, пожары барскихъ усадебъ распространились на большое разстояніе. По ихъ примѣру принялись за грабежъ и убійства чуваши и поволжскія племена; необозримое пространство отъ Яика и Башкиріи было покрыто рѣками крови. Главное командованье опять перешло въ другія руки. Послѣ Щербатова оно перешло только на мѣсяцъ къ Петру Голицыну, а послѣ его отставки 8-го августа къ брату министра иностранныхъ дѣлъ Петру Ивановичу Панину, которому были даны права чуть ли не диктаторской власти. Три первыхъ недѣли августа были критическимъ моментомъ для государства. Палъ Саратовъ; Пугачевъ приблизился къ Дону и вступилъ въ связь съ донцами. Въ жестокой битвѣ на рѣкѣ Полейкѣ онъ разбилъ полковника Дундукова и, кажется, серьезно думалъ объ очисткѣ дороги въ Кремль. Но тутъ конецъ его успѣху. 24 августа произошло сраженіе у Царицына, которое было могилой пугачевскаго бунта. Принужденные безплодностью и долговременной безрезультатностью движенія, казаки составили заговоръ противъ лже-Петра. Въ ночь съ 14 на 15 сентября они представили его властямъ маленькаго безымяннаго яицкаго мѣстечка. Дававшій жизнь соціальный ферментъ такъ же вдругъ угасъ, какъ вдругъ разгорѣлся. 14 ноября Пугачевъ съ женой и сыномъ уже находились въ Москвѣ.

Слѣдствіе было поручено князю Волконскому, Потемкину и Шешковскому. 20 декабря въ Петербургѣ опубликовали манифестъ, отдающій Пугачева и его сообщниковъ подъ судъ, состоящій изъ сената, членовъ синода, предсѣдателей всѣхъ коллегій и лицъ, принадлежащихъ къ тремъ первымъ классамъ чиновниковъ, находящихся въ Москвѣ. Управленіе огромнымъ процессомъ взялъ на себя князь Вяземскій. 31 декабря 1774 г. вынесли приговоръ, утвержденіе котораго состоялось въ Москвѣ только 8 января 1775 г. Пугачева приказано четвертовать, воткнуть голову на шестъ, разнести ча-

сти тѣла на четыре стороны города, поставить на колья и, наконецъ, сжечь остатки на этихъ самыхъ мѣстахъ. Экзекуція совершена со всѣми подробностями 10 января. Послѣ жестокой казни самозванца и подавленія бунта, дѣло было докончено уничтоженіемъ даже слѣдовъ возстанія еще и другимъ способомъ. Царица согласилась на просьбу Потемкина рѣку Яикъ назвать Ураломъ, а яицкое войско—Уральскимъ [1]).

IV.

Эмигранты и Пугачевскій бунтъ.

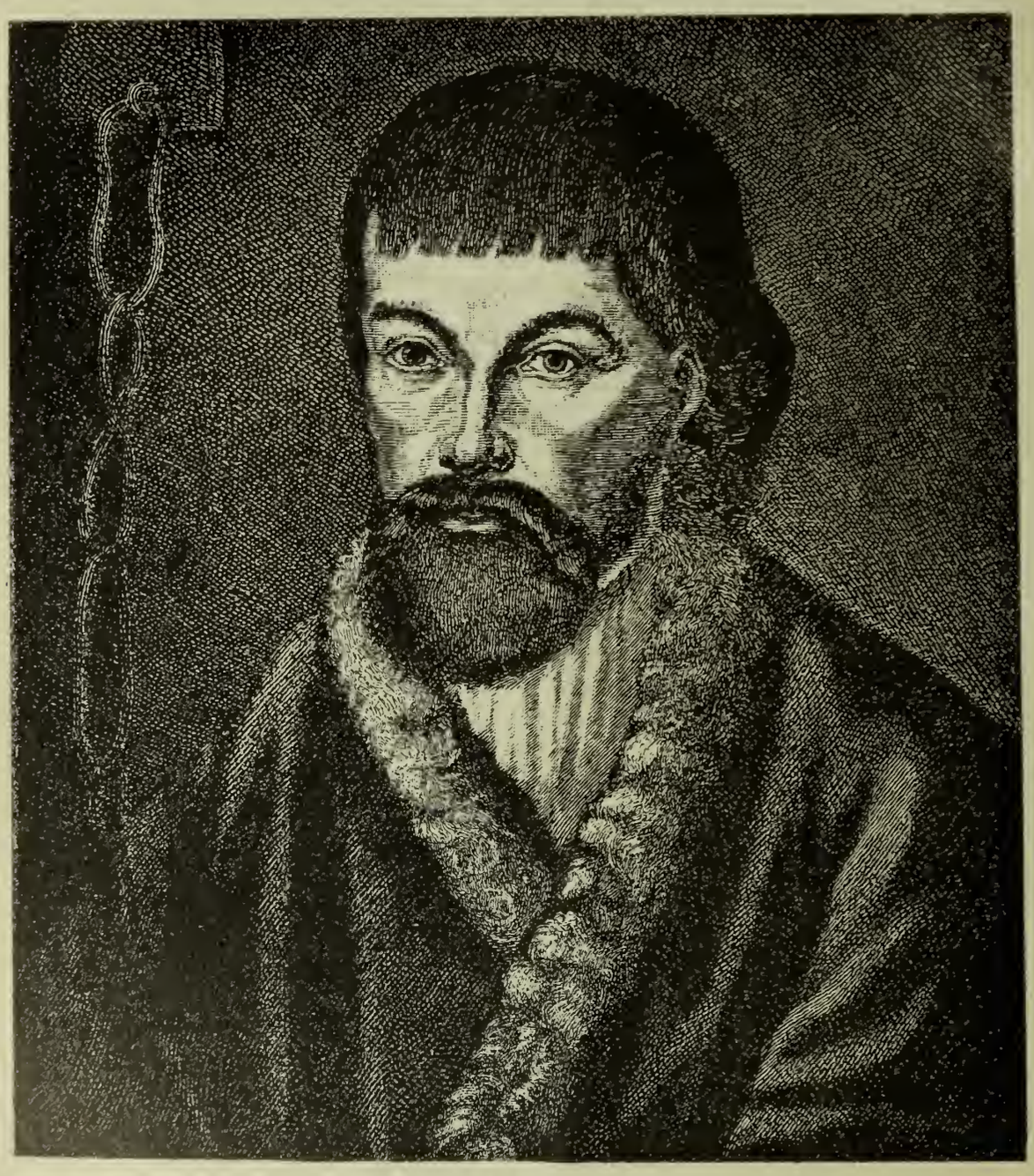
Нежданнымъ, негаданнымъ союзникомъ барскихъ конфедератовъ, скитающихся по Европѣ послѣ перваго раздѣла Польши былъ лже-Петръ—Пугачевъ. Зажженный имъ факелъ надъ Ураломъ освѣтилъ дорогу ихъ терноваго пути. Все сразу свалилось на имперію; и широкое соціальное движеніе у себя дома, и несчастная война на Балканахъ, и барская конфедерація, и дѣла съ раздѣломъ Рѣчипосполитой. Это было причиной страшной путаницы и поставило Россію въ тяжелое положеніе. Казалось, что не случай стягивалъ и перепутывалъ политическіе узлы, а какая-то тайная интригантская рука. Чья же? Барскіе рыцари могли учесть актъ самозванства Пугачева, чтобы среди общаго замѣшательства въ государствѣ довершить дѣло освобожденія отечества отъ нашествія. По странно совпавшимъ фактамъ можно было составить обвиненіе противъ Польши и поляковъ.

Революція началась послѣ возвращенія Пугачева изъ Рѣчипосполитой, послѣ массовой ссылки конфедератовъ въ Сибирь на поселеніе. Отбывало наказаніе тамъ въ общемъ 5445 плѣнныхъ, захваченныхъ войсками императрицы. Въ сентябрѣ 1773 г. когда лже-Петръ обнародовалъ свой первый манифестъ на хуторѣ Толкачева, для нихъ пришла амнистія, за исключеніемъ все-таки нѣсколькихъ группъ, выдѣленныхъ особо.

---

[1]) Отдѣлъ этотъ обработанъ съ помощью трудовъ: Дубровинъ: «Пугачевъ и его сообщники» Петербургъ, 1884 г. I, II, III. Брикнеръ Александръ: Katharina II. Berlin 1883 изд. Oncken'a стр. 130—200 «Leben und Abentheur des berüchtigen Rebellen Jemelian Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III. Ausgab. London 1776.

Когда начался бунтъ надъ Яикомъ оставшихся насильно опредѣлили въ роты, предназначенныя для усмиренія возстанія. Между прочими принималъ участіе въ битвахъ подъ Татищевымъ и Троицкой крѣпостью Карлъ Хоецкій, который говорилъ, что на поляхъ обоихъ сраженій осталось много польскихъ труповъ. Екатерина II подозрѣвала сосланныхъ



Емельянъ Пугачевъ.

въ разнесеніи горючаго матеріала и вообще чувствовала на пугачевщинѣ знакъ чужой печати. Однако, слѣдственная комиссія въ Москвѣ дала на прямой въ этомъ смыслѣ вопросъ изъ Петербурга грустный отвѣтъ: самозванецъ и предводи

ПЕРОВЪ. ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

СУДЪ ПУГАЧЕВА.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

тели бунта очень остерегались, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе чужеземецъ, помогалъ имъ.

Иванъ Почиталинъ сознался, что лже-Петръ не допускалъ къ себѣ постороннихъ, боялся просвѣщенныхъ людей и не довѣрялъ имъ; исключеніе дѣлалъ только для киргизъ—кайсацкаго хана, у котораго онъ просилъ помощи. Этотъ Почиталинъ и Максимъ Горшковъ положительно увѣряли, что въ бандахъ самозванца служило только нѣсколько человѣкъ конфедератовъ, какъ простые рядовые казаки и они не пользовались никакимъ уваженіемъ черни. Тайная оренбургская комиссія, послѣ отсылки краткихъ данныхъ еще въ началѣ появленія самыхъ волненій,—указала въ рапортѣ 21 мая 1774 года на какую-то постороннюю интригу. Правда, только отдѣльные конфедератскіе дезертиры служили въ войскахъ черни, но въ душѣ, кажется, всѣ желали перенестись подъ ея знамена. Между поляками оренбургскаго гарнизона былъ раскрытъ заговоръ, чтобы въ случаѣ приступа подъ стѣны крѣпости непріятельскаго войска перейти на его сторону. Виновныхъ сѣкли подрядъ въ теченіе трехъ дней, а четверо главныхъ подстрекателей были повѣшены.

Точно также всѣ причастные къ бунту, даже лица, поставленныя высшей государственной властью, принимавшія участіе въ усмиреніи бунта какъ, напримѣръ, Бибиковъ, Руничъ, положительно противорѣчатъ заграничнымъ свидѣтельствамъ. Судя же по словамъ свидѣтелей, вродѣ Почиталина и Горшкова, тотъ или другой конфедератъ могъ служить Пугачеву дѣломъ или совѣтомъ въ его артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ операціяхъ, но вся революція какъ была, такъ и осталась чисто внутреннимъ дѣломъ Россіи, которая имѣла международное значеніе только постольку, поскольку, благодаря ей, была ослаблена въ области международной политики сила имперіи. Уже въ октябрѣ 1774 года сообщала царица Вольтеру, что въ процессѣ самозванца нѣтъ даже самаго незначительнаго слѣда отношеній иностранцевъ къ яицкому бунту.

Иначе не могло и быть, особенно въ отношеніи барскихъ эмигрантовъ. Разбитые, безъ средствъ, на другомъ, противоположномъ концѣ Европы, они не могли и думать при тогдашнихъ путяхъ сообщенія о соединеніи съ движеніемъ, которое огненнымъ столбомъ вспыхнуло на востокѣ.

Одно ихъ только подкрѣпляло, утверждало въ упорствѣ и воодушевляло надеждой,—это моральные факторы—они и были единственной связью между польскими эмигрантами и народнымъ возстаніемъ у подошвы Урала.

V.

Трудное положеніе.

Годъ съ 1773 на 1774 былъ для Россіи годомъ особенно острыхъ испытаній, минутой труднаго положенія государства. Вопросъ былъ поставленъ такъ: выйдетъ ли судно монархіи изъ бури цѣлымъ и будетъ вынесено на спокойныя волны, или же въ водоворотѣ бѣшеныхъ происшествій получитъ аваріи и трещины? Война на Балканахъ, ожесточенная, тяжелая, война за Черноморскіе порты, открывающіе путь въ Византію и къ исполненію ея мечтаній и греческихъ проектовъ императрицы, война эта не имѣла конца, благодаря воинственному настроенію при султанскомъ дворѣ.

Въ первое время кампаніи русская армія пожинала лавры, моряки одержали чесменскую побѣду надъ Капуданомъ-пашей и упрочили положеніе царскаго флага въ ряду европейскихъ флотовъ, но послѣ неудачныхъ конгрессовъ въ Фокшанахъ и Бухарестѣ,—въ осенніе и зимніе мѣсяцы 1773 г. померкла слава Румянцева, затемненная Рущукскимъ пораженіемъ и мелкими пораженіями подъ Варной и Силистріей. Не даромъ ядовитый Фридрихъ II борьбу двухъ въ сущности слабыхъ, но на первый взглядъ сильныхъ и могущественныхъ противниковъ, назвалъ войной одноглазаго, который побѣждаетъ слѣпого.

Но это безсиліе съ обѣихъ сторонъ было разнаго свойства и вело къ различнымъ послѣдствіямъ. Екатерина II лучше всего охарактеризовала его, обозначая неспособность русскихъ, какъ дѣтское несовершенство, а ослѣпленіе турокъ, какъ проявленіе немощной старости. Конвенція раздѣла окончательно сбросила тяжелый камень съ груди императрицы. Государства насчетъ Рѣчипосполитой покончили взаимные расчеты, претензіи, умирили всѣ будущіе раздоры или, какъ прусскій король увѣрялъ Вольтера: «капля чернилъ съ помощью пера все устроила; Европа успо-

коится, освободившись по крайней мѣрѣ отъ послѣднихъ волненій».

Начиная съ 25-го іюля 1772 года, дня подписанія несчастной конвенціи въ Петербургѣ, Екатерина II уже имѣла союзниковъ, ей не надо было бояться диверсіи или вооруженной австрійской демонстраціи на Дунаѣ, ей не грозилъ никакой ударъ со стороны сосѣдей,—она могла направить всѣ силы и всю энергію для ликвидаціи дѣлъ на Балканахъ и Рѣчипосполитой. Ея стремленія облекались въ плоть, конецъ казался близкимъ. Немного отдалилъ его пугачевскій бунтъ, который вливалъ воодушевленіе въ сердца конфедератскихъ эмигрантовъ, оживлялъ ихъ бодрость, а Высокую Порту ставилъ въ неслыханно выгодное положеніе, давалъ моментъ, въ который однимъ рѣшительнымъ ударомъ войну можно было бы окончить съ успѣхомъ. Турецкая кампанія вмѣстѣ съ дѣлами надъ Ураломъ ввергнула имперію въ затруднительное положеніе, въ огненную пропасть, пылающую и въ государствѣ и внѣ государства, хотя и упрочила ея безопасность на прусской и австрійской границѣ. Эмигранты раздували пламя, поддерживая воинственную температуру въ Стамбулѣ и дѣйствуя, правда, почти безплодно, на броженіе въ отечествѣ.

Многочисленные случаи самозванства, частые заговоры войскъ истощили имперію, привили внизу и вверху безпокойное, нервное настроеніе, сложились въ атмосферу зловѣщаго успокоенія, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Тяжелыя свинцовыя тучи нависали все время; никто не зналъ, разсѣятся ли онѣ или прольются дождемъ. Трактатъ въ Кучукъ-Кайнарджи, усмиреніе Пугачева, прояснили и расчистили горизонтъ. Іюль и сентябрь 1774 года были для царицы мѣсяцами праздника. Затихъ сразу громъ, раздавшійся на востокѣ, перестала литься кровь на Балканахъ. Послѣ одиннадцатилѣтняго управленія, послѣ преодолѣнія неслыханныхъ трудностей, послѣ подавленія желѣзной рукой смуты въ самомъ государствѣ, она сумѣла среди всеобщаго замѣшательства, среди волнъ, подмывающихъ ея тронъ, сдѣлать территоріальныя пріобрѣтенія, стать твердой ногой въ Польшѣ, диктовать условія Турціи. Двѣ ея миссіи, которыя она рѣшила осуществить—занятіе Черноморскихъ береговъ и захватъ лѣвой части слабѣющей Ягеллонской монархіи

были осуществившимися мечтами. Надъ развалинами страны послѣ перваго раздѣла раздавался въ ней вылетавшій изъ истрадавшейся груди единственно протестующій мужественный голосъ Рейтана и манифестаціонныя эмигрантскія воззванія, которыя падали на неплодородную почву.

Никто не думалъ о какомъ бы то ни было выступленіи въ пользу беззащитнаго, политически погибающаго народа. Жертвы, благодаря которымъ были куплены въ Петербургѣ миръ и побѣда, были тяжелыми и обезсиливающими. Нужно было беречь пріобрѣтенное, какъ зѣницу ока. А въ имперіи еще остались и слѣды, и живыя воспоминанія внутреннихъ потрясеній, остались призраки заговоровъ, осталось, главное, чувство, что всякій пустякъ можетъ перепутать наскоро приведенныя въ порядокъ отношенія, можетъ новымъ заревомъ разгорѣться надъ государствомъ. Мировичъ, Маціевичъ и другіе, наконецъ, лже-Петры не сдѣлались еще народной легендой...

Нить, ими сотканную, порвали руки женщины.

II.

Появленіе авантюристки.

Время авантюристки.— Характеристика. — Разныя мнѣнія.—Красота, таланты.—Артистическія способности.—Быстрота ума.—Умѣніе рисковать.—Вѣроисповѣданіе.—Исторія происхожденія.—Ссылка въ Сибирь и бѣгство въ Персію.—Дочь царицы.—Возвращеніе въ Европу.—Пребываніе въ Лондонѣ и Парижѣ.—Показанія Гамильтона.—Польское происхожденіе.—Сестра Радзивилла и Пугачева.—По всей вѣроятности нѣмка.—Версіи Гуннинга и Джона Дика.—Мнѣніе Голицына.—Характеристика Огинскаго.—Дипломъ барону Эмбсу.—Князь Лимбургъ Штирумъ.—Знакомство съ Али.—Отчаянная любовь.—Азовская принцесса.—Разныя интрижки.—Супружеская клятва.—Неудачи Лимбурга.—Полномочіе.—Внучка Петра Великаго.

I.

Происхожденіе.

Въ 1772 году въ Варшавской гостиницѣ г. Peltier на улицѣ de Sein, въ Парижѣ поселилась молодая особа, которая обращала на себя всеобщее вниманіе. Фамилія ея звучала

фантастично и часто мѣнялась. Раньше она фигурировала въ качествѣ госпожи Франкъ, затѣмъ Schöll, Tremouille, Aly Emettée, княжна Волдоміръ съ Кавказа, чтобы скоро—съ протейскимъ искусствомъ—стать въ виду надобности «Азовской принцессой», Бетти изъ Оберштейна, графиней Пиннебергъ или Зелинской, и, наконецъ, Елизаветой, всероссійской княжной!..

Никто не зналъ, что она замышляетъ, кто ея родители.

Трудно было опредѣлить, сколько ей лѣтъ. Сама она говорила въ 1775 году, что ей 23 года, а потому 1752 годъ надо было бы признать за годъ ея рожденія. На основаніи другого документа она была бы на 7 лѣтъ старше [1]). Ксендзъ Глембоцкій въ письмѣ къ примасу Подосскому назвалъ её «барышней болтушкой, имѣющей не болѣе двадцати лѣтъ», но чрезъ три мѣсяца послѣ этого сообщенія уже назвалъ её тридцатилѣтней. То же утверждаетъ англійскій консулъ сэръ Джонъ Дикъ [2]). Итакъ, возрастъ ея приближается къ тремъ десяткамъ лѣтъ, хотя на наблюдателей она, повидимому, производила разное впечатлѣніе.

Нѣтъ ничего удивительнаго!

Имѣвшая столько именъ таинственная женщина была чахоточной или же носила въ себѣ зародыши грудной болѣзни. Доктора называли эту болѣзнь «apostema», оно было соединено съ кровотеченіями, частой горячкой, упадкомъ силъ и болью въ груди.

Какъ у всякаго тронутаго болѣзнью человѣка, на ея лицѣ отпечатывались душевныя движенія и желанія, необычайно выразительно, обозначаясь оживленіемъ или спокойствіемъ,

---

[1]) Сборникъ русск. Историческ. Общества. Т. I. Признанія самозванки. Сама она опредѣляетъ себѣ 23 года. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 1867 г. Ежемѣсячникъ за февраль и мартъ. Книга первая. Свѣдѣнія и акты, оповѣщенные графомъ В. Н. Панинымъ. Письмо самозванки къ тревирскому министру Горнштейну отъ 7-го августа 1773 года. Anneks № 4. Въ этомъ письмѣ самозванка вспоминаетъ, что послѣ смерти отца она получила въ наслѣдство имущество Волдомірова дома, которое въ 1749 году секвестеровано на 20 лѣтъ. А сейчасъ послѣ этого: «Je naquis 4 ans avant cette malheureus époque, où mon pére mourut...»

[2]) Бреверн ъ. Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna, стр. 9—10. Подходящее допущеніе, что самозванка дала годъ 1752, чтобы сдѣлать правдоподобнымъ свое происхожденіе отъ царицы Елизаветы отъ тайнаго ея брака съ Алексѣемъ Разумовскимъ.

строгостью или блѣдностью—отсюда недоумѣніе, сколько опредѣлить ей лѣтъ. Но въ то же время отъ граціозной фигуры незнакомки вѣяло поэзіей угасавшей души.

Она была красива и этой красотой приводила въ восторгъ, запечатлѣвалась, увлекала, притягивала къ себѣ.

Правительственныя данныя даютъ рельефный образъ незнакомки. Средняго роста, изящная, худощавая съ энергичными рѣзкими движеніями, она имѣла черныя брови, большіе глаза, проницательные, каріе, широко раскрытые—немного косые. Бѣлое молочнаго цвѣта лицо, окрашенное часто румянцемъ, только слегка покропили веснушки. Продолговатый носъ съ горбинкой и черные волосы придавали лицу «княжны Волдомірской» итальянскій характеръ.

Глембоцкій оригинально обрисовываетъ эту внѣшность: «она очень хорошо сотворена Богомъ и, если бы не немного косые глаза, она могла бы соперничать съ настоящими красавицами». Другой священникъ, польскій резидентъ-министръ при Ватиканѣ d'Antici, приписываетъ ей пріятность и умѣніе вести разговоръ такъ вѣроломно и опасно, «что легко можетъ вскружить голову, если кто-либо не имѣетъ этого въ виду». Онъ же подтверждалъ мнѣніе римскаго доктора г. Салицетти, который словами, полными восторга и восхищенія, восхвалялъ природную красоту гр. Пиннебергъ [1]).

Внѣшнія достоинства увеличивала необычайная интеллигентность княжны. Она говорила совершенно чистымъ, хорошимъ акцентомъ, по-французски и по-нѣмецки, умѣла говорить, хотя и съ трудомъ, по-итальянски, понимала англійскій. Орловъ Чесменскій подозрѣвалъ ее въ знакомствѣ съ польскимъ языкомъ,—Голицынъ, однако, который долго ее изучалъ и велъ слѣдствіе, не вынесъ такого убѣжденія. Вѣроятно она, благодаря постоянному вращенію среди конфедератовъ, имѣла нѣкоторый запасъ польскихъ выраженій и отрывочныхъ фразъ. Сама она хвасталась своимъ филологическимъ талантомъ, знаніемъ арабскаго и персидскаго

---

[1]) d'Antici къ канонику Гижіотти 15 февраля 1775 г. Госуд. архивъ. Рукоп., озаглавленная «Romanzo della principessa Elisabetta di Moscovia» V. № 25 и письмо аббата Роккатани къ тому же канонику. Рукоп. Тамъ же 4 января 1775 г. № 27.

языковъ. Впослѣдствіи же оказалось, что ея восточная филологія была пустымъ вымысломъ.

Однако, всѣ выдающіеся и образованные люди выразили единогласно мнѣніе о высокой степени культурности «принцессы Азовской». Голицынъ ли, гетманъ ли Огинскій, аббатъ ли Роккатани или маркизъ d'Antici, всѣ гармоническимъ хоромъ говорятъ объ этомъ. О ней отзываются какъ о человѣкѣ «ума и богатыхъ способностей, обладающей многочисленными свѣдѣніями», говорящей логично, съ удивительнымъ пониманіемъ дѣла и ловкостью.

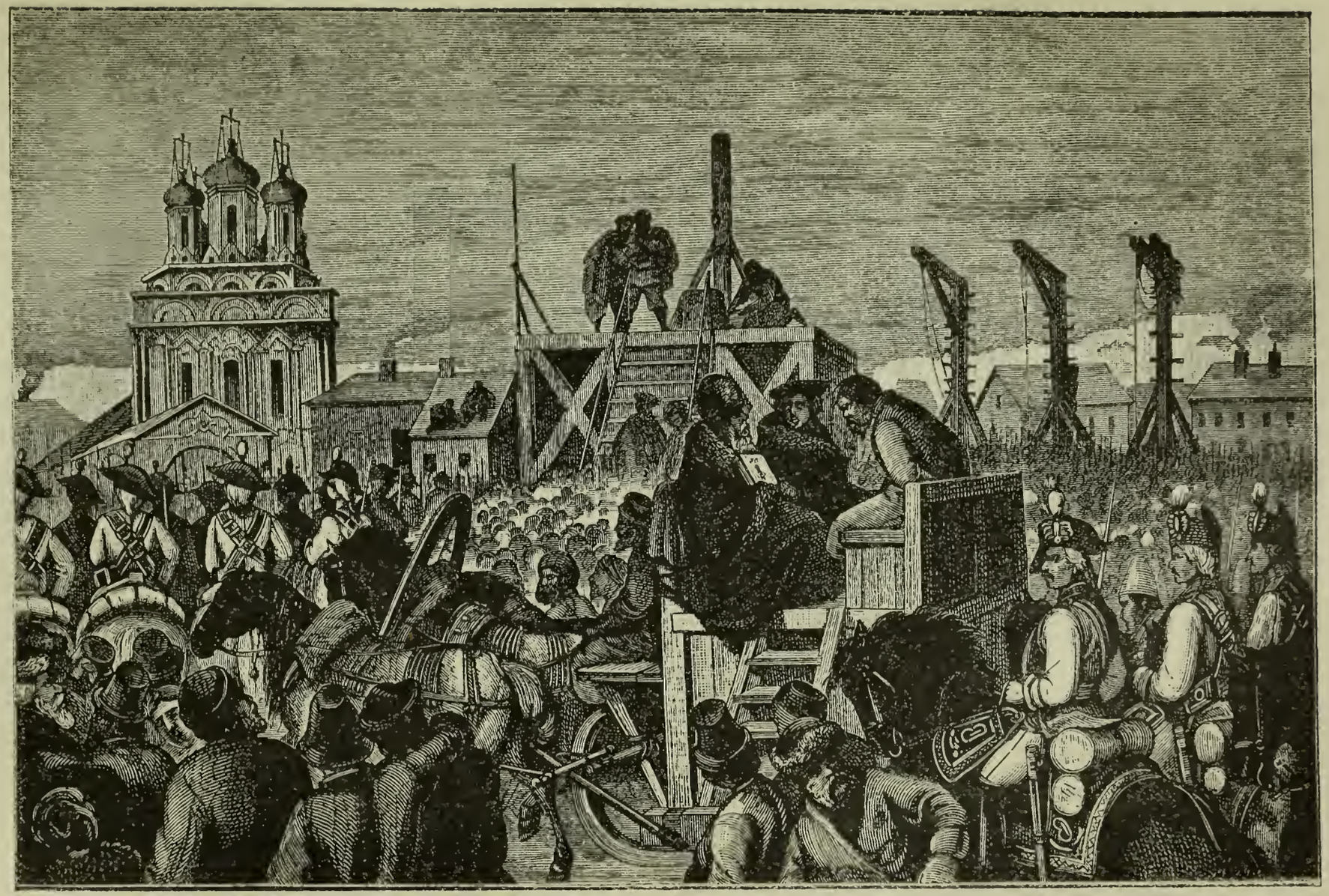
Кто-то другой характеризуетъ ее почтительнымъ опредѣленіемъ «княжны высокихъ совершенствъ и превосходныхъ добродѣтелей». D'Antici приноситъ ей свое почтеніе, какъ женщинѣ прекраснаго ума и «милыхъ привычекъ».

Михаилъ Огинскій, не совсѣмъ безпристрастный, потому что отчасти сердечно заинтересованный, рѣшается принять банальное названіе любовника, выражающаго свои восторги самыми яркими красками. Дѣлая намекъ какъ бы на азіатское происхожденіе предмета своихъ мечтаній, онъ добавляетъ, что вся Европа къ своему позору не произвела бы подобной личности.

Пинскій консилярій Михаилъ Доманскій, на смерть влюбленный въ таинственную госпожу, увѣрялъ, что всѣ безъ исключенія обоготворяли даму его сердца. Сухой, не склонный къ порывамъ, Роккатани дивился ея «чрезвычайнымъ качествамъ».

Волдомірская княжна обладала не только превосходнѣйшими манерами, салонной свѣтскостью и искусствомъ пріобрѣтать и увлекать знакомыхъ: она очаровывала, кромѣ того, всестороннимъ знаніемъ общества и нѣкоторыми артистическими способностями. Она играла очень хорошо на арфѣ, чертила, рисовала и обладала значительными познаніями въ области архитектуры.

Если и была разница между рясой аббата-маркиза и одеждой чувствительнаго и свѣтскаго литовскаго гетмана, то она пропадала, лишь только дѣло касалось интеллигентности ихъ общей знакомой. Невѣдомые піиты воспѣвали гимны экзотической маленькой богинѣ по образцу буколикъ или вулканически страстныхъ гораціевыхъ одъ. Въ нихъ выступала «королевская дѣва» на фантастическомъ фонѣ,



Казнь Пугачева въ Москвѣ.

какъ «богиня попечительница» черкасскаго края, мать счастливаго народа.

Это была впечатлительная натура, способная къ порывамъ, неровная, духъ—неспокойный, увлекающійся и вмѣстѣ съ тѣмъ она была проницательна. Людей она узнавала скоро, въ положеніи оріентировалась мгновенно. Цѣну Карлу Радзивиллу она опредѣлила сразу. Она замѣтила коротко и ясно, что для пріобрѣтенія отличій и значенія недостаточно ни богатства, ни шляхетства, а лишь немножко политическаго чутья [1]). Умѣя играть на слабыхъ стрункахъ людей, она на-авось смѣло и безъ колебаній все ставила на карту.

Создаваніе нерасчитанныхъ, превосходящихъ самое буйное воображеніе комбинацій и ситуацій было ея любимымъ дѣломъ. Она брала увѣренностью, заставляла манерами, вводя въ заблужденіе даже самыхъ подозрительныхъ.

Критическое отношеніе наблюдателя все уменьшалось, исчезало вслѣдствіе ея непринужденности и умѣлаго притворства, и превращалось въ разрушающееся и неустойчивое сомнѣніе: «если она не та, за которую себя выдаетъ, то она умѣетъ превосходно принять ея роль!»—говоритъ терзаемый внутренней борьбой ксендзъ-аббатъ. Мужская нотка отзывалась въ ея поступкахъ, сильный характеръ—въ быстротѣ рѣшеній. Впередъ! Ни шагу назадъ!—было ея девизомъ. Рискуя, она шла на-авось въ своихъ стремленіяхъ, не оглядываясь на послѣдствія. Семь револьверовъ найдено было среди вещей «принцессы Азовской», а два заряженныхъ висѣли надъ кроватью для обороны во всякое время.

Закрытой картой является княжна Волдоміръ во всѣхъ поступкахъ, закрытой же и въ дѣлахъ вѣры и религіи. Она разсказывала и признавалась, что была крещена и воспитана по православному обряду. Къ Святымъ Тайнамъ она никогда не приступала за неимѣніемъ священника въ тѣхъ странахъ, гдѣ жила. Царица, желая узнать правду, прислала въ ея тюремный казематъ пастора, какъ къ протестанткѣ.

Среди бумагъ авантюристки были католическія девоціонаціи, изображенія Божьей Матери съ прикрѣпленной частицей фаты со статуи Святой Дѣвы Лауретанской и подтвер-

---

[1]) Голицынъ даже утверждаетъ, что apostema была слѣдствіемъ ея неспокойнаго духа.

жденіями достовѣрности реликвіи францисканомъ Гаспари, и вторымъ подтвержденіемъ, епископомъ ассизскимъ Серматтеи.

Въ сущности путаница понятна.

Дѣло совѣсти имѣло здѣсь такое же назначеніе, какъ и всѣ вообще душевныя настроенія, которыя клонились къ исполненію временныхъ нуждъ по необходимости. Когда княжна Волдоміръ желала сразу расположить къ себѣ духовныя сферы, она порицала въ присутствіи важной духовной особы одного изъ своихъ пріятелей за насмѣшки надъ религіозностью и прикидывалась врагомъ свободомыслія [1]). Въ концѣ своей жизни, уже въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, она уклонялась отъ раскрытія правды предъ ведущимъ дознаніе кн. Голицынымъ. Сама же ни въ чемъ существенно важномъ не призналась. Она увѣряла, что «должна» исповѣдывать католическую религію, но не сообщила, какую на самомъ дѣлѣ исповѣдовала. Когда ее спросили, почему она желала православнаго священника, она нервно отвѣтила, что иногда не знаетъ, что говоритъ. На первыхъ порахъ она поблагодарила вообще за всякія утѣшенія со стороны церкви, не чувствуя въ нихъ надобности [2]).

Итакъ, нѣтъ ничего достовѣрнаго, ничего уловимаго, тьма, загадка и отчасти противорѣчія. Точно такимъ же является дѣло происхожденія таинственной особы. Признанія ея въ этой области приближаются къ баснѣ изъ тысячи и и одной ночи.

Разсказывала она слѣдующее:

Зовутъ ее Елизаветой; насчитываетъ она себѣ двадцать три года [3]). Не знаетъ своей народности, мѣста рожденія, ни родителей. Шестилѣтнимъ ребенкомъ ее вывезли въ Ліонъ, а послѣ полугодового пребыванія въ этомъ городѣ въ Киль. Воспитывалась она подъ наблюденіемъ госпожи Перетъ или Перонъ (фамиліи хорошо не помнитъ) и крещена по православному обряду; не припомнитъ, когда и въ чьемъ присутствіи. Когда она «пришла къ сознанію», то постоянно спра-

---

[1]) Сообщаетъ объ этомъ Роккатани въ цитир. письмѣ отъ 4-го января 1775 г. Она сдѣлала выговоръ Станишевскому (Доманскому), когда онъ насмѣхался надъ религіозными обрядами въ присутствіи аббата.

[2]) Голицынъ называетъ ее «безбожной».

[3]) Въ 1775 году.

шивала про мать, про отца, однако, отъ нея всегда отдѣлывались лишь утѣшеніемъ, что скоро они пріѣдутъ. Отъ пребыванія въ столицѣ Голштиніи остались въ слабыхъ туманныхъ воспоминаніяхъ Азовской принцессы нѣкоторыя лица. Господинъ Шмидтъ давалъ ей уроки математики; другихъ учителей, какъ она выражалась, не стоило откапывать въ воспоминаніяхъ. Запечатлѣлись еще двѣ фамиліи: баронессы Штернъ и данцигскаго купца Шумана, который оплачивалъ расходы по содержанію дѣвочки [1]).

Когда ей исполнилось девять лѣтъ, какихъ-то трое мужчинъ вывезли ее вмѣстѣ съ нянькой въ Петербургъ. Это случилось въ 1761 году, годъ смерти императрицы Елизаветы. Отсюда, подъ видомъ возвращенія къ ея родителямъ въ Москву, ребенка завезли къ персидской границѣ. Наконецъ, она очутилась въ уединенномъ домикѣ, въ которомъ жила старушка и три сѣдыхъ старика на разстояніи шести или семи верстъ отъ ханской ставки. Престарѣлая женщина, по всей вѣроятности осужденная на поселеніе, мучилась въ этомъ отрѣзанномъ отъ прочаго міра углѣ уже два десятка лѣтъ.

Пятнадцать мѣсяцевъ пребыванія въ одиночествѣ, въ безлюдномъ мѣстѣ наложили на ребенка свой отпечатокъ. Она постоянно хворала, какъ думала, вслѣдствіе преподносимой отравы. Изнуренная тяжелой дѣйствительностью, она постоянно плакала, жаловалась и спрашивала, кто былъ причиной ея бѣдной, горькой участи. Тогда ея престарѣлая попечительница шептала ей, что она заброшена на эту окраину по распоряженію Петра III. Мало-по-малу она выучилась мѣстному языку, похожему на русскій, который она когда-то знала, но потомъ позабыла.

Наконецъ, настала минута освобожденія. Нянька переманила на свою сторону крестьянина-татарина изъ ближайшаго села, сговорилась съ нимъ, и вотъ ночью они втроемъ бѣжали и въ теченіе четырехъ сутокъ бродили пѣшкомъ. Ребенка и свертокъ съ платьемъ несъ посланный самимъ Провидѣніемъ татаринъ на себѣ. Они пробирались среди непроходимыхъ лѣсовъ и пустырей, пока, наконецъ, не попали въ населенныя мѣста. Мѣстный староста пожалѣлъ ихъ, далъ

---

[1]) Сборникъ, т. I. Свѣдѣнія, данныя самозванкой.

имъ лошадей, на которыхъ они доѣхали до Багдада. Тамъ они нашли пріютъ, попеченіе и заботы у богатаго перса, Гамета. Въ домѣ Гамета жилъ персидскій крёзъ, князь Али, котораго разжалобила судьба несовершеннолѣтней изгнанницы. Послѣ годового пребыванія ихъ въ Багдадѣ, онъ взялъ дѣвочку вмѣстѣ съ няней въ столицу испаганскаго шаха, гдѣ имъ не хватало развѣ только птичьяго молока. Когда Али уѣхалъ по дѣламъ въ долину розъ Ширасъ, онъ предоставилъ Елизавету заботамъ Jan'a Fournier, по происхожденію француза. Послѣ возвращенія домой, онъ обращался съ ней самымъ лучшимъ образомъ, полнымъ уваженія. Персидскій набобъ сообщилъ ей важную тайну, именно: дѣвочка была дочерью императрицы Елизаветы Петровны! Его слова подтвердили гости, посѣщающіе домъ Али, и старались открыть и отца для царевны. Многіе утверждали, что имъ былъ Алексѣй Разумовскій, другіе считали имъ кого-то другого, хотя не оглашали фамиліи. Волненія въ Персіи въ 1769 году заставили Али покинуть родину и путешествовать по Европѣ. Елизавета согласилась ему сопутствовать, лишь бы только не остаться въ Россіи, гдѣ ее ждала бѣда. Впрочемъ, зачѣмъ туда стремиться послѣ коронаціи Екатерины II?

Путешествіе предприняли со всѣми предосторожностями. Передъ Астраханью персидская свита была удалена и замѣнена двумя слугами изъ русскихъ. Али заѣхалъ въ городъ подъ псевдонимомъ Крымнова, а она играла роль его дочери. Чрезъ два дня они уѣхали изъ Астрахани — Елизавета въ мужскомъ платьѣ. По дорогѣ Крымновъ прописывался по какимъ-то бумагамъ. Въ Петербургѣ они только переночевали, послѣ чего остановились въ Ригѣ, откуда отправились въ Кенигсбергъ, пробыли затѣмъ нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, и, наконецъ, прибыли на болѣе продолжительное время въ Лондонъ. Здѣсь она простилась со своимъ благодѣтелемъ, котораго отозвали на родину важныя письма.

Али былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Персіи и имѣлъ большія торговыя сношенія съ Индіей и Китаемъ. Онъ имѣлъ свою флотилію, состоящую чуть ли не изъ шестидесяти кораблей. Прощаясь съ нею, онъ оставилъ ей драгоцѣнные камни, золото въ слиткахъ и много наличныхъ денегъ. Благодаря Али, Елизавета пріобрѣла настоящій рогъ Амалтеи, изъ котораго сыпались потоки денегъ, она могла

дѣлать громадные расходы и уплачивать даже за другихъ стотысячные долги. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія, Лондонъ ей надоѣлъ, она уѣхала въ Парижъ, гдѣ жила около двухъ лѣтъ, какъ и въ Альбіонѣ, подъ именемъ персидской княжны Али.

Подобная исповѣдь жизни никого не убѣдила: фантазія и наивная ребяческая басня слишкомъ яркими цвѣтами бросались въ глаза. Когда князь Голицынъ прижалъ ее къ стѣнѣ, желая какой бы то ни было цѣной узнать правду и найти хотя лучъ свѣта, она опять продолжала свои легендарныя сказки и повторила, что только благодаря увѣреніямъ Али и другихъ считала себя дочерью императрицы Елизаветы. Иногда она добавляла къ своей баснѣ небывалыя исторіи и посылала настойчиваго слѣдователя-инквизитора къ несуществующему математику Шмидту и къ какому-то Кійету, который долженъ былъ служить ключемъ секрета.

Сэру Вилліаму Гамильтону она передавала не то, что Голицыну. На основаніи этой версіи Елизавета I передала ей права на престолъ, а на Петра III возложила обязанность воспитать царевну. Немилосердный монархъ отправилъ родственницу въ сибирскіе снѣга, откуда, спустя годъ, ее вывело участіе въ ней одного священника. Подъ покровомъ ночи бѣжали они въ столицу донскихъ казаковъ. Покушеніе на ея жизнь поднесеніемъ отравы было неудачно, однако, чтобы избѣжать второго, она скрылась въ Персію къ родственнику отца, который въ правленіе шаха Тамаса переселился на берега Каспія. Этотъ король королей осыпалъ русскаго пришельца ласками и богатствами, надѣлилъ его огромными помѣстьями и окружилъ почетомъ. Благодаря этому онъ могъ заботиться о преслѣдуемой судьбой дочери родственника, выписывать для нея педагоговъ изъ-за границы и превосходно подготовить ее къ жизни.

Вслѣдствіе очевидной мистификаціи раздавались самыя разнородныя предположенія и сужденія о происхожденіи Волдомірской княжны. Экзотическую даму больше всего считали полькой знатнаго рода. Такое мнѣніе высказала римская полиція, таково было общее мнѣніе въ Пизѣ, такъ думали и въ русскомъ флотѣ, стоящемъ у итальянскихъ береговъ. Съ этимъ же предположеніемъ носился и адмиралъ Грейгъ, который долгое время держалъ ее подъ арестомъ въ каютѣ своего корабля.

Императрица Екатерина прислушивалась къ этимъ извѣстіямъ и поручила Голицыну добиться, не является ли всероссійская княжна «польской бродяжкой». Слѣдствіе Голицына дало неудовлетворительный результатъ. Конфедераты подтвердили, что она знаетъ едва нѣсколько словъ на ихъ родномъ языкѣ. Эти сплетни выросли на основаніи существовавшихъ отношеній авантюристки къ эмигрантамъ во Франціи и принятія въ Римѣ временно имени Елизаветы Радзивиллъ. Благодаря этому новому псевдониму, ее принимали за сестру «Пане Коханку».

Князь Петръ Долгоруковъ открылъ въ ней польскую еврейку.

Когда же велитъ политическое положеніе, сарматская госпожа становится сестрой Пугачева! Въ Венеціи изъ круговъ интригантки расходятся по міру удивительныя вѣсти о сестрѣ лже-Петра, «которая изъ Персіи чрезъ Голландію попала въ эти края». Изъ Рима уѣхала гр. Пиннебергъ подъ фамиліей бунтовщика съ Яика.

Кромѣ того, много толковали о ея черкесскомъ, турецкомъ и персидскомъ происхожденіи. Въ сферахъ римской аристократіи подозрѣвали, что отцомъ лже-княжны является оттоманскій султанъ, наконецъ, и она сама въ письмѣ къ Панину будто бы назвала своимъ дѣдушкой шаха Надира!

Въ лабиринтѣ этихъ хаотическихъ предположеній и догадокъ самой правдоподобной версіей является то, что она была нѣмкой. Кс. d'Antici, повторяя болѣе трезвые взгляды, замѣчаетъ: лица, «видящія вещи въ надлежащемъ освѣщеніи, считаютъ княжну нѣмкой». И самъ онъ склоняется къ этому мнѣнію, размышляя надъ воспитаніемъ этой исключительной женщины. Голицынъ особенно отмѣчаетъ то обстоятельство, что авантюристка владѣла нѣмецкимъ языкомъ, какъ роднымъ. Англійскій посолъ Гуннингъ сообщилъ Екатеринѣ II, что поименованная княжна Волдоміра—дочь содержателя ресторана изъ Праги чешской. Голицынъ въ формѣ увѣренности съ поддѣльнымъ торжествомъ сказалъ своей плѣнницѣ это открытіе Гуннинга, желая ее сбить и заставить сознаться. Однако, онъ совсѣмъ разочаровался! Княжна возразила, что никогда въ жизни не была въ Прагѣ, а если бы она знала, кто это такъ клевещетъ, она выцарапала бы ему глаза!

Гетманъ Литовскій

Михаилъ Огинскій.

Репродукція съ портрета изъ Виленскаго Музея, находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

На основаніи словъ другого англійскаго дипломата, консула въ Ливорно сэра Джона Дика, Азовская принцесса по всѣмъ вѣроятіямъ—дочь нюренбергскаго булочника.

На дѣлѣ же даже край завѣсы не упалъ съ тайны.

Цѣлая конструкція жизнеописанія, построенная авантюристкой, была слѣпкомъ со сказокъ для дѣтей. Въ немъ нѣтъ слѣда иносказанія, стремленія управдоподобить разсказъ, наоборотъ—видна только погоня за невѣроятнымъ.

Все персидское и Сибирь въ данномъ разсказѣ это только для удобства, какъ далекое и невозможное для всякаго контроля. Странныя фамиліи Гаметовъ и Али заимствованы или изъ басенъ, или попросту выдуманы. Возвращеніе въ Петербургъ послѣ смерти царицы Елизаветы, отправленіе на поселеніе Петромъ III—это мотивы, которые могли придать историческій характеръ этой экзотической легендѣ. Развѣ такая невинная игрушечка могла разсчитывать на успѣхъ? Развѣ ея обезоруживающая наивность не достигла тѣхъ цѣлей, которыя она преслѣдовала? Это лучше всего выяснитъ черта характера Азовской принцессы, изображенная Голицынымъ: «Ея изворотливая душа—пишетъ онъ Екатеринѣ II—способна ко всякой лжи и обману, она не чувствуетъ ни на минутку угрызеній совѣсти. Она вращалась въ обществѣ безшабашныхъ людей, и вслѣдствіе этого ни наказанія, ни честь, ни стыдъ не воздерживаютъ ея отъ совершенія чего-нибудь такого, что было бы сопряженно съ личной пользой преступницы. Природная быстрота ума, пріобрѣтенная практичность въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, увѣренные поступки, отличающіе ее отъ другихъ, сдѣлали то, что она очень легко могла возбудить къ себѣ довѣріе и извлечь пользу изъ добродушія своихъ знакомыхъ» [1]).

Она строго придерживалась того убѣжденія, что и умнымъ людямъ можно было сыпать песокъ въ глаза—лишь бы сыпать его настойчиво, рѣшительно и безпрестанно. На первыхъ порахъ, когда ей пришлось дѣйствовать и дѣло увѣнчалось успѣхомъ, полемъ ея дѣятельности и обширныхъ пробъ были души довѣрчивыя, менѣе всего способные къ противодѣйствію и подозрѣніямъ.

---

[1]) Голицынъ Екатеринѣ II въ рапортѣ отъ 13 іюля 1775 г.

II.

Гетманъ Огинскій.

Волдомірская княжна послѣ прибытія въ Парижъ имѣла за собой темное прошлое. Въ ея обществѣ находился Вантурсъ, купеческій сынъ, который слѣдовалъ за «принцессой Азовской» въ Лондонъ, убѣгая изъ Гента, отъ жены и кредиторовъ. Вантурсъ въ Парижѣ освободился отъ своей фамиліи и получилъ отъ лже-княжны другую, звучащую аристократично — барона Эмбса. Рядомъ съ самозванскимъ патентованнымъ барономъ появился около авантюристки тоже прибывшій изъ Лондона г. Шенкъ, по всей вѣроятности, ея прежній любовникъ—нынѣ посредникъ въ разныхъ предполагаемыхъ махинаціяхъ.

Компанія стала жить на широкую ногу. Они завязали разныя знакомства, между прочимъ, съ богатымъ купцомъ Понцетомъ, г. Маскайемъ, старымъ чудакомъ, любящимъ одиночество—Де-Марине, съ придворнымъ маршаломъ князя Лимбургъ-Штирумъ — гр. Рошефортъ-Валькуртъ и самое главное съ великимъ гетманомъ литовскимъ — Михаиломъ Огинскимъ.

Огинскій, впечатлительный артистъ и человѣкъ чувствительный, былъ для Волдомірской княжны особенно хорошимъ пріобрѣтеніемъ.

Она сама, кажется, первая явилась къ нему съ утѣшеніемъ и желаніемъ завязать знакомство. Ее привлекалъ человѣкъ съ громкимъ именемъ, представитель конфедератскихъ стремленій, привлекала ее возможность завязать съ нимъ и при посредствѣ его политическія и общественныя знакомства. Строила ли она какіе-нибудь планы, или напередъ уже имѣла расчитанную ясную программу дѣйствій? Объ этомъ изъ первоначальнаго сближенія съ Огинскимъ ни слѣда, ни знака. На это едва ли не форменное напрашиваніе гетманъ отвѣтилъ пріятнымъ мадригаломъ. Онъ превозносилъ до небесъ честное сердце княжны и выполненіе ею «божественнаго дѣла» благодѣтельницы ближнихъ. Отдавъ должное добродѣтелямъ необыкновенной госпожи, онъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать почтеніе «особѣ изъ Азіи», утверждая,

что «вся Европа къ своему позору не могла бы произвести подобной личности» [1]).

Для гетмана-эмигранта начались обязанности по отношенію къ новому знакомству. Они сходились все ближе и ихъ отношенія клиномъ вошли въ его ежедневную жизнь. Если Огинскій былъ боленъ, или не могъ явиться, то между его квартирой и Али Эметте курсировали письма съ обмѣномъ мыслей и чувствительными изліяніями. Надоѣдливость принцессы Азовской была громадна. Огинскій всегда отличался вѣжливостью, обѣщалъ прійти съ визитомъ, если только будетъ въ состояніи, а въ худшемъ случаѣ отговаривался барщинными повинностями по отношенію ко двору и обществу.

Однако, онъ забѣгалъ въ салоны княжны, «чтобы узнать новости», а когда болѣзнь удерживала его дома, присылалъ, по крайней мѣрѣ, увѣреніе: «Ваше участіе въ моемъ здоровьѣ уже само по себѣ въ состояніи меня исцѣлить». Иногда обожатель «особы изъ Азіи» перескакивалъ изъ сентиментальнаго тона въ мрачный и объяснялъ свои неудачи «стеченіемъ обстоятельствъ». Это «стеченіе обстоятельствъ» было его больной идеей, ключемъ для объясненія всѣхъ неудачъ. «Печально,—говоритъ онъ въ одной запискѣ,—что мы столько теряемъ принужденные разговаривать перепиской, вмѣсто того, чтобы восхищаться личной бесѣдой! Будемте благословлять и вмѣстѣ съ тѣмъ проклянемъ Великое Божество: „*стеченіе обстоятельствъ*“—это только намъ остается сдѣлать».

Отношенія княжны къ Огинскому принимали все болѣе и болѣе романическій характеръ.

Расчувствовавшійся гетманъ откровенно исповѣдывался даже въ числѣ пилюль, прописанныхъ врачемъ, и одновременно съ этимъ посылалъ привѣтствія, полныя пересоленныхъ и диссонирующихъ пламенныхъ объясненій: «День, въ который Вы меня поздравили, Ваше Сіятельство, является въ моемъ воображеніи днемъ счастья, гармонирующаго со всей природой. Вы, со свойствами Вашей души, должны быть ихъ распредѣлительницей!» Извѣстіе о намѣренномъ отъѣздѣ княжны изъ Парижа Огинскій назвалъ «печальнымъ мо-

---

[1]) Огинскій къ самозванкѣ. Госуд. архивъ, № 147.

ментомъ» для себя, слѣдствіемъ святого «стеченія обстоятельствъ».

Впрочемъ, гетманъ скорѣе человѣкъ рефлексивный, чѣмъ горячій, умѣлъ найти средство противъ мучащихъ и терзающихъ его душевныхъ тревогъ, средство способное даже «излечить недуги міра», не только его страданія....

Парижская идиллія Огинскаго была воркованіемъ на первыхъ порахъ безъ всякой примѣси политики. Въ чувствительныхъ изліяніяхъ проявился артистъ, музыкантъ и художникъ, переходя поочередно изъ равновѣсія и равнодушнаго спокойствія къ вулканическимъ порывамъ. «Что меня преслѣдуютъ огонь и пламя—восклицаетъ онъ—въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, но почему они меня пугаютъ, Ваше Сіятельство?» Али Эметте, насколько можно судить, не пользовалась на первыхъ порахъ своимъ новымъ поклонникомъ. Гетманъ переживалъ тяжелыя минуты, отдавалъ послѣднее, но такъ какъ не имѣлъ денегъ, постоянно оглядывался, какъ бы одолжиться. Въ финансовомъ отношеніи онъ представлялъ сомнительную позицію.

Наоборотъ, «особа изъ Азіи» ошеломила его персидскими сокровищами и необыкновенными переливающимися золотыми потоками богатства Али. До Испагани далеко—какъ же не утѣшаться по крайней мѣрѣ хоть существованіемъ богатства за тридевять земель!.. Азовская принцесса предложила прійти на помощь своему пріятелю. Таинственный набобъ выплылъ изъ далекаго туманнаго пространства съ ящикомъ Пандоры. Огинскій заботится о его взглядахъ, снисходительномъ сужденіи о немъ и... деньгахъ. «Что бы Вы, Ваше Сіятельство, думали обо мнѣ, если бы я не былъ къ Вамъ привязанъ послѣ раскрытія предо мной перспективы счастья, которое Вы желаете сдѣлать мнѣ кредитомъ у Вашего дяди?»

За такое чувство, видимую искренность и привязанность принцесса выразила одно лишь скромное желаніе. Сбѣжавшій раньше изъ Гента Вантурсъ, намѣченный ею въ бароны, нуждался въ какомъ-нибудь почетномъ званіи, чинѣ, занятіи. Гетманъ былъ распредѣлителемъ войсковыхъ титуловъ своихъ подчиненныхъ. Огинскій справедливо убѣждалъ, что ему нельзя раздавать титуловъ за границами Рѣчипосполитой—однако, онъ рѣшилъ уступить настояніямъ княжны и

назвать рекомендованнаго ею à la suite арміи. И хотя онъ полагалъ, что баронъ молодъ и потому долженъ довольствоваться чиномъ лейтенанта, однако позволилъ склонить себя выдать Вантурсу дипломъ на званіе капитана литовскихъ войскъ [1]). Онъ его снабдилъ малой печатью, такъ какъ большую оставилъ на родинѣ, и сдѣлалъ успокоительное разъясненіе относительно дѣйствительности документа [2]).

Немного любовныхъ изліяній и капитанское достоинство «барона Эмбса»—это единственный результатъ встрѣчи княжны Волдоміра съ Огинскимъ во время ихъ обоюднаго пребыванія въ Парижѣ въ 1772 году.

III.

Лимбургскій романъ.

На парижскихъ улицахъ предпріимчивой чужеземкѣ приходилось все хуже и хуже и, наконецъ, ея положеніе сдѣлалось несноснымъ. Затягиваніе долговъ, а больше всего надувательство знакомыхъ вызвало серьезное происшествіе: Вантурсъ попалъ въ тюрьму, не будучи въ состояніи раздѣлаться съ обязательствами. На помощь поспѣшили господа Понцетъ и Маскай,—не поспѣшилъ только Огинскій, самъ нуждающійся въ деньгахъ. De Marine, увлеченный прелестями вышеописанной черкесской красавицы, выдалъ Понцету и Маскайю вексель въ обезпеченіе ихъ состоятельности—послѣ чего вся компанія двинулась въ окрестности Парижа, а въ концѣ апрѣля 1773 года выѣхала въ Германію. Во Франкуртѣ на Майнѣ ожидалъ гостей гр. Рошефортъ-Валькуртъ, придворный маршалъ князя Лимбургъ-Штирумъ, которому Шенкъ, тайная пружина шантажа, такъ много

---

[1]) Дипломъ. Государств. арх. I, № 165. Огинскій выдалъ дипломъ съ числомъ 28 марта 1772 г. и не обозначилъ Парижа, какъ мѣсто выдачи, а Бѣлу. Онъ дѣйствовалъ до такой степени легкомысленно, что отдалъ самозванкѣ документъ со свободнымъ мѣстомъ для фамиліи, а она ужъ сама вписала „бар. Эмбсъ“.

[2]) Всѣ документы, содержащіе переписку Огинскаго того времени, въ государств. архивѣ подъ I. №№ 134—152. Это маленькія записочки безъ даты, безъ обозначенія мѣста, пересылаемыя очевидно черезъ слугъ.

разсказывалъ о сказочныхъ богатствахъ княжны, что онъ готовъ былъ попросить ея руки.

Понцетъ и Маскай заставили, однако, бѣжать ихъ и съ нѣмецкой земли. Слѣдствіемъ новой жалобы было то, что Вантурсъ снова очутился подъ замкомъ и та же участь грозила Marine. Въ довершеніе хозяинъ гостиницы выпроводилъ прибывшихъ вонъ на улицу, какъ очень подозрительныхъ жильцовъ. Въ минуту необычайно тяжелую и критическую, въ минуту послѣдняго отчаянія нашелся, однако, лоцманъ, который вывелъ обломки корабля изъ бурнаго водоворота. Это былъ Филиппъ Фердинандъ гр. Лимбургъ-Штирумъ.

Роковымъ былъ тотъ день для гр. Рошефорта, въ который онъ выбралъ у своего владыки во Франкфуртѣ себѣ одинъ изъ княжескихъ замковъ, для того, чтобы скрыть свою будущую супругу. Лимбургъ просилъ маршала познакомить его съ Али Эметте, красота которой и исторія повергли потомка Шаумбурговъ въ такой экстазъ, что онъ успокоилъ ея кредиторовъ деньгами и орденами, а ее вывезъ въ замокъ Неусесъ во Франконіи. Несчастный «женихъ» гр. Рошефортъ былъ объявленъ чуть ли не «государственнымъ преступникомъ» и попалъ на нѣсколько мѣсяцевъ подъ арестъ. Для Лимбурга начались медовые мѣсяцы... муки, постояннаго унынія и душевной борьбы. Онъ запутывался въ сѣти, куда попалъ и изъ которыхъ не умѣлъ освободиться. Али Эметтѐ, принявъ европейское имя Элеоноры, стала жить въ Неусесъ съ большой пышностью и великолѣпіемъ, раскрывая предъ ошеломленнымъ Лимбургомъ всю красу своихъ восточныхъ богатствъ, а изъ склада сказокъ пустила на первый пылъ... персидскаго дядю. Князь въ будущемъ не будетъ имѣть финансовыхъ затрудненій, прошли они безвозвратно... Слушалъ эти изумительныя слова Лимбургъ, слушалъ ихъ съ полной вѣрой и Евстафій фонъ-Горнштейнъ—его пріятель, министръ курфюрста тревирскаго. Горнштейнъ съ удовольствіемъ прислушивался къ обѣщаніямъ о выкупѣ у курфюрста графства Оберштейнъ, а Элеонора съ видимымъ усердіемъ принялась за дѣло, надѣясь какимъ-нибудь образомъ склонить князя къ уступкѣ Оберштейна ей, съ которымъ соединенъ графскій титулъ.

Сумасшедшая игра незамѣтно отпечаталась на психикѣ господина «сѣверной Фризіи и Вагріи». Опутанный холод-

нымъ дѣланнымъ отношеніемъ, окруженный атмосферой постоянныхъ насмѣшекъ, онъ унизился до положенія дитяти, боящагося ремня: каждое комедіантское движеніе маленькой богини, ея сухой тонъ онъ принималъ за правду и свою душу предавалъ на несказанныя муки. Болью отдавалась въ немъ ея угроза, адскимъ мученіемъ—мысль о разлукѣ. Внезапное чувство князя принимало всѣ формы поздней любви, мѣсто которой между фарсомъ и настоящей драмой: горячій, пылкій влюбленный былъ то Телемакомъ, который увлекся своей Минервой и безъ нея рѣшаетъ умереть — итти искать своихъ предковъ надъ Аверномъ; то разсказывалъ своей покорительницѣ сонъ, въ которомъ миѳологія точно такъ же была искажена и перемѣшана.

Нездоровая нѣжность, нѣжность больной любви била отъ его отзывовъ о ней. Европейская «Элеонора» была для него «любимымъ ребенкомъ», а онъ ея «вѣрнымъ рабомъ», была «божественной Бетти» или «маленькой Али»... Иногда онъ понималъ, что госпожа его сердца не была ангеломъ чистоты и невинности. «Любовь моя,—писалъ онъ,—мое дитя, удваивается съ каждымъ днемъ, несмотря на все злое, что вы мнѣ причиняете. Умираю отъ боли, когда подумаю, что умъ мой не въ согласіи съ моими поступками! постарайтесь же, о воплощеніе мудрости, этому помочь!» Онъ не могъ освободиться отъ демоническаго чувства, которое его спутало и имъ овладѣло, хотя онъ предчувствовалъ и даже зналъ, что погрязаетъ въ приключеніяхъ, которыя могутъ запятнать его честь и санъ.

Шенкъ—настоящій Мефистофель, выступающій вь самыхъ черныхъ интригахъ, будилъ въ Лимбургѣ голосъ совѣсти и робкія подозрѣнія.

Ошеломленный князь замѣтилъ уже на своемъ солнцѣ несомнѣнныя пятна, но, несмотря на это, шелъ за его обольстительнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Одинъ мотивъ постоянно звучалъ въ его признаніяхъ, въ эротическихъ, страстныхъ запискахъ, не считающихся съ дѣйствительностью: соединеніе на вѣки съ предметомъ любви. «Небо желаетъ услышать молитву и заставить всѣ земныя силы привести въ исполненіе это твердое намѣреніе».

Всѣми своими чувствами и помышленіями Али рѣшила использовать положеніе вещей и какъ можно скорѣе приве-

сти потерявшаго голову влюбленнаго къ алтарю. Съ этой цѣлью она выдумала сказку о необходимости возвращенія въ Персію, куда ея опекунъ вызывалъ для женитьбы. На дорогу долженъ былъ добыть денегъ Горнштейнъ, а взамѣнъ этого она обѣщала прислать значительную сумму для покрытія своихъ долговъ, избавленія отъ тяжестей Штирумъ и увѣряла своего пріятеля въ выкупѣ Оберштейна...

Эффектъ получился великолѣпный: Лимбургъ сдѣлалъ супружеское предложеніе, готовъ былъ даже отречься отъ престола въ пользу младшаго брата и пойти съ ней въ далекія страны, въ Персію... Имъ не управляли никакія практическія побужденія, ни даже мысль о богатствахъ въ государствѣ шаха, а ослѣпленіе. Эта princesse souveraine, возможность жизни съ ней, для нея—вотъ что было для него руководящей нитью. Лучше всего характеризуетъ этотъ образъ мыслей его слова: «Я всегда смогу отречься отъ своихъ правъ, если явится необходимость посвятить ихъ для Вашего счастья, но, ради Бога, не обманитесь Вы сами. Вы въ такихъ годахъ, когда слѣдуетъ подумать, и въ положеніи, въ которомъ нельзя не сдѣлать ошибки. Прежде всего слѣдуетъ молиться Богу, просить его помощи, посвятить ему сердце, потому что Провидѣніе считается съ сердечнымъ чувствомъ»...

И разгоряченный, растерявшійся, разнервничавшійся человѣкъ къ концу повторялъ въ отчаяніи за Расиномъ: «Проклятая любовь, холодный разсудокъ, кому изъ обоихъ васъ я долженъ уступить!» Напрасно старались его отрезвить. Когда онъ разсказывалъ эту исторію своему шурину князю Гогенлое-Бартенштейнъ—тотъ разсмѣялся ему въ лицо и думалъ, что онъ извлекъ фабулу изъ какого-нибудь романа... «Когда же я настаивалъ на своемъ,—признается онъ своей любовницѣ,—онъ назвалъ меня влюбчивымъ дуракомъ, который нашелъ себѣ въ Азіи героиню, убѣгая отъ любви въ Европѣ. Я былъ вынужденъ познакомить его съ частью скандальныхъ исторій во Франкфуртѣ, чѣмъ онъ былъ такъ разозленъ, что я никакъ не могъ убѣдить его въ своей правотѣ».

Трудился также надъ приведеніемъ князя въ равновѣсіе тревирскій министръ фонъ-Горнштейнъ. И онъ, человѣкъ до нѣкоторой степени мыслящій, не могъ устоять предъ любезностью очаровательной женщины и положительно согла-

сился на бракъ Лимбурга, хотя требовалъ все-таки непремѣнно документовъ о происхожденіи княжны Волдоміръ. Это и былъ самый сильный ударъ для авантюристки. Она сразу его сумѣла предотвратить увѣреніемъ, что она остается въ Европѣ, взявъ отъ опекуна позволеніе на соединеніе съ Лимбургомъ и обѣщаніемъ большихъ.... персидскихъ подкрѣпленій.

Тревирская свѣтлость повѣрила. 31 іюля 1773 года онъ написалъ къ самозванкѣ униженное письмо съ раскаяніемъ, раньше,—какъ онъ говорилъ,—его терзали сомнѣнія и дурныя подозрѣнія, но теперь ихъ развѣялъ благородный образъ мыслей княжны. «Оканчивайте свое дѣло,—говорилъ онъ,—вы сотворены для того, чтобы подарить князю счастье». Она отвѣтила любезностью. Вкрадываясь въ расположеніе почтеннаго прелата, она просила, чтобы онъ разрѣшилъ ей считать его своимъ учителемъ, и подписалась даже такъ: élève du mentor...

А вѣдь «mentor» интересуется ея происхожденіемъ? Отговорилась подъ предлогомъ тайны.

Она владѣтельница Азова, находящагося подъ верховнымъ управленіемъ Россійской Имперіи. Чрезъ нѣсколько недѣль міръ узнаетъ изъ газетъ, что, какъ наслѣдница дома Волдоміра, она можетъ безъ помѣхи войти въ обладаніе отцовскимъ имуществомъ, которое секвестровано въ 1749 году на двадцать лѣтъ. Послѣ смерти отца ее взялъ съ собой дядя персъ, а въ Европу она прибыла чрезъ пять лѣтъ... «Прошу Васъ,—прибавляла она,—утвердить князя въ его начинаніяхъ и увѣрить его, что я измѣнить не могу» [1].

Несмотря на завѣренія въ вѣрности—въ душѣ Лимбурга исчезали чувства пламенной вѣры въ нее, охватившія его со времени перваго свиданія съ принцессой Азовской во Франкфуртѣ.

Безвыходное положеніе отравляло существованіе Лимбурга. «Принцесса Азовская» дѣланной холодностью вліяла на его нервы—а въ то же время собиралась его заковать въ супружескія оковы, обойдя формальныя трудности. Бумаги, доказывающія ея происхожденіе, не приходили, къ

---

[1]) Чтенія I ч. № 4. Письмо отъ 7 августа 1773 г. рѣшительно отмѣчаетъ, что отъ 16 ноября 1773 г. пройдетъ 5 лѣтъ со времени прибытія ея въ Европу.

тому же выплылъ религіозный вопросъ, потому что авантюристка считала болѣе подходящимъ признавать себя въ роли владѣтельницы Азова, православной. Желая съ честью выйти изъ несносной путаницы и подразнить любовника, чтобы этимъ склонить его къ положительному концу, она откинула мысль о бракѣ до окончанія продолжающейся русско-турецкой войны, послѣ которой должно было прійти изъ Петербурга признаніе ея правъ для полученія княжества Волдоміра... Въ виду отдаленнаго времени она освободила Лимбурга отъ всѣхъ обязательствъ и для того, чтобы показать свое самопожертвованіе въ блескѣ посвященія и добродѣтели, рѣшила отдать ему свое помѣстье въ управленіе, и для подкрѣпленія присоединила сюда значительный вексель, написанный на воображаемаго банкира [1]).

Изъ этого ничего не вышло.

Тогда, задѣтая за живое неожиданнымъ оборотомъ дѣла выступила «принцесса Азовская» съ сокрушающимъ ударомъ: признала себя виновной, призналась въ грѣхахъ прошлыхъ лѣтъ и объявила себя въ материнскомъ положеніи...

По всей вѣроятности исповѣдь о беременности была чистымъ вымысломъ, съ цѣлью связать съ собой любовника. Онъ вѣдь былъ въ этомъ случаѣ единственной доской спасенія, точкой опоры, невысыхающимъ запасомъ средствъ и, наконецъ, почвой для всякихъ дальнѣйшихъ интригъ. «Принцесса Азовская» никогда не разбиралась въ средствахъ, выбирала то, что ей годилось, чтобы только заковать доведеннаго почти до безумія влюбленнаго. Она умѣла играть на его нервахъ, какъ на знакомомъ инструментѣ. Однимъ изъ способовъ для удержанія его въ цѣпяхъ, посредствомъ поддержки постояннаго безпокойства и угрозой невѣрности, былъ Огинскій.

Великій гетманъ литовскій обмѣнивался со своей парижской знакомой довольно часто письмами, всегда сладкими, полными любезностей и ласкъ.

---

[1]) П. Мельниковъ въ своей книжкѣ: „Княжна Тараканова и принцесса Владимірская» СПБ.. 1868, лишенной научно-историческаго значенія, преслѣдующей литературныя цѣли, счелъ титулъ «Волдоміръ» равнозначущимъ съ «Владимірская» и, не имѣя никакихъ поводовъ, именуетъ ее «принцессой Владимірской». Происхожденіе этого «Волдоміръ» чисто припадочное, какъ и многія выдумки Азовской принцессы.

Духъ авантюристки непокойный, вѣчно движущійся, постоянно работалъ надъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, надъ проектами, отдающими фантазіей... И вотъ она направила къ Огинскому мысль о лоттереѣ съ просьбой устроить ее у парижскихъ банкировъ. Однажды она писала ему о своей жизни въ прекрасномъ дворцѣ нѣмецкаго князя, хотя мысленно всегда она съ гетманомъ... Въ доказательство памяти о немъ она переслала ему меморіалъ о польскихъ дѣлахъ съ просьбой вручить его версальскому двору. 28 августа 1773 г. Огинскій отвѣтилъ: «Не земедлилъ представить извлеченіе полученнаго меморіала. Я получилъ отвѣтъ, что проектъ уже извѣстенъ и будетъ принятъ во вниманіе въ будущемъ, но нынѣ оказался безполезнымъ съ точки зрѣнія текущихъ дѣлъ. Что же касается лоттереи, то я это дѣло такъ мало знаю, что не могу устроить. И вотъ чрезъ восемь дней уѣзжаю отсюда, чтобы поселиться въ провинціи Парижъ—слишкомъ дорогой городъ, и я долженъ его оставить, потому что мое положеніе становится со дня на день затруднительнѣе».

Лимбургъ зналъ объ этой перепискѣ, не зналъ только ея содержанія и это служило для принцессы средствомъ пробужденія во влюбленномъ чувства ревности даже въ тѣ минуты, когда парижскій обожатель Али Эметтѐ уже значительно охладѣлъ, былъ способенъ на сарказмы и отказы желаніямъ пылкаго воображенія. Филиппъ Фердинандъ не могъ освободиться отъ разставленныхъ сѣтей и погружался все глубже въ душную атмосферу. Во время пребыванія въ Кобленцѣ онъ слышалъ такіе разсказы о какой-то существующей, похожей на его любезную, дамѣ, что волосы на головѣ становились дыбомъ.

Она была виновна въ многочисленныхъ шантажахъ въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ. На это сообщеніе княжна Волдоміръ рѣшила тотчасъ же выѣхать въ Петербургъ и просила или у Лимбурга, или у Горнштейна денегъ на дорогу. Этимъ она сумѣла слабаго героя романа снова приковать къ себѣ и уничтожить всѣ слѣдствія неблагосклоннаго общественнаго мнѣнія. Но... и предъ этимъ героемъ завѣса открылась! Это видно изъ слѣдующаго.

Пріученный къ лжи и обману—онъ самъ совѣтовалъ любовницѣ, чтобы она проживающаго въ то время въ Спаа

какого-то русскаго князя выдала за канцлера Голицына и чтобы увѣрила Горнштейна въ справедливости своихъ свѣдѣній.

Лимбургъ далъ авантюристкѣ in blanco полномочія для переговоровъ съ кн. Голицынымъ о его претензіи къ царствующему дому Ольденбургскому [1]).

Такимъ образомъ онъ давалъ ей указанія и средства для выхода на политическую арену и по крайней мѣрѣ возможность зацѣпки за дипломатическій кабинетъ большого государства.

Приблизительно около этого времени, раздалась новость, чреватая событіями въ будущемъ, новость удивительная, чудная, переросшая всѣ легенды, нагроможденная около личности удивительной женщины.

На этотъ разъ она была уже дочерью императрицы Елизаветы, внучкой Петра Великаго, увезенная на шестомъ или седьмомъ году жизни въ Сибирь и оттуда затѣмъ бѣжавшая, благодаря вѣрному священнику и его семьѣ, въ Персію, гдѣ она воспитывалась при дворѣ шаха. Вслѣдствіе волненій она оставила Испагань и пріѣхала въ Европу, взявъ съ собой богатства и свиту [2]). Слухи разростались, расходились далеко и обогащались новыми подробностями.

Во время визита къ свой сестрѣ Іозефѣ-Фридерикѣ-Поликсенѣ въ Бартенштейнѣ, Лимбургъ слышалъ, что Али— дочь императрицы Елизаветы и казацкаго гетмана Разумовскаго. Какой-то поручикъ de'P. такъ расписалъ сказку о ея происхожденіи, что при дворѣ кн. Гогенлое-Бартенштейнъ умирали отъ любопытства, чтобы узнать это... замѣчатель-

---

[1]) Полномочіе, выданное въ Оберштейнѣ на Нагѣ 28 декабря 1773 год, не вызывало имени авантюристки. Послѣ титула уполномоченной «plein pouvoir à madame la princesse» оставлено пустое мѣсто, чтобы она могла подобрать фамилію, подходящую къ дѣлу. Госуд. архивъ, I. № 240. Эти претензіи къ Ольденбургскому дому близко касались борьбы Лимбурга за Шлезвигъ-Голштинію. Ольденбурги присоединили къ себѣ коварнымъ образомъ составную часть того маленькаго государства—именно графство Голштейнъ-Пиннебергъ, но составленный договоръ, какъ говоритъ «pro memoria» Лимбурга, признанъ недѣйствительнымъ царемъ Фердинандомъ III въ 1641 въ Регенсбургѣ I. № 257. Государств. архивъ.

[2]) Признаніе Францишки Мешеде въ слѣдствіи. Мешеде была женщиной недалекой, и ея слѣдственный протоколъ имѣетъ печать искренности. Государств. арх. Сер. VI, пом. 531.

ное дѣло. Дата появленія въ Оберштейнѣ сенсаціонныхъ слуховъ объ этой великой русской княжнѣ, падающая на декабрь 1773 года, не была случайной. Она явилась одновременно съ другимъ кровавымъ происшествіемъ въ исторіи имперіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ 17 сентября Пугачевъ обнародовалъ свой первый манифестъ на хуторѣ Толкачева и зажегъ надъ Ураломъ зарево могучаго возстанія. Ошеломляющая новость пришла изъ границъ сибирскихъ въ Петербургъ на самомъ исходѣ года и тотчасъ же облетѣла Европу.

«Владычица Оберштейна», такъ охотно пользующаяся всякимъ случаемъ для своихъ выгодъ, подхватила ее на лету, чтобы на ней построить свою сумасшедшую мысль...

III.

Связь самозванки съ конфедераціей.

Характеристика князя «Пане Коханку».—Незнакомецъ изъ Мосбаха.—Посредникъ Іосифъ Рихтеръ.—Отношеніе Лимбурга къ эмиграціи.—Дочь Елизаветы.—Радзивиллъ и самозванка.—Встрѣча въ «Двухъ Мостахъ».—Оправдательные доводы Огинскаго.—Его осторожность.—Кто подалъ мысль къ выступленію претендентки: Радзивиллъ, Огинскій, Доманскій, Лимбургъ?—Правдоподобіе собственной иниціативы самозванки.—Что ее могло заставить? - Пугачевъ.—Возможная дочь царя Франциска Лотарингскаго.—Смѣшеніе лицъ Кирилла и Алексѣя Разумовскихъ.—Путешествіе казацкаго гетмана.—Польскій вопросъ.—Бернарди, агентъ Огинскаго.—Ссылка на согласіе Франціи.—Уговоръ встрѣтиться въ Венеціи.

I.

„Пане Коханку".

Виленскій воевода Карлъ Радзивиллъ переживалъ тяжелое время. Не желая признать выбора Станислава Ав-

густа «экономскаго сына», «сына подстаросты изъ имѣнія Любомірскихъ» (какъ онъ говорилъ), онъ рѣшилъ бродить по свѣту и надоѣдалъ горячими жалобами берлинскому, дрезденскому и вѣнскому дворамъ. За границей съ чисто польскимъ увлеченіемъ и геройствомъ онъ считалъ себя въ письмахъ къ друзьямъ исключительнымъ «охранителемъ правъ и прерогативъ» и свои патріотическія убѣжденія формулировалъ такими выраженіями: «Воздаю хвалу Богу, въ дьявола не вѣрю, придерживаюсь справедливости, не знаю короля безъ дворянства; мой голосъ звучитъ свободно, я—одинъ защитникъ передового направленія, не прошу ничего у другихъ, какъ дѣлаютъ это тѣ, которые свой свободный голосъ продаютъ москалямъ».

Этотъ владѣтельный литовскій патріотъ, когда ему прискучило путешествіе внѣ родной страны, билъ напослѣдокъ челомъ покорности въ Петербургъ, узналъ о мнѣніи двора у полномочнаго посла при Саксонскомъ дворѣ князя Бѣлосельскаго, и, цѣною возвращенія ему правъ и конфискованнаго имущества, получилъ милость отъ устроенной Рѣпнинымъ радомской конфедераціи. Обязавшись во всѣхъ своихъ поступкахъ считаться съ желаніемъ, исходящимъ отъ Невы, достойный эмигрантъ получилъ надсмотрщика-контролера своихъ поступковъ, русскаго полковника Карра, который долженъ былъ «присутствовать при его дворѣ», а на самомъ дѣлѣ—какъ выразился Панинъ—былъ пѣстуномъ князя «Пане Коханку».

Взятый на попеченіе этимъ заботливымъ ангеломъ-хранителемъ, который подъ страхомъ смертной казни получилъ приказъ охранять его, «какъ собственное дитя императрицы», непримиримый примирился съ недавнимъ врагомъ «экономскимъ сыномъ», который былъ на польскомъ тронѣ, и приносилъ ему чувствительныя увѣренія въ вѣрности и уваженіи... Предпринявъ съ помощью императрицы разрушеніе программы либеральныхъ реформъ короля и Чарторыйскихъ,—онъ мстилъ вмѣстѣ съ тѣмъ этой «фамиліи» за всѣ преслѣдованія и непріятности, полученные отъ ея рукъ. Въ этой страсти и ослѣпленіи онъ сдѣлался лидеромъ реакціи и вдохновителемъ вражды. Для Россіи же онъ былъ ширмами, потому что его имя было фирмой извѣстной.

II.

Встрѣча съ Радзивилломъ.

Во время пребыванія князя «Пане Коханку» надъ Рейномъ, принцесса Азовская зимою 1773 г. завязала новыя связи съ какимъ-то лицомъ, названнымъ таинственнымъ именемъ «незнакомца изъ Мосбаха». Этотъ загадочный человѣкъ былъ полякъ, принадлежалъ къ свитѣ виленскаго воеводы и направлялся съ нимъ въ Венецію и Рагузу. Тамъ прялась и дальше эта нить любви той же обольстительницей и разорительницей изъ Оберштейна и радзивилловскимъ приближеннымъ. Не было недостатка въ изліяніяхъ и нѣжностяхъ: конфедератъ уже былъ готовъ избранницу сердца вести на брачный коверъ, но несвижскій царекъ разбилъ эти замыслы и планы.

Кто скрывался за мосбахскимъ инкогнито?

Не Михаилъ ли Доманскій—молодой, горячій—имѣющій живые порывы сердца, пылкій и страстный? Принцессу Азовскую и претендентку на русскій престолъ онъ могъ полюбить сильно, сходить отъ нея съ ума; онъ и сумасшествовалъ въ трагическія минуты, даже когда ихъ обоихъ скрывала крыша мрачной, страшной тюрьмы Петропавловской крѣпости — и солнце освобожденія не прорывалось чрезъ стѣны ихъ камеръ. Онъ признался предъ ведущимъ слѣдствіе кн. Голицынымъ—что онъ взялъ бы ее въ подруги жизни «даже въ одной рубашкѣ» [1]). Въ Рагузѣ онъ взбирался на крутизну стѣнъ дома прославленной женщины при лунномъ освѣщеніи, рискуя жизнью. Ради нея онъ разстался со своимъ патрономъ и воспитателемъ Радзивилломъ и бросился въ омутъ сумасшедшей политической авантюры... Это тотъ человѣкъ, чьи планы на супружество разбилъ виленскій воевода. Подъ названіемъ «незнакомца изъ Мосбаха» скрывалась очень вѣроятно личность пинскаго консилярія... Посредникомъ же между Волдомірской княжной и конфедератомъ могъ быть Іосифъ Антонъ Рихтеръ, слуга Доманскаго, служившій раньше у Огинскаго.

Есть еще и другіе слѣды знакомства княжны Волдоміра съ Радзивилломъ и его свитой временъ путешествія воеводы

---

[1]) Изъ рапорта Голицына Екатеринѣ II отъ 13 іюля 1775 г. Государств. архивъ № 7. Сер. VI. Помѣч. 531.

„Пане Коханку“

Князь Карлъ Радзивиллъ.

Репродукція съ портрета изъ Виленскаго Музея, находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

въ прирейнскихъ областяхъ чрезъ князя Лимбургскаго. Филиппъ Фердинандъ имѣлъ намѣреніе у себя, въ Оберштейнѣ угостить достойнаго скитальца и потому здѣсь много приготовлялись къ пріѣзду воеводы...

Радзивиллъ не хотѣлъ ѣхать въ Оберштейнъ, онъ рѣшилъ направиться въ княжество «Двухъ Мостовъ», потому что тамъ жилъ опытный врачъ, который долго жилъ въ Польшѣ и зналъ польскій языкъ. «Пане Коханку», страдая припадками ипохондріи и боясь смерти, желалъ имѣть этого медика при себѣ. Желая свидѣться съ Радзивилломъ, Лимбургъ по всей вѣроятности тоже двинулся къ «Двумъ Мостамъ». И вотъ владѣтель «сѣверной Фризіи и Вагріи» долженъ былъ познакомиться съ поляками въ Мангеймѣ.

Во всякомъ случаѣ Лимбургъ зналъ о кучкѣ недовольныхъ, жившихъ надъ Рейномъ, зналъ и ихъ виднаго руководителя князя Карла и дѣлился впечатлѣніями, вынесенными изъ разговоровъ съ чужеземной компаніей, со своей богиней изъ Оберштейна. Отъ него она могла узнать о настроеніи наиболѣе непримиримыхъ, броженіи среди эмигрантовъ, польскихъ дѣлахъ, партіяхъ и трагедіи, разыгрывающейся надъ Вислой.

Тогда же она упоминала фамилію Сангушко, свою парижскую подругу, а между ея бумагами найденъ списокъ крѣпостей, занятыхъ Пугачевымъ, присланный, повидимому, этой сенской пріятельницей [1]). Откуда лже-княжна узнала фамилію, родственную съ родомъ несвижскихъ пановъ?

Вотъ путь знакомства оберштейнской резидентки съ семьей и родственниками воеводы, и путь очевидный.

Не въ первый разъ въ лимбургскихъ краяхъ она приблизилась къ міру, который былъ для нея страной за тридевять земель. Изъ встрѣчи съ Огинскимъ она несомнѣнно вынесла много нужныхъ ей свѣдѣній, много знанія людей и вещей, много пониманія дѣла. Почему гетманъ скитался, что его заставило къ этому, какія тяжелыя условія и причины?—эти

---

[1]) Государств. архивъ III. № 26. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что Анна Сангушко была матерью Михаила Казимира, отца князя «Пане Коханку»; поэтому воевода виленскій былъ родственникомъ семейства Сангушко. Нѣсколько Сангушковъ проживало въ эмиграціи въ прирейнскихъ провинціяхъ (Янковскій: переписка. Стр. 98. Въ письмѣ Моравскаго къ кн. Радзивиллу изъ Мангейма 13 декабря 1773 года).

вопросы появлялись сами собой. Надъ Рейномъ принцесса Азовская пополнила то, что слышала надъ Сеной. Она не любила оканчивать исторійкой, случаемъ. Страсть къ интригамъ, способность съ какой-то творческой силой устраивать необычайныя ситуаціи, умѣнье затронуть если не руками, то хоть ногами всѣхъ и всякаго, гдѣ это было прибыльно, вели ее прямой стезей къ опутанію виленскаго воеводы, о состояніи котораго за границей ходили анекдоты.

Она скоро достигла желаемаго: увидѣла литовскаго набоба... Приходится думать, что встрѣча ихъ была результатомъ отношеній Лимбурга, и прежде всего пинскаго консилярія, главнаго помощника въ политическихъ дѣлахъ своего господина.

Цѣль встрѣчи ясна.

Передъ отъѣздомъ «Пане Коханку» изъ Страсбурга въ предполагаемую поѣздку въ Стамбулъ черезъ Венецію въ декабрѣ 1773 г. прошелъ слухъ о происхожденіи княжны Волдоміра изъ семьи русскихъ императоровъ. Дочь Елизаветы, пуская въ міръ сенсаціонное извѣстіе, знала, чего желала, что задумала. Называясь послѣдней изъ дома Романовыхъ, внучкой творца обновленія государства, она невольно обозначила, гдѣ предѣлъ ея стремленій. Какъ отрасль народной династіи—она имѣла и самыя большія династическія права. Куда же ей прежде всего обратиться, въ какомъ мѣстѣ искать послѣдователей? Какъ бы по желанію Провидѣнія подвернулся самый непримиримый эмигрантъ—виленскій воевода, который охотнѣе согласился бы принять «званіе вѣчнаго скитальца, чѣмъ видѣть разореніе свободной Рѣчипосполитой».

А въ это время какъ разъ несвижскій панъ, возмущенный отреченіями Огинскаго и Віельгорскаго и появившимся разладомъ между бѣглецами эмигрантами, нашелъ у себя остатки пыла, чтобы не допустить погаснуть тлѣющій еще среди оппозиціонеровъ жаръ. Его путь былъ теперь на Золотой Рогъ, для поддержки на султанскомъ дворѣ дѣла, въ которое онъ вѣрилъ. Пути его и княжны Волдоміра сходились. О политическихъ намѣреніяхъ самозванки онъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія. Онъ привѣтствовалъ ее съ энтузіазмомъ, какъ помазанницу Бога для его намѣреній.

Копія съ письма Алексѣя Орлова къ Самозванкѣ отъ 23 февраля 1775 года по захватѣ ея въ Ливорно.

(Факсимиле съ актовъ Государственнаго Архива въ Петербургѣ).

Какъ посланница неба, упала въ долину печали воеводы претендентка, дочь императрицы Елизаветы, которая подавая ему руку помощи, раскрывала новые розовые горизонты. Ея внезапное, неожиданное выступленіе облегчало всѣ затрудненія: касалось непосредственно монаршаго трона Екатерины II, грозило волненіями внутри Россіи, которыя при возстаніи Пугачева и Турецкой войнѣ могли освободить Польшу изъ-подъ угнетенія сѣвернаго сосѣда и уничтожить первый раздѣлъ.

Въ воображеніи Радзивилла появлялись, повидимому, фантастическіе планы будущаго. Гдѣ произошло личное сближеніе положительно неизвѣстно; быть можетъ и въ княжествѣ «Два Моста» передъ отъѣздомъ «Пане Коханку» въ Венецію. Привѣтственное письмо къ самозванкѣ подтвердило самое лучшее душевное настроеніе. «Я смотрю на появленіе Вашего Высочества—писалъ онъ—какъ на чудо Провидѣнія, которое витаетъ надъ моей несчастной родиной, посылая ей на помощь такую героиню. Горю желаніемъ принести Вамъ знаки моего уваженія; однако, есть мелкія причины, мѣшающія этому счастью. Тотчасъ бы полетѣлъ къ Вашему Высочеству, но, одѣтый по-польски, боюсь, что обращу на себя вниманіе многихъ любопытныхъ глазъ. Вашъ визитъ ко мнѣ могъ бы вызвать то же, потому что тутъ есть много лишнихъ лицъ. Для встрѣчи поэтому слѣдуетъ выбрать постороннее мѣсто, чтобы укрыться отъ взоровъ докучныхъ наблюдателей. Домъ, который я нанялъ мѣсяцъ тому назадъ, стоитъ пустымъ. Если Ваше Высочество признаете это пріемлемымъ, Вы рѣшите непремѣнно прибыть. Буду тамъ ожидать. Податель письма, человѣкъ испытанной вѣрности, будетъ служить Вамъ проводникомъ».

По тону и способу выражаться видно, что это было первое свиданіе претендентки съ воеводой, первое съ глазу на глазъ... Предусмотрительность, которую онъ соблюдаетъ, свидѣтельствуетъ, какъ Радзивиллъ съ ногъ до головы былъ проникнутъ важностью минуты, извѣстностью случая. Участвовали ли Лимбургъ и Доманскій въ новомъ политическомъ шагѣ—въ этомъ необычномъ свиданіи? Что тамъ рѣшено, какія выбрали средства осуществленія плана? Объ этомъ нѣтъ ни слѣда. Кажется, мысль о собираніи арміи подъ эмигрантскія знамена отступниковъ оставлена [1]).

[1]) Въ Петропавловской крѣпости самозванка утверждала, что она въ первый разъ встрѣтилась съ Радзивилломъ въ Венеціи. Привѣтственное

III.

Происхожденіе затѣи.

Кто княжнѣ Волдомірской посовѣтовалъ разыграть роль самозванки, выступить противъ монаршихъ правъ Екатерины? Каковы цѣли, каковы планы предпріятія?

Огинскій? Радзивиллъ? Доманскій? Лимбургъ? Дѣло ли это эмигрантовъ, хватающихся за всякія, а болѣе всего за гнилыя доски спасенія?

Великій гетманъ литовскій? — нѣтъ. Онъ наименѣе былъ склоннымъ къ этому, судя по разрыву съ оппозиціей и по отяжелѣвшему характеру, боящемуся риска и бросанія на карту слишкомъ высокихъ ставокъ. Романъ, будуаръ — это его сфера, политики же онъ избѣгалъ. Для него «особа изъ Азіи» была красивой, заманчивой женщиной, видъ которой преслѣдовалъ его «огнемъ и пламенемъ», которой онъ нашептывалъ сладкіе мадригалы и пересылалъ письма въ стилѣ рококо. А если ему попытка не удавалась или какая-нибудь посторонняя причина портила задуманное дѣло, онъ утѣшался въ горѣ ссылкой на «стеченіе обстоятельствъ» и въ этомъ онъ находилъ лекарство отъ всѣхъ неудачъ, отъ всѣхъ житейскихъ горестей.

Тутъ и конецъ,—дальше онъ не пошелъ. Еще въ началѣ мая 1774 года игра полусловами, таинственные намеки претендентки представлялись гетману элевзинской мистеріей. Однако, онъ не участвовалъ въ авантюрѣ — она открылась предъ нимъ, какъ вещь совершившаяся.

Ближе къ дѣлу стоялъ виленскій воевода. Быть можетъ онъ?..

Но въ его образѣ дѣйствій нѣтъ чертъ ни продуманнаго плана, ни рѣшительности, ни послѣдовательности: есть только

письмо Радзивилла должно было явиться въ этой мѣстности. И это утвержденіе считалось правдой. Воевода жилъ въ Синьоріи уже два мѣсяца до прибытія княжны и съ нимъ много конфедератовъ, такъ что его народное платье не особенно обращало на себя вниманіе. Въ Венеціи было приготовлено для княжны помѣщеніе въ виллѣ французскаго консула, о чемъ могъ позаботиться тоже только Радзивиллъ. Наконецъ, къ претенденткѣ сначала навѣдался Радзивиллъ, а, спустя два дня послѣ свиданія въ Венеціи, на третій день онъ привелъ уже съ собой сестру. Эта быстрота свидѣтельствуетъ, что знакомство не было свѣжимъ (Бреверпъ. Стр. 28—32).

вспышки, реакція послѣ личнаго noli me tangere, олигархической надменности. Коварства, интригъ онъ не зналъ... Скорѣе умѣлъ кричать и мыслить вслухъ, чѣмъ строить козни и быть режиссеромъ сцены, которая носила на себѣ печать громадной авантюры. Трудно приписать политическій обманъ человѣку, дѣла котораго были яркимъ опроверженіемъ его политическихъ комбинацій.

Къ тому же есть доводъ въ пользу невиновности воеводы, если дѣло идетъ о его винѣ въ подачѣ первой мысли. Въ Рагузѣ ему самозванка вручила письмо, съ просьбой, чтобы онъ при посредствѣ Коссаковскаго отдалъ его султану. Въ немъ она взывала о помощи къ падишаху. Радзивиллъ дѣйствительно отправилъ это письмо въ руки своего стамбульскаго агента; однако, въ ожиданіи событій приказалъ ему держать его у себя, не пользоваться имъ. Кажется, главный руководитель дѣла не задумался бы ни на минуту выставить въ первый рядъ объявленіе великой тайны двору, отъ котораго онъ самъ ожидалъ избавленія и перемѣны судьбы къ лучшему.

Радзивиллъ же пугался послѣдствій оффиціальнаго оглашенія дѣла, пугался выхода его изъ заколдованнаго круга сплетенъ, и, слѣдовательно, въ немъ трудно видѣть пружину дѣла, закулиснаго творца проекта, его питающую силу. Наконецъ, его позднѣйшее уклончивое поведеніе въ Рагузѣ (на которое жаловалась княжна въ письмахъ къ Лимбургу) исключаетъ возможность обвиненія въ открытіи имъ претендентки, съ цѣлью отнять власть у императрицы.

Еще менѣе Доманскій. Это человѣкъ другого рода: наушникъ Радзивилла, совѣтникъ и повѣренный его во время эмиграціи. Онъ не разошелся бы такъ со своимъ господидиномъ, чтобы на свой рискъ вершить громадное дѣло, или выступать тамъ, гдѣ воевода долженъ былъ занять важное положеніе.

Тогда Лимбургъ? Но вѣдь онъ 28 декабря 1773 года далъ полномочія Оберштейнской резиденткѣ для переговоровъ съ русскимъ вице-канцлеромъ кн. Голицынымъ о своихъ правахъ на Голштинію. Такого документа онъ не могъ дать соперницѣ императрицы, имѣющей намѣреніе сдѣлать переворотъ въ имперіи. Скорѣе онъ самъ оставался въ невѣдѣніи, былъ въ сторонѣ отъ тайны.

Тутъ нѣтъ ни польской интриги, ни конфедератскаго заговора, нѣтъ даже эмигрантскаго отпечатка на внезапно готовящейся въ маленькомъ Лимбургскомъ государствѣ авантюрѣ.

Гдѣ же происхожденіе затѣи, гдѣ мутный источникъ иниціативы?

Всего вѣроятнѣе въ ней самой — въ княжнѣ Волдоміра. Похожденія Пугачева, которыя осенью 1773 года достигли высокой степени и распространили переполохъ въ Европейской Россіи, вскружили ей голову. Она позавидовала лаврамъ ложнаго Петра, не задумываясь надъ причиной популярности донского казака. Что удалось на Яикѣ, почему не удастся на Невѣ, или на Москвѣ-рѣкѣ? Она объясняла себѣ это очень просто: дѣло выгорѣло. Исторія Россіи послѣднихъ лѣтъ—это бурный порывъ рѣки, несущій авантюристовъ и заговорщиковъ. Трагедія въ Ропшѣ, преторіанскія попытки, заговоръ Мировича, потомъ длинный рядъ самозванцевъ, выдающихъ себя за мужа императрицы—это потрясенія, отодвигающія жизнь имперіи къ туманной эпохѣ, въ византійскіе предѣлы, выбивающіе ее изъ рамокъ общественной жизни. При такихъ условіяхъ не существовало никакихъ невозможностей. Чѣмъ лучше былъ вольный молодецъ Федоръ Богомоловъ или Пугачевъ, что стремились къ царской коронѣ?.. Какое сходство у Степана Малаго или Сеновича, тоскающагося по Монтенегро, съ Петромъ III? Сеновичъ и на самомъ дѣлѣ въ 1773 году объявилъ свои права и готовилъ военное возстаніе.

То, что могли они, могла и она.

Затруднительное положеніе Россіи было самымъ выгоднымъ, самымъ удобнымъ, зовущимъ къ осуществленію дерзкихъ намѣреній. Это была истерзанная имперія, разбитая съ самой опасной, соціальной стороны, терпящая пораженія на Балканахъ, занятая въ Польшѣ, обезсиленная войнами и бунтами.

Пылкую фантазію авантюристки, быть можетъ, увлекли и разсказы о таинственной судьбѣ дочери императрицы Елизаветы и Алексѣя Разумовскаго; ея никто нигдѣ не видѣлъ, и потому можно было принять ея имя. Думая о томъ, существовала царевна или нѣтъ,—легенду замѣняли дѣйствительностью. Въ нее вѣрили не только легковѣры, но и со-

лидные люди, предполагая отцомъ княжны пѣвчаго придворнаго хора, впослѣдствіи графа, фельдмаршала и мужа Елизаветы, Алексѣя Разумовскаго, или фаворита царицы Ивана Шувалова.

Розсказни объ императорскомъ дворѣ во времена господствованія «временщиковъ», фаворитовъ, которые въ царствованіе Елизаветы и Екатерины оставили глубокій слѣдъ на цѣломъ рядѣ дѣлъ, государственныхъ предпріятій, иногда разростались до необычайныхъ размѣровъ. Изъ-за ихъ туманныхъ контуровъ выглядывали монаршія дѣти, постриженныя въ монашки, заключенныя въ недоступныхъ монастыряхъ, чтобы затереть за ними слѣды. Едва ли найдется монастырь въ Россіи, съ которымъ бы не было связано сказаніе о заключенной въ немъ живой женщинѣ, присланной туда на основаніи высочайшаго указа. Онѣ неизвѣстно откуда получаютъ деньги, передъ ними склоняются головы губернаторовъ и властей, на ихъ погребеніи находятся мѣстные тузы и даже иногда нарочно присланные изъ столицы чиновники въ парадной формѣ.

Подобныя сплетни проникали въ широкія массы и пробуждали въ нихъ вѣру въ существованіе даже того, чего и не было. По разсказамъ, существовала и отрасль Романовыхъ, дочь Елизаветы, но никто не зналъ, гдѣ именно. Ходили слухи, что она жила подъ небомъ Италіи, по другимъ—влачила печальное существованіе въ московскомъ Никитскомъ монастырѣ. О внучкѣ Петра Великаго ходили самые разнообразные разсказы и въ Екатеринбургѣ, и въ Уфѣ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и въ Костромѣ.

Хаосъ... Людскіе толки!...

Все это могло подвинуть оберштейнскую резидентку и преисполнить ее желаніемъ замѣнить то таинственное, скрытое отъ міра и людей, находящееся въ заключеніи, существо. Наконецъ, процедура принятія чужихъ именъ, чужихъ фамилій—была для нея обычной. Она уже столько имѣла ихъ и столько ихъ еще было впереди!.. Неужели нѣмка—Франкъ, Шёлль, француженка Тремуйлль, персидская дама—Али Эметте, черкесская княжна—Волдоміръ не могла каждую минуту измѣниться въ русскую династичку?..

Весьма возможно, что еще раньше этого она почувствовала стремленіе къ открытію въ себѣ монаршей крови. Такъ,

въ 1770 года выпустили изъ брюссельской цитадели и отправили за границу австрійскихъ владѣній въ Бельгіи восемнадцатилѣтнюю самозванку, которая выдавала за настоящаго отца своего—императора Франциска I и долгое время жила въ Бордо съ ослѣпительнымъ блескомъ, такъ что власти французскія ее доставили въ Брюссель по непремѣнному требованію Маріи Терезіи. Послѣ принудительнаго ея отъѣзда изъ Бордо открылись удивительныя вещи: эта дочь Франциска Лотарингскаго надѣлала огромныхъ долговъ и сумѣла надуть много купцовъ, и видныхъ извѣстныхъ лицъ, показывая имъ письма, полученныя будто бы изъ Вѣны... Во время отбыванія заключенія она совсѣмъ завладѣла австрійскимъ намѣстникомъ, старикомъ гр. Кобензломъ, и, благодаря его заступничеству, получила свободу. Развѣ это не княжна Волдоміра? Тотъ же фонъ поступка, тѣ же пріемы... Во всякомъ случаѣ, послѣ появленія Азовской принцессы въ Германіи, послѣ ея хозяйничанья въ Оберштейнѣ исчезаютъ слѣды авантюристки, выпущенной изъ брюссельской крѣпости...

Есть и еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій, что претендентка была авторомъ мысли превращенія въ великую русскую княжну. Слухи, ходившіе въ концѣ 1773 г. и въ началѣ 1774 г. въ сосѣдствѣ съ Оберштейномъ въ Бартенштейнѣ и дальше, ясно показывали, что претендентка должна быть дочерью императрицы Елизаветы и *казацкаго гетмана* Разумовскаго. И сама она придерживалась этого. Гетманомъ казацкимъ и президентомъ россійской академіи наукъ былъ Кириллъ Разумовскій, братъ Алексѣя, соединеннаго тайной супружеской связью съ умершей императрицей Елизаветой.

Кириллъ или Кирила, скомпрометированный въ заговорѣ Мировича, выѣхалъ въ апрѣлѣ 1765 г., чтобы на нѣкоторое время удалиться отъ двора и дать время забыть недоразумѣніе, хотя не было извѣстно, насколько основательны эти подозрѣнія. Его путешествіе обняло почти весь западъ Европы: Францію, Италію, Англію, Германію. Ѣхалъ онъ съ изысканнымъ магнатскимъ великолѣпіемъ, со своими дѣтьми и свитой. Въ Берлинѣ представлялся Фридриху II, который ласково его принялъ и пригласилъ на большіе маневры. Кириллъ отвѣдалъ также курфюрста-паладина рейнскаго Карла Теодора въ Мангеймѣ, откуда отправилъ дѣтей

жить въ Страсбургъ, послѣ чего направился въ Парижъ. Съ береговъ Сены онъ отправился въ Италію черезъ Страсбургъ, гдѣ остановился для свиданія съ учащимися въ этомъ городѣ сыновьями.

Путешествіе русскаго богача и извѣстнаго государственнаго сановника сохранилось въ свѣжей памяти въ прирейнскихъ окрестностяхъ. О гетманѣ говорили не только потому, что онъ могъ сыпать деньгами. Изъ Парижа онъ предложилъ Екатеринѣ покупку извѣстнаго собранія рѣдкостей перуанца Дона Педро Франко Давила; въ Страсбургѣ онъ былъ намѣренъ предложить Жанъ-Жаку Руссо жалованье, библіотеку и пожизненное владѣніе однимъ изъ своихъ многочисленныхъ селъ въ Малороссіи. Неизвѣстно, какъ посмотрѣлъ бы на предложеніе гетмана авторъ «Общественнаго договора», потому что именно въ день прибытія экзотическаго гостя онъ оставилъ Страсбургъ. Во всякомъ случаѣ о добрыхъ намѣреніяхъ Кирилла, несомнѣнно говорили. Въ «маломъ Версалѣ» Карла Ѳеодора онъ оставилъ о себѣ память; быть можетъ съ нимъ даже познакомился Филиппъ Фердинандъ Лимбургскій.

Претендентка, рѣшившись выступить съ династическими планами, должна была познакомиться со своими новыми предками. Она «слышала звонъ, но не знала гдѣ онъ». Супруга императрицы Елизаветы она смѣшала съ его роднымъ братомъ, потому только что имя этого брата, характеръ, привычки она могла болѣе или менѣе знать. Вотъ почему отецъ самозванки былъ Кирилломъ и имѣлъ званіе казацкаго гетмана [1]).

Ближайшая цѣль замысла не имѣла, быть можетъ, политической подкладки.

Денежныя средства авантюристки были исчерпаны, погоня за новыми запасами была необходимой, не хватало денегъ даже на недѣлю, слѣдовало отыскать новые золотые запасы, чтобы черпать изъ нихъ полными горстями. Она не умѣла жить скромно, любила роскошествовать, да и занятое

---

[1]) Доманскій разсказывалъ князю К. Радзивиллу въ Рагузѣ, что Космовскій, адъютантъ Паца, зналъ о супружествѣ Елисаветы съ Разумовскимъ и объ этомъ говорилъ и другимъ. Возможно, что Доманскій напомнилъ объ этомъ самозванкѣ, а она использовала дѣло по-своему. (Изъ признаній Доманскаго во время слѣдствія. Государств. архивъ).

положеніе не позволяло ей сходить съ пьедестала. Сказки о персидскихъ богатствахъ Азовской принцессы, о наслѣдствахъ въ Россіи утратили прелесть воздѣйствія и расплылись въ недовѣріи окружающихъ; надо было открыть, какъ можно скорѣе, новые Сезамы, найти другіе заколдованные міры, надо было привлечь друзей, любителей изумительныхъ открытій.

Слово—стало дѣломъ.

Посѣвъ ловкой женщины упалъ на плодоносный грунтъ—на грунтъ вѣры.

Теперь только все дѣло суммировалось, приняло ясныя формы. Польскій вопросъ въ предпринимаемой интригѣ она намѣтила, ядромъ всего предпріятія, больнымъ нервомъ, который ждалъ лекарства, покоя. Посредствомъ устройства или усиленія замѣшательства въ Россіи, Рѣчь посполитая должна была освободиться изъ желѣзныхъ тисковъ сѣвернаго сосѣда. Въ этомъ видна эмигрантская тенденція, видно ихъ участіе въ дѣлѣ, направленіе, данное прирейнскими непримиримыми. Безъ нихъ не звучали бы такъ настойчиво указанія на возстановленіе Польши въ предполагаемомъ заговорѣ. Радзивиллъ, Доманскій и товарищи могли использовать «Оберштейнское чудо» какъ главный способъ осуществленія своихъ народныхъ идеаловъ.

Скоро положеніе вещей выяснилось. Претендентка увѣдомила Лимбурга, что Франція отозвалась одобрительно о ея намѣреніи поѣхать съ Радзивилломъ изъ Венеціи въ Стамбулъ, чтобы оттуда объявить Европѣ свои права на русскую корону и, при помощи устройства новаго возстанія въ Польшѣ и обостренія турецкой войны, свергнуть съ трона Екатерину. Это было въ маѣ 1774 г., когда виленскій воевода уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жилъ у Адріатическаго моря. Девятаго числа упомянутаго мѣсяца она простилась письменно съ Огинскимъ, прося его прибыть въ Венецію, чтобы принять участіе вмѣстѣ съ нею и княземъ «Пане Коханку» въ путешествіи на Босфоръ.

Агентъ Огинскаго—Бернарди, котораго онъ послалъ разузнать подробности затѣи,—не засталъ въ Оберштейнѣ претендентки. Вмѣсто нея онъ говорилъ съ княземъ Филиппомъ Фердинандомъ, который приподнялъ край завѣсы съ тайны. Бернарди, кажется, немного недовѣрчиво выслушалъ исто-

рію, но потомъ сдался подъ вліяніемъ постоянныхъ намековъ Лимбурга на желаніе Франціи, извѣстное благодаря сообщенію упомянутой княжны Сангушко. Онъ рѣшилъ тотчасъ же вернуться въ Парижъ, чтобы склонить Огинскаго и Віельгорскаго къ немедленному путешествію въ Венецію. Только смерть Людовика XV могла бы измѣнить этотъ планъ; въ этомъ случаѣ путешествіе было бы рискованнымъ, слѣдовало бы лучше выжидать образа дѣйствій наслѣдника.

Лимбургъ больше всего старался склонить Бернарди, поклонника Фридриха II, обѣщаніемъ, что самозванка войдетъ въ сношеніе и съ берлинской политикой и во всякомъ случаѣ не воспротивится, если прусскій король, даже сейчасъ, соединившись съ Пугачевымъ, расширитъ границы своего государства на востокъ при условіи отвлеченія вниманія Австріи—Турціей, а Россіи—Швеціей.

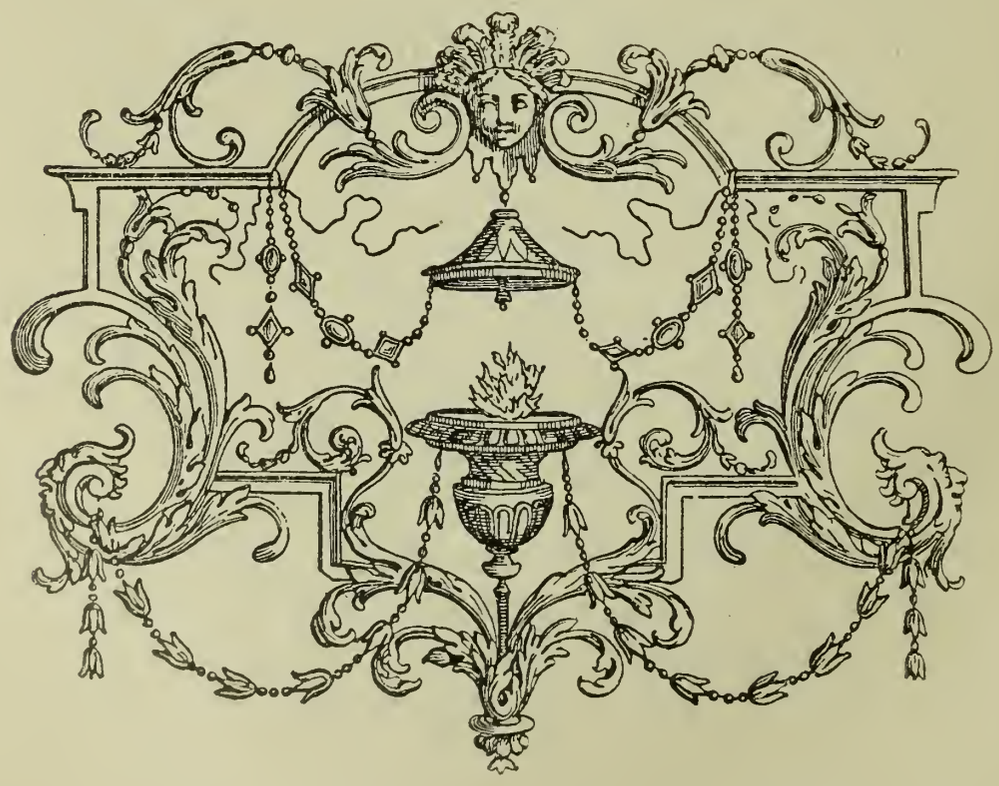
Въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1774 г. произошло рѣшительное выступленіе самозванки и Лимбурга для привлеченія на свою сторону парижскихъ остатковъ конфедераціи. Для этого они приготовили цѣлую систему приманокъ. Они уговариваютъ Бернарди свѣдѣніями о добромъ отношеніи къ дѣлу французскаго кабинета; нашлась весьма подозрительная княжна—Сангушко, которая доносила о настроеніи умовъ надъ Сеной въ Оберштейнъ! По ея словамъ, смерть Людовика XV не измѣняла положенія вещей. Лимбургъ имѣлъ свѣдѣнія, что дофинъ Людовикъ XVI выгодно отозвался о проектѣ претендентки! [1])

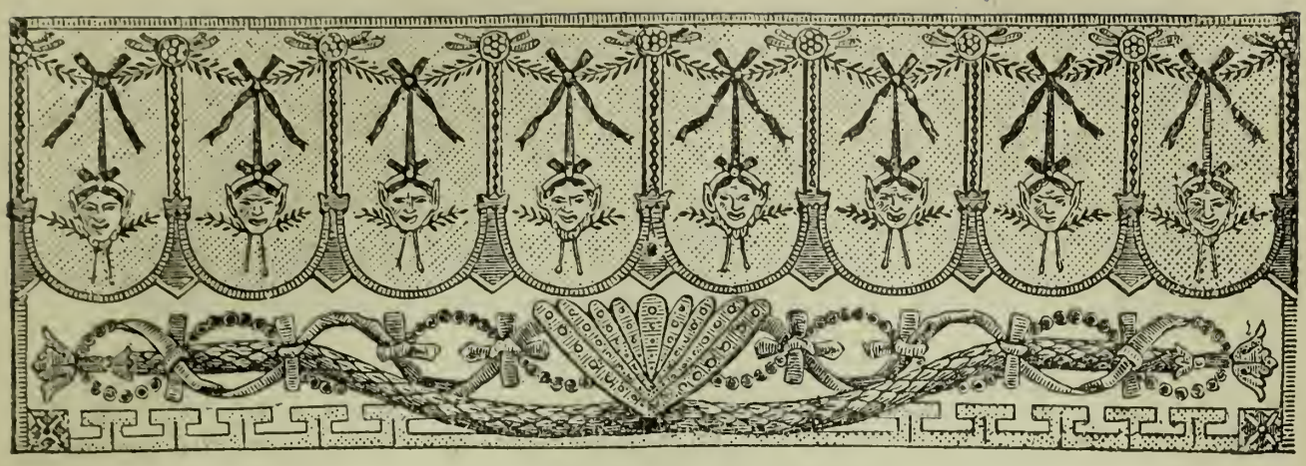
Въ воображеніи господина сѣверной Фризіи и Вагріи предстала лига съ нимъ, Огинскимъ и съ виленскимъ воеводой во главѣ, «подъ наблюденіемъ Бетти», которая скоро должна была свести счеты съ русской императрицей!.. Какой-то поразительно дѣтскій, обезоруживающій характеръ носятъ поступки человѣка, которому Амуръ совсѣмъ завязалъ глаза, загородилъ дорогу жизни. Оберштейнская пара вообще не считалась съ теченіемъ политики. Моментъ появленія идеи въ концѣ 1773 года былъ дѣйствительно удобный, многообѣщающій, историческій моментъ, но затѣмъ онъ минулъ безвозвратно. Звѣзда Пугачева потускнѣла, угасала медленно,

---

[1]) Чтенія etc. I. ч. № 16. «Le dauphin doit s'être expliqué d'une façon avantageuse».

но систематично. Разбитый въ концѣ марта подъ Татищевымъ, онъ оказался въ отчаянномъ положеніи, а въ маѣ онъ былъ разбитъ около Троицкой крѣпости на голову. Но конца бунта еще не предвидѣлось: скоро онъ повлекъ за собой новые пожары, новыя пепелища, переходъ священной русской рѣки Волги и походъ къ Дону. Извѣстія о его пораженіяхъ на восточной русской окраинѣ не скоро дошли до Рейна, а если и приходили, то не вызвали особеннаго замѣшательства. Къ тому же надежда на могущество Версаля, заслоняла неудобство, необдуманность и поспѣшность всего предпріятія.





IV.

Завѣщаніе Петра Великаго.

Въ Лидо.—Окружающіе самозванки.—Отъѣздъ въ Рагузу.—Заботы республики.—Монаршія почести.—Разсказы авантюристки.—Завѣщанія.—Кто поддѣлалъ?—Воззваніе къ султану.—Первыя сношенія съ Алексѣемъ Орловымъ.—Манифестъ къ флоту.—Секретъ измѣны Радзивилла.—Второе воззваніе.—Послѣднія минуты въ Рагузѣ.— Подозрѣніе г. Desrivaux.—Кс. Ханецкій.—Поѣздка въ Римъ.

I.

Въ Венеціи.

Заручившись на дорогу деньгами, пустилась княжна «Елизавета всероссійская» въ путь въ обществѣ полковника... лимбургской арміи барона Кнорра, горничной Францишки-фонъ-Мешеде и двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ негръ. Таинственной и мрачной сидѣла претендентка въ коляскѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая, ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Когда было нужно, она сама отдавала почтальону приказанія. Въ послѣднихъ числахъ мая пріѣхала «послѣдняя изъ дома Романовыхъ» въ гордую Венецію и остановилась подъ именемъ графини Пиннебергъ, которымъ называлась жена князя шлезвигъ-голштинскаго [1]).

О помѣщеніи для достойной госпожи въ домѣ французскаго посла, повидимому, постарался виленскій воевода. Онъ

---

[1]) Пиннебергъ былъ знатный домъ въ Голштиніи. Оттуда и взятъ псевдонимъ, какъ имѣющій кое-какое значеніе.

навѣдался къ ней уже на второй день послѣ ея прибытія, а на третій привелъ съ собою сестру Ѳеофилу Констанцію Моравскую. Отношенія между дамами сдѣлались близкими; генеральша часто бывала у претендентки. Въ домѣ парижскаго посольства каждый день появлялся Радзивиллъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго секретаря Карла Микуця, который служилъ «глашатаемъ» и долженъ былъ немного открыть любопытнымъ край загадки.

Довѣреннымъ лицамъ подъ секретомъ онъ разсказывалъ объ истинномъ происхожденіи графини. Раздалась вѣсть въ Лидо... Упала какъ молнія среди многочисленной именно въ Венеціи живущей польской колоніи и французскихъ офицеровъ, которые съ княземъ «Пане Коханку» собирались на помощь туркамъ. Эмигрантская эпопея въ городѣ лагунъ, въ перлѣ Адріатики, не имѣла мрачнаго, хмураго характера. Поле сраженія еще было далеко, до звуковъ боевой трубы еще оставалось много времени. Поэтому выискивались разныя веселыя занятія предъ началомъ лагерной жизни.

Венеція служила дорожнымъ этапомъ: здѣсь они ожидали турецкихъ паспортовъ, разрѣшавшихъ дорогу за Балканы.

«Всероссійская княжна» сразу вошла въ атмосферу, для нея самую пріятную, польскаго и иностраннаго общества. Вокругъ нея и воеводы группировалась многочисленная компанія, настоящій международный городъ людей и характеровъ. Изъ болѣе знатной шляхты вокругъ нея находились фигуры пинскаго старосты Пшездзецкаго, главнокомандующаго Іоахима Карла Потоцкаго, подчашаго великаго княжества литовскаго, и Яна Чарномскаго, хорунжаго галицкой земли. Былъ тутъ и чудакъ Эдуардъ Вортлей Монтай, сынъ ученой лэди Маріи, княгини Кингстонъ, который много лѣтъ провелъ на востокѣ. Были тутъ въ живописныхъ одеждахъ оригинальныя физіономіи двухъ заморскихъ капитановъ, арнаута Изукъ Гассана, офицера и единокровнаго родственника тунисскаго бея, и алжирскаго турка Мехмета... Наконецъ, около минутной звѣзды венеціанскаго общества находился и банкиръ Мартинелли, который, однако, съ итальянской хитростью охранялъ свою кассу отъ жадности претендентки. Изъ этой галлереи случайно столкнувшихся людей крѣпче всего связалась судьба Чарномскаго съ дальнѣйшими дѣйствіями лже-царевны.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Самозванка не измѣнила даже во время тюремнаго слѣдствія своихъ показаній о венеціанскомъ пребываніи. Желая оградить себя, она призналась, что угадала въ Радзивиллѣ человѣка «ограниченнаго» и убѣдилась тотчасъ же въ безпочвенности его затѣи [1]). Необычайно мало имѣется свѣдѣній объ отношеніяхъ Доманскаго и Чарномскаго къ самозванкѣ въ Венеціи. Оба упорно утверждали, что будто бы узнали о ней только при выѣздѣ изъ города. Когда хорунжій галицкій увидѣлъ, что она сѣла на корабль, онъ обратился къ Радзивиллу, и просилъ его, чтобы онъ съ собой вообще не бралъ женщины, потому что будетъ имѣть въ Турціи много хлопотъ. На это ему воевода отвѣтилъ, что онъ не можетъ отказать, потому что это «госпожа знатнаго рода», при чемъ тайно добавилъ: «Это дочь въ Бозѣ почившей Ея Величества императрицы всей Россіи Елизаветы». Чарномскій тотчасъ же обратилъ его вниманіе на то, что она не была замужемъ, на что князь разсердился и отвѣтилъ: «Нечего мнѣ съ тобой говорить, ты ничего не знаешь. Она тайно была обвѣнчана съ графомъ Разумовскимъ».

То же и Доманскій... Радзивиллъ повѣрилъ тайну ему только предъ оставленіемъ столицы дожей...

Отъѣздъ назначенъ на день 16 іюля 1774 года. Польскіе эмигранты вмѣстѣ съ французскими офицерами съ удивленіемъ услышали новость о послѣдней изъ дома Романовыхъ... Негръ, прибывшій съ ней, разсказывалъ, что она имѣетъ владѣніе Оберштейнъ въ Германіи. Оффиціально хранили incognito царевны—но вмѣстѣ съ этимъ отдавали ей почести, присущія княжнѣ, и окружили громаднымъ церемоніаломъ.

Придерживались они такого порядка не только вслѣдстіе вышесказаннаго родового положенія графини, но еще больше потому, что она покорила себѣ все общество необычайно искуснымъ обращеніемъ и умомъ, который сталъ предметомъ общаго прославленія. Въ самомъ концѣ іюля, послѣ пятнадцатидневнаго мучительнаго пути компанія прибыла къ пристани свободной республики Рагузы, мѣста дальнѣйшихъ необычайныхъ происшествій.

---

[1]) Сборникъ Русскаго Общества. Т. I. Стр. 169. «Бумаги, относящіяся къ дѣлу самозванки, извѣстной подъ именемъ Елизаветы Таракановой». Признанія самозванки на слѣдствіи. Она рѣшительно употребляетъ о Радзивиллѣ прозваніе, что это человѣкъ «недалекій».

II.

Объявленіе правъ.

Прибытіе эмигрантовъ въ Рагузу надѣлало республикѣ много непріятностей... Тамъ уже знали конфедератовъ, потому что еще недавно горсть барскихъ бѣглецовъ съ Пуласскимъ во главѣ посѣтила городъ по дорогѣ въ Стамбулъ; это были нежелательные путники.

Достойный рагузскій сенатъ могъ влѣзть по уши въ непріятности съ Россіей. Эмигранты между тѣмъ пристали и спокойно расположились на новой стоянкѣ. Французскій консулъ Desrivaux отдалъ князю «Пане Коханку» для проживанія свой домъ, а тотъ попросилъ подъ его крышу претендентку.

Этотъ образъ жизни былъ причиной къ раздуванію облаковъ сказокъ. Враждебный англійскій консулъ въ Ливорно сэръ Джонъ Дикъ распускалъ потомъ слухи, что будто бы самозванка была метрессой Радзивилла въ Рагузѣ. И французскіе офицеры не придерживали языка для характеристики окружающихъ воеводу. Сплетня вынудила на послѣдній поступокъ: Радзивиллъ уѣхалъ изъ дому г. Desrivaux, оставивъ «дочери Елизаветы», рѣчицкаго старосту и Михаила Доманскаго.

Между французскимъ дипломатомъ, его женой и лже-царевной не завязалось даже на минуту никакихъ отношеній, здѣсь видна какая-то осторожность—или подозрительность. Но уголокъ парижскаго консульства сдѣлался главной квартирой польско-французскихъ сборовъ и заговорческой мастерской противъ русской императрицы.

Театральный сценарій теперь показался во всей ясности. Претенденткѣ воздавали монаршія почести. Радзивилловскіе офицеры у ея двери устроили почетную стражу—а смѣны брали изъ іезуитской коллегіи, гдѣ квартировалъ воеводинскій дворъ, состоящій изъ девяноста человѣкъ. Несвижскій царекъ обращался къ всероссійской княжнѣ «какъ суверенъ», на каждомъ шагу онъ старался подчеркнуть ея династическое происхожденіе.

Установленъ былъ интересный церемоніалъ. Къ столу садились три особы: она, воевода и рѣчицкій староста. Царевна ѣла на золотѣ, Радзивиллъ на серебрѣ.

Послѣ обѣда они вмѣстѣ уѣзжали на прогулку, а вернувшись вели оживленный разговоръ вплоть до ужина. Онъ кончался очень странно: «Спустя часъ послѣ ужина, приходила ея granmetres и, заперевъ въ кабинетѣ госпожу, относила ключь къ Радзивиллу, который приходилъ на слѣдующій день съ этой granmetres и открывъ дверь привѣтствовалъ: «Доброе утро, госпожа!»

Вообще все шло хорошо въ искусно организованномъ миломъ обществѣ, надежда витала надъ маленькой кучкой людей, изъ которыхъ они лелѣяли въ сердцахъ теплое чувство любви къ отечеству, другіе шли за лаврами на поле брани, но всѣ были одинаково рыцарски настроены, обвивали свои мечты будто весною пробужденный плющъ, вокругъ будущихъ успѣховъ эксплуатирующей ихъ женщины.

Въ письмѣ отъ 10 іюля она уже открылась передъ Горнштейномъ: «Должна я, наконецъ, открыть занавѣску—говорила она—потому что въ міръ пущено новое извѣстіе о моей кончинѣ». Сначала она воспользуется русскимъ флотомъ, стоящимъ на якорѣ въ Ливорно, затѣмъ огласитъ въ Европѣ манифестъ, который Высокая Порта разгласитъ всенародно.

На золотомъ Рогѣ она пробудетъ не долго; затѣмъ она станетъ во главѣ своего народа и пойдетъ на «ура». Газетныя сообщенія о русско-турецкомъ мирѣ ложны. Султанъ не положитъ оружія, пока не осуществятся планы, завѣщанные внучкѣ ея дѣдомъ. Россія ее зоветъ, для Россіи она потребуетъ исполненія воли предковъ. «Великое дѣло совершилось, не слѣдуетъ же теперь останавливаться на половинѣ дороги».

Въ первый разъ здѣсь упомянуто о наслѣдственныхъ документахъ. Она ихъ имѣла въ своихъ рукахъ три. Завѣщаніе Петра I, составленное произвольно, говорило объ историческомъ наслѣдованіи престола такъ, какъ дѣйствительно это произошло съ теченіемъ времени. А именно—послѣ Екатерины I, Петръ Алексѣевичъ, а въ случаѣ его бездѣтнаго сошествія — Анна, дочь великаго преобразователя Россіи, жена князя Голштинскаго, Карла Фридриха, затѣмъ добавленія: на случай смерти Анны безъ потомства, корона переходила въ руки ея сестры Елизаветы Петровны.

Этотъ подложный документъ не былъ построенъ фантазіей. Онъ былъ сочиненъ по образцу въ свое время распро-

страненнаго и ложно принятаго за настоящее, завѣщаніе Екатерины I, на которомъ тоже основывалась самозванка [1]). Наконецъ, она раздобыла актъ послѣдней воли... своей матери. Имъ устанавливалась владѣтельницей наслѣдія Романовыхъ дочь императрицы Елизаветы, а если бы она умерла, не имѣя дѣтей, то ея права должны были перейти къ потомкамъ князя Петра Голштинскаго. Этотъ князь долженъ былъ бы быть регентомъ на время малолѣтства царевны, за что послѣ принятія ею управленія могъ оставить за собой царскій титулъ. Къ порядку престолонаслѣдія были присоединены общественныя, воспитательныя и торговыя проблемы, смѣсь либерализма временъ просвѣщеннаго абсолютизма и нѣкоторыхъ льготъ для православія [2]).

Конецъ былъ характерный, сообразованный съ ея личной дѣятельностью: «Я хочу, чтобы весь народъ отъ наименьшаго до наибольшаго почтили послѣднія изъявленія нашей воли, и въ случаѣ какого-нибудь происшествія приложили всѣ старанія и силы къ поддержанію Елизаветы, моей единственной дочери и единственной наслѣдницы русскаго царства». Поддѣльныя завѣщанія императоровъ, въ особенности Петра Великаго, были сильно распространены въ то время, находя довѣріе или сомнѣніе, а потому и это новѣйшее могло временно носить характеръ правды, могло найти себѣ сторонниковъ, въ особенности такихъ, которые сами, или по разсказамъ, знавали удивительныя исторіи въ Рагузѣ. Планъ получалъ жизненную кровь, получалъ прояснявшіяся формы. Первымъ шагомъ къ осуществленію было намѣреніе пере-

---

[1]) Упомянутое завѣщаніе Екатерины I установило регентство для малолѣтняго Петра II, въ составъ котораго входили ея дочери Анна и Елизавета, кн. Голштинскій и Меньшиковъ. По окончаніи 10 лѣтъ Петръ II получаетъ власть, а Анна и Елизавета получаютъ денежное вознагражденіе по милліону рублей, выплаченныхъ въ десять годовыхъ сроковъ. Екатерина, наконецъ, возлагаетъ обязанность на преемника престола представить Шлезвигъ кн. Голштинскому и жениться на одной изъ дочерей Меньшикова.

[2]) Въ завѣщаніи Елизаветы (поддѣльномъ) чужеземцы были лишены возможности полученія министерской должности или чиновничьей. Въ Азіатской Россіи должны были появиться торговля и промышленныя учрежденія, здѣсь же колоніи всѣхъ народовъ со свободой разныхъ вѣроисповѣданій. Для несчастныхъ дѣтей собирались построить пріюты, снабженные вѣчными капиталами, а рожденныхъ внѣ брака воспитывать въ пріютахъ для сиротъ.

42

Князь Александръ Михайловичь! Позволь сказать тебѣ
свою мысль, что! чтобы она сама могла объяснить
свою судьбу, то бы, она желала видѣть ту Ки-
лебу, которую она и въ послѣднемъ ея письмѣ
называетъ и здѣсь до того дерзости достигаетъ
что позволяетъ бранить, вслѣдъ за тому прибавляетъ
что ни кого не напоминаетъ кромѣ Сумароковъ. отсюда
что она Императрица, и для того мои къ Сатирѣ
чтобы она тому узнала, и чистосердечно признаюсь въ
томъ, что я запалилъ и сжегъ въ домѣ, и отпуска-
ю во гробъ; и уверяю тебя сія примѣтна
Покойницей въ ней и весьма сердито сидитъ въ ней
она отомстилась, Voila une fiefé Canaille дерзости
въ письмѣ по нитъ превосходитъ черезъ меня къ
ней, и я начинаю думать что она какъ полковникъ
дѣлъ. Вспыли дерзкая.

Екатерина.

Рескриптъ Екатерины II отъ 7 августа 1775 года
князю Голицыну съ любопытной фразой «voila une
fiefé canaille».

(Факсимиле съ актовъ Государственнаго Архива въ
Петербургѣ).

тянуть на свою сторону русскій флотъ, стоящій на рейдѣ въ Ливорно, и его адмирала Алексѣя Орлова.

Какая-то невидимая десница, хотя твердая, управляла этимъ смѣлымъ покушеніемъ. Кто подалъ мысль? Кто составлялъ фамильные документы самозванки? Is, cui prodest?

Она сама?—Нѣтъ!

Въ составленіи бумагъ чувствуется участіе мужчины и пониманіе дѣла. Она говорила хорошо по-французски, писать же она не любила и писала разбросано, хаотично [1]. Она могла помочь своими свѣдѣніями. Въ особенности она была посвящена въ дѣла Голштинскаго дома, благодаря предполагаемымъ планамъ Лимбурга на Шлезвигъ-Голштинское княжество. Вѣдь онъ довѣрилъ въ этомъ дѣлѣ ей дипломатическое посланничество.

Однако, поддѣльные акты въ цѣломъ вышли изъ одной головы, и можетъ быть, и изъ-подъ одного пера [2]... Авторъ хорошо зналъ послѣднія событія въ Россіи, зналъ превосходно закулисныя связи въ Петербургѣ; онъ дѣлалъ на шахматной доскѣ политики замѣчательно интересный ходъ. Неразрѣшимая загадка оставляетъ въ тѣни этотъ вопросъ. И лишь изъ-за туманной дымки выступаютъ образы польскихъ конфедератовъ, даже Лимбурга.

Имѣя ключъ къ устраненію затрудненій въ оправданіи своего шага, она скоро приступила къ его выполненію. Въ самомъ дѣлѣ, медлительность угрожала разстройствомъ плановъ. Изъ-за Балканъ приходили печальныя извѣстія. Радзи-

---

[1]) Завѣщанія написаны по-французски.

[2]) Бревернъ: «Die vorgebliche Tochter etc. Стр. 47. Останавливаясь на вопросѣ объ авторѣ поддѣлки, онъ основательно выключаетъ Радзивилла. Лимбургъ тоже не является авторомъ выдумки. Эта бумага не происходитъ ни отъ руки Филиппа Фердинанда, ни его секретаря Флоримонда де-Гальхау. Подозрѣніе падаетъ только на Чарномскаго, Доманскаго, секретаря Микуся или ex-іезуита изъ свиты воеводы, Ханецкаго. Но и онъ, какъ кажется, не прилагалъ рукъ къ этому дѣлу, такъ какъ въ Римѣ самозванка отдѣлалась отъ него пренебрежительно. Остаются трое: Доманскій, Чарномскій и Микусь, ихъ-то и винитъ въ поддѣлкѣ Бревернъ. Но это только догадки, но и, какъ таковыя, онѣ не лишены черточекъ правдоподобія. Ничего въ данномъ случаѣ не значитъ объясненіе Доманскаго на слѣдствіи, что онъ не зналъ ни по-французски, ни по-нѣмецки. Онъ это дѣлалъ, чтобы запутать слѣдствіе. Во время путешествія съ Радзивилломъ во Франціи и Германіи онъ долженъ былъ бы научиться этимъ языкамъ, если онъ ихъ не зналъ раньше...

шевскій прислалъ воеводѣ грустныя реляціи: «Надо только бояться, чтобы не заключили внезапнаго мира, къ чему уже давно министерство старается склонить шаха и Франція этому помогаетъ». Фирмановъ имъ тоже не выдали.

Подъ Шумлой была рѣшена судьба компаніи. 16 іюля 1774 года выработанъ былъ трактатъ въ Кучукъ-Кайнарджи, а пять дней спустя его подписали примиренныя стороны. Много прошло времени, пока новое извѣстіе пришло въ Ардіатику. Вмѣстѣ съ этимъ закончилась барская оппозиція, съ нимъ утонулъ якорь непримиримыхъ конфедератовъ. Устами, полными горя и печали, охарактеризовалъ этотъ ударъ эмисарій Радзивилла: «Въ нынѣшнемъ трактатѣ точно такъ же забыли, потому что не хотѣли слушать, о дѣлахъ Польши, какъ въ Прутскомъ—о шведскомъ королѣ». Великая княжна знала уже изъ газетъ въ началѣ іюля, къ чему клонится дѣло. Окончаніе войны было бы для нея губительнымъ громомъ, могло разогнать ея приверженцевъ, могло погубить ея дѣло, могло провалить постройку, возведенную руками помощниковъ авантюристки. Оставалась еще одна надежда. Текстъ требовалъ ратификаціи обоихъ правительствъ, продолжительныхъ кабинетныхъ формальностей. Этимъ можно было еще прикрываться передъ міромъ.

24 августа 1774 года графиня Пиннебергъ написала письмо къ султану, домогаясь его покровительства. Она приводила мотивы, которые замедлили выступленіе преемницы Петрова наслѣдія на публичное поприще. Тюрьмы въ Сибири, отрава, рядъ несчастій—извѣстныя и часто повторяемыя фантазіи... Въ Венецію, а затѣмъ въ Рагузу она отправилась вмѣстѣ съ Радзивилломъ, намѣреваясь предпринять путешествіе на Золотой Рогъ.

Въ этомъ письмѣ было впервые упомянуто имя бунтовщика съ Яика, который, благодаря удивительному стеченію обстоятельствъ, именно 24 августа потерпѣлъ сильное пораженіе подъ Царицыномъ и этимъ выкопалъ могилу своему предпріятію. Для своихъ плановъ самозванка воспользовалась и фирмой лже-Петра, не предполагая трагедіи, разыгрывающейся на границахъ Европейской Россіи.

Копію воззванія къ султану она отправила великому визирю вмѣстѣ съ очень покорной, полной нѣжности просьбой, чтобы онъ постарался доставить ее къ Пугачеву. Ка-

закъ Емельянъ былъ, согласно объясненію, которое она употребила, сыномъ Разумовскаго и потому роднымъ братомъ царевны!.. Тѣ, которые вѣрили въ ложнаго Петра III, должны были признать и его сестру. Эта новая постройка пришла въ голову авантюристкѣ очевидно вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, что надъ Дономъ и Волгой прошла побѣдоносная нога русскихъ войскъ, а отъ возстанія остались лишь потушенныя пожарища и смертные приговоры...

Въ приложеніи она умоляла турецкаго командующаго оказать помощь Пугачеву или вѣрнѣе «господину Разумовскому»... [1]).

Почти въ то же время она старалась завязать сношенія съ Алексѣемъ Орловымъ Чесменскимъ. Съ этой цѣлью она написала ему письмо и приложила къ нему копію завѣщанія матери, при этомъ и образецъ прокламаціи Божьей милостью царицы Елизаветы II. Свой поступокъ она такъ мотивировала. Она де хочетъ, чтобы графъ занялъ опредѣленную позицію въ запутанныхъ обстоятельствахъ момента.

Между прочимъ, она пожелала выяснить Орлову, почему завѣщаніе было написано въ пользу дочери, а не сына, выступающаго подъ псевдонимомъ Пугачева. Это было вопросомъ слишкомъ рѣзкимъ, слишкомъ бьющимъ въ глаза.

Она вывернулась и изъ этого положенія. «Слишкомъ длинны мотивы, чтобы ихъ изложить на бумагѣ; достаточно съ него (Пугачева) командованія надъ людьми, которые всегда были привязаны къ своимъ владыкамъ и владычицамъ».

Манифестъ къ ливорнскому флоту—собственно текстъ, отданный для образца Орлову, дышалъ тѣмъ же духомъ увѣренности и нахальства.

«Божіей милостью, Мы, Елизавета II, княжна всея Россіи, объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, что

---

[1]) Государствен. архивъ въ Москвѣ. Письмо это имѣетъ дату 24 августа 1774 г. Подписано только самозванкой. Бреверн, стр. 53, сообщаетъ, что имъ владѣлъ извѣстный музыкантъ умершій Аполлинарій Контскій. Повидимому, его оттуда взяли въ архивное собраніе въ Москвѣ. Справедливо также замѣчаніе Бреверна, что орѳографія «Пухачевъ» заставляетъ думать, что редакторомъ этого письма былъ полякъ. Правда, самозванка не говоритъ, что Пугачевъ является ея братомъ, не говоритъ также и о томъ, сыномъ котораго Разумовскаго онъ былъ, но она считала его своимъ родственникомъ.

они могутъ высказаться только или за Насъ или противъ Насъ. Мы имѣемъ больше правъ, чѣмъ узурпаторы государства, и въ скоромъ времени объявимъ завѣщаніе умершей императрицы Елизаветы. Не желающіе Намъ принять присягу будутъ наказаны по освященнымъ, установленнымъ самимъ народомъ, возобновленнымъ Петромъ I, повелителемъ Всея Россіи, законамъ» [1]).

Жребій брошенъ! Пока графиня Пиннебергъ жила на итальянской землѣ, она могла безвредно играть съ огнемъ. Рубикона еще она не перешагнула.

Но ее ждалъ уже измѣннический поступокъ, страшный своею неизмѣримой подлостью.

III.

Разлука.

Странно, тысячу разъ странно поведеніе Радзивилла въ Рагузѣ!

Онъ, который недавно смотрѣлъ на избранную женщину, какъ на посланницу Провидѣнія, на героиню, пришедшую излечить страданія Польши, сразу вдругъ остылъ и пошелъ слѣдомъ за Огинскимъ.

Прежде всего дѣло съ завѣщаніями. Кажется, онъ не допустилъ ихъ къ печати въ газетахъ, хотѣлъ скрыть ихъ. Затѣмъ, вопреки обѣщанію, онъ конфисковалъ письмо претендентки къ султану отъ 24 августа, ни слова не говоря объ этомъ графинѣ Пиннебергъ. Она же, выведенная изъ терпѣнія долговременнымъ ожиданіемъ отвѣта, опять обратилась къ Абдулъ Гамиду.

Это второе письмо должно было бы быть переслано чрезъ стамбульское посольство Радзивилла. Но на этотъ разъ, вѣроятно, прямо даже открыто воевода не взялъ на себя порученія.

Произошла сцена съ обморокомъ, конвульсіями, рыданіями. Для успокоенія «Пане Коханку» сдѣлалъ видъ, что

---

[1]) Чтенія. I. ч. № 4. У Бреверна. № 3. Extrait, tiré testament d'Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies, fait en faveur de la fille, Elisabeth Petrowna. Датированъ этотъ актъ совсѣмъ непонятнымъ образомъ. На немъ поставлена вымышленная мѣстность: «de Foms de Turquie le 18 courant».

сдался: взялъ письмо и отправилъ его вмѣстѣ съ письмомъ отъ 24 августа къ Коссаковскому, но одновременно поручилъ ему задержать эту корреспонденцію у себя, а не вручать падишаху. Несмотря на закулисный, противорѣчащій намѣреніямъ гр. Пиннебергъ, образъ дѣйствій, Радзивиллъ относился къ ней попрежнему съ глубокимъ почтеніемъ, по испанскому церемоніалу. Съ виду, казалось, что ни одна складочка не поморщила гладкаго зеркала взыванія и лести, какимъ окружили лже-царевну.

Одинъ русскій майоръ, который, возвращаясь изъ Черногоріи въ Ливорно, временно жилъ въ Рагузѣ, въ послѣднихъ числахъ сентября или въ началѣ октября, разсказывалъ Алексѣю Орлову о необыкновенныхъ почестяхъ, воздаваемыхъ заодно какъ Радзивиллу, такъ и самозванкѣ. И его пригласили бить челомъ, однако онъ, услышавъ присвоенное имя, опасался переступить порогъ преступницы и назвалъ удивительную женщину лгуньей и негодницей. Послѣ этихъ словъ онъ долженъ былъ поскорѣе бѣжать изъ Рагузы, чтобы избѣжать казни.

Итакъ—поздней осенью 1774 г. графиня Пиннебергъ была еще среди эмигрантовъ in odore sanctitatis, витала въ облакахъ званія императрицы и охранялась конфедератскимъ щитомъ.

Это только снаружи. Въ дѣйствительности пропасть между нею и воеводой увеличивалась съ каждымъ днемъ. Страшныя размоловки происходили на виллѣ г. Desrivaux. Графиня не могла достаточно подобрать словъ для выраженія сожалѣнія и негодованія на поступки воеводы въ жалобахъ къ князю Лимбургскому [1]).

Все болѣе и болѣе они становились далекими другъ другу. Причинъ было навѣрное много. Князь находился въ необычайно трудномъ и непріятномъ положеніи. Фантастическіе сборы его въ Царьградъ, горячій пылъ его политическихъ расчетовъ имѣли своею цѣлью предоставленіе вооруженной помощи Портѣ, а денегъ не было.

Николай Моравскій прислалъ ему въ концѣ октября триста червонныхъ золотыхъ, взятыхъ изъ суммъ, ассигнованныхъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 21 сентября, котораго, какъ вообще переписки самозванки съ Лимбургомъ, въ бумагахъ нѣтъ. Видно это, однако, изъ отвѣта кн. Лимбургскаго въ концѣ декабря 1774 г. Государств. архивъ III. № 20

на воспитаніе князя Іеронима въ Мангеймѣ. Ксендзъ Глембоцкій по своему обычаю очень рѣзко опредѣлилъ это положеніе. А именно, онъ сообщалъ примасу Подосскому, «что какъ у дамы, такъ и у князя большая нужда». Обанкротившійся воевода и самозванка царевна «не выступаютъ съ такой важностью, съ какой выступали въ началѣ своего пребыванія въ Рагузѣ». Это спусканіе съ вершины горы было величественно. «Уже все, и особенно панство, окончилось». Нужда заглядывала во всѣ закоулки, даже «нечего заложить или продать; нѣтъ средствъ къ жизни». Въ довершеніе бѣдствій газеты принесли зловѣщее извѣстіе: варшавская конфедерація назвала несвижскаго пана hostem patriae, конфисковала имущества непримиримаго (одна генеральша Бибикова получила двадцать деревень около ключа Собѣсскаго) и воеводство виленское объявила вакантнымъ. Планы на Турцію тоже рушились.

Недостатокъ въ деньгахъ, исчезновеніе стамбульской опоры, поставили его въ необходимость положить конецъ системѣ конфедераціи, системѣ, пытавшейся обновить Польшу внѣ Польши, построившей наивную вѣру въ постороннихъ, и основавшей алтари политикоманіи на волнахъ увлеченій и фантазій. Планы уже столько разъ рушились въ Европѣ, что послѣднее ихъ крушеніе наполнило душу ипохондрика-воеводы сомнѣніемъ, посыпавшемъ пепломъ его бурные порывы.

Лопнула струна...

То, что онъ видѣлъ, не могло его ни подкрѣпить, ни тронуть. Личность самозванки выяснялась все больше, она утрачивала непреодолимую силу очарованія. Какъ кора съ дерева, такъ съ нея кусокъ за кускомъ сползала маска...

Лже-царевна погрязала въ долгахъ такъ же, какъ и Радзивиллъ. Положеніе усложнялось съ каждой минутой. Послѣ штурма Орлова царевна попробовала счастья у канцлера Панина. Она представила ему колеблющееся положеніе имперіи, потопъ, который не имѣлъ задержки; себя она при этомъ возносила на степень избавительницы, имѣющей въ рукѣ тайное исцѣленіе. Въ этихъ своихъ словахъ и переносныхъ образахъ она предстала, какъ Орлеанская дѣва, несущая зарю и свѣтъ свободы. Въ освободительной борьбѣ Россіи она клала другую подкладку: горячій патріотизмъ.

«Симъ свидѣтельствую—взывала она—что моя кровь и жизнь принадлежатъ общему дѣлу и до послѣдняго дыханія я буду бороться за права короны и народа». Она извѣщала о своемъ прибытіи въ недалекомъ будущемъ въ Петербургъ и просила въ виду этого обезпечить ей средства безопасности»[1]).

Такъ были извѣщены правительственныя сферы надъ Невой и поставлены въ необходимость предпринятія какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій къ уничтоженію новаго самозванскаго призрака.

Твердымъ клиномъ, который вонзался въ ихъ отношенія, было необычайно тяжелое финансовое положеніе. Дальнѣйшее пребываніе въ Рагузѣ было мученіемъ для князя. О военныхъ приготовленіяхъ послѣ войны нечего было и думать, достовѣрная дочь Елизаветы представляла собою куклу—была поддѣльной; какую же она имѣла цѣнность? Изъ несносной душной атмосферы хотѣлось какъ можно скорѣе выбраться.

Обостреніе отношеній между недавними союзниками, между воеводой и лже-графиней достигло предѣла: они избѣгали видѣть другъ друга съ глазу на глазъ. Когда и на второе письмо къ султану она не получила отвѣта, она увидѣла въ этомъ руку покровителя, закрылась у себя и, какъ высчиталъ Доманскій, плакала три дня, впадала въ конвульсіи, «потому что она была нервна и чувствительна». Для Радзивилла же все дѣло было въ избавленіи однимъ пріемомъ изъ сѣтей — но какимъ образомъ? Мѣшалъ недостатокъ въ деньгахъ.

Тогда сами дубровичане поспѣшили съ помощью. Дѣлали они это быть можетъ и охотно, желая, вѣроятно, облегченія; ходили слухи, что сенатъ былъ принужденъ просить ихъ выѣхать изъ города. И изъ политическихъ побужденій республика желала отъѣзда эмигрантской компаніи. Побуждаемые страхомъ, отцы Рагузы помнили угрозы Орлова, желали снять съ себя всякую отвѣтственность и потому сообщили черезъ рагузанскаго посла въ Петербургѣ, гр. Панину, о замыслахъ претендентки.

---

[1]) Чтенія: I ч. Письмо отъ 7 октября 1774 года № 10. У Бреверна № 6. Это письмо Панинъ на самомъ дѣлѣ получилъ, какъ это выясняется изъ рескрипта Екатерины II къ Алексѣю Орлову отъ 12 ноября 1774 г. У Бреверна № XXII. 1.

Канцлеръ получилъ уже свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ; онъ пожалъ на это плечами, гордая усмѣшка заиграла на его устахъ, и онъ просилъ учтивый сенатъ успокоиться, потому что онъ не имѣетъ основаній отвлекать своего вниманія для этой... бродяжки. Гордая усмѣшка много значила, лучше бы ея и не вызывать. Осторожные горожане предпочитали рискнуть 3000-ми золотыхъ червонцевъ, чтобы дать возможность воеводѣ выѣхать и избавиться отъ претендентки. Радзивиллъ припряталъ полученную сумму съ «молитвой въ карманъ». Наконецъ-то, Радзивиллъ вырвался изъ Рагузы. Прощаніе его съ самозванкой (если вообще оно состоялось) было очень холодно: онъ даже не спросилъ у друга по путешествію, куда она намѣрена направиться. Въ первыхъ числахъ ноября онъ выѣхалъ съ родственникомъ рѣчицкимъ старостой въ Лидо безъ Чарномскаго и Доманскаго.

Остатки воеводинской свиты составили какъ бы дворъ претендентки. Что заставила пинскаго консилярія оставить своего господина? Что Чарномскаго? Доманскій этотъ шагъ впослѣдствіи объяснилъ, какъ актъ сочувствія.

Самозванку удерживалъ въ Рагузѣ долгъ въ пятьсотъ червонцевъ. Его покрылъ пинскій консилярій изъ займа, сдѣланнаго у Микуся. Графиня Пиннебергъ обѣщала урегулировать денежныя обязательства по прибытіи въ Римъ, куда должны были прибыть и деньги отъ Лимбурга, потому что она обычно, какъ выражался Доманскій, со всѣми денежными дѣлами отсылала въ Оберштейнъ. Доманскому не нужно было повторять два раза приглашенія. Голосъ сердца, избраніе чувства, надежда получить долгъ тянули его непреодолимой силой. Онъ обратился къ Чарномскому, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ въ «компаніи». И галицкій хорунжій былъ не противъ этого. Онъ имѣлъ, повидимому, и скрытыя политическія побужденія, да и что бы тамъ ни было, его болѣе всего толкало чувство дружбы къ охваченному любовнымъ жаромъ конфедератскому товарищу. Дѣло было рѣшено.

Въ это время произошелъ случай, который возмутилъ послѣднія минуты рагузскаго времяпрепровожденія. Служащій негръ, привезенный изъ Оберштейна, не желалъ ѣхать дальше, поблагодарилъ и пожелалъ получить вознагражденіе

за цѣлый годъ. Изъ мелкаго повода дошло до скандальныхъ сценъ, когда негръ, какъ французскій подданный, сталъ искать покровительства у господина Desrivaux. Тогда же по просьбѣ пинскаго консилярія Чарномскій отправился въ парижское консульство. Тамъ уже не считались со словами. Консулъ, узнавъ о намѣреніи конфедератовъ, предостерегъ ихъ очень недвусмысленно. Онъ обратилъ вниманіе Чарномскаго, что они напрасно привязались къ незнакомой, подозрительной особѣ и совѣтовалъ оставить ее, какъ можно скорѣе. Гдѣ онъ только ни спрашивалъ объ этомъ загадочномъ человѣкѣ, онъ нигдѣ не получилъ точныхъ свѣдѣній: «Не довѣряйте этой женщинѣ, потому что это обманщица!»—такъ онъ увѣрялъ и убѣждалъ ихъ.

Что есть духу, побѣжалъ взволнованный Чарномскій съ новостью къ пріятелю. Доманскій рѣшительно признался, что «положеніе чрезвычайно глупое, но что же дѣлать», и пошелъ расправиться съ царевной. Онъ задалъ ей вопросъ. «Кто Вы, Ваше Высочество?..» Она разгнѣвалась и отвѣтила ему только, что, зная ея поступки и воспитаніе, глупо спрашивать о ея рожденіи. Я замолчалъ, потому что, не зная языка (повидимому, онъ могъ говорить только на плохомъ итальянскомъ языкѣ), естественно я не желалъ вдаваться съ ней въ дальнѣйшіе разговоры. А она мнѣ еще говорила, какъ вслѣдствіе разныхъ слуховъ честь невинной одинокой женщины терпитъ поруганія, какъ за нею тянется тѣнь подозрѣнія, объ обманѣ... Гдѣ причины?—Ледъ растаялъ. Доманскій теперь не зналъ, что объ этомъ думать, все дальше и дальше уходили отъ него призраки, вызванные услужливостью г. Desrivaux, наконецъ, влюбленный потерялъ и проблески пониманія. «Было видно, что она имѣетъ всѣ данныя, нужныя для княжны», – сказалъ онъ себѣ, съ горячностью впрягаясь въ ярмо.

Изъ Радзивилловской свиты присоединился еще къ авантюристкѣ ex-іезуитъ и ex-пенитенціарій К. Ханецкій, личность, очень не нравящаяся Глембоцкому, который удивлялся, что претендентка не взяла себѣ за правую руку «кого-нибудь болѣе расторопнѣйшаго, говоря точнѣе, болѣе почтеннаго». Этотъ Ханецкій вошелъ въ милость у графини Пиннебергъ, разыгрывалъ роль секретаря, управляющаго, мажордома. Изъ-за него нѣсколько раньше разыгралась буря

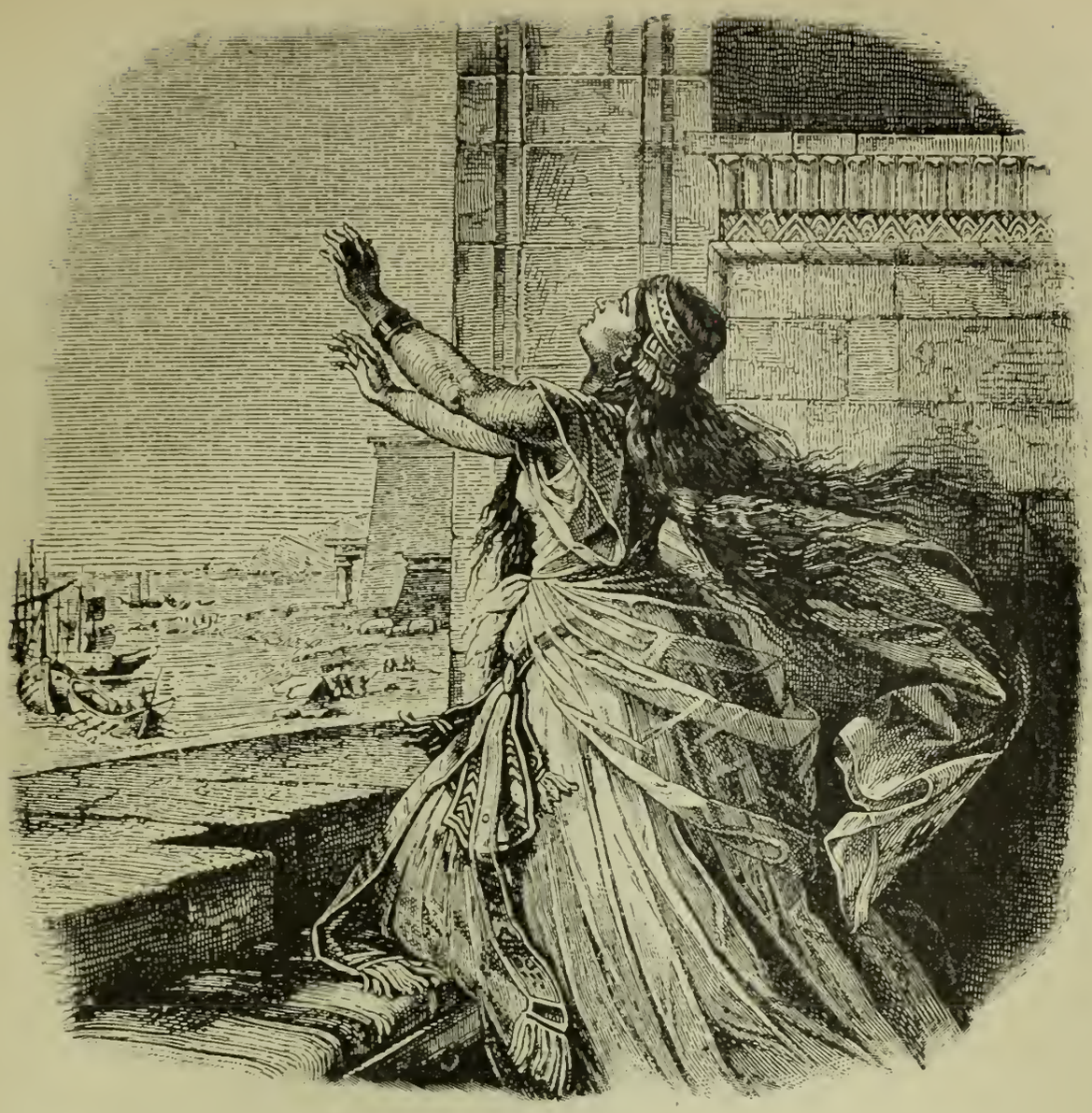
въ Радзивилловскомъ ульѣ. Князь взялъ съ собой въ Рагузу кромѣ Ханецкаго, и другого каплана-итальянца. Между ними произошли скоро споры, интриги, явилось взаимное озлобленіе. Мстительный итальянецъ только ошибочно всыпалъ вмѣсто отравы безвредный порошокъ въ стаканъ противника. Ex-іезуитъ, считая себя отравленнымъ, написалъ суду жалобу и тутъ открылось, что обвиняемый уже нѣсколько лицъ извелъ со свѣта...

Тогда разсерженный Ханецкій вышелъ изъ свиты несвижскаго царька. За самозванкой тащили его какія-то личныя спекуляціи—быть можетъ желаніе получить въ Римѣ расположеніе, благодаря приведенію внучки Петра Великаго на лоно католической церкви. Для міра онъ нашелъ другое оправданіе:—желаніе посмотрѣть торжество во время conclav'a въ вѣчномъ городѣ. Каждаго изъ трехъ поляковъ вели разные интересы: Доманскаго, вѣроятно, притягивалъ—Эротъ, Чарномскаго, главнымъ образомъ,—политическіе планы, а Ханецкаго—хорошо могущее оплатиться, апостольство.

Были соблюдены, наконецъ, и послѣднія формальности. Лже-царевнѣ рагузскій сенатъ выдалъ паспортъ на имя графини Пиннебергъ. Спустя четыре дня послѣ отъѣзда князя «Пане Коханку», дочь Елизаветы вмѣстѣ съ поляками и Францишкой фонъ Мешеде оставили столицу республики—Рагузу.

Монахиня Досифея.

Репродукція съ портрета, находящагося въ Ново-Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ.



V.

Въ вѣчномъ городѣ.

Облако таинственности. — Поиски денегъ. — Письмо къ сэру Вилльяму Гамильтону.—Возвращеніе въ Ватиканъ.—Визитъ Роккатани самозванкѣ.—Несогласіе аббата.—Болѣзнь княжны.—Обращеніе Россіи въ католичество.—Разсказы самозванки.—Планы кардинала Альбани.—Завѣщаніе царицы Елизаветы.—Въ костелѣ картезіанцевъ Sta Maria degli Angeli. — Упорство маркиза d'Antici.—Временщики.—Характеристика Орлова-Чесменскаго.—Отыскиваніе самозванки.—Миссія Войновича и Рибаса.—Положеніе англійской дипломатіи. — Недостатокъ въ деньгахъ. — Ханецкій.—Услуги Христенека.—Прощаніе.—Выѣздъ изъ Рима.

I.

О милости Ватикана.

Необычайно долгое сиротство посѣтило апостольскій тронъ послѣ отшествія въ загробный міръ Климента XIV.

Святой отецъ закрылъ на вѣки глаза 22 сентября 1784 г. и только 15 февраля слѣдующаго года съ ватиканскаго порога раздались слова habemus papam... Римъ ожидалъ Пія VI. Бурно было въ вѣчномъ городѣ; составлялись партіи; интриги чужихъ дворовъ волновали конклавъ.

Шестого декабря графиня Пиннебергъ появилась въ столицѣ. На первый планъ выдвинулся кс. Ханецкій, который отлично зналъ папскую резиденцію, а теперь исполнялъ при самозванкѣ обязанности секретаря, казначея, мажордома и (какъ выразился Глембоцкій—мастера на всѣ руки) человѣка, завѣдующаго всѣмъ. Это онъ нанялъ домъ Gioranni за пятьдесятъ, а карету за тридцать пять цехиновъ въ мѣсяцъ, онъ постарался покрыть графиню пеленой таинственности. Сначала никто не обратилъ вниманія на прибытіе претендентки: тишина, полная отчужденность.

По истеченіи недѣли Ханецкій, мастеръ создаванія настроенія, бросилъ въ добычу общественнаго нетерпѣнія скромное слово: русская княжна, больше ничего... Въ это онъ посвящалъ лишь знакомыхъ (онъ имѣлъ хорошія знакомства), и тѣ разгласили извѣстіе на весь городъ. Полиція считала графиню Пиннебергъ женой одного и сестрой другого конфедерата, общество какъ бы соглашалось и видѣло въ ней авантюристку. Но корректное обращеніе, носящее печать благородства, вырывало оружіе противъ королевы изъ рукъ общественнаго мнѣнія. Министръ-резидентъ тревирскаго курфюрста гр. Lagnasco четыре раза пріѣзжалъ на Марсово поле...

Но въ погонѣ за металломъ авантюристка перетянула струну... Она послала въ ломбардъ запечатанное имущество, не думая, чтобы ей кто-нибудь не повѣрилъ. Вѣдь дочери императрицы повѣрятъ на-слово... Опытъ не удался. Потребовали открытія ящика и осмотра «потому что не только итальянцы,—разсуждалъ Глембоцкій—отъ которыхъ такимъ образомъ получить что-нибудь прямо невозможно, я бы, вѣроятно, теперь не нашелъ и самаго простого москаля, который бы, не видѣвъ «залога, одолжилъ бы деньги».

Отъ гр. Lagnasco она выманила пятьдесятъ дукатовъ, ссылаясь на отношеніе къ Горнштейну и Лимбургу, затѣмъ она намѣтила себѣ сэра Вилльяма Гамильтона, англійскаго посла въ Неаполѣ, который ей во время путешествія изъ

Рагузы выдалъ паспортъ для проживанія въ церковномъ государствѣ. Она написала къ нему письмо, содержащее въ себѣ множество подробностей, «высосанныхъ изъ пальца». Она писала сентенцію: «Провидѣніе посылаетъ однихъ людей, чтобы они были бичемъ человѣчества, другихъ же—ея утѣшителями». Затѣмъ зазвучала новая нота о Сибири, Персіи, Разумовскомъ,—о господинѣ Пугачевѣ,—господинъ Пугачевъ снискалъ-де уваженіе, онъ хорошій генералъ и математикъ, владѣетъ большими познаніями, основательно знаетъ военную тактику, имѣетъ талантъ объединять людей, владѣетъ народнымъ языкомъ, потому что самъ происходитъ изъ донскихъ казаковъ».

Въ заключеніе она просила сэра Вильяма «такъ о мелочахъ»: рекомендательныхъ писемъ къ посланникамъ англійскимъ въ Вѣнѣ и Стамбулѣ, паспорта на имя госпожи Вальмондъ или на другое, какъ будто она ганноверка и, наконецъ, что самое важное... одолжить 7000 цехиновъ, которые она обезпечила бы въ графствѣ Оберштейнъ. «Ваше доброе сердце не откажетъ вѣроятно въ нѣсколькихъ бумагахъ, которыя мнѣ всюду дадутъ безопасность» [1]). Дѣло добыванія денегъ затянулось.

Тогда она рѣшила—быть можетъ по подговору Ханецкаго—попробовать счастья у апостольскихъ пороговъ. Продать свое обращеніе нужно было дорого, облагородить ее идеальными цѣлями, обставить умѣло, чтобы оно уподобилось акту политическаго поступка,—а пустую кассу претендентки наполнило бы до верху золотомъ. На sede vacante искали иную фирму—по крайней мѣрѣ, кардинала. Жребій выпалъ на кс. Альбани, декана святой коллегіи, и не случайно. Кардиналъ занималъ тогда высокое положеніе въ куріи.

Когда спустя два дня аббатъ былъ въ домѣ Альгіери тамъ появился Ханецкій и сталъ настаивать, чтобъ онъ сѣлъ въ карету «Ея Высочества» и ѣхалъ на Марсово поле. Уговорилъ.

Для принятія alter ego пурпурата аб. Роккатани въ домѣ Gioranni все было приготовлено.

---

[1]) Чтеніе etc. 1867 г. Кн. 1. № 11. Въ актахъ находится копія этого письма, писаннаго 21 декабря 1774 г. Оригиналъ переслалъ Гамильтонъ Орлову, а Орловъ Екатеринѣ II. Кто редактировалъ для самозванки эту бумагу? Непремѣнно кто-нибудь изъ поляковъ, можетъ быть: Чарномскій, Доманскій, Ханецкій.

Для усиленія впечатлѣнія его провели черезъ разныя обстановки. Въ одной комнатѣ столпились заранѣе приведенные статисты, изображающіе придворныхъ. Комната, въ которой находилась «Ея Высочество», была залита свѣтомъ, какъ бы по случаю необычайнаго торжества. Самозванка была одѣта въ амазонку; кругомъ нѣсколько какъ бы разбросанныхъ драгоцѣнностей и шляпа. Она сидѣла у стола, будто занятая писаніемъ. Когда въ открывшихся дверяхъ показалась фигура ксендза-аббата, тотчасъ же поза женщины измѣнилась. Она сдѣлала знакъ рукой и на это ушли Ханецкій и Станишевскій. Они остались одни. Разговоръ велся по-французски. Прежде всего она стала увѣрять его, что жаждетъ совѣта Альбани—и это главное.

Аббатъ долженъ доложить объ этомъ кардиналу и познакомить его въ теченіе двухъ дней о случаѣ своего свиданія. Затѣмъ съ ловкостью она перескочила на другія темы, вспоминала мнѣніе, которое сложилось у кардинала-декана «на сѣверѣ», говорила о своихъ путешествіяхъ, особенно хвалила Фридриха II, изложила съ достаточнымъ знаніемъ дѣла раздѣлъ Польши, не слишкомъ восхищалась іезуитами (Климентъ XIV уничтожилъ этотъ институтъ), тотчасъ же прочла славословіе духовнымъ, которыхъ она уважала за сѣдину и тихую работу, осѣненную особенной Божеской благодатью.

Разсказывала и о Рагузѣ. При этомъ она привела мнѣніе о Радзивиллѣ, сказавъ, что обладанію вліянія не помогаютъ ни мнѣнія, ни дворянство, а мудрость и умѣніе быть политикомъ. Въ Римѣ она желала бы остаться до выбора папой Альбани, потому что она считала это избраніе фактомъ рѣшеннымъ. Долго продолжающійся конклавъ и плохое состояніе здоровья могли бы помѣшать проекту и заставить ее выѣхать раньше. Тутъ произошелъ инцидентъ, какъ бы заранѣе подготовленный. Появился Доманскій, скрывающійся подъ именемъ Станишевскаго, и ни съ того, ни съ сего сталъ насмѣхаться надъ религіозными обрядами. Княжна сдѣлала ему выговоръ за это вольномысліе, «чѣмъ доказала—по мнѣнію Роккатани—или свою мудрость, или большую ловкость,—не знаю право, что объ этомъ думать».

Простились.

Въ передней аббатъ натолкнулся на домашняго доктора княжны г. Салицетти. Эскулапъ на вопросъ о здоровьѣ па-

ціентки сдѣлалъ кислую мину. Претендентка не досыпала, почти не ѣла, такъ какъ ее преслѣдовалъ кошмаръ: она боялась отравленія... У страдалицы болитъ грудь, но, несмотря на это, она не хочетъ принимать лекарства и съ трудомъ позволила пустить себѣ кровь. Медикъ увлекался достоинствами и красотою чужеземки, а набожный аббатъ раздѣлялъ это убѣжденіе. «Я не могу противорѣчить этому»

оправдывался онъ передъ кс. Гижіотти. Въ немъ начало шевелиться чувство, а въ умѣ толпились самыя ужасныя мысли. Наконецъ, онъ признался: «Нельзя отрицать, что это женщина большого ума, и если и выдаетъ себя за другую, то умѣетъ великолѣпно принять ея видъ. Интересно, что будетъ дальше!» Вѣря и не вѣря, кардинальскій представитель путался въ происходившемъ

Первый шагъ рѣшенъ. Съ необычайной ловкостью, которая должна была имѣть видъ подозрительности, царевна въ письмѣ спросила эминенцію, слѣдуетъ ли ей еще откровеннѣй открыться передъ аббатомъ, или нѣтъ? Такимъ образомъ ихъ обоихъ она старалась втянуть въ ловушку. Для папскаго двора—прибавляла она—имѣетъ громадное значеніе пребываніе въ Римѣ послѣдней изъ дома Романовыхъ. Должна вѣдь, наконецъ, опочить корона на главѣ Петровой внучки для блага множества людей, для счастья и избавительныхъ цѣлей церкви. Альбани поспѣшилъ съ успокоеніемъ и ручательствомъ въ вѣрности секретаря. Теперь аббатъ уже часто утаптывалъ дорогу между Ватиканомъ и домомъ Gioranni.

Медленно, съ присущею послѣдовательностью авантюристка приготовляла втянутую въ интриги курію къ принятію объявленія себя претенденткой... Кардиналъ сохранялъ подозрительность, чтобы каждую минуту безъ проигрыша окончить игру, Роккатани же, какъ Геркулесъ на распутьи, иногда подозрѣвалъ, а иногда обманывался. Скоро онъ опять пришелъ на Марсово поле, чтобы взять документы. Царевна предложила ему копіи съ писемъ къ султану и Алексѣю Орлову, а также письмо къ Альбани. Въ немъ она соболѣзновала тяжелому положенію Польши, которое бы уже измѣнилось, если бы въ Рагузѣ не разрушили плановъ претендентки.

14 января она показала Роккатани копію завѣщанія императрицы Елизаветы и при этомъ прибавила кардиналу: «я рѣшила навѣстить Польшу и направиться черезъ Кіевъ. Войска наши стоятъ на разстояніи пятидесяти миль отъ этого города. Долго раздумывала я, не лучше ли было бы проѣхать Неаполитанское королевство, сѣсть на корабль въ Тарентѣ и проѣхать моремъ до Лопосъ, а затѣмъ въ ландо черезъ Албанію, Салоники до Константинополя, но вѣдь вся Европа обращаетъ вниманіе на Порту. Съ другой стороны я вижу, какъ важно помочь Польшѣ».

Послѣ представленія странныхъ проектовъ, Альбани и его секретарь пришли къ убѣжденію, что жительница дома Gioranni построила неправдоподобную исторію. Роккатани получилъ порученіе снять маску съ авантюристки... Причиной этого поворота былъ польскій министръ резидентъ

при Ватиканѣ, маркизъ d'Antici, близкій повѣренный канцлера Млодзѣевскаго. Онъ не выгодно отзывался о самозванкѣ, на что она жаловалась передъ аббатомъ, увѣряя его, что «если бы онъ зналъ о ея привязанности къ польскому королю, онъ ее могъ бы упрекать, а то не зная ея намѣреній, бывшихъ у нея, онъ не долженъ, по крайней мѣрѣ, выражаться неблагосклонно». Во всѣхъ этихъ поступкахъ царевны видна одна лишь мысль: желаніе опутать лицъ, находящихся въ сношеніи съ Польшей и занимающихъ видное государственное положеніе. Даже Россія отошла на задній планъ, она ставила ее какъ бы вторымъ пунктомъ послѣ Рѣчипосполитой.

Наконецъ Маркизъ, «увлекшись ревностью» къ службѣ, бросилъ возраженія и назначилъ бесѣду на 16-ое ч. ст. ст. въ восемь часовъ утра въ костелѣ Картезіанцевъ sta Maria degli Angeli. И такъ же, какъ и другіе, какъ напослѣдокъ Роккатани, онъ остался въ недоумѣніи, ошеломленный прелестью удивительной женщины.

Однако, d'Antici понялъ ея заигрываніе какъ покушеніе на свой карманъ. «Мнѣ было ясно, что все это сводится къ тому, чтобы овладѣть мной,—а затѣмъ припереть меня къ стѣнкѣ, чтобы я далъ денегъ». Но онъ не далъ сманить себя въ новую ловушку, и не переступилъ больше порога Gioranni. Съ униженіемъ, прикрывающимъ иронію, онъ говорилъ съ уваженіемъ «Ея Высочество» и, какъ бы нехотя, добромъ за добро и вѣжливостью за вѣжливость, совѣтовалъ царевнѣ поискать себѣ тихаго, пріятнаго мѣста, чтобы скрыться—то же, что она слышала изъ его устъ въ Картезіанскомъ храмѣ. «Все другое—полагалъ онъ—покажется людямъ, мыслящимъ разсудительно, небезопаснымъ, противнымъ долгу совѣсти, даже можетъ быть химеричнымъ, а въ лучшемъ случаѣ источникомъ несчастій».

Когда уже разрывались горячія усилія царевны, склонить на свою сторону Ватиканъ и польскаго резидента, а затѣмъ ихъ использовать, когда неосуществленные тайные планы падали въ пропасть и претендентское поле заканчивалось, доску помощи тонувшей подсунулъ Алексѣй Орловъ Чесменскій, черезъ своего агента маіора Христенека.

Всемилостивѣйшая Государыня!

После отправленія послѣдней моей въ вашемъ императорскомъ Величествѣ отъ 13 сего, мнѣ рѣлящи, насательно изъѣстной самозванки, дано мнѣ было знать что она слабыла будто находяся при помощи своей сиоти, просить что бы только ей было въ послѣдней разъ отвѣсти на письмо своё полв. Хотя я по мнѣнастѣ ей и нѣ нашолся такого дабы она написала что нибудь похоже на правду, однакось не тѣряя тоже тей надѣсды; думаль иногда по человѣчестѣ въ такомъ въ утѣснеными старогостѣй и болѣзнѣй состаніи найти въ ней чистосердечное раскаяніе, чего для и приказаль дати ей бумаги и чернилъ. Вчерашней день отвѣтала она нотъ и письмо въ вашемъ Величествѣ, при семъ въ Оригиналѣ подносимо. Но я прини-

наб милости Всемилостивѣйшая Государыня! Всеподданнѣйше представляю, что все то что она въ свое оправданіе писала, есть выдумка и ложь недостойныя изобретенія ея открывавъ тоже малостью ея души; а потомъ я и недумаю когда либо домогся отъ нее истиннаго признанія, далъ время и употребленная строгость, съ какой она содержится въ томъ съ прикладомъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего императорскаго Величества

Донесеніе кн. Голицына Екатеринѣ II въ Москву о Самозванкѣ.
(Факсимиле съ актовъ Государственнаго Архива въ Петербургѣ).

II.

Орловъ Чесменскій.

Это была удивительная эпоха.

Осуществлялись грёзы пріятнаго сновидѣнія, сбывались сказки о пастушкахъ, которые ложились вечеромъ спать въ лохмотьяхъ, а вставали чуть ли не королевичами. Мужики, конюшіе молодцы, голыши, пѣвчіе церковнаго хора, сержанты—попадали на самыя высшія ступени дворцовой лѣстницы и, какъ фавориты императрицъ, украшенные титулами и орденами, имѣли громадное вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ. Рядъ этихъ любимцевъ судьбы и времени начинается отъ Петра Великаго, а кончается смертью Павла.

Во времена творца новой Россіи управленіе временщиковъ не имѣло рѣзкаго характера: они наполняли и переполняли свои карманы, но они же и гнулись подъ желѣзной рукой царя и помогали ему при стройкѣ могущественной монархіи. Слѣдующіе, временъ Анны и Елизаветы, не доросли имъ и до колѣнъ.—Выброшенные на поверхность волной слѣпого случая, они становились руководителями интригъ и сплетенъ, старались удержаться въ роли, благодаря подпольной политикѣ. Былъ ли это ех-пажъ Лестокъ или ех-арапъ Разумовскій; личныхъ заслугъ у нихъ не было. Типъ «временщиковъ» во времена Екатерины снова иной.

Это люди дѣйствительно дѣловые, какъ Орловъ, Потемкинъ, Завадовскіе, Мамоновы, Зубовы, которые имѣли свою физіономію, свои желанія и приготовили себѣ дѣловую позицію благодаря сердечнымъ отношеніямъ съ «сѣверной Семирамидой»; другіе—менѣе значительные: Васильчиковы, Ермоловы, Римскіе-Корсаковы продали свою геркулесовскую фигуру и сошли со сцены въ Царскомъ Селѣ или Зимнемъ Дворцѣ, получивъ лишь богатые подарки и камергерскіе ключи.

Трагедія въ Ропшѣ увѣковѣчила имя Алексѣя и Григорія Орловыхъ.

Алексѣй принималъ особенно живое участіе въ государственномъ заговорѣ въ 1762 г. Онъ проводилъ Екатерину изъ Петергофа въ столицу, онъ склонилъ Измайловскую гвардію къ участію въ революціи, онъ прочелъ передъ Казанскимъ соборомъ манифестъ новаго правительства, онъ,

наконецъ, докончилъ и остальное... Обагривъ вмѣстѣ съ Барятинскимъ и Тепловымъ руки въ крови Петра III, онъ старался еще получить награду. Гвардейскій сержантъ попалъ прямо въ верхніе слои, черпая счастье изъ рога Амалтеи. Не только онъ, но и его братъ. Послѣдній пользовался сердечною склонностью царицы, послѣ Станислава Августа Понятовскаго.

Алексѣй былъ человѣкъ громаднаго роста. Въ этомъ гигантѣ соединились умъ, удивительная проницательность, безумная храбрость, неслыханная увѣренность въ себѣ, дерзость, отсутствіе всякихъ проявленій совѣсти, расточительность, презрѣніе къ общественному мнѣнію и природная доброта твердаго человѣка, который въ гнѣвѣ бушуетъ, шумитъ и тогда онъ готовъ на все. Въ его жизни есть и такія дѣла, отъ которыхъ по кожѣ пробѣгаетъ морозъ.

Заговорщикъ и государственный дѣятель, мыслящій человѣкъ и всегда готовый драться кулаками, самоучка-дипломатъ, гуляка и дворянинъ, извѣстный спортсменъ, и даже импровизированный адмиралъ. О его силѣ разсказывали чудеса. Ударомъ меча онъ отрубалъ волу голову, руками ломалъ подкову, куски хрусталя, полосы желѣза. Въ домѣ маркиза Падули въ Римѣ онъ раздавилъ двумя пальцами твердое яблоко и когда осколокъ попалъ въ лицо князя Gloucestes, брата англійскаго короля, онъ не счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ извиненія. Порывистый, горячій онъ имѣлъ еще со временъ своей унтеръ-офицерской службы несведенные счеты съ товарищами. Въ одномъ случаѣ ему отсчитали по распоряженію командира роты нѣсколько палокъ.

Остались у него слѣды и отъ бурной молодости. Въ какой-то свалкѣ солдатъ царской личной стражи разсѣкъ ему лѣвую сторону губъ, и знакъ отъ раны уже не исчезъ. Поэтому его называли «Орловымъ со шрамомъ» или по-французски «le balafré». Это однако ничуть не испортило красоты. Высокій, стройный, онъ очаровывалъ своими греческими глазами, спокойнымъ выраженіемъ лица и пріятнымъ связнымъ разговоромъ. Братья очень любили его и дали ему ласкательное прозвище «Алхана».

Этотъ ловкій «вождь партіи фаворитовъ»—какъ его назвалъ Rulhière—не искалъ публичной популярности, лавиро-

валъ происками въ высшихъ сферахъ, но все-таки сидѣлъ въ своемъ сѣдлѣ уже сильно изъ него вышибленный. «Balafré» былъ очень жизненной и живой натурой. Настоящій великосвѣтскій человѣкъ, дышащій избыткомъ жизни, онъ шелъ къ цѣли по трупамъ, не считаясь со средствами среди солнечнаго, полнаго роскоши и избытка Гораціевскихъ прихотей, времяпровожденія съ лозунгомъ carpe diem! Но дворцовыя сферы были для него узкими и тѣсными рамками.

Онъ жаждалъ широкаго горизонта, извѣстности, дѣлъ! Его съѣдали честолюбіе и желаніе занять видное мѣсто. Онъ первый далъ мысль раздавить «больного человѣка» въ морѣ. И вотъ онъ склонилъ царицу отправить флотъ противъ Турціи и вручить ему командованіе надъ нимъ. Экспедиція носила характеръ театральной помпы, составлялась изъ кораблей, которые возбуждали сожалѣніе и смѣхъ въ Англіи, была подъ начальствомъ адмирала, который въ первый разъ пустился въ море.

Несмотря на это, произошло чудо, пополнилась мѣра пресловутаго счастья Орлова. День 5 іюля 1770 г. былъ могилой для турецкихъ морскихъ силъ. Около Чесменскаго залива Капуданъ-паша потерпѣлъ сильное пораженіе. Лавры побѣды принадлежали англичанамъ, служившимъ на русскихъ корабляхъ—адмираламъ: Эльфинстону, Дугдалову, а особенно Грейгу, который написалъ диспозицію и сжегъ непріятельскіе корабли. Рапортъ былъ отправленъ въ Петербургъ и сдѣлалъ свое. Въ награду Алексѣю была прислана лента ордена св. Георгія и титулъ Чесменскій. Ех-сержантъ выросъ на всю родину. Флагъ св. Андрея получилъ послѣ перваго кроваваго крещенія права гражданства между флотами Европы. Орловъ теперь могъ издавать прокламаціи къ славянскимъ народамъ на Балканахъ, возвѣщая имъ свѣтъ свободы изъ рукъ Россіи. Эта минута достойна была увѣковѣченія. Чесменскій поручилъ бранденбуртцу Гаккерту увѣковѣчить ее на большомъ полотнѣ; чтобы дать артисту настроеніе, подходящій матеріалъ и зрительное впечатлѣніе, онъ приказалъ устроить пожаръ на кораблѣ въ Ливорнскомъ порту. Множество художниковъ съѣхалось со всей Италіи, чтобы посмотрѣть на зрѣлище.

Но и его счастье омрачилось. Какъ разъ тогда, когда онъ стоялъ на недосягаемыхъ вершинахъ успѣха, померкла

звѣзда Григорія Орлова: онъ вышелъ въ отставку. Партія враговъ могущественнаго фаворита — Панинъ, Чернышевъ, Барятинскій постарались ввѣрить ему миссію по трактату съ Турціей въ Фокшанахъ, а сами подсунули императрицѣ офицера конной гвардіи Александра Васильчикова. Способы борьбы съ ними этого падшаго властителя въ теченіе 1772—1774 г. за пріобрѣтеніе прежняго блеска выливались въ разныя формы — но все напрасно. Алексѣй почувствовалъ тяжелое униженіе брата. Развѣ это не было паденіемъ династіи Орловыхъ? Въ Петербургѣ считались съ горячей натурой человѣка «со шрамомъ». Тяжелые дни въ Ропшѣ, призракъ убитаго монарха наводили на мрачныя размышленія.

Отставленный Григорій рвалъ и металъ въ Гатчинѣ, бросалъ деньги и бриллiанты, простиралъ руки къ владычицѣ и прошедшимъ мгновеніямъ. А Алексѣю въ пылу побѣды пришлось смотрѣть на страданія брата. Развѣ не промелькнула у него мысль о немилости? Чтобы выяснить положеніе, императрица послала адмиралу черезъ правительствующій сенатъ рескриптъ, прибавивъ для успокоенія, что онъ можетъ поступать съ флотомъ такъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ безъ всякой отвѣтственности за свои поступки.

Однако, однако... На всякій случай поручено генералъ-губернатору Инфляндіи, гр. Бровну, хорошенько наблюдать за путешественниками, прибывающими въ Ригу, и если бы между ними оказался Орловъ, запретить ему дальнѣйшій путь. Тревога оказалась напрасной. Алексѣй подавилъ въ себѣ духъ недовольства и искалъ забвенія въ путешествіяхъ по Средиземному морю, посѣщая разные порты, чаще всего Ливорно, гдѣ русскіе матросы нарушали блаженную тишину тосканскаго города скандалами и пьянствомъ.

Онъ выжидалъ. И вотъ грянулъ громъ надъ русской землей, со стороны Яика шли грозныя тучи взбунтовавшейся черни, въ Польшѣ наступило время раздѣла, турецкая война очень обострилась. Среди этого замѣшательства и разстройства произошелъ случай, который могъ его сдѣлать несмѣняемой особой при дворѣ, пока же давалъ ему возможность держаться на высотѣ силы и славы чесменскихъ дней.

Экзотичный поклонникъ царевны капитанъ Гассанъ привезъ къ monsieur Montagu въ Венецію бумаги, которыя уединившійся арабоманъ долженъ былъ переслать къ Орлову.

Не позже конца сентября 1774 г. въ рукахъ у гр. Алексѣя находилась копія завѣщанія царицы Елизаветы, возваніе къ флоту и письмо послѣдней изъ Романовыхъ, взывающее къ нему о соединеніи съ законной внучкой Петра, взамѣнъ за обѣщанную ему «защиту и покровительство». Она намекала, что Чесменскаго она знала и раньше, потому что она вспомнила кое-что о влеченіи ея сердца. Это былъ ея обычный способъ пріобрѣтенія довѣрія у людей, если она чего-нибудь отъ нихъ желала. Она выбрала Орлова для выполненія своихъ плановъ, потому что она хорошо знала его нынѣшнее отношеніе ко двору и создавшееся положеніе, благодаря отставкѣ Григорія.

И въ самомъ дѣлѣ она пришла во-время. Гр. Алексѣй натянулъ двѣ тетивы на одномъ лукѣ: устраивалъ выступленіе противъ царицы и вмѣстѣ съ этимъ возможность получить себѣ милости и почести въ знакъ благодарности. Онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ найти авантюристку.

Она скрыла свои слѣды, препровождая фальсификаты на Венецію чрезъ господина de Montagu и прося объ отвѣтѣ по адресу на monseiur Florimont. «Balafré» не далъ себя обмануть, повидимому, ему очень захотѣлось разузнать о таинственной особѣ. Въ первую очередь пошелъ сербъ, въ русской службѣ полковникъ Маркъ Ивановичъ Войновичъ, который отправился на Паросъ. Тамъ какая-то дама разсказывала, что ожидаетъ гр. Орлова. Ошиблись... Это была жена купца изъ Стамбула, конфидентка Сераля, необходимое лицо также полномочнымъ министрамъ различныхъ государствъ для настроенія Высокой Порты. Увѣдомленный гр. Алексѣй рапортовалъ въ Петербургъ о появленіи самозванки и приложилъ къ донесенію письмо княжны Волдоміра.

Онъ видѣлъ—какъ онъ увѣрялъ—въ новой интригѣ дальнѣйшій огонь бунта Пугачева, а во всемъ дѣлѣ онъ чувствовалъ отпечатокъ французской руки. Съ кажущейся тревогой онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность осуществленія подобнаго плана. А вдругъ!.. Лучше всего привязать пораньше камень на шею и сбросить ее въ пучину. Въ концѣ доклада онъ съ особеннымъ удареніемъ напиралъ на свою привязанность къ трону, какъ бы желая отогнать всѣ сомнѣнія въ своей лойяльности. Кто знаетъ, быть можетъ это дальновидно пошутили, чтобы попробовать почву...

«Если бы захотѣли узнать, насколько простирается моя вѣрность Вашему Императорскому Величеству, я не далъ бы никакого отвѣта»—доносилъ онъ Екатеринѣ II.

Однако, сообщеніе Орлова прибыло въ Петербургъ, когда уже было погашено послѣднее пламя возстанія на границахъ Европейской Россіи. Уже больше не лилась кровь надъ Яикомъ, но потрясенія послѣдняго года страшно ослабили государство, оставили болѣзненные слѣды. Tanta moles erat... Развѣ послѣ мучительныхъ усилій царица могла допустить новыя самозванства, новыя волненія. Безпрестанные заговоры и лже-Петры разстроили нервы имперіи, вскрыли несовершенства и страданія, поражающія государство, открыли гноящіеся нарывы внутри, съ виду здороваго организма. Казалось, что какой-то чудакъ скрылъ въ рукѣ магическую искру, которая развилась въ бурю пожара. Она только что покончила съ яицкимъ казакомъ, трудно было начинать съ лже-Романовой.

Передъ глазами императрицы встали образы печальнаго прошлаго, ужасъ борьбы для утвержденія на тронѣ и трудъ по устройству Россіи твердыхъ подпорокъ. Не слѣдовало дозволить перенести небольшую авантюру внутрь государства, слѣдовало скорѣе воспользоваться самыми энергичными средствами.

Самозванкой заинтересовались въ столицѣ по прибытіи отъ нея письма къ Панину и попали на путь ея пребыванія вмѣстѣ съ Радзивилломъ въ Рагузѣ. Екатерина приказала Орлову выслать кого-нибудь за претенденткой и въ случаѣ удачи этой миссіи заманить ее на бортъ русскаго корабля. Съ этой цѣлью императрица дала графу обширныя полномочія: разрѣшила ему взять нѣсколько кораблей, потребовать у дубровичанъ выдачи «креатуры», а въ случаѣ отказа попробовать и угрозы, и даже бросить нѣсколько бомбъ въ городъ. «Если же возможно безъ разглашенія устроить дѣло,—я согласна»—писала она къ Орлову. Началась горячая охота на «разбойницу». Одинъ изъ агентовъ даже пропалъ безъ вѣсти.

Слѣдствіемъ разсказа одного майора, который вернулся изъ Черногоріи и узналъ о пребываніи княжны Волдоміра въ Рагузѣ, была посылка двухъ новыхъ искателей—славянина, подданнаго Венеціанской республики, и русскаго офицера.

Это былъ кажется Рибасъ, необыкновенно ловкій человѣкъ и оборотливый. Суворовъ обыкновенно говорилъ о Кутузовѣ: «его и Рибасъ не надуетъ»... [1]) Орловъ подалъ этому «фактору» мысль поступить на службу у Радзивилла или царевны и съ этой цѣлью выдалъ ему для лучшаго веденія дѣла свидѣтельство объ отставкѣ. «Если мнѣ не воспрепятствуетъ плохое состояніе здоровья совершить морское путешествіе — доносилъ Чесменскій Екатеринѣ — я поплыву туда (въ Рагузу), чтобы во всякомъ случаѣ поймать самозванку».

Посланный графа не засталъ княжны ни въ Дубровникахъ, ни въ Венеціи, но разузналъ, что она поѣхала въ Неаполь.

Она напослѣдокъ сама себѣ напортила, когда обратилась изъ Рима 21 декабря къ уполномоченному англійскаго министра въ Неаполѣ съ просьбой о паспортѣ, рекомендаціи и денежномъ займѣ. Гамильтонъ безъ размышленій отправилъ полученное письмо къ Орлову и указалъ ему дѣйствительную, единственную дорогу для преслѣдованія. Тотчасъ же прибылъ генеральскій адъютантъ адмирала, майоръ Янъ Христенекъ, въ вѣчный городъ, а его шефъ обратился за помощью къ англійской дипломатіи. Въ благодарности онъ увѣрялъ сэра Вилліама Гамильтона, что авантюристка должна быть «бѣшеной, совсѣмъ сумасшедшей женщиной» и настойчиво просилъ склонить ее отправиться въ Пизу.

Другой англичанинъ, британскій консулъ въ Ливорно, сэръ Джонъ Дикъ—петербургскій повѣренный, кавалеръ высокихъ русскихъ орденовъ, «негодяй перваго сорта», какъ о немъ непохвально выражался князь Долгоруковъ, обѣщалъ

---

[1]) Объ участіи Рибаса въ вылавливаніи самозванки вспоминаетъ Гельбигъ (стр. 245), а послѣ него, кажется, Лонгиновъ (Княжна Тараканова) и наконецъ Мельниковъ (Княжна Тараканова. Стр. 124). Въ актахъ нѣтъ слѣда участія Рибаса, что все-таки ничего не доказываетъ. Этотъ Рибасъ былъ сыномъ кузнеца изъ Барцелоны. Поступивъ на русскую службу, онъ получилъ отъ Орлова чинъ поручика флота, а затѣмъ, благодаря проворству, двигался быстро. Во время осады Очакова, Потемкинъ именовалъ его контръ-адмираломъ. По его проекту явилась Одесса. Впослѣдствіи онъ принадлежалъ къ заговору, который имѣлъ цѣлью сверженіе съ трона Павла и возведеніе Александра I.

Елисавета Тараканова.

Репродукція съ портрета, находящагося въ Гл. Арх. Мин. Иностран. дѣлъ въ Москвѣ.

ему помочь въ достиженіи цѣли. Орловъ просто ему «поручилъ» стараться изо всѣхъ силъ черезъ своихъ повѣренныхъ въ Римѣ, а особенно банкира Іенкинса уговорить претендентку къ путешествію. Такъ широко была раскинута сѣть ловцовъ.

Христенекъ, вѣроятно, находился около 18 января на мѣстѣ назначенія и сейчасъ же приступилъ къ работѣ. Онъ часто гулялъ въ окрестностяхъ дома Gioranni на Марсовомъ полѣ. Этой необычайной поѣздкѣ княжна не довѣряла, она пугалась отъ большого счастья и, боясь за себя, поспѣшила въ костелъ св. Петра, повѣрить Роккатани гнетущее ее подозрѣніе. Она старалась, чтобы кардиналъ-деканъ приказалъ узнать правительственнымъ учрежденіямъ, кто именно этотъ таинственный пришлецъ и какія намѣренія привели его въ Римъ. Аббатъ отклонилъ ея предложеніе и посовѣтовалъ претенденткѣ постучаться съ нимъ къ тревирскому резиденту гр. Lagnasco.

Недолго, однако, продолжалось недовѣріе. «Вдругъ замѣчаетъ Antici,—недовѣріе замѣнилось дружбой» и закрытые засовы дома послѣдней изъ дома Романовыхъ открылись настежь предъ благорасположеннымъ посломъ гр. Алексѣя.

III.

Въ ловушкѣ.

Долги гр. Пиннебергъ возрастали со дня на день поразительно.

Она не платила никому и, наконецъ, кредиторы устроили скандалъ, задержавъ на улицѣ карету княжны, направляющейся въ зданіе св. Коллегіи.

Однако, она отказалась съ «гордостью и гнѣвомъ» отъ выданныхъ Іенкинсомъ денегъ въ заемъ и не допустила къ себѣ Христенека, который снялъ мундиръ и, переодѣтый въ штатское, часто прогуливался на Марсовомъ полѣ. Майоръ сообщилъ ей, что онъ уволенъ со службы поручикомъ флота и никакимъ государственнымъ значеніемъ уже не пользуется. Онъ предлагалъ ей письменно изложить свои разъясненія и желанія, но она отгоняла отъ себя всюду преслѣдующій ее призракъ подосланнаго гр. Алексѣемъ.

Въ ней происходила страшная борьба; она старалась всѣми силами добыть денежныя средства изъ менѣе опаснаго источника.

Она попробовала еще разъ протянуть руку за тысячью дукатовъ къ шкатулкѣ кардинала; напрасно! Наконецъ, она была вынуждена рискнуть послѣдней ставкой. 27 января Христенекъ просилъ выслушать его; онъ сообщитъ ей сущность письма какъ-разъ въ это время пришедшаго изъ Пизы. Она разрѣшила... Онъ тотчасъ же явился и спросилъ, она ли пересылала пакетъ въ Ливорно? Что онъ еще говорилъ,—Богъ знаетъ, но ему удалось отогнать ея подозрѣнія. Несомнѣнно онъ обѣщалъ осуществить планы претендентки, обѣщалъ признаніе русскими моряками ее Елизаветой II. А затѣмъ онъ, вѣроятно, коснулся недовольства своего господина петербургскими дѣлами. Григорій Орловъ въ немилости, а неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и желаніе мести разрываетъ грудь чесменскаго побѣдителя.

Отъ музыки розовыхъ словъ шелъ и запахъ денегъ. Она увидѣла передъ собою корону, и освобожденіе отъ нужды, и возможность сохранить роль, которая была ея идеей, ежедневной мыслью. Ледъ совсѣмъ растаялъ. Графиня Пиннебергъ расхваливала передъ аббатомъ Христенека, какъ человѣка «очень искренняго», а кардинала увѣдомила 31 января, что вслѣдствіе основательной перемѣны въ ея планахъ на будущее ей больше не нужно никакой помощи. Спустя десять дней, она рѣшила оставить вѣчный городъ и исчезнуть изъ вида общества. Она просила эминенцію благословить лицо «благодарное на всю жизнь» и возвратить довѣренныя Роккатани копіи.

Благодаря совѣтамъ Христенека, самозванка въ это время рѣшила возвратиться въ Пизу, чтобы выразить свое довѣріе графу Алексѣю. Обѣщая въ жертву на алтарь любви къ Россіи положить всѣ свои желанія и помышленія, она старалась занять двѣ тысячи дукатовъ для немедленнаго выѣзда изъ Рима. За услугу она обѣщала услугу: помочь Орлову при римскомъ или какомъ-нибудь другомъ дворѣ. Майоръ командировалъ съ письмомъ къ адмиралу нарочнаго курьера. Третьяго февраля аббатъ засталъ свою знакомку въ веселомъ, счастливомъ настроеніи, радостной, упоенной свѣтлыми мыслями. Не было уже и разговора объ уедине-

ніи, объ укрываніи въ рекомендуемое маркизомъ «изгнаніе». Послѣднія дорожныя приготовленія вскрыли старую болѣзнь княжны. Лихорадка, горячка и другіе симптомы грудной болѣзни ослабили — и безъ того очень слабый организмъ. Разставаясь по дружески съ Роккатани 10-го февраля со слезами на глазахъ, она при упоминаніи имени Альбани назвала его «самымъ великимъ смертнымъ на землѣ». Послѣ этого изліянія признательности, она вручила аббату подарокъ, «столько разъ обѣщаемый и все откладываемый».

Богатая золотая шкатулочка заключала въ себѣ мелкую вещичку изъ камня, гдѣ на бѣломъ фонѣ, былъ выгравированъ воронъ. Этотъ необыкновенный художественный подарокъ, смысла и предназначенія котораго не понималъ прелатъ, былъ облеченъ въ золотую оправу, усѣянную нѣсколькими рубинами, походилъ на медальонъ для ношенія на шеѣ и былъ размѣромъ не болѣе ногтя.

Внезапный отъѣздъ таинственной жительницы дома Gioranni заинтересовалъ римское общественное мнѣніе. Всѣ ломали голову надъ причинами неожиданнаго поступка. Какъ грибы послѣ дождя, выростали слухи и соображенія. Не понимали, почему царевна именно обратилась къ представителямъ русскихъ правительственныхъ сферъ; почему охрану своей личности она отдала въ руки слуги императрицы? Розыски выхода изъ лабиринта загадокъ были слѣдствіемъ того, что въ гр. Пиннебергъ узнали метрессу Орлова, которая, разставшись когда-то со своимъ господиномъ, перешла для той же роли къ Радзивиллу, а затѣмъ вернулась съ своему прежнему любовнику. Нашлись, однако, и «политики», которые считали все дѣло ловкимъ «стратегическимъ поступкомъ» Чесменскаго, чтобы «внучку Петра» захватить въ свои руки.

VI.

Арестъ.

Пребываніе въ Пизѣ.—Предположеніе вѣнчаться.—Отъѣздъ въ Ливорно.—На борту „Исидора".—Вѣроломство Чесменскаго.—Разные факты.—Рапортъ царицѣ.—Самуэль Карловичъ Грейгъ.—Покушенія на самоубійство.—Приготовленія къ принятію арестованныхъ.—Заключеніе въ Петропавловскую крѣпость.—Радзивиллъ оставляетъ конфедератовъ.

I.

Пятнадцатаго февраля 1775 г. «послѣдняя изъ дома Романовыхъ» остановилась въ Пизѣ подъ именемъ графини Зелинской [1]). Ее приняли съ необычайнымъ почетомъ, присущимъ царствующимъ особамъ. Она поселилась въ покояхъ дома Нерви, нанятыхъ и оплаченныхъ Орловымъ. Христенекъ вдругъ перемѣнился изъ флотскаго поручика въ майора и важничалъ въ парадномъ мундирѣ. Адмиралъ каждый день бывалъ съ визитомъ, возилъ ее вмѣстѣ со свитой по городу, показывая разныя достопримѣчательности, окружилъ

[1]) Ошибочно новый псевдонимъ даетъ Бревернъ и другіе, который долженъ звучать „Силинская". Доманскій выбралъ выразительное „Зелинская". Несомнѣнно, онъ зналъ объ этомъ лучше всѣхъ, и по всей вѣроятности это новое incognito взято по его совѣту.

ich habe mich erstrauen die art gesen wie man
mit mir verfest. wo ist die grose liebe wo ist.
das heuf die versumt ich bringe mich um wo
eure excellenz nicht nach heute hin komt. sie
können sich wol vorstellen das ich schenben muss
haben sie doe henaen raus ich bin bereit
alles fu thun. was eure Excellenz haben wollen
sie können un möglich mich ungluckklig machen
kommen sie hin so werden wir „alles machen
denken sie an in grones heuf an ine grose
liebe und an meine liebe die ewig seyn wird
sie mögen mich ylucklig oder ungluckklig machen
so bin ich alfiel die liebe ich bin inen ergeben
Пресвятая самая мощная

Письмо Самозванки князю А. М. Голицыну.
(Факсимиле съ актовъ Государственнаго Архива въ Петербургѣ).

особенной предупредительностью Чарномскаго и Доманска го. Русскіе офицеры даже самаго высокаго ранга не рѣшались сѣсть при достойной госпожѣ и, казалось, что они собираются встать на колѣни, когда они къ ней обращались, или кланялись. На оперныхъ представленіяхъ тѣ же низкіе поклоны, покорность, знаки уваженія. Собравшаяся публика недоумѣвала и каждый объяснялъ дѣло по-своему.

Это была жизнь въ неволѣ и свобода въ позорной позолоченной клѣткѣ. Въ сущности шпіоны окружали плотнымъ кольцомъ самозванку; даже въ театральную ложу она не могла войти безъ свиты, чуткіе взгляды слѣдили за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ движеніемъ, чуть ли не за каждымъ вздохомъ. Къ этому времени вдругъ исчезла метресса гр. Алексѣя госпожа Демидова, съ которой онъ въ полномъ смыслѣ слова почти не разставался. Завязались болѣе тѣсныя отношенія между таинственной чужестранкой и Чесменскимъ. Она разсказывала ему столько разъ повторяемыя персидскія легенды, хвалилась знакомствомъ съ прусскимъ королемъ, съ нѣмецкими князьями и особенно съ курфюрстами Тревира и герцогомъ Голштинскимъ, а также съ французскими министрами. Съ недовѣріемъ княжна отзывалась о вѣнскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ этимъ высоко цѣнила, имѣя въ виду свое благо, кабинеты шведскій и берлинскій. Пизу она считала только дорожнымъ этапомъ, потому что на самомъ дѣлѣ она рѣшила отправиться на Золотой Рогъ къ султану. О Пугачевѣ она какъ-то неупоминала, хотя вѣроятно еще не знала о московской экзекуціи.

Чесменскій вслушивался въ ея жалобы, принималъ видъ сочувствующаго и увлеченнаго, а когда ему казалось, что онъ пріобрѣлъ симпатію, онъ рѣшался даже объясняться въ страстной любви и въ доказательство искренности своихъ признаній, говорилъ о готовности немедленно вести предметъ своего обожанія къ алтарю... Она не согласилась... Привела доводы. Ей вѣдь грозитъ буря, предстоитъ тернистый путь. Она желаетъ раньше быть на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, а потомъ осчастливитъ гр. Алексѣя. Какъ бы въ залогъ будущаго, она подарила ему свой портретъ. Адмиралъ тотчасъ же доносилъ императрицѣ: «Признаюсь, чтобы исполнить порученіе, я и такимъ образомъ могъ бы

привести въ дѣйствіе приказъ Вашего Величества» [1]). Не одинъ только лирическій шепотъ носился въ Пизѣ; несомнѣнно Орловъ одобрилъ горячіе самозванскіе планы и обѣщалъ взбунтовать флотъ. Одна изъ видныхъ пружинъ интриги—Христенекъ—просилъ внучку Петра Великаго замолвить словечко Чесменскому, чтобы получить чинъ полковника. Такимъ путемъ отводили подозрѣнія, гасили всякое критическое отношеніе. Послѣ недѣльнаго времяпровожденія адмиралъ подалъ мысль переѣзда въ Ливорно, чтобы посмотрѣть морскіе маневры. Выбрали утро 22 февраля.

Послѣ обѣда у Джона Дика гр. Алексѣй отправился съ претенденткой, неотступнымъ Христенекомъ, конфедератами и слугами въ портъ гдѣ они сѣли въ шлюпку, которая ихъ подвезла къ адмиральскому кораблю «Исидоръ». Загремѣли громкіе салюты, такъ что волны моря заколебались, въ воздухѣ носились звуки музыки, раздалось «ура», издаваемое тысячами грудей. Царевну, какъ царицу, привѣтствовалъ флагъ св. Андрея... Грейгъ униженно принялъ гостей. Стихли пушечные выстрѣлы... Послѣ осмотра «Исидора» слѣдовало вооруженное ученіе гвардіи и егерей съ «Мироносца», и, наконецъ, маневры флота.

Елизавета II, засмотрѣвшись на чарующее зрѣлище, не замѣтила, какъ часу въ шестомъ Орловъ незамѣтно отдалился. Тогда къ иностранцамъ приступилъ гвардейскій капитанъ Литвиновъ съ вооруженной стражей; онъ потребовалъ отъ конфедератовъ ихъ «карабели» [2]), взялъ отъ Христенека саблю и объявилъ всѣмъ, что они лишаются свободы. Напрасно добивались объясненій, напрасно требовали приглашенія Орлова,—капитанъ неизмѣнно пожималъ плечами, ссылался на распоряженія Грейга и давалъ понять, что и Чесменскій находится подъ замкомъ... Когда въ Ливорно такъ разрушались планы претендентки, въ Пизѣ перетрясли ея сундуки и вещи, забрали бумаги, деньги и множество драгоцѣнныхъ вещей, а изъ оставшейся службы арестовали Рихтера, Анчіотти и Лабендзскаго. 24 февраля размѣстили узниковъ, чтобы они не могли другъ съ другомъ сообщаться. Княжну оставили съ Францишкой фонъ Мешеде въ каютѣ «Исидора»,

---

[1]) Т. е. даже жениться на самозванкѣ.

[2]) «Karabela»—польская сабля безъ дужки. *Прим. переводчика.*

Доманскаго съ Рихтеромъ перевели на «Мироносца», а Черномскаго на «Невскій».

Гнѣвъ обманутой не имѣлъ границъ.

Едва княжна овладѣла собой, она потребовала отъ Грейга объясненій самоуправства. Адмиралъ увѣрилъ ее, что онъ, какъ солдатъ, слушается только приказаній. Тогда она обратилась съ письмомъ къ Орлову. Это было горькое обращеніе! Онъ, молча, оставилъ ее, когда ее лишали свободы, скрытно, коварно! Куда же дѣвались прекрасные пизанскіе моменты, гдѣ его клятвы въ вѣрности и преданности? Она не погребала въ памяти своихъ словъ и не разувѣрилась еще, несмотря на то, что онъ толкнулъ ее въ пропасть; имѣетъ ли онъ еще способъ спасенія невинной? Она звала его къ себѣ, взывая къ его чувству и все еще надѣясь.

Не безъ душевныхъ потрясеній пережилъ ночь послѣ сцены на «Исидорѣ»—ея виновникъ. Онъ пришелъ къ сэру Джону Дику съ разстроенными нервами, жаловался на безсонницу и одолжилъ нѣсколько веселыхъ книжекъ, какъ говорилъ, для своей подруги, оставшейся на кораблѣ [1]). Онъ отвѣтилъ но ея обращеніе тоже по-нѣмецки, но такъ небрежно, дѣланно и наивно, что она взывала къ небу о мести. Оригинальный путь покаянія! Онъ старался поселить въ несчастной женщинѣ убѣжденіе, что и онъ палъ жертвой ловушки и потерялъ свободу, какъ сообщникъ злыхъ намѣреній претендентки. Онъ выдумалъ цѣлую исторію и снабдилъ ее всѣми подробностями.

Какъ только онъ вступилъ на палубу «Исидора», ему посовѣтовалъ Грейгъ немедленно захватить шлюпку и бѣжать, что есть духу. Недолго думая, онъ выпрыгнулъ въ лодку и приказалъ грести къ берегу. Напрасно! слишкомъ поздно! Ему загородили поперекъ дорогу корабли, объ одинъ изъ которыхъ онъ стукнулся и очутился въ рукахъ своихъ преслѣдователей. Со «слезами на глазахъ» капитанъ объявилъ ему, что онъ арестованъ. Однако, онъ не упалъ духомъ, разсчитываетъ де на привязанность своихъ офицеровъ и на пріятеля Грейга... «Объ одномъ прошу, — разсыпался онъ,—чтобы Вы обратили вниманіе на свое здоровье; обѣщаю Вамъ, что какъ только выберусь на свободу, я

---

[1]) Wraxall. Самъ Дикъ разсказывалъ это автору памятниковъ.

отыщу Васъ на всѣхъ краяхъ свѣта, чтобы загладить свою оплошность. Очень прошу взвѣсить то, что я вамъ совѣтую отъ чистаго сердца. Ваше письмо я читалъ со слезами на глазахъ; по тону изъ него ясно, что вы сваливаете вину на меня»... Не будучи увѣренъ, что письмо дойдетъ до адресатки, онъ «цѣловалъ сердечно ручки» княжны и изъ осторожности забывалъ подписаться.

Эскадра Грейга 25 февраля натянула паруса и пустилась въ открытое море.

Какъ только эскадра отошла отъ тосканскихъ береговъ, Орловъ составилъ правительственный рапортъ и отправилъ съ нимъ Христенека, Мефистофеля интриги, который «великолѣпно разыгривалъ свою роль» и цѣлыя сутки просидѣлъ на «Исидорѣ» въ притворномъ заключеніи. Что это за необыкновенный рапортъ! Это какъ бы описаніе изловленія «негодницы», хорошо написанное, переплетенное остроуміемъ, гдѣ въ заключеніе, онъ ставитъ себѣ памятникъ за услуги для трона и монархіи. Balafré ловко окружилъ свой ликъ ореоломъ и при сіяніи этого блеска спасалъ колеблющуюся династію Орловыхъ; прежде всего онъ долженъ былъ устранить всѣ препятствія, заграждающія ему путь возвращенія въ Петербургъ. Все поэтому приняло, сообразно поставленной имъ цѣли, гигантскіе размѣры!

Какая самоотверженность!

Его рѣшеніе обручиться съ «негодницей» въ Пизѣ, чтобы только угодить императрицѣ, выполненіе имъ Ливорнскаго плана, ревизія ея вещей, конфискація важныхъ документовъ. Столько смѣлости не могло остаться безъ послѣдствій! Онъ тогда рѣшилъ открыться передъ владычицей «какъ передъ богомъ». «Негодница располагала связями, помощники ея могутъ и теперь его отравить, или застрѣлить...»

Въ этомъ вѣроломствѣ, какъ и вообще въ поступкѣ со своей жертвой, которой когда-то онъ «сердечно цѣловалъ ручки», хотя и держалъ ее въ клещахъ, виденъ «человѣкъ со шрамомъ», этотъ гвардеецъ, что объявлялъ народу о государственномъ заговорѣ передъ Казанскимъ соборомъ, а затѣмъ въ Ропшѣ удушилъ Петра III, что ломалъ подковы у маркиза Падули, виденъ тотъ, кто украсился чужими перьями, приписавъ себѣ чудесную чесменскую побѣду. Теперь онъ хотѣлъ перехитрить царицу, избавиться отъ наскучившихъ путе-

шествій, возвратиться въ столицу и произвести тамъ реставрацію фамильной позиціи. Для того же, чтобы избѣжать всякихъ упрековъ въ двуличности, онъ упомянулъ и о портретѣ, подаренномъ ему «обманщицей» въ Пизѣ: «если бы въ Россіи желали мнѣ зла, можно было бы это обстоятельство направить противъ меня, сдѣлать это оружіемъ противъ меня».

Въ надежныя руки попалась несчастная княжна Волдоміра...

Самуэль Карловичъ Грейгъ принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ морякамъ, которые только въ Россіи выучились русскому языку и добывали новому царскому флоту міровую извѣстность. Онъ былъ травленый морской волкъ, который съѣлъ зубы въ переѣздахъ по разнымъ странамъ свѣта. Будучи поклонникомъ либерализма и массоновъ, онъ увлекался Ринальдомъ и Монтескьё, основалъ ложу свободныхъ каменщиковъ «Нептунъ» въ Кронштадтѣ и въ то же время сумѣлъ быть повѣреннымъ тайнъ и другомъ сердца... Орлова-Чесменскаго...

Отсюда миссія Грейга—отсюда его избраніе.

Согласно полученной обстоятельной инструкціи, онъ долженъ былъ слѣдить за здоровьемъ своего узника и для этого пригласить спеціальнаго врача, и затѣмъ наблюдать, чтобы нигдѣ, особенно на пристаняхъ, она не пыталась бѣжать или снестись съ кѣмъ-нибудь лично, или съ помощью переписки.

Послѣ отплытія эскадры, состоящей изъ пяти линейныхъ кораблей и фрегата, Орловъ далъ знать объ ея отъѣздѣ русскому послу въ Лондонъ, чтобы онъ во-время приготовилъ соотвѣтствующіе запасы съѣстныхъ припасовъ и прочихъ матеріаловъ. Грейгу поставили въ обязанность спѣшить, какъ можно скорѣе, къ мѣсту назначенія. Пятнадцатаго марта эскадра прошла чрезъ Гибралтаръ въ Атлантическій океанъ. Княжна сохраняла спокойствіе, громадное самообладаніе, чувство собственнаго достоинства и гордости. Иногда была весела, въ хорошемъ расположеніи, иногда величава, или грустна. Къ людямъ изъ стражи она относилась сдержано, и съ ней они обходились, какъ съ дѣйствительной наслѣдницей династическихъ правъ. Она ожидала еще, повидимому, обѣщанной помощи Орлова въ одномъ изъ англійскихъ портовъ. Обманулась... У британскихъ береговъ она догадалась, куда ее везутъ, и даже быть можетъ о настоящей роли Чесменскаго. Вдругъ передъ нею раскрылось все,

какъ страшная пропасть: ея безвыходное, безнадежное положеніе... Поняла она услужливость Христенека и свое легкомысліе... Крикъ отчаянія и горя вырвался изъ груди безсильной... Она упала въ обморокъ на полъ и четверть часа лежала блѣдная, мертвая, безъ чувствъ, такъ что даже не надѣялись на возвращеніе едва не угасшей жизни.

Когда она пришла въ себя и встала, она сдѣлала энергичную попытку броситься въ стоящую неподалеку англійскую шлюпку. Ей помѣшали... Неутѣшная въ горѣ — она искала средства къ самоубійству, искала смерти въ морскомъ безбрежьи. Аргусовый глазъ стражи и Грейга мѣшали всѣмъ попыткамъ. Эта трагедія, это терзанье и приливъ любопытныхъ, которые спѣшили изъ Лондона и болѣе далекихъ мѣстностей, чтобы посмотрѣть самозванку и проникнуть на палубу «Исидора», заставили Грейга скоро оставить Англію. Онъ рѣшилъ въ будущемъ заходить въ чужія пристани только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ сообщалъ Орлову, что никогда въ жизни онъ не выполнялъ такого труднаго назначенія.

Въ половинѣ марта Христенекъ прибылъ въ Москву съ радостною вѣстью...

Екатерина сердечно поблагодарила гр. Алексѣя. «Дѣйствительно—писала она—никто другой не заинтересовалъ бы безумной «бродяжки»; всякій гнушался бы явно или тайно признаться въ какихъ-нибудь отношеніяхъ съ нею. Для польскихъ конфедератовъ эта комедія, какъ и другія новыя выходки, сдѣланныя по ихъ иниціативѣ, будутъ громаднымъ позоромъ». Въ другомъ рескриптѣ на имя князя Александра Михайловича Голицына, петербургскаго генералъ-губернатора, она приказывала предупредить адмиралтейство о возможности прибытія Грейга въ Кронштадтъ или Ревель, сейчасъ же послѣ таянія льда на Балтійскомъ морѣ. Въ первомъ случаѣ Голицынъ долженъ былъ принять самозванку и помѣстить въ Петропавловской крѣпости, отдѣльно отъ конфедератовъ и подъ личную отвѣтственность коменданта; во второмъ случаѣ онъ долженъ былъ снестись съ ревельскимъ вице-губернаторомъ относительно отвѣтственности заключенія. Голицынъ немедленно выполнилъ приказаніе. Ревельскій вице-губернаторъ сообщилъ обстоятельныя разъясненія, при чемъ, на случай распоряженія изъ Москвы, приготовилъ для ожидаемой гостьи камеру, въ которой нѣ-

сколько лѣтъ спустя заключили бродягъ Пумера и Андрея Сталя. 22 мая эскадра бросила якорь въ кронштадтскомъ рейдѣ. Тотчасъ же объ этомъ Грейгъ увѣдомилъ князя Александра Михайловича, вслѣдъ за чѣмъ Голицынъ приказалъ ему переправить ночью царевну, вмѣстѣ со свитой, въ Петропавловскую крѣпость, а коменданту крѣпости далъ указанія относительно того, чтобы посадить арестантовъ въ отдѣленіе для заключенныхъ по тайнымъ дѣламъ.

Грейгъ, согласно инструкціи Орлова, которая ему запрещала выдавать самозванку безъ именного указа царицы, послалъ въ Петербургъ за разъясненіями капитана лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Карпова. Поэтому формальность выдачи «послѣдней изъ дома Романовыхъ» затянулась. Наконецъ, пришелъ ожидаемый указъ слѣдующаго содержанія: «Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ! Поздравляю васъ съ счастливымъ прибытіемъ съ эскадрой въ наши порты, о чемъ я сегодня узнала къ моей большой радости. По вопросу объ извѣстной женщинѣ и «ея свитѣ» я отправила приказъ въ Петербургъ фельдмаршалу кн. Голицыну и онъ изъ вашихъ рукъ возьметъ спутниковъ. Прошу быть увѣреннымъ, что значительныя ваши заслуги Я помню и не замедлю вамъ дать свидѣтельство своего расположенія».

Всѣ недоразумѣнія, наконецъ, устранены. Въ Кронштадтъ прибылъ съ отрядомъ солдатъ преображенскаго полка капитанъ гвардіи Александръ Толстой, съ котораго взяли обѣщаніе вѣчной тайны. Утромъ на зарѣ, 6-го іюля въ 2 часа онъ привезъ узниковъ въ крѣпость. Измученная двухъ съ половиной мѣсячной дорогой, переиспытавъ чуть ли не дантовскій адъ, Волдомірская княжна увидѣла вынырнувшее изъ мрака черной ночи сооруженіе,—мертвый домъ страданій, мученій, смерти. Посреди его строеній, окруженныхъ теченіемъ величественной Невы и болѣе скромной Невки, протянулась вверхъ церковная колокольня стрѣлой, иглообразная, въ видѣ башни, а на ней ангелъ съ тяжелымъ крестомъ, который какъ бы хотѣлъ нести на себѣ крестъ людской скорби, изнывающаго отъ страданій расположеннаго внизу города. Загремѣли ворота, раскрывшись для печальнаго прибавленія; Андрей Чернышевъ оберъ-комендантъ Петербурга принялъ новыхъ гостей и заключилъ ихъ въ разныхъ равелинахъ...

Во время этихъ происшествій съ Азовской принцессой и князь «Пане Коханку» влачилъ жалкое существованіе и, наконецъ, съ униженной просьбой отъ 22 марта непримиримый конфедератъ «припалъ» къ ногамъ Екатерины II и молилъ о прощеніи, а въ доказательство своей лойяльности пошелъ на обѣдъ къ русскому послу, гдѣ и встрѣтился съ Орловымъ. «Этотъ послѣдній — сообщалъ князь Бернатовичу — самъ меня разспрашивалъ о моемъ дѣлѣ, обнадеживалъ меня и обѣщалъ сдѣлать для меня все, что сможетъ у своей великой Монархини. Это приглашеніе, навѣрное, не было напраснымъ, потому что случилось по прибытіи Орлова». Происходило это въ минуты мрачныхъ сомнѣній, во время ссоръ въ заглохшей, доведенной до пропасти отчаянными планами, дружно погребаемой конфедераціи.

VII.

Въ Петропавловской крѣпости.

Разсказъ претендентки. — Болѣзнь царевны. — Письмо къ императрицѣ. — Гнѣвъ Екатерины.—Напрасныя попытки Голицына.—Новая инструкція императрицы.—Очная ставка.—«Нота» самозванки.—Проектъ вѣнчанія въ тюрьмѣ.—Новыя показанія.—Государство на Терекѣ.—Маршалъ Кейтъ.—Дочь ресторатора изъ Праги.—Банкротство слѣдствія.—Попъ Андреевъ изъ Казанскаго собора.—Исповѣдь.—Смерть.—Слухи.

I.

Первое слѣдствіе.

Началось слѣдствіе.

Инквизиторамъ было приказано использовать всѣ средства для выясненія настоящей правды.

Галицкій хорунжій и пинскій консилярій переживали дантовскій адъ: надо было и себя выгородить и спасти Радзивилла и помнить о случившемся несчастьѣ. Къ счастью руководитель дознанія, князь Александръ Михайловичъ Голи-

цынъ, видѣлъ въ нихъ скорѣе авантюристовъ, чѣмъ пружину большого политическаго дѣла.

Центръ тяжести находился въ показаніяхъ самой претендентки. Тутъ открывалось для Голицына обширное поле, нетронутая земля, онъ могъ вступить въ опасныя поля Сфинкса. Тѣмъ задача была труднѣе для человѣка благороднаго, солиднаго, полусолдата, полудипломата. Едва ли съ бо́льшими трудностями боролся онъ подъ Кунерсдорфомъ, въ семилѣтнюю кампанію, или въ турецкую войну, изъ которыхъ онъ вынесъ въ награду титулъ покорителя Хотина. Онъ явился въ казематъ обвиняемой вмѣстѣ съ коллежскимъ ассесоромъ Василіемъ Ушаковымъ, который былъ секретаремъ при составленіи протокола и обязался подъ страхомъ смерти вѣчно объ этомъ молчать.

На сѣромъ фонѣ комнаты обрисовалась фигура женщины средняго роста, исхудалая, съ темными волосами, черными глазами, немного косыми, длиннымъ носомъ съ горбинкой, напоминающимъ итальянскіе типы. Съ видимымъ раздраженіемъ она спросила, почему съ ней такъ жестоко поступили? Князь спокойно привелъ причины и требовалъ правды задавалъ вопросы по-французски и велѣлъ тотчасъ же отвѣты переводить на русскій. Такимъ образомъ получился разсказъ, который въ заключеніе былъ прочитанъ во французскомъ переводѣ самозванкѣ, а она подписала его въ знакъ согласія именемъ Елизаветы.

Снова воскресли персидскія легенды, построенныя съ тѣмъ же экзотическимъ краснорѣчіемъ, какъ въ Венеціи, или въ Рагузѣ, или въ Римѣ.

Только на этотъ разъ страничка удивительныхъ приключеній послѣ эпопеи послѣднихъ мѣсяцевъ была и длиннѣе, и ярче. Снова звучали имена Гаметовъ, Али, богатой Персіи, владѣнія Волдоміръ, Али Эметте́, прошла панорама происшествій въ странахъ отъ Сибири и Черкесскаго края до Петербурга и всѣхъ большихъ столицъ европейскаго міра. Смерть Петра Великаго, ядъ, бѣгство, счастливое спасеніе выплыли изъ мглы фантазіи, облеченные въ живое картинное слово.

Разсказавъ происшествія лѣтъ—ранней молодости, она перешла къ описанію тяжелой борьбы. Изъ Франціи она отправилась въ Германію съ намѣреніемъ пріобрѣсти земель-

ную собственность. Тутъ она познакомилась съ Шлезвигъ-Голштинскимъ герцогомъ, царствующимъ графомъ въ Лимбургѣ, который вмѣстѣ съ сердцемъ предложилъ ей руку и имѣніе.

Для полученія брачныхъ документовъ она намѣревалась выѣхать въ Россію и представиться императрицѣ. Расположеніе монархини она намѣревалась получить за разъясненіе ей проектовъ, важныхъ для русской торговли съ Персіей, о чемъ она переслала меморіалъ русскому вице-канцлеру. За эту услугу она надѣялась получить фамилію и почетный титулъ, чтобы соединиться супружескими узами съ Филиппомъ Фердинандомъ. Проектъ вѣнчанія ожидалъ своего выполненія, ея избранникъ далъ полномочія на веденіе дѣла о Шлезвигѣ и Голштиніи. Во время отъѣзда пришло извѣстіе о замѣнѣ этихъ княжествъ Ольденбургомъ и Делменгорстомъ и это задержало ее въ Оберштейнѣ, гдѣ она уже сходила за будущую жену «господина Вагріи». Долги Филиппа Фердинанда заставили ее искать наличныхъ денегъ. Она особенно старалась о нихъ въ Венеціи, благодаря существовавшимъ тамъ финансовымъ связямъ Али. Для этого она хотѣла какъ можно скорѣе снестись со своимъ прежнимъ покровителемъ и благодѣтелемъ. Имѣя намѣреніе отправить посла въ Испагань, она просила кн. Карла Радзивилла, который въ это время готовился къ стамбульскому путешествію, принять въ свою свиту ея вѣрнаго слугу.

Она письменно снеслась съ Радзивилломъ, и онъ назначилъ мѣстомъ свиданія домъ одного сенатора и изложилъ обширное увѣреніе, что она можетъ быть для Польши чрезвычайно полезнымъ человѣкомъ. Во время свиданія оказалось, что онъ считалъ ее по слухамъ, возникшимъ среди французскихъ офицеровъ, дочерью умершей царицы Елизаветы, противъ чего она очень протестовала. Въ литовскомъ магнатѣ она угадала человѣка «ограниченнаго», строящаго воздушные замки. Она разочаровалась и рѣшила подъ такимъ патронатомъ не посылать своего человѣка и вообще окончить первымъ свиданіемъ. Но сестра воеводы, генеральша Моравская, просила ее, чтобы она не оставляла брата въ его путешествіи на Золотой Рогъ, чтобы она помогла ему своимъ знакомствомъ съ языками и обычаями Востока. Она согласилась.

Стамбулъ княжна считала однимъ изъ этаповъ путешествія въ Персію. По дорогѣ она остановилась въ Рагузѣ. По ея порученію Чарномскій устраивалъ въ Венеціи заемъ и окончилъ это дѣло съ милордомъ Montagu. Ожиданіе турецкихъ фирмановъ поглотило множество времени. Восьмого іюля 1774 года она получила пакетъ съ анонимнымъ письмомъ и двумя запечатанными конвертами. Она узнала удивительныя вещи...

Къ ней обращались и просили, чтобы она поспѣшила на Босфоръ и тамъ, какъ княжна Елизавета и законная наслѣдница Романовыхъ, была посредницей въ утвержденіи мира между Турціей и Россіей. Ее обязывали вручить одинъ изъ конвертовъ лично падишаху въ Сералѣ, а другой отослать гр. Орлову. Ни минуты не колеблясь, она вскрыла оба. Сняла съ бумагъ, предназначенныхъ для Чесменскаго, копіи, и со своей печатью отправила ихъ на мѣсто назначенія. Письма, полученныя отъ султана, отклонили ее отъ стамбульскаго путешествія. Трактатъ въ Кучукъ-Кайнарджи заставилъ ее измѣнить тактику.

Она просила Радзивилла, чтобы онъ бросилъ безцѣльное упорство и вернулся на родину. Упрямый человѣкъ не хотѣлъ слушать совѣтовъ, переѣхалъ въ Лидо, оставивши ей на память Чарномскаго и Доманскаго. Изъ Рима она намѣревалась ѣхать въ Оберштейнъ. Въ это время появился адъютантъ Христенекъ, котораго она приняла только послѣ долгихъ колебаній. По его настоянію она рѣшила повидаться съ Орловымъ, потому что она во всякомъ случаѣ должна была посѣтить Пизу. Дальше слѣдовали извѣстныя, довольно вѣрно разсказанныя происшествія, поѣздка въ Ливорно и сцена ареста. Она отпиралась отъ авторства выдумки о своемъ монаршемъ происхожденіи, никогда не разглашала тайны, ни откуда не получала одобренія, не желала присваивать себѣ чужихъ правъ. Только Али говорилъ ей объ этомъ ясно, больше же никто. И въ самомъ дѣлѣ Лимбургъ, Радзивиллъ и другіе свѣтлые люди журили ее за скрываніе слѣдовъ происхожденія, и она, измученная, разстроенная, отговаривалась желаніемъ избавиться отъ наговоровъ: считайте меня такой, какой желаете, за дочь ли султана или шаха, или даже русской княжной, я ничего не знаю о своемъ рожденіи.

Нужно же было что-нибудь отвѣтить! Въ Синьоріи быстро распространился этотъ сенсаціонный слухъ, когда лимбургскій полковникъ, баронъ Кнорръ, титуловалъ ее, несмотря на ея запрещеніе, «Высочествомъ», то же повторилось и въ Рагузѣ, гдѣ сенатъ приготовилъ ей особенныя почести.

Во время допроса о завѣщаніяхъ она защищалась такъ же энергично и ловко. Въ конвертѣ, адресованномъ на имя султана, она нашла распоряженіе послѣдней воли Петра I, Екатерины I и Елизаветы и минифестъ къ флоту. Отсылая пакетъ въ Ливорно, она имѣла надежду узнать хоть что-нибудь отъ Орлова о происхожденіи миѳическихъ документовъ, при этомъ она хотѣла обратить его вниманіе на интригу, вѣроятно построенную въ Россіи. Присягой она рѣшалась подтвердить свою неосвѣдомленность о происхожденіи документа и о его авторѣ... Но быть можетъ въ ея душѣ пробуждались воспоминанія о ранней порѣ жизни?

Можетъ быть она была лицомъ, упомянутымъ въ завѣщаніи, т. е. императорской дочерью!

Развѣ анонимъ не былъ актомъ политической комбинаціи?

Она ждала разъясненій Орлова, но дождалась до молчанія. Она ломала себѣ голову, кто ей прислалъ бумаги. Исходили ли онѣ изъ Версальскаго кабинета, или изъ Стамбула, можетъ быть изъ Вѣны?

Не будучи въ состояніи попасть на какой-нибудь вѣрный путь, она расхворалась и думала только о томъ, какъ бы получить средства на дорогу въ Оберштейнъ. Бумагъ она не уничтожала, чтобы показать ихъ жениху. Въ письмахъ, писанныхъ изъ Рагузы къ султану, она ни въ чемъ не признавалась; отрекаясь отъ этого, она замѣтила, что хотя и прошла тяжелую школу жизни, но, отдавая свою судьбу въ руки Провидѣнія, она имѣетъ чистую и непорочную совѣсть.

Она выразила надежду на милость и расположеніе царицы. Она всегда чувствовала симпатію къ Россіи, всегда старалась отклонить направляющіеся на нее удары, и особенно старалась уничтожить планы Радзивилла, который хотѣлъ ѣхать на Босфоръ, чтобы съ помощью французскаго посла разгласить новость о дочери Елизаветы.

Она этому рѣшительно воспротивилась и мѣшала ему получить на это дѣло денегъ взаймы. Князь «Пане Коханку», раздраженный ходомъ дѣла, носился съ мыслью поджечь русскій флотъ около итальянскаго прибрежья, но снова ея избавительная рука отвратила несчастье отъ флота св. Андрея. Всѣ эти несогласія разссорили ихъ другъ съ другомъ...

Голицынъ вдоволь наслушался этихъ наивныхъ разсказовъ. Онъ быстро разобрался и резюмировалъ по-своему. «Исторія ея жизни переполнена невѣроятіями, похожа на сказку»—сообщалъ онъ царицѣ. Ничего не помогли угрозы, она не измѣнила ни слова. Онъ сразу не могъ доказать ея лжи и поэтому не ограничилъ заключенной ни порціи ѣды, не лишалъ ее горничной Францишки фонъ Мешеде. Онъ велъ дѣло осторожно, потому что долгое путешествіе и глубокія моральныя потрясенія совсѣмъ ослабили здоровье лжецаревны. Крѣпостной врачъ сдѣлалъ недвусмысленное предостереженіе. Больная боролась съ неизлѣчимою болѣзнью, плевала кровью и кашляла продолжительнымъ кашлемъ. Чахотка была въ послѣдней степени. Вслѣдствіе страшной сырости и темноты въ подводномъ равелинѣ Голицынъ приказалъ перенести несчастную въ болѣе свѣтлый и сухой домъ подъ квартирой коменданта крѣпости. Онъ, повидимому, сочувствовалъ царевнѣ, ея испытаніямъ, которыя она претерпѣвала. «Насколько можно видѣть—рапортовалъ онъ царицѣ—изъ ея словъ и поступковъ, это страстная, горячая натура, одаренная быстрымъ умомъ и понятливостью, имѣетъ много свѣдѣній, владѣетъ нѣмецкимъ и французскимъ языками въ совершенствѣ съ очень чистымъ произношеніемъ». Первыя попытки освѣщенія тайны самозванки не удались. «Что же касается поляковъ—предполагалъ кн. Александръ Михайловичъ—то они вѣрили, какъ мнѣ кажется, въ имя этой женщины и, какъ бродяги, совмѣстно съ нею надѣялись найти счастье».

Принявъ уже систему отрицанія и тканья паутины занимательныхъ разсказовъ, она рѣшила оправдать себя избранной ею системой. Нашелся и доказательный доводъ. Развѣ она пошла бы въ объятія вѣрной неволи, чувствуя свою вину? «Повѣрьте мнѣ—увѣряла она Голицына—что я имѣла честныя намѣренія, и хотя теперь страдаю, но Богъ справедливъ. Я имѣю нравственныя доказательства, что это

дальше продолжаться не можетъ, потому что вся моя система опирается на искренность и желаніе посвятить остатки жизни служенію идеѣ добра; у меня нѣтъ злого чувства». Къ этому документу изъ тюремнаго заключенія отъ двѣнадцатаго іюня она приложила письмо къ императрицѣ. Она говорила въ немъ туманно о благѣ, которое она желаетъ доставить Россіи, и просила выслушать ее, чтобы окончательно разбить необоснованныя подозрѣнія.

Между тѣмъ Екатерина въ инструкціи отъ 18-го іюня приказала посовѣтовать княжнѣ, чтобы она «перестала разыгрывать комедію», если желаетъ облегченія своего тяжелаго положенія. Она была сильно разгнѣвана, что царевна подписалась именемъ Елизаветы. Общее мнѣніе—разсуждала монархиня—считаетъ ее авантюриской и поэтому лучше всего «пусть спуститъ тонъ и откроется искренно, кто ей посовѣтовалъ принять эту роль, откуда родомъ и давно ли она выдумала эту продѣлку». Съ видимымъ раздраженіемъ она была склонна считать несчастливицу-соперницу—лишенной разсудка и не могла даже удержать чистосердечнаго восклицанія: вотъ такъ каналія!—voila une fiefè canaille!.. [1]).

Императрица отчетливо обозначила направленіе слѣдствія. Дѣло заключалось въ извлеченіи правды изъ-подъ толстаго слоя сказокъ, о томъ, откуда произошла интрига, кто былъ иниціаторомъ и кто, главнымъ образомъ, за кулисами нажималъ пружины. Князь Александръ Михайловичъ постарался принудить узницу угрозами, нравственнымъ воздѣйствіемъ. По его порученію Василій Ушаковъ сказалъ претенденткѣ, что императрица считаетъ басню, разсказанную на слѣдствіи, ширмами, за которыми скрыта правда. Милость постучится въ тюремное заключеніе послѣ болѣе искренняго, чистаго, откровеннаго признанія. Но изумленный уполномоченный едва самъ не отказался отъ своихъ убѣжденій, когда услышалъ клятвы, призыванія въ свидѣтели Бога, приглашенія на себя всякихъ мукъ...

Она не измѣнила ни слова; съ каменнымъ упорствомъ, съ гранитной твердостью настаивала на своемъ. Дали ей еще

---

[1]) Сборникъ 1 ч. Рескриптъ на имя Голицына отъ 7 ст. ст. (а 18-го нов. ст.) іюня.

нѣкоторое время для раздумья, чтобы она одумалась. По истеченіи срока предсталъ передъ узницей самъ главный инквизиторъ, но услышалъ то же: «ни происхожденія документовъ, ни родителей, ни мѣста рожденія она не знаетъ, а считали ее дочерью царицы Елизаветы Петровны только въ виду увѣреній Али и другихъ».

Голицынъ чувствовалъ свое безсиліе и, полагая, что самозванка снисхожденіе считаетъ уступчивостью и выраженіемъ почтенія, рѣшилъ перейти отъ застращиваній къ выполненію угрозъ. Поэтому онъ взялъ изъ каземата обвиняемой Францишку фонъ Мешеде и для надзора оставилъ двухъ солдатъ и офицера, съ которыми она не могла завязать сношеній, не зная русскаго языка. Изъ каземата взяли также всѣ вещи, кромѣ самой необходимой одежды и постели, а пищи выдавали лишь столько, сколько считалось необходимымъ для поддержанія падающихъ силъ чахоточной. Голицынъ разсчитывалъ на неизбѣжное слѣдствіе проведеннаго пріема. Молчаніе было страшнымъ наказаніемъ для живой и любящей говорить женщины. Отчасти онъ не обманулся. Чрезъ двое сутокъ она въ отчаяніи не принимала кушанья, заливалась слезами, впала въ апатію и угнетенное состояніе. Мимическими знаками она потребовала перо, бумаги и упоминала фамилію Голицына. Когда донесли князю о желаніи, онъ приказалъ его выполнить, а написанное немедленно отнести къ себѣ.

Одни жалобы, нареканія, слезы...

Она просила помилованія и для себя, и для тѣхъ, которые по ея винѣ отбывали наказаніе за тюремной рѣшеткой. Но лирическіе порывы пришлись не по вкусу Голицыну. Несмотря на это, онъ отправился въ крѣпость съ намѣреніемъ разузнать хоть что-нибудь. Но снова разочаровался. Самозванка упомянула только о письмахъ своихъ знакомыхъ. Тутъ былъ и князь Лимбургскій и Горнштейнъ и de Marine, Огинскій, французскій генералъ бар. Вейдбрехтъ и директоръ полиціи Сартинесъ... Однако, она не отступила ни на дюймъ отъ прежнихъ увѣреній, готова была—какъ она выражалась—понести за нихъ смерть и пытки.

Голицынъ сурово замѣтилъ, что заклинанія и призыванія разныхъ земныхъ и неземныхъ силъ никого не убѣждаютъ, и не служатъ доказательствомъ; однако, смилостивившись

надъ судьбой самозванки, онъ вернулъ ей общество Франциски фонъ Мешеде и поставилъ чуткую стражу для того, чтобы она въ отчаяніи не наложила на себя руки.

Екатерину II раздражалъ результатъ слѣдствія. Въ нетерпѣніи она взяла въ свои руки управленіе дѣломъ, старательно вчитывалась въ присланные въ Москву акты и реляціи. Болѣе всего она интересовалась вопросомъ, кто же именно скрывался за лже-царевной. Она уже имѣла большой навыкъ въ контролированіи процессовъ: борьба съ самозванствомъ, государственные заговоры, недавній бунтъ Пугачева были основательной школой для императрицы. Когда-то въ процессѣ архіепископа Ростова, Арсенія Маціевича она приказывала докладывать себѣ протоколы, дѣлала на нихъ дополнительныя замѣтки и давала по нѣкоторымъ пунктамъ краткія инструкціи. Теперь она сдѣлала то же самое только съ большей горячностью и раздраженіемъ; она сама сопоставила противорѣчащіе пункты признанія, сама подчеркнула ложныя утвержденія. Какъ Маціевича она постоянно называла «неизвѣстнымъ заключеннымъ» или «холопомъ Андреемъ Вралемъ», такъ не щадила самыхъ яркихъ прозвищъ для претендентки, называя ее «бродяжкой-самозванкой», «польской бродягой». «Если немного раньше мы были убѣждены — сообщала она Голицыну — что все это вымыслы, достойные презрѣнія, то послѣднія признанія открыли еще ея злое сердце. Если бы хоть мелкая искорка тлѣла въ ея душѣ, она остереглась бы такъ объяснять причину своихъ разнородныхъ поступковъ; она могла бы избѣжать тяжелаго, но заслуженнаго, согласно съ мнѣніемъ всего міра, наказанія только своимъ искреннимъ признаніемъ во всѣхъ проступкахъ. Она же, наоборотъ, вмѣсто покаянія строила ложь на лжи, чтобы скрыть обманъ и извращенность, которые свили себѣ гнѣздо въ ея сердцѣ». «Если она не послушаетъ нашихъ монаршихъ словъ—продолжала царица—и будетъ и впредь продолжать пустыя бредни, мы отдадимъ ее въ распоряженіе установленнаго суда, въ которомъ рѣшитъ дѣло справедливость и суровость, управляемыя государственными законами». Еще на одну особенность она обращала вниманіе. Адмиралъ Грейгъ имѣлъ подозрѣніе, что самозванка—полька. Она указывала на это Голицыну «вы можете въ разговорахъ съ ней замѣтить, что она

болѣе всего заботилась о благѣ польскаго народа». Наконецъ, князь долженъ былъ предложить «обманщицѣ» разъясняющіе вопросы, составленные царицей по протоколамъ царевны, и вызвать конфедератовъ для разъясненія «безпристрастной дѣйствительности».

Голицынъ поспѣшилъ въ Петропавловскую крѣпость попробовать счастья. Разыгралась драматическая сцена, сцена атаки и обороны, борьбы не на жизнь, а на смерть. Александръ Михайловичъ инквизиторствовалъ со всей строгостью, пунктъ за пунктомъ, какъ составила монархиня: отмѣтилъ родство между словами и стилемъ письма, которое самозванка писала къ нему изъ тюрьмы, и письмами къ султану и Горнштейну. Затѣмъ онъ спрашивалъ, какимъ образомъ оба письма къ падишаху были найдены въ одномъ конвертѣ, хотя одинъ появился раньше, а другой послѣ заключенія трактата въ Кучукъ-Кайнарджи?.. «Безстыдная лгунья» не особенно интересовалась хитрыми крючками князя и очень хладнокровно стояла на своемъ.

Голицынъ отправился въ казематъ пинскаго консилярія и спросилъ его, скажетъ ли онъ во время очной ставки княжнѣ, что она именовала себя дочерью царицы Елизаветы. Онъ возмутился и отпирался отъ такого показанія. А когда князь ему припомнилъ протоколъ и пригрозилъ строгимъ наказаніемъ, онъ оправдывался незнаніемъ русскаго языка, и возможностью непониманія значенія нѣкоторыхъ выраженій. Онъ подписалъ что-то, быть можетъ и то, чего не говорилъ... Разгнѣванный князь хлопнулъ дверьми и поспѣшилъ къ Чарномскому. Тотъ безъ размышленій признался въ томъ, что ему сообщилъ пріятель, будто лже-царевна называлась великой княжной, внучкой Петровой. Онъ повторилъ это предъ Доманскимъ во время очной ставки, напоминая ему, что разговоры на эту тему велись во время морского путешествія между Рагузой и Барлеттой. Сначала консилярій старался еще «не помнить», но затѣмъ уступилъ, ссылаясь на честность и благородство Чарномскаго. Онъ рѣшился даже повторить припомненный фактъ предъ царевной и старался смягчить дурное впечатлѣніе прежняго уклоненія отъ объясненія своимъ сочувствіемъ несчастной. Что же ему было дѣлать? У него прорывалось сожалѣніе, его сердце рвалось къ бѣдной мученицѣ. И среди стѣнъ живо-

го гроба раздался страстный порывъ молодого энтузіаста: «если бы вы отдали мнѣ ее въ жены, я взялъ бы ее даже въ одной рубашкѣ».

Больного человѣка повели въ помѣщеніе любимой имъ женщины... Онъ извинился, что попалъ въ ловушку. Разговоръ происходилъ на итальянскомъ языкѣ. Онъ повторилъ то, чего требовалъ Голицынъ. Она тотчасъ же отпарировала ударъ. Быть можетъ въ шутку она что-нибудь и сказала, чтобы избавиться отъ любопытства любовника, но вѣдь между шуткой и серьезными планами бездонная пропасть.

Слѣдствіе перешло на новую дорогу: что касается писемъ, писанныхъ къ султану и пересланныхъ Радзивилломъ Коссаковскому, то она ихъ считала дѣтской игрушкой. Она желала такимъ образомъ «что-нибудь получить на память». Дальше, по своему обыкновенію, она перешла къ Персіи. Она изъ Венеціи чрезъ стамбульскаго купца Мелина просила Гамета приготовить мѣсто жительства въ виду ея пріѣзда въ Испагань, а Али приготовить 100.000 флориновъ, чтобы послѣ возвращенія въ Европу она могла сочетаться бракомъ съ Филиппомъ Фердинандомъ. Голицынъ выразилъ недоумѣніе по поводу упомянутой суммы. Она отвѣтила ему коротко: что такое эта сумма по сравненію съ богатствомъ персидскаго набоба и того, что она сдѣлала для него?... Какъ когда-то полной горстью онъ осыпалъ ее деньгами! Благодаря его щедрости, она растратила въ теченіе пятимѣсячнаго пребыванія въ Англіи болѣе 13.000 гиней, и онъ ее считалъ своей единственной наслѣдницей въ томъ случаѣ, если онъ не женится или умретъ бездѣтнымъ.

Вдругъ Голицынъ началъ задавать вопросы по-польски. Проба дала отрицательные результаты. Она знала едва нѣсколько словъ на этомъ языкѣ, заученныхъ ею во время своего знакомства съ Радзивилломъ и эмигрантами. Она не признала своего польскаго происхожденія. Такъ какъ она хвалилась знаніемъ восточныхъ языковъ, то князь попросилъ перевести на персидскій и арабскій языки слѣдующее выраженіе: «найденныя бумаги были ли плодомъ ея рукъ, или же вышли изъ-подъ пера другихъ незнакомыхъ людей». Она написала пять строчекъ непонятными знаками. Языковѣды не узнали въ рукописи ни одного изъ существующихъ на

свѣтѣ алфавитовъ, во всякомъ случаѣ ни персидскаго, ни арабскаго. За это она услышала отъ Голицына горькій упрекъ. Но она хладнокровнѣйшимъ въ мірѣ образомъ отозвалась объ экспертахъ, какъ о людяхъ несвѣдущихъ. «Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству — писалъ 24 іюля отчаявшійся Александръ Михайловичъ,—что я использовалъ всѣ средства, ссылаясь и на милосердіе Вашего Императорскаго Величества и на строгость законовъ, выясняя разницу между словесными угрозами и приведеніемъ ихъ въ исполненіе, чтобы склонить ее къ выясненію истины. Никакія изобличенія, никакіе доводы не заставили ее одуматься. Увертливая душа самозванки, способная къ продолжительной лжи и обману, ни на минуту не слышитъ голоса совѣсти. Она вращалась въ обществѣ безстыдныхъ людей, и поэтому ни наказанія, ни честь, ни стыдъ не останавливаютъ ее отъ выполненія того, что связано съ ея личной выгодой. Природная быстрота ума, ея практичность въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, поступки, рѣзко выдѣляющіе ее среди другихъ, свелись къ тому, что она легко можетъ возбудить къ себѣ довѣріе и извлечь выгоду изъ добродушія своихъ знакомыхъ».

Тогда же онъ доносилъ о состояніи здоровья заключенной. Сенатскій лекарь констатировалъ внутреннюю болѣзнь «апостему». Кровотеченія и сухой кашель, изнурительная горячка положили оттѣнокъ тяжелаго страданія на организмъ княжны. Она и сама ждала скораго конца. У Голицына и руки опустились. Вырветъ ли онъ изъ груди царевны тайну прежде, чѣмъ она сойдетъ въ могилу? Гдѣ же нити, ведущія къ клубку громаднаго заговора?.. Онъ смотрѣлъ въ глаза Сфинкса, но ничего въ нихъ не видѣлъ...

II.

Вѣчная сказка.

Жительница Петропавловской крѣпости угасала со-дня-на-день. Изъ измученнаго, разбитаго, лишеннаго надлежащаго ухода тѣла медленно уходила жизнь [1]).

---

[1]) Утвержденіе Мельникова (Княжна Тараканова, стр. 282) кажется фантастично, что будто бы самозванка въ казематѣ родила сына, отцомъ котораго долженъ быть Алексѣй Орловъ. Онъ ссылается въ этомъ дѣлѣ на

Вслѣдствіе тревожныхъ донесеній Голицына объ отчаянномъ состояніи здоровья самозванки, императрицѣ еще сильнѣе захотѣлось добраться до истины. Поэтому она приказала спросить царевну, какого она вѣроисповѣданія и, сообразно этому, отправить въ казематъ ксендза или пастора, такъ какъ она не вѣрила въ православіе претендентки. Этого духовника она приказала освѣдомить о сказкѣ, выдуманной обвиняемой, и внушить ему, чтобы во время исповѣди онъ старался склонить ее къ правдивому признанію предъ властями. Это было четвертаго августа.

На слѣдующій день въ монархинѣ произошелъ полный переворотъ подъ вліяніемъ сообщенія кн. Голицына отъ 24 іюля.

Она была теперь отчасти разочарована, не предполагала уже хоть на минуту узнать мысли «негодницы», доводящей свое упорство à outrance всякихъ границъ и всякой возможности, потому что и такъ «весь здравомыслящій свѣтъ слышанному отъ нея лганью не вѣритъ и не будетъ вѣрить». «Тюремныя ворота закроются за ней навѣки,—писала она къ Голицыну—она никогда не переступитъ порога заключенія».

Горячность и гнѣвъ императрицы были очень сильными. Она не любила проигрывать дѣла, не переносила упрямства. Невозможно было добраться до истины черезъ гущу романическихъ приключеній, оставалась еще только одна дорога... чрезъ пинскаго консилярія. Вѣдь онъ приходилъ въ отчаяніе отъ страданій богини, кто знаетъ, что было между ними, какое онъ имѣетъ вліяніе на упрямую женщину!!!

Такъ разсуждала царица. Голицынъ долженъ былъ ему объявить, что если онъ скажетъ, откуда она родомъ и кто она на самомъ дѣлѣ, онъ получитъ ее въ жены и въ свадебный подарокъ свободу для обоихъ, чтобы они спокойно

Гельбига, который упоминаетъ только о существованіи настоящаго сына Чесменскаго, впослѣдствіи легализованнаго. Почему же его матерью должна была быть непремѣнно лже-царевна? Сказку Мельникова повторилъ въ памятникахъ, лишенныхъ критики, кн. Долгоруковъ (Т. II, стр. 115), наконецъ, ее многозначительно излагаетъ Брикнеръ (Katharina II, стр. 208—217). Лонгиновъ (Русскій Вѣстникъ 1859 г. Т. 24, кн. 2, стр. 734) говоритъ, что крестнымъ отцомъ дитяти былъ Вяземскій, но тутъ же дѣлаетъ замѣчаніе, что Алексѣй Алексѣевичъ Орловъ долженъ былъ родиться до 1774 года, потому что въ концѣ 1780 года онъ былъ уже офицеромъ конной гвардіи.

могли вернуться въ отечество... Если бы консилярій согласился на это, нужно было бы постараться о личномъ признаніи авантюристки, на что долженъ былъ уговорить ее самъ Доманскій. Въ случаѣ успѣшнаго хода дѣла Екатерина приказывала тотчасъ же приступить къ церемоніалу церковнаго благословенія, чтобы такимъ образомъ положить конецъ всякимъ бреднямъ. Отсюда видно, насколько она считалась со слухами, циркулирующими по Россіи, какъ она хотѣла какимъ-нибудь желѣзнымъ доводомъ ихъ уничтожить.

На случай разстройства составленнаго плана она дала инквизитору еще и другой: за признаніе она обѣщала претенденткѣ возвращеніе свободы, чтобы она могла урегулировать свои отношенія къ Лимбургу. Это послѣднее обѣщаніе поручено Голицыну сказать отъ своего собственнаго имени, а не отъ имени царицы. Препровождая обѣ инструкціи четвертаго и пятаго августа, генеральный прокураторъ князь Вяземскій обращалъ вниманіе на необходимость взятія присяги отъ духовника, который будетъ впущенъ въ казематъ, или подписки въ вѣчномъ сохраненіи тайны подъ угрозой смертной казни.

По полученіи новыхъ распоряженій Голицынъ отправился въ крѣпость. Глазамъ его представился печальный видъ. Болѣзнь смотрѣла изъ глазъ, изъ лица, изъ движеній претендентки. И тѣло, и душа испарялись. Онъ предложилъ ей прислать іерея католическаго, кальвинскаго, лютеранскаго или греческаго. Она пожелала православнаго. Князь сталъ отыскивать попа, владѣющаго французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ. Ему удалось найти въ кадетскомъ корпусѣ іеродіакона, культурнаго человѣка, бывавшаго за границей. Духовникъ поспѣшилъ въ крѣпость, но ничего не узналъ. Въ это время пришло новое предписаніе Вяземскаго отъ шестого августа съ неожиданнымъ извѣстіемъ. Англійскій посолъ Гуннингъ сообщилъ императрицѣ, что самозванка—дочь ресторатора изъ чешской Праги, и поэтому генеральный прокураторъ совѣтовалъ пригласить въ казематъ протестантскаго пастора...

Въ новой бронѣ князь предсталъ предъ допрашиваемой и убѣжденно заявилъ ей, что онъ знаетъ объ ея происхожденіи лучше, чѣмъ она можетъ допустить. Сначала она смутилась, но тотчасъ же на мѣсто сомнѣнія появилась обыч-

ная смѣлость и сила воли, послѣ чего она очень свободно обѣщала сказать ему все, если только князь сохранитъ тайну и дастъ ей нѣсколько дней для изложенія письменнаго показанія. Онъ согласился на двое сутокъ. Однако, какъ только онъ оставилъ ея казематъ, недомоганіе самозванки увеличилось, она даже не могла собрать мыслей и тѣмъ болѣе держать перо въ рукѣ. Она просила Голицына черезъ врача о продленіи срока до девятнадцатаго августа.

Съ опозданіемъ на одинъ день князь получилъ вмѣстѣ съ признаніемъ и письмо на свое имя. Немного узналъ Голицынъ изъ этой якобы новой исповѣди. Здѣсь было то же самое, что и прежде, то же объясненіе происхожденія компрометирующихъ документовъ. Она передала ихъ Орлову, чтобы такимъ путемъ они дошли до монархини. Изъ боязни политической интриги она отклонила путешествіе въ Стамбулъ, порвала оригиналы и сохранила копіи самыхъ важныхъ документовъ. Въ Пизу ее потянуло желаніе попросить Чесменскаго представить Екатеринѣ II составленные ею проекты, имѣющіе цѣлью сближеніе Персіи съ Россіей. На ея совѣсти—увлекалась княжна—была ея черкесская страна, въ которой она увидѣла свѣтъ—она, отпрыскъ древняго рода Гамета...

Мѣра терпѣнія переполнилась, сказка погоняла сказку, блестящіе мыльные пузыри лопались при столкновеніи съ критикой. Голицынъ не обращалъ вниманія, особенно въ гнѣвѣ, что она писала къ нему уже взывающія письма въ слѣдующемъ стилѣ: «Съ изумленіемъ я смотрю на Вашъ образъ дѣйствій со мной. Гдѣ Ваша большая душа, гдѣ сердце, гдѣ расположеніе. Я наложу на себя руки, если Вы, Ваше Превосходительство, сегодня еще не придете. Представьте себѣ, я должна умереть! Прошу вывести стоящую въ моей комнатѣ стражу, я готова за это все сдѣлать, чего только Вы, Ваше Превосходительство, пожелаете. Вы не можете меня сдѣлать несчастнѣе» etc...

Наконецъ она вложила въ руки Голицына ключъ къ разгадкѣ небылицъ объ ея происхожденіи. Изъ сокровищницы дѣтскихъ воспоминаній она вызвала духъ няньки Екатерины. Такъ, эта нянька не разъ разсказывала, что тайну ея рожденія знаетъ учитель математики Шмидтъ и милордъ маршалъ Кейтъ, братъ котораго служилъ подъ русскими

знаменами въ турецкія войны. Ахъ! она даже знала кой-какіе эпизоды изъ жизни милорда...

Первый разъ она его увидѣла въ то время, когда ее еще малымъ ребенкомъ на короткое время привезли изъ Киля въ Швейцарію. Онъ имѣлъ турчанку, подаренную ему братомъ, военноплѣнную изъ Черкесскаго края или изъ-подъ Очакова. Невольница воспитывала одну маленькую дѣвочку, взятую въ плѣнъ тоже во время кампаніи. Она ее потомъ видѣла во время проѣзда черезъ Берлинъ, куда магометанка переѣхала послѣ смерти Кейта, человѣка достойнаго вѣчнаго воспоминанія. Сама она, какъ говорила, не принадлежала къ воспитанницамъ турчанки, хотя вѣроятнѣе всего ея отечествомъ была Черкесская страна.

Къ новому разсказу она прибавила пожеланіе, чтобы ей разрѣшено было написать къ пріятелямъ, чтобы разузнать при ихъ посредствѣ что-нибудь о своемъ происхожденіи. Голицынъ поблагодарилъ за эту готовность помочь и возразилъ, что всякій самъ лучше всего знаетъ, кто онъ такой и кто его породилъ, и нѣтъ ничего позорнаго быть дитятей мужика ли, мѣщанина или дворянина... Что же касается ея—прибавилъ онъ—то она дочь ресторатора изъ Праги, въ чемъ онъ имѣетъ непоколебимыя доказательства. На это она отвѣтила очень горячо, что она и въ Прагѣ никогда не бывала и съ удовольствіемъ выцарапала бы глаза тому, кто такимъ образомъ ее опозорилъ...

Донося 23-го августа императрицѣ о своихъ безплодныхъ попыткахъ, Голицынъ не могъ сдержать злости: «Разные варіанты повторяемыхъ ею басенъ ясно показываютъ, что эта женщина вѣроломная, хитрая, лживая, безъ стыда и безъ совѣсти. Во время послѣдняго разговора я указалъ ей, что она своей несокрушимой неприступностью осуждаетъ себя на вѣчную тюрьму, и съ этимъ ушелъ. Я использовалъ всѣ средства, чтобы заставить лгунью сознаться: и увѣщеванія, и тюремныя строгости, и уменьшенія количества пищи, одежды и другіе соотвѣтствующіе способы. Теперь ей оставлены только необходимыя вещи. Она окружена въ казематѣ часовыми и оставлена совсѣмъ одна безъ служанки, и, несмотря на это, кромѣ извѣстныхъ Вашему Императорскому Величеству сказочекъ, отъ нея невозможно узнать ничего. Быть можетъ время и утрата

надежды на полученіе свободы заставятъ ее сдѣлать признанія, болѣе правдоподобныя»...

III.

Послѣднія минуты.

Искра за искрой улетала отъ едва теплящейся жизни княжны Волдоміра. Дурная и недостаточная пища, тюремный казематъ, неудобства, постоянныя разстройства ускоряли приближеніе конца. Болѣзнь была признана неизлѣчимой, катастрофа—близкой. Одиннадцатаго декабря казалось, что для заключенной пришла послѣдняя минута. Черезъ врача, бдящаго у ложа страдалицы, она просила Голицына прислать духовника православнаго обряда. Нашли отца Петра Андреева изъ Казанскаго собора Богородицы на Невскомъ Проспектѣ, который зналъ нѣмецкій языкъ. Голицынъ сдѣлалъ ему подобающія разъясненія, приказалъ склонить самозванку къ признанію, однако, прежде всего взялъ съ него расписку въ вѣчномъ сохраненіи тайны. Тогда же Голицынъ распорядился на случай смерти закопать останки претендентки въ земляномъ валу съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, а болѣе всего съ сохраненіемъ тайны предъ заключенными, слугами и конфедератами.

Прерывающимся дрожащимъ голосомъ она вкратцѣ повѣрила исповѣднику свои приключенія. Вѣроятно—говорила она—я крещена была по православному обряду, по крайней мѣрѣ въ этомъ увѣряли ее лица, которыя воспитывали ее до девятаго года жизни въ Килѣ. Она жила въ разныхъ краяхъ, въ Англіи, Франціи; получила въ личное владѣніе графство Оберштейнъ въ Германіи. Изъ Рагузы она поѣхала въ Римъ, а затѣмъ въ Пизу и Ливорно, гдѣ ее заманили на русскій корабль и затѣмъ привезли въ Петербургъ. О родителяхъ, мѣстѣ рожденія она ничего не знала. Къ исповѣди и Святымъ Тайнамъ она никогда не приступала, не находя за границей священника. Православный катехизисъ знала, благодаря чтенію библіи и церковныхъ сочиненій на французскомъ языкѣ. Вѣритъ въ Бога, въ Святую Тройцу, никогда не чувствовала сомнѣнія при чтеніи сочиненій апостоловъ.

Послѣ религіозныхъ наставленій Андреевъ посовѣтывалъ ей открыть безъ оговорокъ тайну злыхъ посягательствъ на священную особу императрицы и признаться въ провозглашеніи себя дочерью царицы Елизаветы. Она энергично запротестовала. Она никогда не распространяла ложныхъ слуховъ, ничего злого не предпринимала. Невѣдомая рука, выбравъ ее себѣ трагической игрушкой, подослала ей завѣщанія и манифесты, копіи съ которыхъ она отослала Орлову на свою погибель, на свое несчастіе! Тогда іерей призвалъ разгорячившуюся ослабѣвшую женщину къ послѣднему покаянію, чтобы она во имя разверзающейся предъ нею вѣчности, не отяготила себя грѣхомъ лжи и не сошла въ могилу, не назвавъ сообщниковъ.

Шепотомъ, едва вырывающимся изъ устъ, твердыми подкрѣпленными клятвой словами она возразила, что заговора не существовало, не было и помощниковъ—и затѣмъ уже не могла говорить. Однако, она попросила отца Петра опять навѣдать ее завтра и вознести за нее мольбы къ Вѣчному и Вездѣсущему Богу.

Онъ снова пришелъ 12-го декабря, но не узналъ ничего новаго. Претендентка выразила только сожалѣніе, что съ самой ранней молодости она вела легкомысленный, веселый образъ жизни и поэтому грѣшила противъ предписаній вѣры. Она искренно покаялась и просила Бога объ отпущеніи прегрѣшеній. Съ трудомъ услышалъ шепотъ послѣднихъ словъ Андреевъ. Онъ тотчасъ же оставилъ крѣпость, переписалъ немедля ея признанія и вручилъ документъ на благоусмотрѣніе князя Александра Михайловича...

15 декабря 1775 года несчастная княжна Волдоміра, лжецаревна, этотъ «послѣдній отпрыскъ Романовыхъ», отдала Богу душу въ семь часовъ вечера. Неотступная стража закрыла на вѣки каріе глаза необыкновенной женщины. На слѣдующій день рано утромъ тѣ же часовые, которые ни на минуту не оставляли каземата самозванки, погребли останки ея въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ глубоко выкопанной могилѣ.

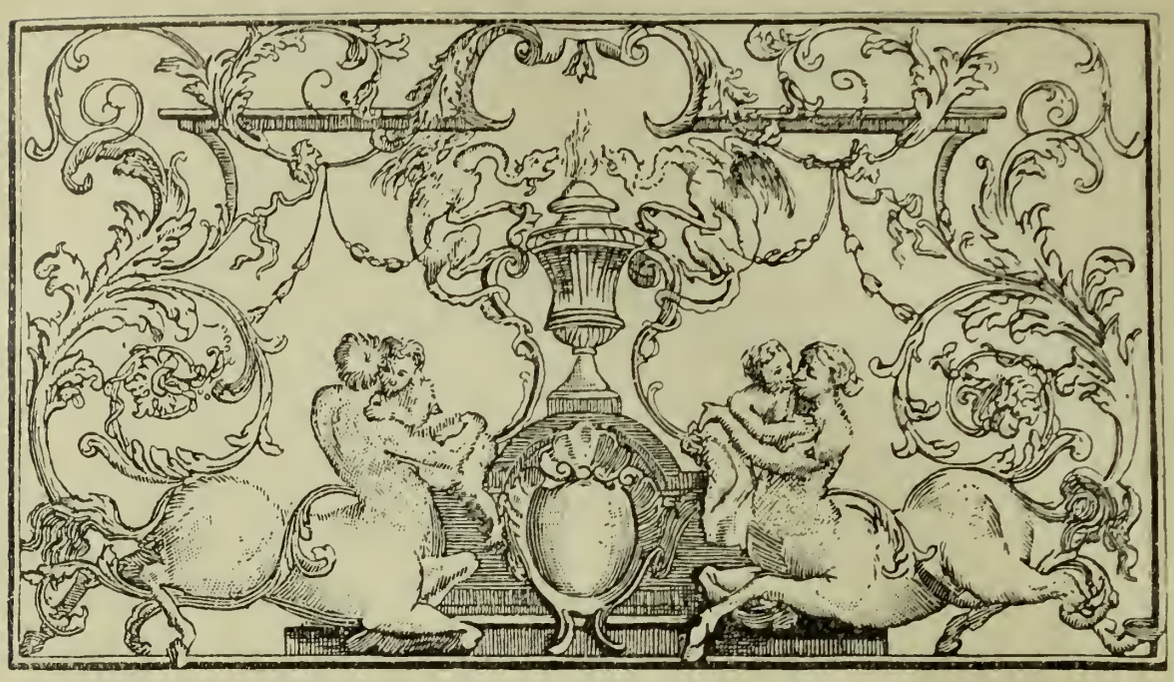
Никто не зналъ ничего объ актѣ, гдѣ бы упоминалось о погребеніи этого человѣка.

За рѣшеткой неволи пинскій консилярій и не думалъ, что то сердце, для котораго онъ готовъ былъ на всякія

безумства и жертвы, уже не бьется. Заключенные въ Петропавловской крѣпости декабристы видѣли на маленькой лужайкѣ, обращенной въ садикъ, небольшую насыпь... Старые жители мертваго дома разсказывали, что она скрывала смертные останки царевны.

Истина ушла вмѣстѣ съ нею на тотъ свѣтъ... Она все унесла съ собой въ безграничное молчаніе... Даже подробности похоронъ сдѣлали тайной. Вся военная смѣна, которая участвовала въ тяжеломъ обрядѣ въ количествѣ тридцати рядовыхъ, сержантъ и капралъ присягнули на сохраненіе тайны. О казематѣ претендентки скоро стали распространяться разсказы... Извѣстный авантюристъ Винскій, заключенный въ крѣпости послѣ наводненія, бывшаго въ 1777 году, видѣлъ на стѣнѣ своего каземата надпись: O, Dio!.. Въ этомъ одномъ восклицаніи столько было отчаянія и невысказанныхъ терзаній... Вѣроятно, это было сдѣлано въ избыткѣ страданій самозванки.

Едва только погасъ свѣтъ въ ея очахъ, какъ она въ мірѣ стала переходить въ легенду. Справедливо предсказалъ современный дипломатъ баронъ Сакенъ, что хотя претендентка умерла естественной смертью (что онъ зналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ), но за границей все-таки пойдутъ разныя пересуды и возникнутъ серьезныя сомнѣнія. И дѣйствительно, тотчасъ же Гельбигъ, человѣкъ солидный, членъ саксонскаго посольства въ Петербургѣ, безъ всякихъ оговорокъ сдѣлалъ предположеніе объ убійствѣ Азовской принцессы...



VIII.

Разныя разности.

Цѣли самозванки.—Выборъ лицъ.—Дмитрій и лже-царевна.—Достоинство ея плановъ.—Личные промахи.—Таракановы.—Записки Шлёзера.—Сестры и племянники Разумовскихъ.—Перемѣна фамиліи Дараганъ на Таракановъ.—Какимъ образомъ измѣненная фамилія перешла къ потомству.

I.

Смыслъ авантюры.

Поступокъ «княжны Волдоміра» принадлежалъ бы къ вопросамъ патологіи, если бы не важный историческій моментъ. Этотъ моментъ поднялъ и ее самое, и то что она дѣлала, до степени пригодности для исторіи. Безъ такого удивительнаго стеченія обстоятельствъ ее ожидало бы забвеніе, полное неупоминаніе, потому что она не внесла никакихъ болѣе или менѣе существенныхъ проектовъ, ни перемѣнъ. Людей съ историческимъ именемъ она выбирала своимъ орудіемъ менѣе всего за ихъ политическое значеніе—больше же за временное достоинство: деньги... Планы ложной царевны подгоняла какъ бы бѣшенная буря въ Колхиду, въ край золотого руна,—все равно, гдѣ бы оно ни заключалось, въ замкахъ ли Лимбурга, въ радзивилловскихъ ли богатствахъ, или у апостольскихъ пороговъ. На

недѣлю или двѣ только намѣчала она свои стратегическіе планы. Панорама интриги мѣнялась—отъ Голландіи и Англіи—продвинулась во Францію, перешла Альпы, а окончилась въ подземельномъ равелинѣ Петропавловской крѣпости... Незаурядность претендентки заключалась не въ ея искреннихъ вдохновенныхъ попыткахъ въ области плановъ, а въ умѣньи узнавать людей, запрягать ихъ въ ярмо, въ умѣньи увлекать людей за собой, дѣлать какими-то неодушевленными существами. Она немилосердно рылась въ глубинѣ души жертвы.

Очень интереснымъ былъ подборъ ея жертвъ!..

Огинскій, столовицкій герой, увѣковѣчившій себя вмѣстѣ съ метрессой m-lle d'Assert, постоянно занятый юбками, только и думающій о женщинахъ; Радзивиллъ, котораго она сама считала ограниченнымъ человѣкомъ; нервный дѣтски-наивный любовникъ-апостолъ Филиппъ Фердинандъ, князь Лимбургскій; затѣмъ пинскій консилярій Доманскій, влюбленный Филонъ, ищущій любовныхъ тихихъ разговоровъ и взбирающійся на стѣны въ лунную ночь... Но и эти лица не были слѣпы до конца. Сентиментальный гетманъ нашелъ философское «стеченіе обстоятельствъ» и разстался съ предметомъ обожанія; «Пане Коханку» выпутался изъ опасностей, прежде чѣмъ могла разбиться его эмиграціонная лодка о скалы, которыя навсегда могли отгородить его отъ Россіи... Другіе—Antici, Роккатани сохранили трезвые взгляды, хотя иногда и ихъ души колебались между надоѣдливымъ «да» и «нѣтъ». То обстоятельство, что невѣрующіе имѣли минуту вѣры, свидѣтельствуетъ о непостоянствѣ, неопредѣленности самозванки, какъ авантюристки. Въ ея распоряженіи были всѣ средства, цѣлый арсеналъ женскаго кокетства и ловкости и при помощи ихъ она дѣлала податливыхъ людей послушными статистами. Ея наивные разсказы, настоящія сказки, напѣваемыя только дѣтямъ у люлекъ, заимствованныя изъ долины розъ Шираса, были въ духѣ того же экзотическаго фона, на которомъ охотно развѣшивали канву своихъ приключеній всѣ современные аферисты. Вѣдь и Каліостро водилъ за собой львовъ и тигровъ, переплетая свои разсказы африканскими чудесами.

Происхожденіе «княжны Волдоміра» въ виду несомнѣннаго акта подлога—вещь интересная, но и только.

Всякій самозванецъ изъ-за личныхъ интересовъ затиралъ за собой слѣды, потому что съ ихъ открытіемъ его роль кончалась.

Освѣдомленность или злокозненность англійской дипломатіи выдала ей патентъ на званіе дочери ресторатора изъ Праги или пекаря изъ Нюренберга; но это подробность на самомъ дѣлѣ не имѣющая значенія. О царскомъ же происхожденіи нѣтъ ни слова.

Одинъ мотивъ сильнѣе всего звучитъ въ желаніяхъ претендентки: золота, золота, болѣе всего золота!..

Она шла на вышины безумныхъ, но грандіозныхъ попытокъ, когда съ поддѣльными завѣщаніями въ рукѣ стучалась въ двери намѣстника Христа, обѣщая обращеніе православной Россіи и избавленіе Польши. Даже для самозванки это было характерно,—это была дерзость, импонирующій поступокъ!

Но какую подкладку имѣла эта миссія? Наряду съ представленіемъ кардиналу-декану проектовъ, имѣющихъ міровое значеніе, она протягивала руки съ просьбой мелкаго займа; деньги, повидимому, были главной цѣлью, а тѣ огненныя ракеты—только красивый плащъ, прикрывающій истину...

Она не можетъ сравняться съ лже-Димитріемъ. Онъ тоже служилъ миссіи католицизма, чтобы привлечь къ дѣлу апостольскую столицу и проложить себѣ дорогу въ Кремль, но разъ взявъ это направленіе, онъ проложилъ и пути къ облеченію его въ плоть:—въ блескѣ этого плана онъ шелъ на границу великаго княжества московскаго, за это боролся, за это и пострадалъ. Его душа пылала тысячью чистосердечныхъ порывовъ, поступокъ имѣлъ трагическую черточку великаго дѣла, смѣлости, желѣзной воли.

«Княжна Волдоміра» не отправилась въ Пизу въ объятія неволи, съ мыслью пожертвовать своею жизнью. Денежныя затрудненія, разсчеты на личное расположеніе Орлова загнали ее въ ловушку и подрѣзали ноги, изъ-подъ которыхъ уже и такъ ушла почва. Потрясающее паденіе Димитрія,—паденіе тяжелое,—оставило впечатлѣніе идеи, которая надломилась и разбилась, пораженная рукой несчастья. Даже ея современникъ Беневскій былъ болѣе выдержаннымъ: онъ подставлялъ свою грудь непріятельскимъ пулямъ подъ барскимъ штандартомъ, за дѣло завоеванной родины пошелъ

этапомъ въ Сибирь на поселеніе. Позднѣйшія приключенія этого заблудшаго паладина пахнутъ уже авантюрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рыцарствомъ, не знающимъ покоя, этимъ средневѣковымъ пережиткомъ, доживающимъ въ концѣ «стараго образа правленія» въ концѣ XVIII вѣка послѣдніе свои дни процвѣтанія, чтобы уступить мѣсто блеску новаго просвѣщенія, новаго міра.

Планы царевны не имѣли и частички ясной, разумно выраженной идеи, они носили печать того же хаоса, который характеризуетъ ея сказки. Каковы же онѣ?

При помощи Россіи она хотѣла побрататься съ Персіей, устроить «черкесское государство», въ Кіевѣ собрать войско и поспѣшить на помощь Станиславу Августу! Наконецъ, всѣ эти политическія комбинаціи это—излишнія декораціи. Главное намѣреніе — продержаться въ роскошной жизни, срывать Гораціевы плоды сегодняшняго дня, въ то время, какъ на порогѣ завтрашняго стояла смерть, стояла неизлѣчимая болѣзнь, гасящая мало-по-малу искры жизни.

Весь дебютъ самозванки на европейской сценѣ не имѣлъ бы и самаго небольшого круга извѣстности,—если бы не стеченіе важныхъ обстоятельствъ: этого страшнаго замѣшательства въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II и подстроеннаго ареста «послѣдней изъ дома Романовыхъ»...

За нею поплыла буквально цѣлая армада подъ флагомъ св. Андрея, ее отдали подъ стражу испытаннаго морского волка, адмирала Грейга, и привезли въ Кронштадтъ съ большими предосторожностями, подъ охраной. Муха была такой тяжелой и важной, что даже слонъ понадобился для того, чтобы ее везти...

При такихъ условіяхъ въ мірѣ должна была создаться легенда. Знали о необычайномъ арестѣ ея и не понимали въ сущности причины особенной осторожности. Воскресъ какъ бы другой человѣкъ, въ желѣзной маскѣ. Въ ней и увидѣли дочь императрицы, о чемъ самозванка такъ старалась. Правда, будучи въ тюремной камерѣ, она переживала время слѣдствія, тяжелое, мученическое время и, благодаря своимъ терзаніямъ, отчаянное. Въ заключеніи она не защищала своей царской крови, не плѣняла важностью, напротивъ—она отпиралась отъ всего, упала къ ногамъ монархини и просила только прощенія... Она угасала медленно и

закрыла глаза на вѣки, замученная чахоткой и ненормальной жизнью...

И въ этомъ нѣтъ характера трагическаго положенія. Дмитрій погибъ во время дѣла, убитый, еще дышащій размахомъ своего предпріятія; Пугачевъ былъ низвергнутъ съ высоты своихъ успѣховъ и четвертованъ...

Въ этомъ была безъ, сомнѣнія, дѣйствительная громадность затѣи. Трагедіи оканчивались трагично, а это полуоперетка или мелодрама.

Наконецъ, между донскимъ казакомъ и лже-царевной громадная разница. Ложный Петръ былъ, самъ того не зная, выразителемъ страданій массы, онъ былъ ихъ глашатаемъ; своимъ обманомъ онъ помогъ проявиться внутреннему броженію въ русскомъ организмѣ, открылъ раны, гноящіяся на тѣлѣ государства. Въ этомъ случаѣ массы сыграли роль настоящаго дѣятеля, а онъ былъ только манекеномъ этихъ массъ.

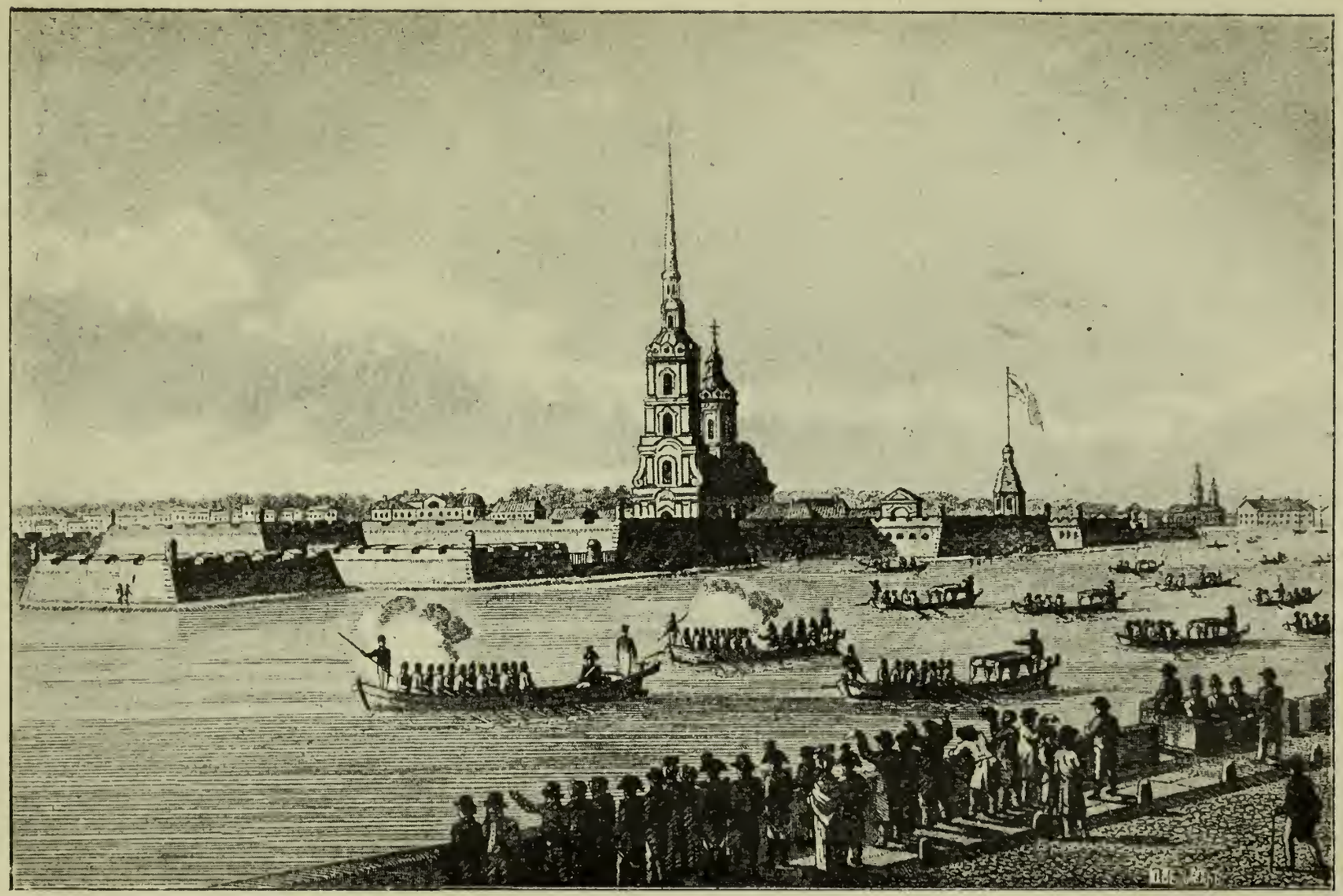
«Княжна же Волдоміра» не выросла выше лжи и посредственности. Ея выступленіе слѣдуетъ считать обыкновеннымъ, ея личнымъ поступкомъ, безъ какого-нибудь глубокаго фундамента, безъ идеи, безъ искреннихъ желаній. Она была яркимъ примѣромъ того, что исторія иногда идетъ загадочными путями и на свои вѣсы бросаетъ незамѣтныя тяжести, а они имѣютъ вліяніе на судьбы людей.

Величіе Азовской принцессы дутое; это колосъ, произросшій на нивѣ, гдѣ не было посѣяно ни одного плодоноснаго зерна. Ея появленіе имѣетъ только значеніе signum temporis. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, хорошо отразились отличительныя свойства эпохи, правильная характеристика людей и поступковъ, нѣкоторыя временныя заблужденія, когда пережитыя понятія подъ напоромъ просвѣщеннаго абсолютизма и энциклопедизма уже отжили свой вѣкъ.

II.

Таракановъ

Въ исторію попала «княжна Волдоміра» подъ именемъ Таракановой, хотя она никогда имъ не пользовалась и, можетъ быть, о немъ и не знала. Подъ этой фирмой ее толкнулъ на форумъ передъ потомствомъ Castéra, Гельбигъ и



Видъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

другіе, одни копируя другихъ, ссылаясь на слова, то того, то другого ученаго. Лонгиновъ даже добрался до сущности дѣла!!!.. Она должна была происходить отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія гр. А. Г. Разумовскаго, тайнаго мужа императрицы Елизаветы. Но уже Васильчиковъ замѣтилъ, что фаворитъ царицы увидѣлъ дневной свѣтъ въ Лемешахъ, что упомянутой слободы совсѣмъ не было въ Черниговской губерніи (гдѣ она должна была находиться по Лонгинову), что даже ея нѣтъ въ числѣ селъ, подаренныхъ Елизаветой избраннику своего сердца. Слова «тараканъ» нѣтъ на малороссійскомъ языкѣ. Таракановы существовали на самомъ дѣлѣ; они были извѣстны, принадлежали къ числу семействъ, бывшихъ in odore sancitatis въ обществѣ и уваженіи при дворѣ. Послѣдній, кажется, изъ нихъ—генералъ en chef и александровскій кавалеръ Алексѣй отличился во время турецкихъ войнъ при Аннѣ Іоанновнѣ подъ предводительствомъ Миниха. Умеръ онъ въ 1760 году бездѣтнымъ, взявъ съ собой въ могилу и родовое имя. Однако, почему дочь императрицы получила фамилію особы, не имѣющей съ ней ничего общаго?.. Отвѣтъ дала автобіографія Августа Людовика Шлёзера и письмо сыновей гетмана Разумовскаго къ дядѣ графу Алексѣю Григорьевичу, сохраненные въ архивѣ гр. А. С. Уварова. Кириллъ имѣлъ много дѣтей и заботился объ ихъ воспитаніи. Для старшихъ сыновей, Алексѣя, Петра и Андрея, онъ устроилъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ особую школу и пригласилъ въ нее лучшія силы изъ-за границы. Къ пользованію этимъ учрежденіемъ допустили и нѣсколько мальчиковъ знакомыхъ семействъ: Теплова, Олсуфьева и Козлова. Шлёзеръ, одинъ изъ превезенныхъ въ это училище педагоговъ, сохранилъ въ вышеупомянутомъ жизнеописаніи нижеслѣдующее: «Одинъ разъ обѣдали у насъ четыре сына царицы Елизаветы, приходящіеся троюродными братьями нашихъ графовъ подъ названіемъ графовъ Т—въ вмѣстѣ со своимъ гувернеромъ нѣмцемъ Д—ль, который представился полковникомъ и даже носилъ военный мундиръ. Они только что вернулись изъ Швейцаріи, гдѣ прожили шесть лѣтъ и въ теченіе этого времени истратили тридцать шесть тысячъ рублей.

Кто такіе однако были эти Т—въ «сыновья царицы Елизаветы?»

Разумовскіе имѣли много сестеръ. Анна вышла замужъ за Осипа Лукьяновича Закревскаго, генеральнаго бунчужнаго и отъ этого брака осталось, кромѣ дочерей, два сына Андрей и Григорій; Вѣра была за Ефимомъ Ѳеодоровичемъ Дарагановымъ, простымъ товарищемъ бунчужнаго, впослѣдствіи казацкимъ полковникомъ. Бракъ былъ благословленъ многочисленнымъ потомствомъ; между этими дѣтьми были Иванъ и Григорій. Третья сестра, выданная за Стрѣшенцова, имѣла сына, названнаго по дядюшкѣ Кирилломъ. Молодыми людьми были привезены племянники могущественныхъ Разумовскихъ изъ Украйны въ столицу государства, гдѣ они и росли при дворѣ подъ наблюденіемъ придворныхъ дамъ Шмидтъ и Носке, обращая на себя всеобщее вниманіе.

Заботы о дѣтяхъ императрицы Елизаветы пробудили множество подозрѣній, разные слухи, фантастическія предположенія и догадки. Изъ далекой Украйны привезли мальчиковъ, кто знаетъ, чьими они были на самомъ дѣлѣ?.. Впослѣдствіи мальчиковъ отправили за границу подъ надзоромъ Дитцля, премьеръ-майора московскаго драгунскаго полка.

Ухо придворныхъ особенно поражала странно звучащая фамилія Дараганъ, поэтому они перемѣнили ее на Дарагановъ. Имъ для упрощенія именовали, по всей вѣроятности всѣхъ мальчиковъ — и этихъ Закревскихъ, и Стрѣшенцова. Нѣмцы, которыхъ несмотря на побѣды русскихъ при Елизаветѣ, много осталось въ Петербургѣ, сдѣлали изъ Дарагановъ благозвучное—Таракановъ.

Эти «Таракановы» изъ Женевы сходили или прямо за потомкомъ императрицы, благодаря самохвальству Дитцля, или же заодно за Разумовскихъ-Таракановыхъ.

«Княжна Волдоміра», считая, благодаря неосвѣдомленности, Кирилла отцомъ, оказалась поэтому сестрой цесаревичей. О сыновьяхъ Кирилла она знала, но слышала ли она что-нибудь объ этихъ украинцахъ Закревскихъ, Дараганахъ, Стрѣшенцовыхъ? Вѣроятно, идя слѣдомъ за общими слухами, она перемѣшала всѣхъ ихъ: Кирилловичей считала такъ же Таракановыми. Нѣтъ повода думать, что она знала прозвище «Тараканова», съ которымъ она перешла въ потомство, потому что она никогда не пользовалась этой фамиліей, хотя до ея ушей долетѣла подробность о дѣтствѣ племянниковъ Разумовскихъ при петербургскомъ дворѣ. Какъ было

сказано, они воспитывались подъ наблюденіемъ m-lle Шмидтъ. Лже-царевна призналась на слѣдствіи, что лекціи математики давалъ ей господинъ Шмидтъ, который былъ единственнымъ, кто «зналъ секретъ дома»; она такъ его превозносила, что рядомъ съ нимъ другихъ учителей «не стоило и припоминать»... Повидимому, она и тутъ, что-то прослышавъ, измѣнила дѣло и изъ госпожи сдѣлала господина Шмидтъ.

Вообще говоря, самозванка упоминала фамиліи лицъ, выкапывая ихъ изъ воспоминаній, а не изъ вольной фантазіи. Такъ, напр., она отсылала Голицына за свѣдѣніями о своей особѣ къ милорду Кейту, о которомъ, однако, не могла ничего сказать. Это было имя извѣстнаго въ то время англійскаго дипломата... Всего вѣроятнѣе, однако, фамилія «Тараканова» получила право гражданства уже на историческо-литературной дорогѣ. Castéra употребилъ его въ своемъ трудѣ, переполненномъ множествомъ недоказаннаго, среди разныхъ хаотичныхъ слуховъ, ходящихъ по Европѣ о лже-царевнѣ, и изъ этого источника, а также изъ журнальныхъ замѣтокъ, оно перешло въ потомство, принявъ видъ и значеніе дѣйствительнаго.

Рескриптъ адмиралу Грейгу.

«Господинъ Контръ-Адмиралъ Грейгъ, съ благополучнымъ Вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа увѣдомилась, поздравляю, и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что же касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы Г-ну Фельдмаршалу Князю Голицыну въ С.-Петербургъ и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что службы ваши во всегдашней моей памяти и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства.

Екатерина.

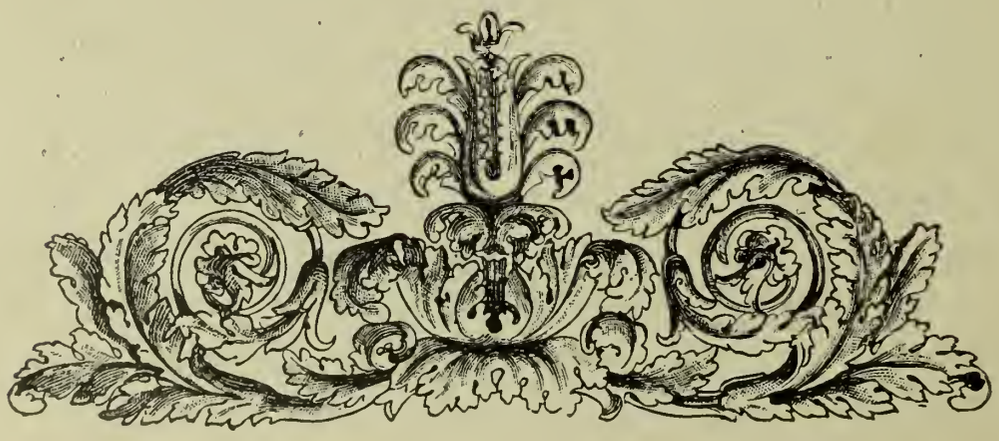
Маія 16 числа 1775 г.

Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы».

Sit miranda licet tibi, magnes, indita virtus,
A caelo raperis, non rapis ipsa polum.
Augusta est orbi virtus tua cognita semper,
Vel caelo raperis, vel rapis ipsa polum

Переводъ. «Пусть тебѣ, магнитъ, присуще удивительное качество, однако, хотя тебя влечетъ небо, но самъ ты не привлекаешь къ себѣ небесной высоты (полюса). А твоя святая добродѣтель извѣстна всему (собств. всегда) міру, и небо влечетъ тебя,сама ты привлекаешь къ себѣ небесную высоту.

Чтобы понять эту эпиграмму, надо имѣть въ виду: 1) что *polus* въ латинскомъ поэтическомъ языкѣ значило не только «полюсъ», но и «небо» или «небесную высоту», 2) что во второмъ стихѣ эта двойственность, уже нѣсколько насильственно, перенесена авторомъ эпиграммы и на *caelum*. Благодаря этому искусственному пріему, сдѣлались возможными красивыя антитезы съ одной стороны въ двухъ пентаметрахъ, а съ другой—между двумя двустишія. Какъ бы то ни было, при тожествѣ латинскимъ *терминовъ*—*caelum* и *polus*—въ двухъ пентаметрахъ, въ первомъ изъ нихъ *polus* (а за нимъ и *caelum*), должны *реально* пониматься въ смыслѣ «сѣвернаго полюса» (чего требуетъ упоминаніе магнита), а во-второмъ—въ смыслѣ «неба» или «небесной высоты». Такимъ образомъ, тутъ создается извѣстный диспаратъ, затрудняющій переводъ. Само собою разумѣется, что это—не античная эпиграмма, т. к. она предполагаетъ извѣстный полюсъ.



Стр

Предисловіе къ польскому изданію 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало царствованія.

Характеристика самозванцевъ.—Заговоры на царицу.—Преторіанство.—Гнѣздо переворотовъ.—Условія жизни.—Рабство крестьянъ.—Бѣглые.—Указъ противъ эмигрантовъ. — Борьба казачества съ правительствомъ.—Возстаніе у Яика и въ Башкиріи.—Въ преддверіи революціи.—Причины возстанія.—Лже-Петры.—Гаврила Кремневъ, Евдокимовъ, Чернышевъ, Ѳедоръ Богомоловъ. — Выступленіе Пугачева.—Двѣ цивилизаціи. — Борьба съ самозванцемъ. — Карръ, Бибикова, Щербатовъ, Голицынъ, Панинъ.—Поимка Пугачева.—Казнь. Конфедераты и пугачевскій бунтъ.—Конфедераты въ Сибири. — Показанія Почиталина и Горшкова.—Заговоръ въ Оренбургѣ.—Отсутствіе связи между бунтовщиками и конфедераціей.—Трудное время для Россіи.—Настроеніе въ Имперіи 14

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе авантюристки.

Время авантюристки.—Характеристика.—Разныя мнѣнія.—Красота, таланты. — Артистическія способности. — Быстрота ума.—Умѣніе рисковать. — Вѣроисповѣданіе. — Исторія происхожденія.—Ссылка въ Сибирь и бѣгство въ Персію.—Дочь царицы.—Возвращеніе въ Европу.—Пребываніе въ Лондонѣ и Парижѣ. — Показанія Гамильтона.—Польское происхожденіе. — Сестра Радзивилла и Пугачева.—По всей

вѣроятности нѣмка.—Версіи Гуннинга и Джона Дика.—Мнѣніе Голицына.—Характеристика Огинскаго. — Дипломъ барону Эмбсу.—Князь Лимбургъ Штирумъ. — Знакомство съ Али. — Отчаянная любовь.—Азовская принцесса.—Разныя интрижки.—Супружеская клятва.—Неудачи Лимбурга.—Полномочіе.—Внучка Петра Великаго 37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Связь самозванки съ конфедераціей.

Характеристика князя «Пане Коханку».—Незнакомецъ изъ Мосбаха.—Посредникъ Іосифъ Рихтеръ.—Отношеніе Лимбурга къ эмиграціи.—Дочь Елизаветы.—Радзивиллъ и самозванка.—Встрѣча въ «Двухъ Мостахъ».—Оправдательные доводы Огинскаго.—Его осторожность.—Кто подалъ мысль къ выступленію претендентки: Радзивиллъ, Огинскій, Доманскій, Лимбургъ? — Правдоподобіе собственной иниціативы самозванки. Что ее могло заставить? — Пугачевъ.—Возможная дочь царя Франциска Лотарингскаго.—Смѣшеніе лицъ Кирилла и Алексѣя Разумовскихъ.—Путешествіе казанскаго гетмана.—Польскій вопросъ.—Бернарди, агентъ Огинскаго.—Ссылка на согласіе Франціи.—Уговоръ встрѣтиться въ Венеціи 62

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Завѣщаніе Петра Великаго.

Въ Лидо.—Окружающіе самозванки.—Отъѣздъ въ Рагузу.—Заботы республики.—Монаршія почести.—Разсказы авантюристки.—Завѣщанія.—Кто поддѣлалъ?—Воззваніе къ султану.—Первыя сношенія съ Алексѣемъ Орловымъ.—Манифестъ къ флоту.—Секретъ измѣны Радзивилла.—Второе воззваніе. — Послѣднія минуты въ Рагузѣ.—Подозрѣніе г. Desrivaux.—Кс. Ханецкій.—Поѣздка въ Римъ 79

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ вѣчномъ городѣ.

Облако таинственности.—Поиски денегъ.—Письмо къ сэру Вильямъ Гамильтону.—Возвращеніе въ Ватиканъ.—Визитъ Роккатани къ самозванкѣ.—Несогласіе аббата.—Болѣзнь княжны.—Обращеніе Россіи въ католичество.—Разсказы самозванки.—Планы кардинала Альбани.— Завѣщаніе царицы Елизаветы. — Въ костелѣ картезіанцевъ Sta Maria degli Angeli. — Упорство маркиза d'Antici.—Временщики.—Характеристика Орлова - Чесменскаго. — Отыскиваніе самозванки.—Миссія Войновича и Рибаса. — Положеніе англійской дипломатіи. — Недостатокъ въ деньгахъ.—Ханецкій.—Услуги Христенека.—Прощаніе.—Выѣздъ изъ Рима 97

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Арестъ.

Пребываніе въ Пизѣ. — Предположеніе вѣнчаться.—Отъѣздъ въ Ливорно.—На борту «Исидора».—Вѣроломство Чесменскаго.—Разные

акты.—Рапортъ царицѣ. — Самуэль Карловичъ Грейгъ.—Покушенія на самоубійство.—Приготовленія къ принятію арестованныхъ.—Заключеніе въ Петропавловскую крѣпость.—Радзивиллъ оставляетъ конфедератовъ. 116

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ Петропавловской крѣпости.

Разсказъ претендентки. Болѣзнь царевны.—Письмо къ императрицѣ.—Гнѣвъ Екатерины. — Напрасныя попытки Голицына.—Новая инструкція императрицы.—Очная ставка.—«Нота» самозванки.—Проектъ вѣнчанія въ тюрьмѣ. — Новыя показанія. — Государство на Терекѣ.—Маршалъ Кейтъ.—Дочь ресторатора изъ Праги.—Банкротство слѣдствія.—Попъ Андреевъ изъ Казанскаго собора.—Исповѣдь Смерть.—Слухи 127

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разныя разности.

Цѣли самозванки. — Выборъ лицъ. — Димитрій и лже-царевна.—Достоинство ея плановъ. — Личные промахи.—Таракановы.—Записки Шлёзера.—Сестры и племянники Разумовскихъ.—Перемѣна фамиліи-Дараганъ на Таракановъ.—Какимъ образомъ измѣненная фамилія перешла къ потомству 146

№ 8.

Русское Товарищество, Москва.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 001428140